

12-20  
247  
АКАДЕМИЯ НАУК СССР  
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ  
ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

Н.Г. ВОЛКОВА, Г.Н. ДЖАВАХИШВИЛИ

Бытовая  
культура  
ГРУЗИИ  
XIX—XX веков:  
традиции  
и инновации

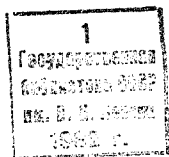


ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»  
Москва  
1982

История народа, его хозяйственные навыки, этические нормы, художественные вкусы находят отражение в традиционной культуре. Авторы рассматривают элементы бытовой культуры грузин (жилище, одежда, пища, семейные отношения) по историческим областям и этнографическим группам грузинского народа (Картли, Кахети, Месхет-Джавахети, Имерети, Абхазия, Мегрелия, Тушетия, Хевсурети, Пшави, Сванети и т. д.).

Ответственный редактор

**В. К. ГАРДАНОВ**



На переплете:

**Селение в Сванети**

(фото 1974 г. Г. Н. Джавахишвили);

**Гелатский храм XII в.**

(фото 1975 г. Н. Г. Волковой)

В  $\frac{0508000000-096}{042(02)-82}$  160—82

© Издательство «Наука», 1982 г.



Все, что создано человеком, его руками и интеллектом, все стороны его многообразной общественной жизни в целом образуют культуру<sup>1</sup>. Культура — это результат трудовой и умственной деятельности народов, зафиксированный в различных реалиях — орудиях труда, в жилище, одежде, пище, обрядах, фольклоре и др. Каждая из этих реалий и все вместе они отражают определенные социальные, экономические, идеологические и другие особенности разных исторических эпох — современных и прошлых. Поэтому изучение культуры, в том числе и бытовой<sup>2</sup>, несомненно важно с точки зрения познания истории любого народа. Но культура может быть изучена и с других позиций, а именно как сложный синтез традиционного и нового, соотношение которых исторически меняется. Такой подход к проблеме вполне оправдан и даже необходим. Нередко в специальной литературе бытовая культуравольно или невольно рассматривается как нечто застывшее, неизменное, лишенное какого-либо движения и развития. Однако это далеко не так. Бытовая культура — очень гибкая и подвижная система. В ней постоянно происходит отмирание старых и возникновение новых форм, их постоянное взаимодействие, образующее сложные ряды и комбинации. В результате этого ни одна культура не существует в «чистом виде», а лишь в определенных сочетаниях традиций и инноваций. Только количественное преобладание одного из них дает право отнести какое-либо явление

культуры к традиционному или новому. Кроме того, в процессе развития культуры возникает множество смешанных форм<sup>3</sup>, сочетающих как уходящую традицию, так и нарождающуюся инновацию.

Таков объект нашего исследования — бытовая культура как синтез традиционных, новых и смешанных форм. Сказанным определяются и задачи исследования. Во-первых, конкретно рассмотреть указанные формы в намечаемые исторические периоды, во-вторых, выявить особенности их взаимодействия, т. е. в каком направлении происходило и происходит в настоящее время внутреннее развитие традиционной культуры, какие ее формы (этнические, иноэтнические, общерегиональные, общемировые) доминируют в этом процессе. И в-третьих, выявить условия и факторы, ускоряющие, замедляющие или стабилизирующие процессы развития бытовой культуры.

Довольно единая, на первый взгляд, бытовая культура обнаруживает вместе с тем и отличия, причем нередко значительные, если рассматривать ее в определенных срезях: социальном, профессиональном, локальном и т. п. Так, в культуре любого народа в прошлом всегда выделялись два слоя: элитарный, присущий социальным верхам общества, и крестьянский, также имевший немалые социальные различия. Существенно различалась в большинстве и бытовая культура города и села. Например, городская культура Грузии первой половины XIX в. весьма отличалась от сельской и

в некоторых проявлениях сближалась с общеевропейской. К началу XX в. этот разрыв в материальном быту заметно уменьшился, поскольку и в сельской культуре Грузии происходили процессы урбанизации и европеизации.

В настоящее время, когда во всем мире процессы урбанизации приняли глобальный характер и значение городов в жизни народов все более возрастает, различия между сельской и городской культурой постепенно стираются. Слабо прослеживаемые в ее материальной сфере, они все еще стойко сохраняются в семейном и общественном быту. Именно в них и в наше время наиболее ярко проявляется этническая специфика, живут и действуют традиционные нормы и представления. Поэтому, несмотря на урбанизированность современной сельской культуры, традиционное разделение бытовой культуры на сельскую и городскую вполне правомерно и для наших дней.

В настоящей работе рассматривается бытовая культура лишь сельского населения Грузии, составляющего около половины населения республики и населяющего все 65 административных ее районов. Большинство последних было обследовано авторами во время экспедиционных работ, что дало, таким образом, возможность охватить также все историко-этнографические области Грузии (см. карту).

Изменение бытовой культуры везде имеет свои особенности. В данном случае мы попытаемся проследить развитие грузинской бытовой культуры на протяжении двух веков — XIX—XX, рассмотреть примеры разнообразных взаимодействий и трансформаций различных ее форм.

XIX—XX века — это две коренным образом отличающиеся исторические эпохи, разделяемые Октябрьской революцией 1917 г. Внутри названных эпох также можно выделить периоды, весьма отличные по социально-экономическим

условиям. В XIX в. для Грузии — это периоды до и после отмены крепостного права в 1864 г. В советское время следует выделить периоды индустриализации и коллективизации, этап построения развитого социалистического общества.

В современной специальной литературе слово «традиция» (лат. *traditio* — «предание», «передача») употребляется в близком к первоначальному значению — «преемственность», «передача культурного наследия» более или менее отдаленного прошлого последующим поколениям. Подобная преемственность наблюдается во всех сферах культуры. Материальная культура (назовем ее «опредмеченная» культура), как и духовная, также выражает социальный опыт прошлых поколений, в котором отражены история народа, его хозяйственные навыки, этические нормы, фантазия, художественные вкусы и т. п. Поэтому вполне правомерно в понятие традиции включать и «опредмеченные» компоненты бытовой культуры, а не только наиболее устойчивые, как язык, фольклор и др.<sup>4</sup>

Традиции, как отмечалось, никогда не существуют в культуре одни, а лишь в сочетании с новым (инновацией, от лат. *innovatio* — «обновление»). Появившись как единичное явление, новое через какое-то время становится массовым, и с этого момента оно начинает осознаваться народом как традиция. Однако известны примеры, когда новое, оказавшись нежизнеспособным, так и не превращается в традицию.

Как всякие исторические категории, новое и традиционное не стабильны. Порождаясь определенными социально-экономическими условиями, они тесно связаны с ними на протяжении всей жизни и под их влиянием в ходе исторического процесса постоянно видоизменяются. Однако в отличие от изменений социально-экономического порядка процессы в бытовой культуре протекают более замедленно. Поэтому, как прави-



ло, традиционные формы и явления культуры обладают большой устойчивостью и переживают социально-экономические условия, их породившие. Нередко уходящая из быта традиция закрепляется в суевериях и в таком виде живет длительное время<sup>5</sup>. Причины этого в большинстве кроются в области социальной психологии, которая проявляется в виде привычек, вкусов, предрассудков и др.

Однако консерватизм традиции не означает, конечно, ее абсолютной неизменности: новые исторические условия активно влияют на традицию, она может проявлять удивительную гибкость, частично изменяясь и приобретая черты той исторической эпохи, в которой продолжается ее жизнь. И все-таки наступает момент, когда старая, измененная традиция вступает в противоречие не только с существующими социально-экономическими условиями, которым она уже давно не соответствует, но и с новыми представлениями, новым мировоззрением. Такой антагонизм приводит к окончательному изживанию старых традиций.

Развитие бытовой культуры происходит в постоянном взаимодействии традиционных, новых и смешанных форм. В этом сложном процессе традиции, как правило, постепенно трансформируются (или совсем исчезают из быта народа), а инновации, обычно через компромиссные формы, превращаются в традиции. Вновь возникающие традиции на последующем этапе истории обязательно встречаются с другими инновациями, которые в свою очередь со временем также могут превратиться в новые традиции. Подобный процесс бесконечен и, как подтверждают факты истории, характерен для культуры всех времен и народов.

В первой части настоящей работы с точки зрения задач исследования рассматриваются основные элементы бытовой культуры грузин — жилище, одеж-

да, пища, а также некоторые стороны семейного быта — на протяжении почти двух веков. Названные темы охватывают, конечно, не все области культуры, что практически невозможно сделать в одной, сравнительно небольшой работе, да и не нужно, учитывая задачи исследования. Так, не приводятся материалы по хозяйству и поселениям, но их краткая характеристика (насколько это необходимо для понимания исследуемых вопросов) дана в работе. Весь материал в первой части книги рассматривается по этнографическим группам грузинского народа и историческим областям Грузии<sup>6</sup>. Внутри каждого подраздела материал подается соответственно намеченным выше хронологическим периодам.

Во второй части книги изложенные сведения анализируются с точки зрения поставленных задач исследования, а именно рассмотрения бытовой культуры как синтеза традиционных, новых и палиативных форм, характера их взаимодействия, условий и факторов, влияющих на эти процессы.

Несколько слов об источниках и историографии вопроса. Авторы настоящей работы — этнографы, по роду своей профессии неоднократно бывавшие в экспедициях. И данная монография — это прежде всего результат полевых исследований, проводившихся в течение ряда лет в различных районах Грузии<sup>7</sup>. Мы особо подчеркиваем такой «полевой» характер материала, используемого в этой работе, так как считаем, что непосредственное наблюдение живой действительности несомненно важно для понимания и изучения культуры народа, особенно его современной жизни.

Чтобы предельно документировать исследуемые в книге проблемы, в ней принят принцип рассмотрения культуры каждой исторической эпохи только на основе сведений, сообщаемых источниками соответствующего времени. Лишь в случае отсутствия таковых авторы привлекают более поздние по времени мате-

риалы. К ним относятся, во-первых, информация, получаемая сегодня от лиц старшего поколения, во-вторых, фиксация сохранившихся в наши дни элементов материальной культуры прошлого. Однако понятно, что такого рода материалы могут быть использованы лишь с определенными оговорками. Это особенно относится к сведениям, собираемым этнографами в 1960—1980-е годы — в эпоху научно-технической революции, когда активное влияние города на сельскую традиционную культуру неизбежно ее трансформирует. В то же время современная действительность дает исследователю множество примеров новых и смешанных форм, изучение которых важно для понимания исторического развития бытовой культуры народа в XX в.

Широкое привлечение полевых материалов не исключает, конечно, значительного использования грузиноведческой этнографической литературы, о которой с полным правом можно сказать, что она по своему объему весьма велика. Это труды ученых и общественных деятелей, просветителей, педагогов и журналистов XIX — начала XX в., составляющих гордость грузинской этнографии: Д. Бакрадзе, Р. Эристова, В. и И. Цискаровых, А. Цагарели, Б. Нижарадзе, Д. Маргиани, В. Пшавела, А. Казбеги, Н. Хизанашвили (Урбнели), Т. Сахокиа, А. Цуладзе, А. Хаханашвили и многих других, издававших свои работы на грузинском и русском языках. Значительно также число работ, написанных лицами других национальностей, жившими и работавшими в Грузии в XIX — начале XX в., живо интересовавшимися бытом местного населения.

Так, огромный этнографический материал по хевсурам, тушинам, пшавам, основанный на личных наблюдениях, содержат мемуары А. Л. Зиссермана «Двадцать пять лет на Кавказе (1842—1867)» (2 части. СПб., 1879), служившего на Кавказе в различных должностях

местной администрации. Этнографическое значение имеют труды Г. И. Радде, преимущественно естествоиспытателя, с 1863 г. и до самой смерти жившего на Кавказе и много путешествовавшего по различным районам края. Интересные сведения о быте горцев Западной Грузии сообщают работы А. И. Стоянова, в 1866 г. работавшего учителем, а позднее — директором гимназии в Тбилиси, Кутаиси, Батуми. Не менее интересны для грузинской этнографии работы другого энтузиаста-этнографа Д. В. Добровольского, в 1860-х годах преподававшего естественную историю в Кутаисской гимназии. В 1860-х годах началась на Кавказе деятельность И. И. Пантюхова, военного врача, работавшего в крае и в 1900-е годы. В течение многих лет И. И. Пантюхов активно занимался также этнографией кавказских народов. К 1880-м годам относится обширное исследование экономического состояния населения части Кавказа, предпринятое местной администрацией. Результаты этой работы отразились в много-томном труде «Материалы по обследованию экономического быта государственных крестьян Закавказского края». Авторами содержательных статей по Грузии были И. З. Андронников, А. М. Аргутинский, И. Л. Бахтадзе, Х. А. Вермишев, С. П. Зелинский, И. О. Иосселиани, М. В. Мачабели и С. В. Мачабели, Д. П. Носович и др. — люди, по своей профессии далекие от этнографии, — инженеры, чиновники, журналисты. Однако по богатству и насыщенности этнографическими сведениями, территориальному охвату их публикации занимают одно из важнейших мест в академическом кавказоведении.

Важным источником для характеристики грузинской бытовой культуры являются работы, изданные в 1920—1930-х годах, главным образом по горной Грузии<sup>8</sup>. Ценные этнографические данные представляют также описания С. Макалатия, активная полевая работа которо-

го в разных районах Грузии происходила в 1920—1940-е годы<sup>9</sup>. В 1930-е годы под руководством И. А. Джавахишвили в Грузии осуществлялся сбор этнографических сведений по материальной культуре грузин. Часть из собранного к настоящему времени опубликована, часть — хранится в архиве Института истории, археологии и этнографии АН Грузинской ССР<sup>10</sup>. В 1920-е годы началась плодотворная научная и организаторская деятельность известных исследователей Кавказа В. В. Бардавелидзе и Г. С. Читая, труды которых представляют одну из ярких страниц отечественного кавказоведения<sup>11</sup>. Последующие десятилетия в грузинской этнографии отмечены значительными достижениями, отразившимися в многочисленных трудах разнообразной тематики. Многие из этих трудов важны и для рассматриваемых нами проблем. Таковы, например, работы Л. А. Бедукидзе, Ц. И. Безарашвили, Л. И. Бочоршвили, М. К. Гегешидзе, Д. Г. Георгадзе, Н. А. Гватуа, Г. В. Джалабадзе, Н. П. Джикиа, В. Дж. Итонишвили, Н. К. Мачабели, Т. А. Очаури, А. И. Робакидзе, Д. А. Рухадзе, Н. С. Топуриа, Р. Л. Харадзе, М. И. Чартолани, Т. А. Чиковани, И. В. Чкония, В. М. Шамладзе, М. Д. Яшвили и многих других исследователей культуры грузинского народа. Если в этнографических работах дореволюционного времени преобладает описательная сторона и они служат прекрасным фактологическим источником для изучения традиционной культуры грузин, то труды новых поколений грузинских этнографов соединяют в себе черты большой конкретности и тщательного анализа изучаемых сторон грузинского быта. Для лиц, владеющих грузинским языком, такого рода исследования могут служить важным источником по этнографии Грузии.

В последние десятилетия в философии, этнографии, социологии появилось немало исследований общего характера,

теоретически осмысляющих развитие традиционной культуры в наши дни, процессы появления в ней нового, образование паллиативных форм и т. п.<sup>12</sup> Несомненно, такого рода труды также важны для изучаемой темы.

Предваряя основное исследование, необходимо кратко охарактеризовать компоненты, составляющие естественно-историческую среду, т. е. природные, исторические, социально-экономические и этнические условия, в которой происходило и происходит развитие бытовой культуры грузин.

Территория Грузинской ССР составляет 69,7 тыс. кв. км, общая численность ее населения 5 млн. человек, основная часть которого живет в городах и в сельской местности предгорно-равнинной зоны. Здесь плотность жителей на 1 кв. км достигает 100 человек, тогда как в высокогорных она резко снижается<sup>13</sup>.

Коренное население республики — грузины (3433 тыс.)<sup>14</sup> включает несколько этнографических групп, отражающих особенности исторического развития этого народа. Некоторые из них сохраняют отличия в языке и культуре, свои самоназвания. Таковы картвели, маргали (население Мегрелии), шони (жители Сванети). Внутри картвелов имеется множество локальных подразделений — отражение былых политических, а возможно, и древних племенных делений. Это жители Кахети, Картли, Месхет-Джавахети, Имерети, Лечхуми, Аджарии, Гурии, горцы Тushети, Хевсурети, Пшави, Мтиулети, Хеви, Рачи. Различия в языке названных групп сводятся к большему или меньшему диалектным отличиям. Некоторые особенности их культуры определяются главным образом спецификой хозяйства, географической среды, в прошлом — их религиозной принадлежностью (аджарцы, часть месхов). Население Грузинской ССР многонационально. Административно в республику входят Абхазская АССР, коренное население которой абхазы (85 тыс.



Рис. 1. Грузины: из Тушети, Кахети и Хевс

человек), и Юго-Осетинская автономная область, значительная часть территории которой заселена осетинами, живущими также и в других районах Грузии (Душпетском, Ленингорском и др.) Общая численность осетин в пределах Грузии 160 тыс. человек. Кроме того, в республике живут народы, не составляющие единого этнического массива. Это армяне (448 тыс.), русские (372 тыс.), азербайджанцы (256 тыс.), греки (95 тыс.)<sup>15</sup>, грузинские и европейские евреи, кистини, удины, баббийцы.

Наличие в Грузии разных природно-климатических зон — горной, предгорной и равнинной — несомненно оказывает воздействие на хозяйство и быт местного населения. Между высокогорным Кавказом и Южно-Грузинским нагорьем располагается равнинно-низинная зона с невысокими нагорьями: в Западной Грузии — Колхидская низменность и Имеретская возвышенность, в Восточной Грузии — равнины Внутренней и Нижней Картли, низкое Иорское нагорье и Алазанская равнина. В целом горы занимают 53,6% поверхности Грузии, предгорья — 33,4%, низменности —

13%<sup>16</sup>. Вся низинная зона с несколькими межгорными котловинами орошается множеством стекающих с гор рек — Ингури, Риони, Кура, Алазани, Иори и др. — и представляет собой наиболее «густозаселенную часть республики с интенсивной хозяйственно-культурной деятельностью населения»<sup>17</sup>.

В культурно-хозяйственном плане для Грузии, как и для всего Кавказа, характерна вертикальная зональность, соответственно которой принято выделять следующие зоны: равнинную (бари), предгорную (мтисдзира) и горную (мта). Указанным зонам соответствует и определенная хозяйственная направленность. Так, для зоны «бари» было характерно равнинное земледелие, в предгорьях равнинное земледелие сочеталось с горным, а также с отгонно-стойловым скотоводством, в горной зоне было развито горное земледелие, но преобладающей отраслью хозяйства являлось отгонно-стойловое скотоводство. Каждая зона имела свои особенности в орудиях труда, в формах поселений, жилища и т. п.<sup>18</sup>

Грузины — древние насельники За-



кавказья. Этногенез и последующая этническая история грузинского народа протекали на пространстве между Главным Кавказским хребтом на севере, Малым Кавказом — на юго-востоке и бассейном р. Чорохи — на юго-западе. Первое государственное образование сложилось здесь в VI в. до н. э., когда в Западной Грузии возникло Колхидское царство с высоким уровнем сельского хозяйства, развитым ремеслом, широкой торговлей. Богатую Колхиду знали в центрах европейской культуры того времени: полный опасностей и приключений поход аргонавтов за золотым руном, описанный в «Одиссее», был отражением давних контактов Колхиды с Эгейским миром; впоследствии, когда связи стали более интенсивными, на Черноморском побережье Грузии возникают многочисленные древнегреческие колонии, сыгравшие значительную роль в хозяйственной и культурной жизни края. Примерно в тот же период — в VI в. до н. э. — в Восточной Грузии возникло Иберийское (Картлийское) царство. По сведениям античных авторов, Иберия была густонаселенной страной

со множеством крепостей и городов — Мцхета, Уплисхихе, Урбниси и др., — являвшихся центрами торговли и ремесла.

Последующее историческое развитие Восточной и Западной Грузии происходило в сложных условиях, связанных с трудной и изнурительной борьбой грузинского народа с Римом, Арабским халифатом, Византией, Персией и другими иноземными завоевателями. Тем не менее этот период отмечен значительным прогрессом в социально-экономическом развитии страны. В Грузии начинают развиваться феодальные отношения, идет неуклонный процесс формирования единой грузинской народности. В IV в. официальной религией Иберийского царства было провозглашено христианство; в Западной Грузии, где к этому времени сложилось Лазское царство (Эгриси), аналогичный акт произошел в VI в. К этой эпохе относятся первые памятники грузинской письменности, на которой тогда и в последующие века были созданы замечательные образцы церковной и светской литературы.

Закономерности исторического развития привели к созданию в начале XI в. при царе Баграте III единого централизованного государства, достигшего апогея своего развития при царе Давиде Строителе (1089—1125) и его внучке царице Тамар (1184—1213). К этому времени в основном завершился процесс закрепощения грузинского крестьянства, составившего эксплуатируемый класс (глехи). Влиятельные феодалы (тавади, азнаури) не раз пытались добиться полной независимости от центральной власти. Однако мощная верховная власть держала в крепкой узде силы феодального партикуляризма, не давая расшататься государственному организму. Более того, победоносные войны распространили сферу влияния Грузинского царства далеко за пределы его рубежей, сделав Грузию мощной политической единицей

Кавказа и Ближнего Востока. Внутри страны успешно развивались экономика, торговля, велось интенсивное строительство дорог, мостов, оросительных сооружений, культовых и светских зданий. Это был период поистине ренессансного взлета науки, искусства и литературы, символом которого стала бессмертная поэма Руставели.

В XIII в. Грузия подверглась опустошительному нашествию татаро-монгольских полчищ, а в XIV в. ее разорил Тимур. После этого Грузии уже не удалось оправиться и восстановить свою былую мощь. В XV в. некогда единая Грузия распадается на отдельные феодальные образования: Картлийское, Кахетинское и Имеретинское царства и княжество Самцхе-Саатабаго, включившее южные земли Грузии. К XVI в. процесс политического распада страны еще более углубился. В Имеретинском царстве выделяются независимые княжества Мегрелия, Гурия и Абхазия. Все это окончательно подкосило силы Грузии и усугубило исторические невзгоды, обрушившиеся в дальнейшем на ее многотрадную землю.

В XVI—XVII вв. начинает нарастать агрессия султанской Турции и шахского Ирана, принесящая неисчислимые бедствия грузинскому народу. Из года в год иноземные орды устремлялись в плодородные долины Грузии, вытаптывая посевы, сжигая дома и поселения, угоняя в плен жителей. Так, после походов шаха Аббаса I в Восточную и Центральную Грузию в Иран было уведено около 100 тыс. грузин. Короткие передышки, во время которых едва удавалось наладить жизнь на разоренных пепелищах, прерывались новыми вторжениями, вновь уничтожавшими все то, что с трудом удавалось восстановить. В этот период от Грузии была отторгнута часть ее исторической территории: Месхет-Джавахети (Самцхе-Саатабаго), Аджария и др. К концу XVIII в. завершилось постепенное отторжение некоторых рай-

онов Кахети и создание здесь Илисуйского султаната и Джаро-Белоканских «вольных» обществ. В это время еще более усиливается «лекианоба» — совместные набеги ахалцхского пашы и дагестанских владетелей, в результате которых отдельные районы Грузии (Цалка, Борчалло и др.) были опустошены, а грузинское население уведено, уничтожено или ушло в другие места из-за невозможности здесь наладить нормальную жизнь.

Грузинский народ не раз восставал против иноземных захватчиков, самоотверженно защищая свою землю от посягательств иноземцев. Грузинская история полна именами патриотов — героев и мучеников, — боровшихся и отдавших свои жизни во имя свободы и независимости родины. Однако слишком неравными были силы. Раздробленная, раздираемая феодальными усобицами Грузия оставалась в состоянии тяжелого экономического и политического застоя вплоть до начала XIX в.

Связи с Россией, прерванные татаро-монгольским нашествием, возобновились в XV в., а с XVI в. активизировались и приняли постоянный характер. В XVI—XVII вв. последовала серия посольств с обеих сторон, имевших большое политическое значение и усиливших культурные связи двух стран<sup>19</sup>. В начале XVIII в. политические и культурные контакты России и Грузии еще более укрепляются. В Москве была создана грузинская колония, развернувшая широкую культурно-просветительскую деятельность и сыгравшая значительную роль в сближении России и Грузии. В дальнейшем эти отношения получили юридическое оформление в «Дружественном договоре», заключенном Россией и Грузией в 1783 г. в Георгиевской крепости на Северном Кавказе.

Административно Грузия вошла в состав Российской империи в 1801 г. К этому времени политическая обстановка в стране меняется: прекращаются похо-

ды Турции и Ирана, лекианоба, что способствует общему подъему производительных сил края. В результате русско-турецких войн Грузии была возвращена часть ее исторических территорий — Месхет-Джавахети и Аджария. Восстанавливается экономика страны, увеличивается ее население, растут города, заселяются опустошенные районы.

После отмены крепостного права Грузия начинает втягиваться в общероссийский рынок, в равнинной и предгорной зонах интенсивно развивается товарное хозяйство — земледелие, виноделие, скотоводство. Начинает развиваться промышленность, возрастает объем торговли, строятся дороги, увеличивается численность городского населения, появляется рабочий класс. Это была единая для всей Российской империи линия экономического развития, имевшая, однако, в разных районах свою специфику и степень интенсивности. Процесс капитализации характеризовался обострением классовой борьбы, которая нередко переплеталась с национально-освободительной борьбой против царизма.

С установлением в Грузии Советской власти (25 февраля 1921 г.) здесь, как и в других районах страны, происходит восстановление хозяйства, наращивание темпов промышленного строительства. В 1930-е годы в Грузии разворачивается коллективизация сельского хозяйства, убыстряется процесс индустриализации республики, что способствует усилению процесса урбанизации. В течение пред-

военных лет в Грузии были проведены широкие экономические мероприятия: осушение Колхидской низменности, орошение и обводнение засушливых земель, строительство дорог и промышленных предприятий. Социалистические преобразования в экономике сопровождались революцией в быту. Ликвидировалась неграмотность, женщины втягивались в общественное производство и общественную жизнь, начиналась работа по созданию национальных кадров во всех сферах народного хозяйства.

Таковы некоторые факты истории. Они необходимы для того, чтобы еще раз напомнить о тесной связи культуры со всеми сторонами исторического развития народа. Характер и уровень социально-экономического развития, внешнеполитическая борьба, международные контакты — все это влияло на развитие бытовой культуры грузинского народа и определяло ее особенности.

Итак, в предлагаемой работе речь пойдет о новых и традиционных формах бытовой культуры. Следует хорошо помнить, что незнание традиций, всего богатства культуры, накопленного предшествующими поколениями, ведет к нарушению важнейшей исторической связи поколений, связи, без которой не может существовать ни один народ. Традиции необходимо изучать, понимать и, реально, критически оценивая, брать в будущее достойное. Ведь культура будущего строится не на пустом месте, а с учетом лучшего из созданного прежними поколениями.

## Примечания

<sup>1</sup> В специальной литературе имеется множество определений понятия «культура» (см.: Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973, с. 16—18).

<sup>2</sup> Там же, с. 74.

<sup>3</sup> Я. С. Смирнова предлагает называть подобные формы компромиссными или паллиативными (см.: Смирнова Я. С. Традиции и инновации в развитии семейной об-

рядности (по материалам Северного Кавказа). — В кн.: IX МКАЭН (Чикаго, сентябрь 1973 г.). Доклады сов. делегации. М.: Наука, 1973.

<sup>4</sup> Ю. В. Бромлей считает правомерным относить к традициям только устойчивые компоненты культуры (язык, фольклор и др.). См.: Бромлей Ю. В. Этнос и этнография, с. 69.

<sup>5</sup> См.: Чурсин Г. Ф. Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис, 1913, с. 2.

- 6 Г. С. Читая в культурно-хозяйственном плане делит Грузию на три основные зоны: горную, предгорную и равнинную (см.: *Читая Г. С. Грузинский этнографический атлас*.—Вестник отд. наук АН ГССР. Тбилиси, 1960, № 1, с. 207—217; на груз. яз.). К горной зоне автор относит, в частности, Гушети, Хевсурети, Пшави, Мтиулети, Хеви, Рачу; к предгорной — Месхет-Джавахети, Цалку, Аджарию; к равнинной — Кахети, Картли, Имерети, Гурию, Мегрелию. Внутри каждой из названных зон также выделяются три зоны — горы, нагорье и равнина.
- 7 Полевые материалы авторов хранятся в следующих научных учреждениях: Н. Г. Волковой — в архиве Института этнографии АН СССР (материалы Грузинского отряда 1973—1975 гг. и материалы Закавказского отряда 1976 и 1977 гг.); Г. Н. Джавахишвили — в архиве сектора этнографии Грузии Института истории, археологии и этнографии АН ГССР.
- 8 См., например: *Камараули А. Я.* Хевсурия. Очерки. Тифлис, 1929; *Тедорадзе Г.* Пять лет в Пшав-Хевсурети. Тбилиси, 1930 (на груз. яз.); *Гурко-Кряжич В. А.* Хевсуры. М., 1928.
- 9 На грузинском языке С. И. Макалатия опубликованы следующие работы: Мтиулети. Тбилиси, 1930; Пшави. Тбилиси, 1934; Месхет-Джавахети. Тбилиси, 1938; Горная Рача. Тбилиси, 1939.
- 10 См.: Материалы к истории кустарного производства и мелкого ремесла в Грузии, собранные под руководством акад. И. А. Джавахишвили. Т. 5. Тбилиси: Мецниереба, 1976 (на груз. яз.).
- 11 В многочисленных трудах В. В. Бардавелидзе исследуются в основном вопросы религиозных верований и некоторых социальных институтов (см., например: *Бардавелидзе В. В.* Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1957; *Она же.* Традиционные общественно-культурные памятники горной Восточной Грузии. Т. 1. Пшави. Тбилиси: Мецниереба, 1972 (на груз. яз.). Исследования Г. С. Читая посвящены главным образом вопросам хозяйства и материальной культуры (см., например: *Читая Г. С.* Рачинское пахотное орудие.—Вестник ИЯИМК, Тбилиси, 1937, т. 1 (на груз. яз.); *Он же.* Грузинская тория.—Мямомхилвели. Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1951 (на груз. яз.); *Он же.* Тип поселения в Мтиулети.—МЭГ, 1953, т. 6.
- 12 См., например: *Артаковский С. Н.* Историческое единство человечества и взаимное влияние культур. Л., 1967; *Зворыкин А. А.* Определение культуры и место материальной культуры в общей культуре.—Труды VII МКАЭН, т. 4. М.: Наука, 1967; *Илименов В. В.* О некоторых закономерностях в развитии народной культуры.—СЭ, 1967, № 2; *Ориатская Л. А.* К вопросу о происхождении и формировании понятия «культура».—В кн.: Проблемы философии и социологии. Л., 1968; *Баллер Э. А.* Преемственность в развитии культуры. М.: Наука, 1969; *Маркарян Э. С.* Очерки теории культуры. Ереван, 1969; *Левкович В. П.* Обычай и обряды и их роль в совершенствовании семейных отношений.—В кн.: Социальные исследования. Вып. 4. М.: Наука, 1970; *Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова Я. А.* Народы, расы, культуры. М.: Наука, 1971; *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М.: Наука, 1973; *Лобачева Н. П.* О формировании новой обрядности у народов СССР. (Опыт этнографического обобщения).—СЭ, 1973, № 4; *Козлов В. И.* Этнос и культура (к проблеме соотношения национального и интернационального).—СЭ, 1979, № 3; *Маркарян Э. С.* Узловые проблемы теории культурной традиции.—СЭ, 1984, № 2; Обсуждение статьи Э. С. Маркаряна — Там же, с. 97—116.
- 13 См.: *Кацадзе А. Н.* Социологическая экспедиция в Сванети.—В кн.: Научная сессия в Цагери, посвященная 50-летию образования СССР. Тезисы докладов. Тбилиси: Мецниереба, 1972, с. 181 (на груз. яз.).
- 14 Здесь и далее данные переписи населения 1979 г.
- 15 Кавказские греки делятся на две группы: ромеев (их родной язык греческий, испытывавший большое влияние турецкого языка) и урумов, родной язык которых — анатолийский диалект турецкого языка.
- 16 Народы Кавказа. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1962, с. 207.
- 17 Атлас Грузинской Советской Социалистической Республики. Тбилиси — Москва, 1964, с. VII.
- 18 *Читая Г. С.* Грузинский этнографический атлас, с. 207.
- 19 См.: Материалы по истории русско-грузинских отношений. Т. 1. Тбилиси: Мецниереба, 1974. Т. 2—3, 1979; *Волкова Н. Г.* Статейные списки русских посольств XVI—XVII вв. как этнографический источник.—КЭС, VI, М.: Наука, 1976.





# ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

## Этнографическая Грузия: жилище, одежда, пища, семейный быт в прошлом и настоящем



Как уже отмечалось, первая часть работы посвящена конкретным описаниям некоторых сторон грузинской бытовой культуры — жилища, одежды, пищи, семьи и семейной обрядности. Такие описания не самоцель: фактологический материал, представленный в них, подчинен основной задаче исследования и соответственно дан в том объеме, какой необходим для того, чтобы все наши предположения и построения по возможности не остались в сфере гипотез. Этой общей поставленной во введении задаче подчинены несколько других. Так, рассмотрение отдельных сторон жизни грузинского народа по этнографическим группам и историко-этнографическим областям Грузии дает возможность выявить в бытовой культуре этого этноса общее и локальное, а в какой-то мере — и направление этнокультурных связей грузин с другими народами.

Конкретное исследование первой части книги важно и с другой точки зрения. Не следует забывать, что несмотря на многочисленность грузиноведческих этнографических работ в советское время, мы не имеем трудов на русском языке, тем более сводного характера. Отсюда вытекает новая задача — дать возможность более широкому кругу читателей познакомиться с этнографией грузин. Кроме того, приводимые в первой части книги сведения могут быть полезны специалистам соответствующих профилей, занимающихся этнографией не только Кавказа, но и других историко-культурных регионов.

Характеристика различных сфер жизни грузинского народа и отдельных элементов его материальной и духовной культуры важна не только сама по себе. Эти материалы многое дают для понимания психологии народа, его представлений, отношения к культурному наследию и др. Интерес наших современников к прошлому велик. Заглянуть в глубины этого прошлого, представить своеобразие тогдашней жизни грузинского народа и помогают этнографические исследования. Столь же важна и другая задача — фиксация фактов современной жизни народа. Темпы ее изменений так стремительны, что, вероятно многие сегодняшние новые явления в недалеком будущем будут восприниматься как традиционные. Без прошлого нет настоящего, но и настоящее — это наступающее прошлое. Именно в такой тесной связи и рассматриваются многообразные факты бытовой культуры грузин, которой посвящена первая часть книги.

### Жилище

Жилище — это область бытовой культуры, в которой в той или иной степени находят отражение и социально-экономическая история народа в целом, и специфика хозяйства и природных условий, особенности народной фантазии, различные идеологические представления и т. п. Сказанное определяет и многообразные аспекты изучения жилища. Как форма народного зодчества жилище включает множество компонентов:

материал и способ постройки, планировка дома, назначение помещений, этажность, форма перекрытий и виды покрытия, формы отопительной системы, особенности интерьера и т.п. В свете поставленных в настоящей работе задач необходимым представляется не детальный анализ указанных компонентов, а рассмотрение причин и самого процесса их трансформации на протяжении очерченного периода. Это следует учитывать, знакомясь с предлагаемым обзором.

Исторические формы поселений и жилища, которые были известны в Грузии к исходному для нашего исследования хронологическому рубежу — началу XIX в., складывались на протяжении длительного времени под влиянием определенных социальных, экономических и природных условий. Так, в высокогорной зоне острое малоземелье, специфика хозяйства, фактор обороны привели к значительной скученности жилищных построек. Отдельные усадьбы располагались здесь в непосредственной близости друг от друга, в результате чего селения имели крайне скученную планировку и круто, уступами взбирались вверх по склонам гор. Столь же скученно располагались сами усадьбы. Постройки в самой усадьбе — все ее элементы — жилые помещения, хозяйственные постройки и двор — образовывали по существу единый, возмоздившийся вертикально комплекс, неременной принадлежностью которого было оборонительное сооружение (башня). Такой вид имели старые хевсурские села Шатели, Ардоти, Муцо, Хахабо и др.

«Как почти все хевсурские деревни, так и аул Гудани, — писал в конце XIX в. К. Ф. Ган, — расположен террасами на склоне горы. В этом отношении они имеют большое сходство с дагестанскими аулами, но только не так скученны и имеют больше простора». То же отмечал А. Л. Зиссерман в отношении Пша-

ви, где селения буквально нависали над крутыми горными обрывами; пшавские дома, сложенные из плитняка без извести и глины, располагались ярусами, один над другим; у большинства имелись башни с бойницами. В старых мтиульских селах, небольших по размерам, дома также располагались уступами и крыша нижнего дома служила двором для верхнего. В селе имелись специальные места для сбора мужчин и отдельно — для женщин. Специфика хозяйства мтиулов, занимавшихся скотоводством и земледелием, отразилась и в структуре их поселений. Территория последних включала не только усадьбы — в 3—4 км от села на южных склонах находились основные помещения для содержания коров и хранения сена. Кроме того, на высокогорных пастбищах имелись летние хлева (босели) с двумя помещениями: для скота и для приготовления молочных продуктов.

Похожую картину представляли горнорачинские села Глола и Чиора, также располагавшиеся скученно, уступами. Только в Геби, другом горнорачинском селе, жилища замкового типа разделялись друг от друга несколько большим пространством<sup>1</sup>. Аналогичной была планировка сванских селений, в которых замковые комплексы располагались на близком расстоянии друг от друга. Однако в отличие от остальных горных грузинских селений дома здесь не громоздились хаотичными уступами, а располагались в горизонтальном плане. Для нужд обороны в сванских селах возводили башни.

Во второй половине XIX в., в новых социально-экономических условиях, необходимость военной обороны отпала и башни стали служить преимущественно различным хозяйственным целям. В первой четверти XX в. многие из них были разрушены, а материал частично использован на строительство новых домов<sup>2</sup>. Однако в ряде горных грузин-



Рис. 1. Сел. Омало в горной Тushети (фото 1880-х годов)

Рис. 2. Селение в горной Тushети (фото 1960-х годов)



ских сел старинные башни сохранились до наших дней, придавая живописным окрестностям неповторимый колорит, яркую самобытность.

Иные социальные, хозяйственные и природные условия определили в предгорно-равнинных районах Грузии другой характер поселения, усадьбы, двора и дома. В Кахети, например, поселения двух ее географических зон — равнины и предгорья — были двух типов: скученные и разбросанные (реже). Вот как описывали современники карталино-кахетинские поселения начала XIX в. «Возвышение домов (землянок — Н. В., Г. Д.) совсем неприметно, один дым, выходящий из земли, дает знать, что тут есть селение. Сверх сего при всякой деревне находится башня или укрепленный замок, куда жители при нападении неприятеля с имением (имуществом. — Н. В., Г. Д.) и семействами сходятся для обороны»<sup>3</sup>. Скученный характер карталино-кахетинские селения сохраняли и в конце XIX в. Правильно распланированные поселения, где дома вытягивались вдоль прямых шоссированных улиц (например, Велисхихе в Сигнахском уезде и Верхние Гавази в Телавском уезде), были редки<sup>4</sup>. Скученную планировку имели села и в Гаре Кахети. «Село делится на три части, — писал о таких селах Д. Баградзе. — В нижней путник проезжает мимо церковной ограды; здесь несколько духанов и красилен. Кругом группируются сакли (дымные отверстия); они или исчезают в земле, или же высоко выдаются как двухэтажные дома. Почти возле каждой из них видишь марани... покрытые камышом и построенные на манер европейских изб. В среднем селе торчат: длинные землянки (гомуры), едва выдающиеся над уровнем почвы, где зимою держат вьючный скот... Тут же расположены плетеные или досчатые сабдзели, где находится мякина для корма животных зимою, оставляемая после молотбы хлеба. Эта часть

села оживляется летом: сюда выселяются почти все поселяне от мала до велика, расчищают небольшое пространство земли для гумна; кругом высятся большие скирды... Дерновые насыпи там и сям обозначают ямы, которые внутри обложены листьями и где держат пшеницу... Улиц в этом селе, как и по всей Грузии, нет: каждый строится где и как хочет...» На крутом склоне горы находилось сельское кладбище, составившее третью по счету часть села<sup>5</sup>.

Значительно менее скученными были села в другом районе Кахети — Уканимхари; кизикские села также были довольно разбросаны и напоминали густо-зеленый сад. На 30—40 верст от села тянулись поля, урожай с которых хранился на хуторах или особо устроенных кутанах. В селах Картли и Месхет-Джавахети все жилые и хозяйственные постройки вновь тесно примыкали друг к другу, образуя сеть узких извилистых улочек. В местных поселениях не было приусадебных участков, огородов, садов. Задачи обороны выполняли имевшиеся в большинстве сел одна-две круглые башни, строившиеся из булыжного камня на извести. На первом этаже башни прятались жители села, на втором — воины-мужчины держали оборону, обстреливая противника<sup>6</sup>.

В Западной Грузии (в Имерети, Гурии, Мегрелии) сложился рассредоточенный тип поселения, при котором усадьбы были разбросаны на значительном расстоянии друг от друга, так что село обычно тянулось на 10 км и более. «Как и во всей Кутапской губернии, — отмечалось в источниках XIX в., — крестьяне Озургетского уезда живут отдельными дворами, нигде эта обособленность не выражается так резко, как в Гурии. В экономическом смысле дым не имеет никакого отношения к селению, в котором он значится по камеральному описанию...»<sup>7</sup>

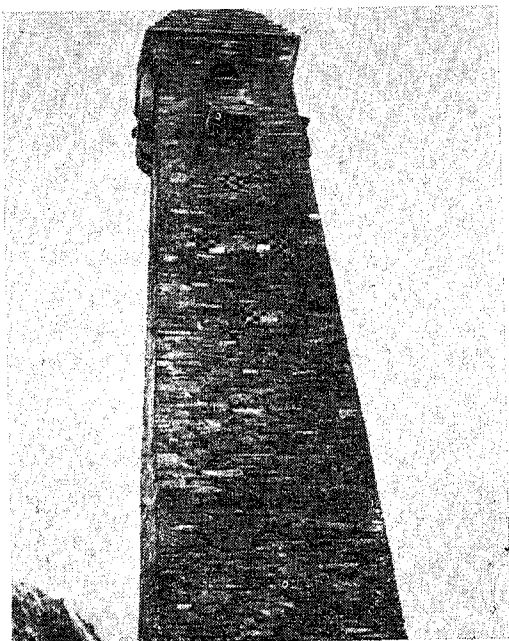
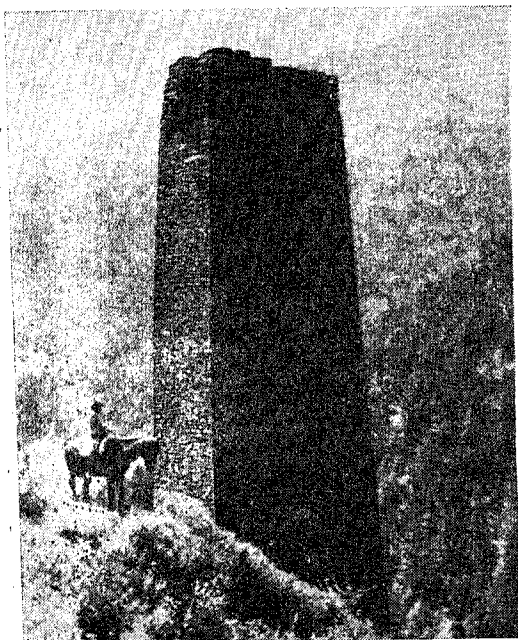


Рис. 3. Башни в горной Тushети (фото 1960-х годов); башни и новый дом в Сванети в сел. Ушгули (фото 1970-х годов)

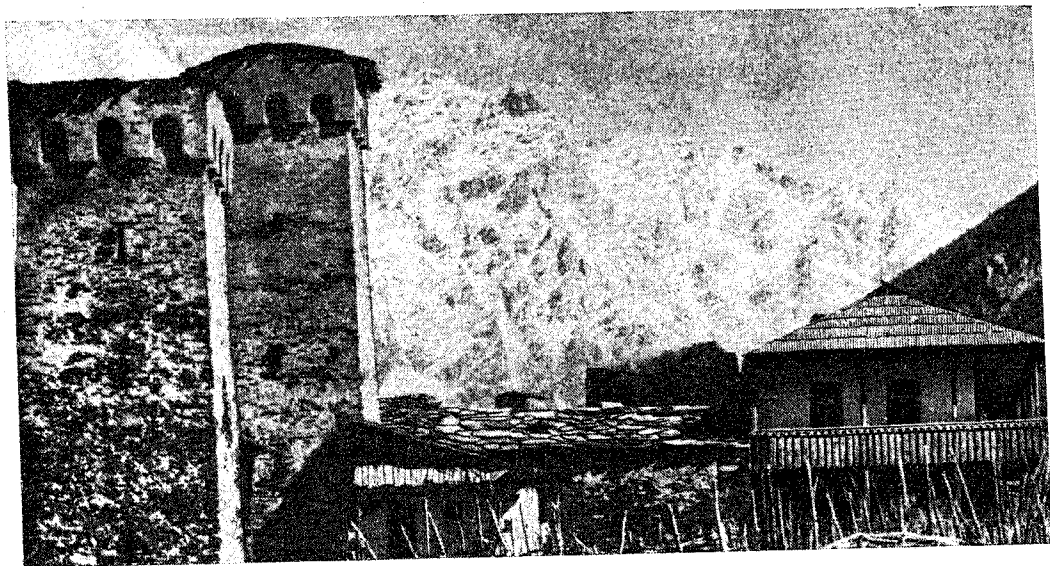




Рис. 4. Улица в горном селении в Сванети (фото 1974 г.)

В гористых районах Западной Грузии наблюдалась большая скученность.

Усадьба в Грузии, как и планировка поселения, исторически менялась. В первой половине XIX в. в горных селах усадьбы как таковой не было, ее заменяла небольшая площадка-двор. Так, в Сванети усадьба состояла из объединенных жилых и хозяйственных помещений (кор), оборонительной башни (мурквამ), двора, тока (кал) и навеса (депан). Усадьба была обнесена каменной оградой. Такая же картина наблюдалась и в других горных районах. В равнинно-предгорной Грузии, например в Кахети, в селах со скученной планировкой усадьбы также не было. Около дома находились марани и небольшой кукурузник. Все остальные хозяйственные постройки, в том числе помещения для скота (гомური), ямы для хранения зерна и т. п., располагались отдельно, составляя особую часть села. Несколько больших размеров усадьба

была в кахетинских селах со свободной планировкой. Здесь в усадьбе имелись двор (эзо), сад и хозяйственные помещения, часть которых выносилась на хутора и кутаны. В карталинских селах со скученной планировкой усадеб не было. Здесь все хозяйственные помещения объединялись под одной крышей в едином комплексе (дарбази), а двор представлял собой небольшую площадку перед домом. На запад, ближе к Сурамскому хребту, характер усадеб менялся; здесь часть хозяйственных помещений находилась в доме, часть (марани, сатонэ) — в пределах усадьбы.

Наиболее рассредоточенной была усадьба в Западной Грузии, где жилище помещалось в глубине двора, а хозяйственные постройки располагались по его окружности. Характерной особенностью западнogeorgianской усадьбы, резко отличающей ее от восточно-грузинской, было наличие в ее пределах помимо хозяйственных построек пахотной земли. Имеретинская усадьба, например, состояла из двора (кари), жилого дома, хозяйственных построек: марани, мякинника (сабдзели), кукурузника (сасиминде), хлева (босели), свиарника (сагоре), огороженного места для скота (карта), курятника и гусятника — и сельскохозяйственных угодий (пашня, виноградник, огород)<sup>8</sup>. В Гурии в пределах усадьбы имелось до десяти строений. В их числе были жилой дом, кухня, амбары для хранения зерна (каждого сорта в отдельности), хлев, а также обрабатываемые участки земли. Более компактной и небольшой по размерам была усадьба в Нижней Раче. Хлев здесь устраивали в первом этаже дома, а вне дома находились кухня (самзареуло сахли, кухня) с открытым очагом (кера, кериа) и очагом *тонэ*, для которого возводилась особая постройка (сахабазо, от *хабази* — «пекарь»). В Лечхуми в каждом дворе имелось помещение для крупного рогатого скота, хлев для свиней, амбары для макины и



Рис. 5. Селение в Пиракет Хевсурети (фото 1973 г.)

Рис. 6. Улица в сел. Сабуз в Кахети (фото 1979 г.)





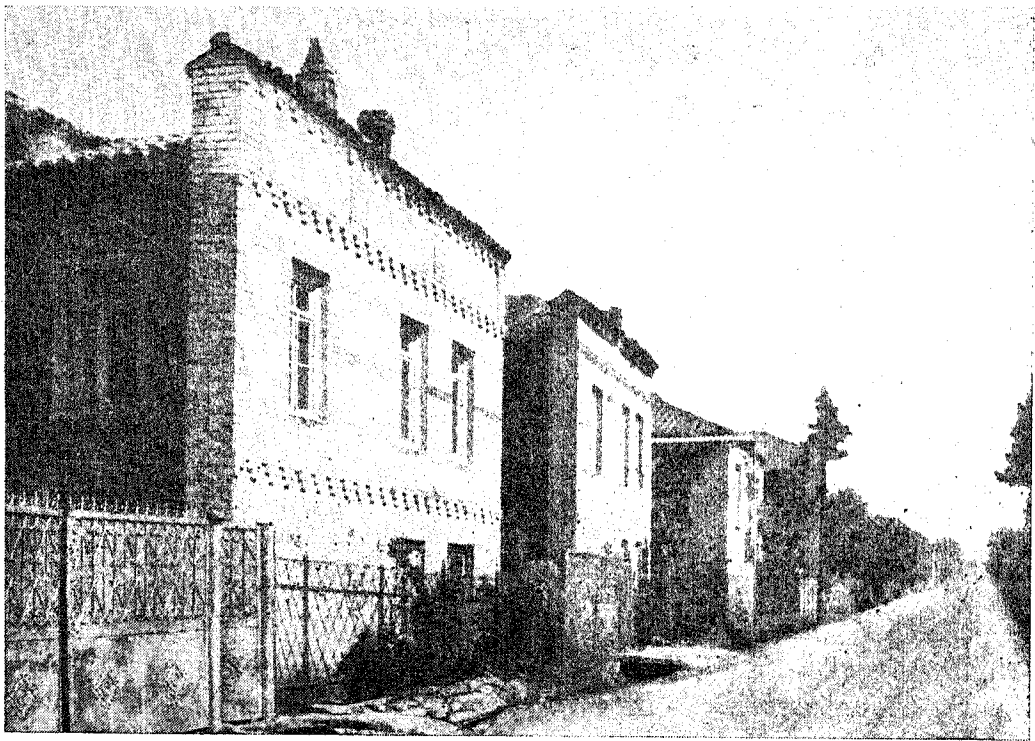


Рис. 7. Новая улица в сел. Акура (фото 1979 г.)

кукурузы, в некоторых усадьбах — ма-  
раи<sup>9</sup>.

За годы Советской власти тип грузинских поселений и характер усадеб претерпели значительные изменения, которые начали прослеживаться с 1920—1930-х годов. В годы коллективизации стали строить села по специально разработанным проектам. Нередко новое село, строившееся по плану, возникало рядом со старым — скученным, с узкими извилистыми улицами, с традиционными плоскими крышами домов. В 1930-е годы во многих районах Грузии возникли населенные пункты с более четкой уличной планировкой, с центральной площадью, на которую выносились различные общественные и административные здания. С более сво-

бодной планировкой, заменившей прежнюю скученную, создавались поселения в Кахети в Телавском районе. В других районах Восточной Грузии, в Ахметском например, в 1920-е годы на месте небольших фамильных поселков тупин и цова-тупин, имевших здесь сезонные поселения, возникли селения Земо и Квемо Алвани. Те же процессы рассредоточения поселения наблюдались и в Картли.

Несмотря на все усиливавшуюся тенденцию к свободной планировке села, природные и хозяйственные условия не всегда давали возможность последовательно ее выдерживать. Так, в Кахети (в Кварельском районе) и в 1950-е годы поселения сохраняли в основном традиционную, довольно скученную планировку. Однако в таких селах появились двухэтажные благоустроенные дома; в каждом хозяйстве имелся



двор, значительных размеров приусадебный участок. По плану строились вновь создававшиеся села горцев-переселенцев в Самгори и Кизики. В меньшей степени изменялась планировка горных сел, однако некоторые из них в 1920—1930-е годы, если позволяли природные условия, изменяли свое местоположение: спускались вниз по склону горы, чтобы приблизиться к дороге, к водным источникам и т. п. В Мтиулети такими селами были Кавтарани, Бахани, Ципори, Библиани. В Гудамкарском ущелье вниз по склону горы передвинулось с. Дзвели Китохи, получившее на новом месте наименование Ахали Китохи (Новое Китохи). К 1930-м годам ниже по склону горы переместилось мохевское с. Гергети. В Сванети селения в ущелье р. Накры в эти же годы постепенно передвигались вниз, ближе к реке. В предгорных районах Грузии, в частности в Кизики, до начала XX в. некоторые села (например, с. Вакири) располагались выше по склону горы; в низине находились пашни, гумна и виноградники. Но с начала XX в. отдельные фамилии начали переселяться в низменную часть, где со временем возникло основное поселение<sup>10</sup>.

С созданием новых поселений с уличной планировкой изменился не только их внешний облик. Изменилась и социальная структура: исчезли, например, патронимические кварталы. Такие явления, в частности, прослеживались в сванских селах, а также в новых поселениях горцев, возникших в равнинно-предгорных районах. В таких селах нередко существует лишь принцип совместного поселения выходцев из одного села или даже одного района; например, сванские кварталы в мегрельских и абхазских селах, хевсурские — в селах Самгори и Ширака и т. п. Исторически сложившаяся свободная планировка сел Западной Грузии сохраняется и в настоящее время. Здесь даже наблюдается тенденция к некоторой concentra-

ции разбросанного села. В каждом поселении обязательно имеется центр, в котором сосредоточены все сельские и колхозные учреждения, а также Дом культуры<sup>11</sup>.

В последние десятилетия значительные изменения произошли также в облике грузинской усадьбы. В настоящее время во всех селах (за исключением самых высокогорных) имеются приусадебные участки. С расширением последних в усадьбе появились хозяйственные постройки, прежде выносившиеся за пределы села (Кахети) или включавшиеся в жилой комплекс (Картли). В Западной Грузии сохраняется традиционная планировка всех построек усадьбы. Однако число хозяйственных помещений уменьшилось, так как с коллективизацией отпала необходимость в некоторых из них, например в зернохранилищах, в больших хлевах. С другой стороны, часть хозяйственных помещений вошла в состав жилого комплекса (кладовая, кухня)<sup>12</sup>.

\*

Исторически зафиксированные в Грузии формы жилища многообразны. Такое многообразие, как отмечалось, обуславливалось целым рядом факторов. Хозяйственные и природные факторы во многом определили и стабильность тех или иных форм жилища. К концу XIX в. появились новые формы жилища, а некоторые традиционные значительно видоизменились. Поэтому представить картину жилища в целом, например последней четверти XIX в., можно лишь с некоторой долей условности.

В это время в Грузии были известны следующие формы жилища: каменный дом-крепость (цixe сахли)<sup>13</sup>; жилище в 2-4 этажа (квиткири, чардаххани сахли, дуруани сахли, кор); одноэтажные жилища с плоской крышей (бани): наземное (квиткири) и углубленное

в землю (мицурис сахли); *дарбази* — жилище со ступенчато-венцеобразным перекрытием; разнообразные дома, строившиеся из дерева и особенно распространенные на западе Грузии (сadjалабо сахли, боквиани сахли, ода сахли, джаргвали, пацха). Однако данные формы жилища под действием различных факторов уже не во всем сохраняли свою традиционность. Классический цихе сахли в Тушети и Хевсурети несколько видоизменился. В Тушети дом-крепость развился в чардахиани сахли. В Хевсурети цихе сахли, сохранив основную конструкцию, также изменился: в верхней части дома возникло гумно (кало). Такой дом стал называться *калоиани сахли*.

Такова схема распространения основных форм жилища в Грузии к концу XIX в. Следует отметить, что указанные формы жилища являлись особенно хорошо определенной историко-этнографической области и, таким образом, были частью бытовой культуры не только грузин, но и других народов, живущих в этих областях. Так, в Картли *дарбази* и *мицурис сахли* были известны также у армян, греков, азербайджанцев, осетин. В Кахети фиксируемые здесь формы жилища были распространены не только среди грузин, но и среди армян и азербайджанцев<sup>14</sup>.

Важной частью традиционного жилища грузин был очаг. Его формы были значительно более однотипными. Таковы открытый очаг кера, известный по всей Грузии, камин (бухари), более распространенный в предгорно-равнинных районах (главным образом в Картли), очаги для выпечки хлеба: *тонэ*, *пурне*, *гумели*<sup>15</sup>. Однотипным был также и внутренний вид грузинского дома. Центром всей жизни грузинской семьи являлся очаг, над которым на длинной цепи свисал котел для приготовления пищи. В горной Грузии вокруг очага в соответствии с принятыми патриархально-родовыми нормами располагал-

ся определенный набор деревянной мебели: кресло для старшего (сакурцхил, чика-савардзели), длинные скамьи со спинкой (лргим), кровати со спинками, стулья, столы-подносы (хонча, табла) с ножками и без них, сундуки для хранения одежды (саталавре) и сундуки-закрома для хранения муки и зерна (кидобани). Часть мебели украшалась резьбой. Гораздо более скромным был традиционный интерьер в домах равнинно-предгорной Грузии. Здесь помимо кера или камина имелись лишь деревянные тахты, устроенные вдоль стен. В помещении делали также полки для посуды и ниши<sup>16</sup>.

Для более детальной характеристики грузинского жилища обратимся к источникам. В них сведения о жилище первой половины XIX в. довольно фрагментарны, причем наиболее скудны они по горной зоне. Трех-четырёхэтажный тушинский дом-крепость строился из камня сухой кладкой в форме правильной четырехгранной призмы. Каждый этаж такого дома состоял из одного помещения: внизу находился хлев (баште) для крупного рогатого скота, на втором этаже (шуа, т. е. средний) было жилое помещение с открытым очагом, на третьем (зедат шуа) — хозяйственное помещение и на четвертом (черхо) — летнее помещение для семьи. Иногда последнее использовалось для различных хозяйственных нужд (хранения кизяка и т. п.). В стенах жилища имелись небольшие отверстия типа бойниц (саркмели), заменявшие окна. Для сообщения между верхними и нижними этажами в межэтажных перекрытиях устраивались специальные отверстия (эрдо), к которым приставляли переносные лестницы. Со временем к нижним этажам цихе сахли стали пристраивать другое жилище (карсе), из которого в основной дом вела небольшая дверь<sup>17</sup>.

Хевсурский дом-крепость в основном повторял тушинский. Его строили из

шиферных плит, он имел четыре этажа: нижний для крупного рогатого скота, второй — для мелкого рогатого скота, третий — жилой и четвертый — оборонительный с бойницами. Со временем этот этаж был приспособлен под жилье. Жилой третий этаж состоял из одного помещения размером 50 кв. м и более. В комнате ближе к окну имелся открытый очаг, дым от которого выходил через окно-бойницу. Около очага располагалось кресло главы семьи, скамейки-диваны, сундуки кидобани<sup>18</sup>.

Традиционное для этого времени пшавское жилище обычно было одноэтажным. Его строили из камня сухой кладкой и стены не штукатурили ни снаружи, ни внутри. Крышу делали плоской, покрывая ее земляным настилом. Внутреннее пространство дома не было разделено, однако сохранялось традиционное членение помещения по отношению к центральному очагу кера. Так, различались средняя часть (шуатвали — дословно «средний глаз»), передняя (цинатвали, т. е. «передний глаз») и задняя (уканатвали — «задний глаз»). Шуатвали находилась между двумя опорными столбами (дедабодзи) и была самым светлым местом, так как освещалась через эрдо и огнем от очага. Направо от дверей около очага находилась скамейка для мужчин. Эта часть помещения называлась мужской (сакато), левая же половина помещения, устланная соломой, а в состоятельных домах — ковром, считалась женской (садиацо). Хозяйственные постройки (хлев, мякинник) находились вне жилища<sup>19</sup>.

Мтиульские поселения в первой половине XIX в. были небольшими. Они состояли из 10—15 одноэтажных каменных домов (квиткири), которые группировались вокруг 2—3 боевых башен, резко выделявшихся своей высотой на фоне приземистых мтиульских жилищ с плоскими крышами. Во внутреннем помещении такого дома устраи-

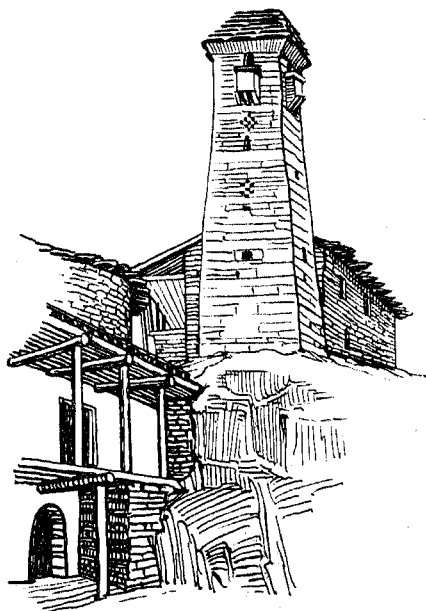


Рис. 8. Башня в жилом и хозяйственном комплексе в сел. Дартло в Тушети (рис. 1973 г.)

Рис. 9. Чардахнани сахли в Тушети (фото 1960-х годов)



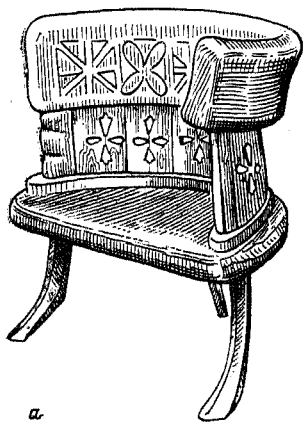


Рис. 10. Дуроани сахли в сел. Геби в Верхней Раче (фото 1975 г.)

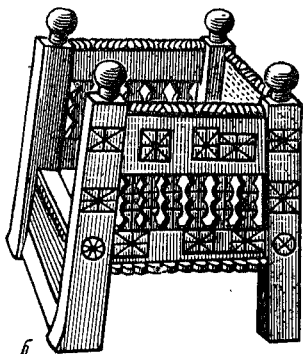
вали открытый очаг, над которым зияло светодымовое отверстие. Такие же одноэтажные каменные дома с плоской земляной крышей были известны в то время и жителям Гудамакарского ущелья. Однако у мтиулов имелся также и другой тип жилища — дом-крепость (цixe сахли). Цixe сахли сохранялись у мтиулов еще в 1920-х годах, хотя уже в первой половине XIX в. они не являлись распространенным типом жилища. Дома-крепости строили двух-трехэтажными из необработанного камня сухой кладкой. Плоскую крышу (бани) сооружали из сланцевых плит, клавших на деревянные жерди, солому и слой земли. Пол был земляным, окнами служили небольшие отверстия без стекол, имевшие вид бойниц; в крыше над очагом кера устраивали светодымовое отверстие эрдо. В старинных мтиульских селениях в тенистых местах вблизи домов часто возвышались святи-

лица, окруженные семейными склепами<sup>20</sup>.

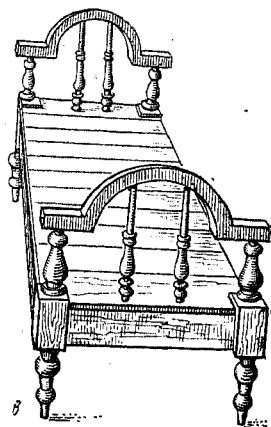
Сванское жилище первой половины XIX в. представляло собой преимущественно двухэтажную постройку с одной или несколькими боевыми башнями. Стены и крышу дома всегда делали из сланцевых плит, поверхность которых обмазывали известью. Из сланцевых плит в доме устраивали также открытый очаг (кериа), не имевший дымового отверстия. Зимой сваны жили в нижнем этаже (мачуб), где находился также скот, летом — в верхнем этаже (дарбаз). Скот в мачубе размещали следующим образом. В первом этаже вдоль одной из продольных стен устраивали трехэтажные деревянные стойла. В нижнем этаже их помещался крупный рогатый скот, на второй этаж загоняли овец, на третий — коз. Г. Радде, путешествовавший по Сванети в начале 1860-х годов, подчеркивал, что такие дома «по старому образцу» сваны продолжали строить и в эти годы. Вместе с тем в связи с более спокойной обста-



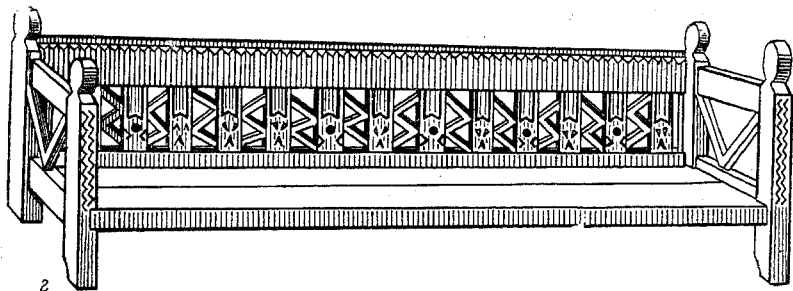
а



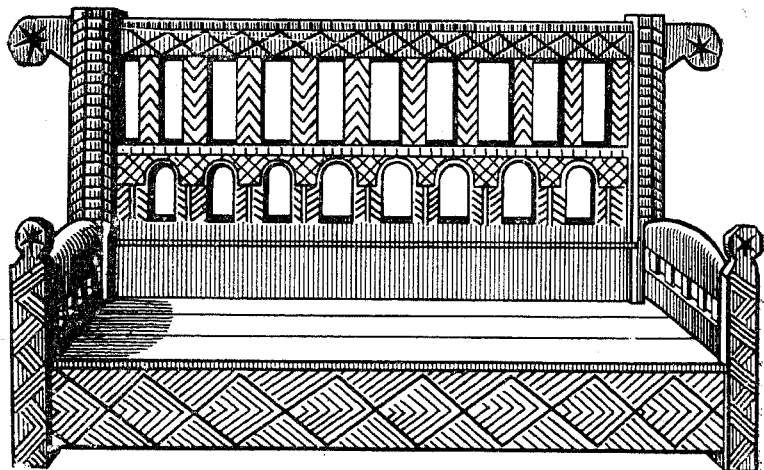
б



в



г



д

Рис. 11. Традиционная мебель

- а — мохевское кресло для старшего;
- б — сванское кресло для старшего;
- в — кровать (Рача-Лечхуми);
- г — диван-скамья (Рача);
- д — сванская диван-скамья (рис. 1973—1974 гг.)

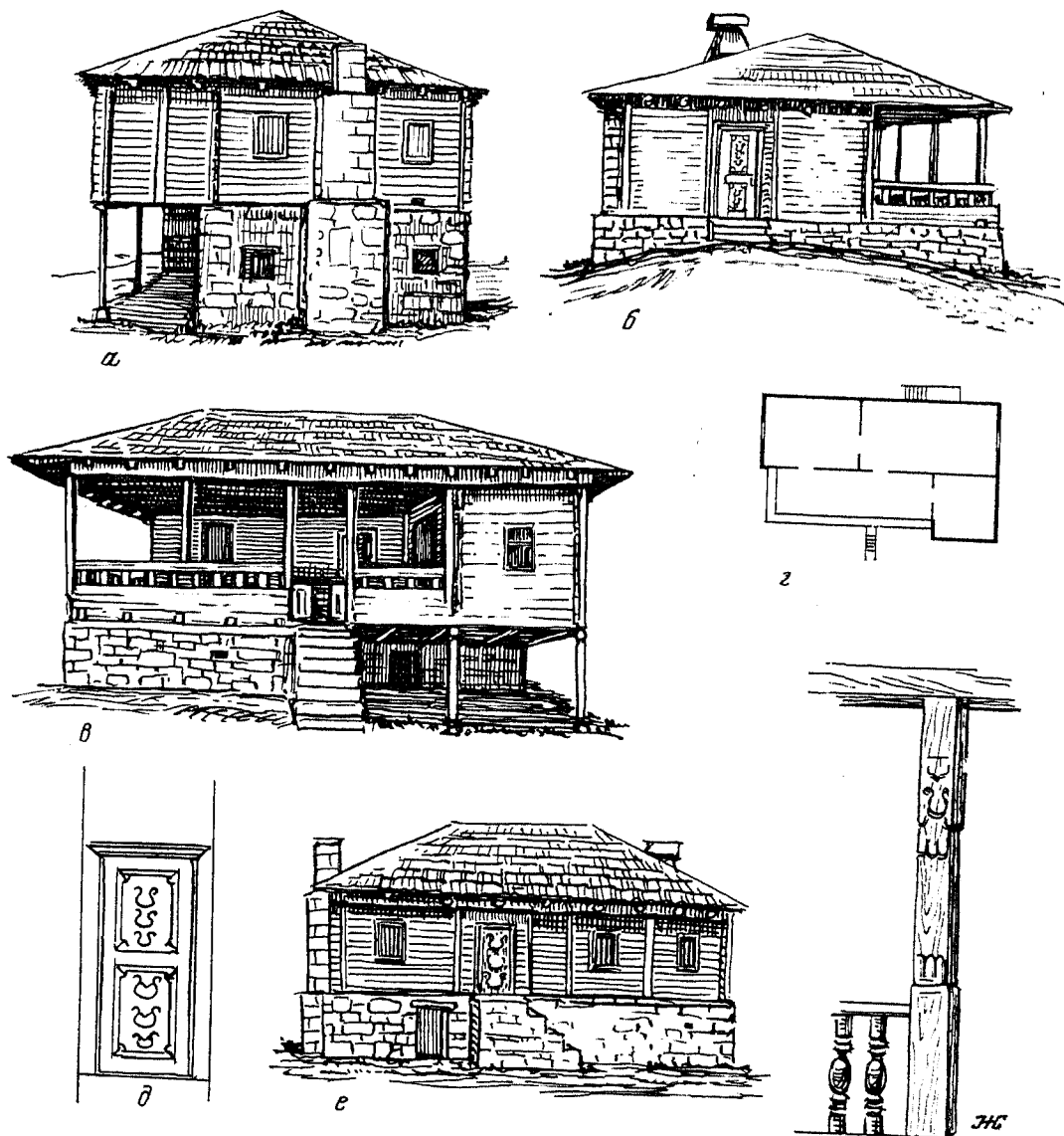


Рис. 12. Жилище конца XIX в. в Рача-Лечхуми

а — правая сторона дома; б — левая сторона дома; в — фасад; г — план; д — дверь; е — жилище сзади; ж — опорный столб галереи

новкой необходимость иметь в жилище боевую башню отпала, и с этого времени их строить практически перестали.

Так было в Нижней (Дадияновской) Сванети; в Верхней (Вольной) Сванети традиция строительства башен не прекращалась. Жилище в Нижней Сванети, как в Лечхуми и Нижней Раче, было двухэтажным и строилось из дерева. По мере подъема к истокам Цхенисцкали и далее к Ингури деревянных

построек становилось все меньше и в Лентехи появлялись каменные жилища, обмазанные сверху известью, т. е. аналогичные строениям в Верхней Сванети<sup>21</sup>.

Значительно полнее в источниках первой половины XIX в. описано жилище некоторых предгорно-равнинных районов Грузии. Так, в северо-восточной Кахети дома строили из плетня, обмазанного глиной. Треугольную крышу покрывали соломой или камышом. Внутри жилища имелось только одно помещение, посередине которого в земляном полу устраивали яму-очаг для огня. В подобном доме не было окон, свет проникал внутрь лишь через открытую дверь. Помимо домов из плетня в Кахети столь же распространенными были дощатые жилища с соломенными крышами. В первой трети XIX в. появляется также одноэтажное жилище иного типа. Три стены такого дома строили из дикого камня или булыжника, скрепленных глиняным раствором; четвертую стену — также из булыжника, которую иногда закрывали досками. На две более длинные стены дома сверху укладывали несколько дубовых перекладин, из которых одна или две посредине поддерживались опорными столбами (дедабодзи). Иногда на эти перекладины настилали потолок из досок или плетенок, но его никогда или весьма редко делали во всю длину строения. Крышу, устроенную на стропилах, покрывали камышом. Жилище такой же конструкции часто строили целиком из плотно сколоченных досок.

В некоторых селах Кахети (Кварели, Шильда, Энисели, Сагареджо) в первой трети XIX в. стали возводить дома нового типа, неизвестные тут ранее: двухэтажные, из булыжника на извести, с окнами и камином. Последний, однако, выполнял лишь престижные и декоративные функции; местное население продолжало использовать для своих нужд более привычный пока очаг кера.

Крыша дома, соломенная или камышовая, сильно приподнятая, выдавалась вперед, и, опираясь на столбы, создавала галерею, окружавшую строение с трех сторон. Наружная деревянная лестница вела на второй этаж, где находилось одно большое жилое помещение с камином и открытым очагом кера посередине. В нижнем этаже устраивали хозяйственные помещения; часть их располагалась вне дома<sup>22</sup>.

В западной и южной частях Кахети (Телавский уезд) и в Гаре Кахети были распространены дарбази — жилище со ступенчато-венцеобразным перекрытием. Строительство дарбази было не легким делом. Прежде всего были соответствующих размеров и глубины яму, в углах которой ставили столбы. На них в виде купола укладывали стропила. Крыша дарбази была земляной и имела конусообразную насыпь, заканчивавшуюся небольшим светодымовым отверстием. Стены дарбази возводили из булыжного камня. Внутри дома было лишь одно помещение больших размеров; на земляном полу располагался очаг кера. По обе стороны очага находились два опорных столба, державшие венцеобразный потолок. Эти столбы, как и основную потолочную балку, часто украшали декоративной резьбой, искусством которой отлично владели грузинские мастера. Вместо окон на фасаде дома на самом верху делались длинные узкие отверстия. К дарбази примыкал больших размеров каменный марани, крытый тесом, с камином, сделанным не столько для употребления, сколько для «формы». Во дворе дома находились дощатый курятник и плетеный, на сваях кукурузник (кукурузой кормили домашних птиц). Гомури в большинстве случаев помещался вне усадьбы в средней части села<sup>23</sup>.

В Картли в первой половине XIX в. источники фиксируют жилище двух типов: мицурис сахли и дарбази. Мицурис сахли строили из камня, причем задняя

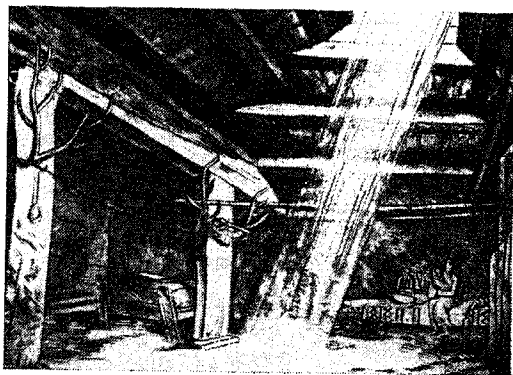
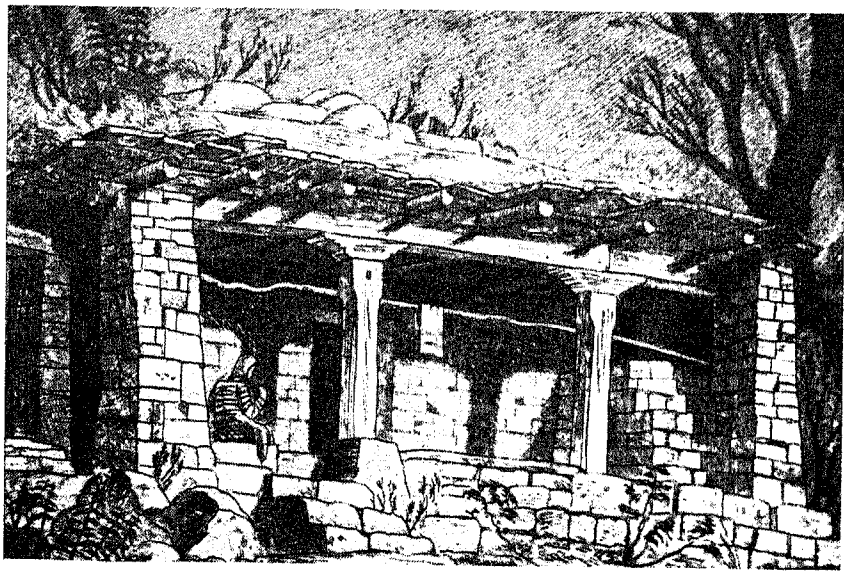


Рис. 13. Дарбази: внешний вид и интерьер

часть дома примыкала к холму и весь он наполовину находился в земле. Крышу делали плоской, с земляным настилом. Окон не было, и свет в жилище проникал лишь через светодымовое отверстие эрдо, которое устраивали в крыше над очагом. Такой тип дома в это время был характерен для Тифлисского, Горийского, Ахалкалакского уездов, Цалкского нагорья и Эрцо-Тианети. В последнем районе помимо мицурис сахли жители строили также до-

щатые и турлучные дома с черепичными или камышовыми крышами, т. е. по типу кахетинских.

Дарбази в Картли возводили следующим образом. Три стены дома делали в склоне горы и до половины выкладывали кирпичом; четвертая стена была из необработанного камня на глиняном растворе. Перед входом в жилище имелся навес. Крыша опиралась на два — три столба, на которые укладывали крепкие перекладины. Кроме этих столбов, опорными были также еще два срединных столба дедабодзи. Потолок в дарбази настилали из расколотых надвое тонких брусев. «Над самой серединой жилища оставляется пустое место величиной в квадратную сажень; отсюда выводится кверху свод в виде конуса, имеющий при вершине своей круглое отверстие... Свод делается из хорошо обтесанных небольших брусев и представляет весьма красивый вид. Потом все это усыпается толстым слоем земли». Под эрдо, которое служило и дымовым отверстием, устраивали открытый очаг. Дом описанного типа был более характерен для зажиточного крестьянства. Однако и бед-



няки строили жилище в основном таким же способом, «но с меньшим тщанием и меньшими издержками»<sup>24</sup>.

Жилище Западной Грузии значительно отличалось от восточно-грузинского. В Имерети, например, строили одноэтажные дома из толстых досок. В них не было окон и свет проникал через две двери, располагавшиеся одна против другой. Пол был земляным; посередине единственного помещения у вечно горящего огня располагалась вся семья. В Гурии жилище возводили на высоком (до 1—2 футов) каменном цоколе. Стены строили вешами из бревен и снаружи покрывали досками орехового дерева; крышу делали из связок соломы. В таких домах имелись небольшие окна без стекол; открытый очаг кера, как и везде, находился в единственном помещении жилища напротив двери.

Жилище мегрелов в этот период представляло собой одноэтажный деревянный дом с единственным помещением без окон, как и в имеретинском доме, с двумя дверями — одна против другой. Покрытием крыши и здесь служила кукурузная солома. Дома социальной верхушки мало чем отличались от жилища низов, за исключением окон, которые стали устраивать в дворянских жилищах. «Простота постройки старинных жилищ мингрельских князей поистине изумительна, — писал Г. Радде. — Это грубое деревянное здание; стены его сделаны из широких и толстых досок, впущенных в пазы толстых брусьев; двери и окна очень плохо пригнаны, отчего вовсе не соответствуют своему назначению»<sup>25</sup>.

Более полно грузинское жилище рисуется источниками пореформенного периода, т. е. с конца 1860-х годов. В Тушети получила распространение несколько измененная форма жилища цихе сахли — чардахиапи сахли, в Хевсурети жилище цихе сахли претерпело к этому времени еще большие изменения. Строительным материалом здесь,

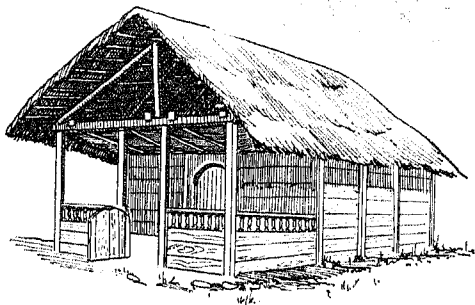
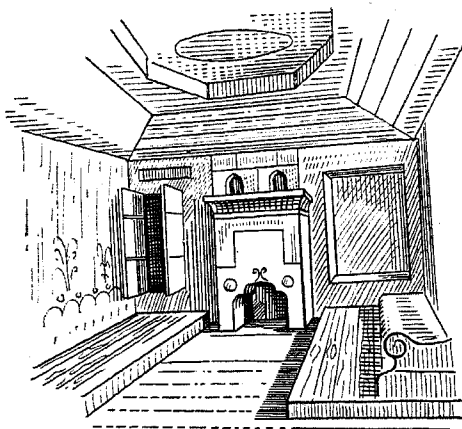


Рис. 14. Жилище конца XIX в. в Гурии (рис. 1975 г.)

Рис. 15. Традиционный интерьер в аджарском доме (сел. Дидачара в горной Аджарии; рис. 1974 г.)



как и прежде, служили шиферные плиты, укладывавшиеся без связующего раствора, однако дома возводились уже в два и очень редко в три этажа. Верхний этаж значительно отступал от края плоской крыши, и таким образом часть крыши нижнего этажа имела свободное пространство, которое использовали в качестве гумна (кало). Здесь хранили солому, сельскохозяйственный инвентарь, корзины с зерном. В нижнем этаже дома, где плетень местами заменял фундаментальную стену, находились: *дерепани* — помещение для летнего содержания скота; *эзо*, в котором склады-

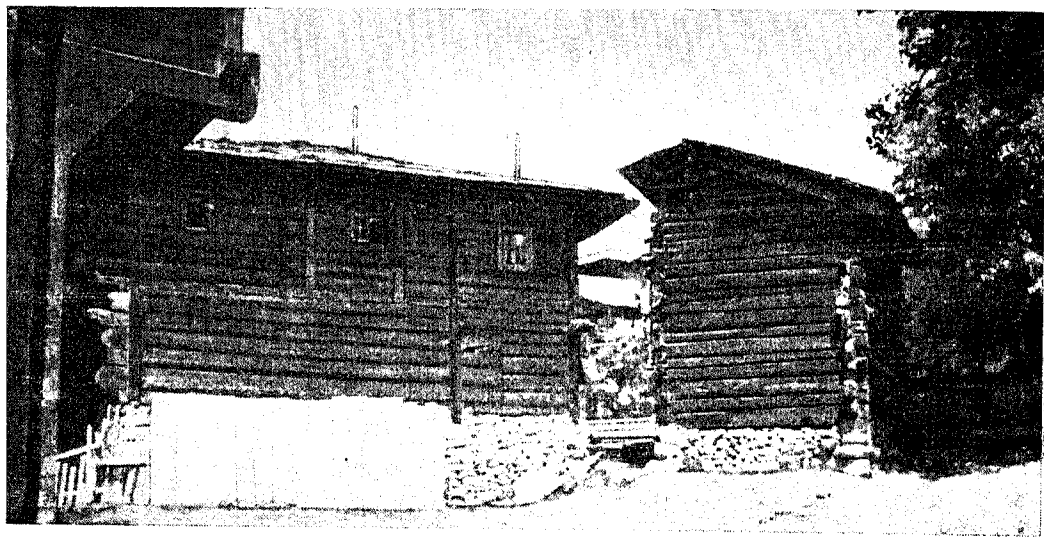


Рис. 16. Традиционные дома в горной Аджарии (сел. Горджоми; фото 1975 г.)

Рис. 17. Хозяйственная постройка в Мегрелии (фото 1880-х годов)



вали дрова и утварь; *сене*, где хранили молоко и молочные продукты; *сидзрохе* — коровник; *сацхве* — отгороженное от коровника помещение для овец; *гвердига* — конюшня. Нередко площадь первого этажа достигала 200 кв. м, из которых хлев занимал примерно половину. В хевсурском жилище для мужчин и женщин имелись отдельные помещения, не связанные между собой. Женщины жили в *шина* — комнате на первом этаже, где находился открытый очаг; мужчины — на втором этаже (черхо). Сообщение между этажами осуществлялось через отверстия, сделанные в межэтажных перекрытиях, к которым приставляли лестницы. Вместо окон делали маленькие отверстия без стекол. Такой дом в литературе известен под названием *калоцани сахли*<sup>26</sup>.

В Пшави в пореформенный период сохранялись традиционные дома, известные нам в первой половине XIX в. Что касается пшавов, переселившихся в Ширак (сел. Архилоскало, Земо и Квемо Кеди), то они жили в крайне неудобных, невзрачных *гомури*, в которых единственное помещение разделялось надвое плетеной перегородкой. В одной

части такого помещения находилась семья, в другой содержался скот. Как отмечал В. Пшавела, в 1880-х годах в этих селах было всего 5-6 хороших домов нового типа. Другая часть пшавов, переселившаяся в Эрцо-Тианети, находилась в лучших условиях и строила одноэтажные каменные дома под черепичной крышей. У мохевцев в этот период основным типом жилища были старые одноэтажные квитири и новые двухэтажные дома с галереями. В нижнем этаже такого дома находился скот, в верхнем — жилое помещение (самкопи). В самкопи устраивали кера, вокруг которого группировалась вся обстановка комнаты: три длинные скамьи, несколько традиционных стульев, кресло главы семьи<sup>27</sup>.

Дома, подобные пшавским и мохевским квитири, были распространены во второй половине XIX в. и в Мтиулет. Однако здесь встречались и двухэтажные дома. В этом случае нижний этаж был жилым, а верхний (кало) предназначался для хозяйственных нужд: тут обмолачивали зерно, хранили сено и т. п. Хлев (босели) строили отдельно, но в некоторых ущельях Мтиулет в одноэтажных домах жилую часть и босели устраивали рядом и они разделялись лишь плетеной перегородкой. В трехэтажных цихе сахли, которые, правда, в это время были редки, первый этаж занимал хлев, второй был жилым, на третьем находилось гумно<sup>28</sup>.

В Горной Раче в конце XIX в. сохранялись дома-крепости (дуроиани сахли), являвшиеся традиционной формой жилища для этих мест. Они строились из необработанного камня без применения извести, с двускатной крышей из сланцевых плит. Как обычно, в домах такого типа не было окон, их заменяли узкие бойницы, в них отсутствовал потолок, пол был земляным. Все помещения в дуроиани сахли располагались в вертикальном плане: на первом этаже делали хлев для телят, овец, иногда

свиной, коня; здесь же позднее стали отгораживать картофельник. На втором этаже находилось жилье (саджалабо сахли) с очагом кера, редко — с бухари; третий этаж был также жилым, но со временем стал использоваться для хозяйственных нужд и хранения продуктов, четвертый (дуроебиани) имел бойницы, выполнял оборонительные функции. Иногда перед хлевом или сбоку устраивали *марани*, где в кувшинах (квеври) хранили привозное вино, а зимой — также молочные продукты и соления. Однако в 80-е годы XIX в. в домах типа дуроиани сахли проживала меньшая часть населения, а большинство перебралось в дома нового типа. Они были в два этажа: в нижнем этаже, сделанном из камня, находился скот, в верхнем, деревянном (дарбази) жила семья. Здесь находился очаг кера и редко — бухари; окна были в виде небольших незастекленных отверстий. Двускатную крышу нового дома покрывали сосновой дранкой. П. Уварова, посетившая в эти годы горнорачинское село Геби, писала, что и к старым домам пристраивались «более удобные и чистые деревянные горницы и крылечки». Подобные пристройки, имевшие такой новый элемент, как камин, делались в виде небольшой комнаты (карсели), которая всегда сообщалась с единственным жилым помещением старого дома (саджалабо сахли)<sup>29</sup>.

В большинстве сел Верхней Рачи в этот период было распространено жилище совсем иного типа. Это были дощатые одноэтажные дома (пицрули) в большинстве с двумя помещениями: жилым дарбази, имевшим опорный столб (дедабодзи) и очаг кера, и помещением для хранения продуктов и хозяйственного инвентаря. Хозяйственные постройки, например хлев, пристраивались к дому или располагались отдельно. В последнем случае нередко строили двухэтажный хлев, в котором на первом этаже держали скот, а на втором устраи-

вали сабдзели для хранения сена. Марапи находилось отдельно под навесом, недалеко от дома.

В Нижней Раче, как и в Нижней Сванети и частично в Имерети, дома строили из бревен; сильно пологую крышу такого жилища покрывали сосновой дранкой и редко черепицей. Полom служила хорошо утрамбованная земля, а потолок делали плетеным из хвороста или из нескольких досок. Более состоятельные рачинцы строили двухэтажные дома. В первом этаже такого дома помещался хлев, на втором — жилая комната с открытым очагом, с тахтами вдоль стен, полками для посуды и сундуками для хранения одежды. На втором этаже нередко устраивали две-три жилые комнаты, из которых одна с камином считалась гостиной. В двухэтажных домах часто делали балконы. Кухня, в которой был также очаг кера (кериа), выносилась за пределы дома. В особом помещении находился и очаг тонэ<sup>30</sup>.

В сванских высокогорных селах (Ушгули, Кало и др.) дома строили из сланцевых плит, внешнюю сторону которых затем оштукатуривали. Крышу выкладывали шифером или дранью; окна в жилище продолжали оставаться узкими, напоминая бойницы в боевых башнях. В нижних селах Сванети дома делали из булыжного камня или из шифера на извести. Они имели два (реже четыре) этажа. В первом этаже (мачуб), размеры которого составляли более 100 кв. м, держали скот, поэтому у одной из стен устраивали стойла (гвал), часто украшавшиеся искусной резьбой, и ясли. В комнате были тахты, на которых спала семья, очаг (кериа), приспособление для выпечки хлеба (столик с металлическими ножками и шиферной плитой), кресло для старшего (сакурцхил) и диван (лргим) для 7—8 человек. Здесь же стояли деревянные лари (кибден, кибдон), иногда украшенные резьбой, предназначенные для хранения

пшеницы и муки. Третий этаж был оборонительным.

В районах Верхней Сванети за Бальским хребтом (общество Бечо, села по р. Накре и др.) было распространено жилище иного типа. Это были преимущественно одноэтажные бревенчатые постройки с крышей, покрытой дранкой. Внутри дома имелось лишь одно помещение, посередине которого на земляном полу находился открытый очаг с четырехугольным шиферным столиком для выпечки хлеба. Освещалось помещение лучиной. Все хозяйственные постройки строили отдельно, и они, как и в Нижней Сванети, были бревенчатыми, с соломенной крышей. На рубеже XIX—XX вв. в Нижней, а затем и в Верхней Сванети появляются одноэтажные дома нового типа. В них имелось две комнаты, большая из которых называлась *палати* (отсюда и название такого жилища — *палатиани сахли*). Ранее жилище палатиани сахли было известно в Имерети, откуда и проникло в Сванети<sup>31</sup>.

В равнинно-предгорной Грузииистики второй половины XIX — начала XX в. фиксируют следующие формы жилища. В Кахети основная масса домов была из булыжного камня или кирпича, дома не штукатурили и не белили. Преобладали одноэтажные постройки, но имелись и двухэтажные, в которых жилым был второй этаж. Крышу кахетинских домов покрывали черепицей и редко соломой. Последнее обычно бывало в бедных семьях или в богатых, но не желавших отступать от «дедовских обычаев». Дома состоятельных семей были в основном одноэтажные, большей частью из камня, с крытой галереей. Внутри имелась одна комната с земляным полом, в некоторых домах устраивали еще одну небольших размеров комнату, предназначавшуюся для гостей. Окон в большинстве домов не было, и свет проникал внутрь только через раскрытую дверь. Печей и каминов почти не делали; если даже камин имел-



Рис. 18. Жилище начала XX в. в Кахети (в доме не живут, слева — марани; фото 1979 г.)

Рис. 19. Дом 1920-х годов в горной Тшхети (слева традиционное жилище; фото 1960-х годов)

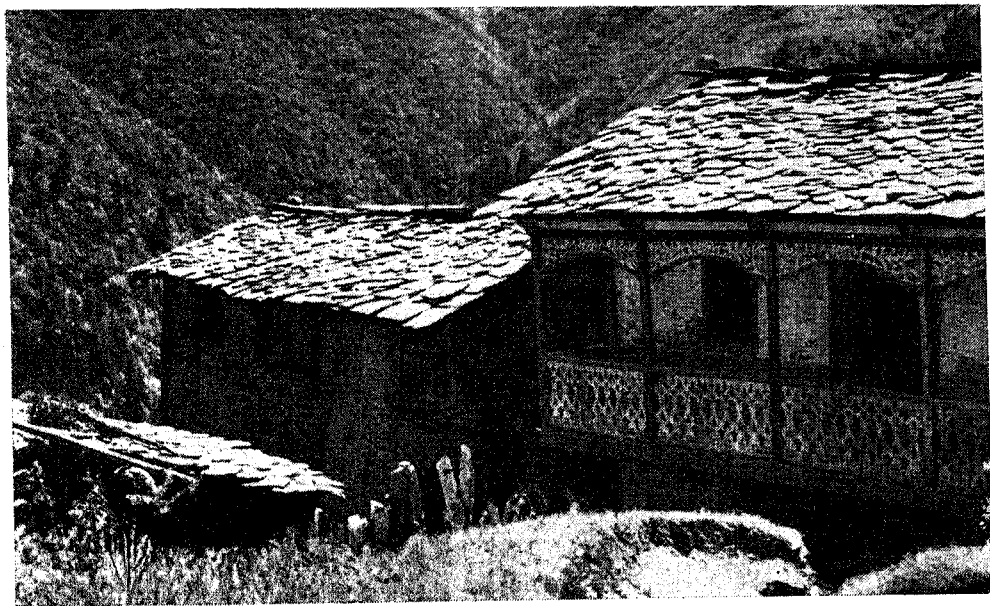




Рис. 20. Дом и башня в Сванети, сел. Кало (вверху); жилище первой четверти XX в. в Сванети в сел. Мазери. Фото 1974 г. (внизу)

ся, он был лишь престижным элементом интерьера; им обычно не пользовались, а огонь разводили на вделанном в полу камне. К потолочной балке подвешивали железную цепь, на которой закрепляли котел для варки пищи. Отдельно во дворе под навесом устраивали печь тонэ.

В более усовершенствованных домах жили семьи со средним достатком (шугаки) — предприимчивые крестьяне,



разбогатевшие в основном с развитием товарного виноделия и овцеводства и строившие каменные дома, обычно в два этажа. В верхнем имелись две комнаты: в одной жила семья, в другой помещали приехавшего гостя; в этих комнатах нередко устраивали окна со ставнями. В среде шуаки было весьма престижным иметь в домах камин, которые делали чуть ли не во всех помещениях. Они, однако, не использовались по назначению, и действующим очагом продолжал оставаться кера. Для его устройства на деревянном полу насыпали слой земли высотой в  $1/4$  аршина. Затем в центре насыпи делали углубление, клали камень, на котором и разводили огонь.

Бедняки (болокаци) жили в домах, имевших вид землянок (мипурис сахли). Такие жилища обычно углублялись в землю примерно на 1 м и на столько же возвышались над поверхностью земли. Все стены и потолки обшивались бревнами, а щели между ними закладывались дощечками. Внутри дома имелось одно помещение с открытым очагом, над которым в крыше оставляли небольшое отверстие (эрдо). Другое бедняцкое жилище напоминало небольшой сарай: стены его плели из прутьев и обмазывали сверху глиной; крышу покрывали камышом. Внутри имелось одно помещение с земляным полом и очагом кера посредине. В одной части этого помещения жила семья, в другой находился скот (обычно теленок и пара овец). Значительная часть домов в восточной части Кахети (Сабуэ, Шильда, Гавази и др.) была также из дерева, но заднюю стену обязательно делали из камня. Покрытием крыши служили черепица или осока. Скот содержался в том же помещении, где жили люди, поэтому единственная комната дома разделялась перегородкой на две половины; открытый очаг оставался посредине жилой части. Пол, как правило, был земляной, однако в начале XX в. в этих районах

уже встречались дома, в которых делали деревянные полы и потолки<sup>32</sup>.

В Картли, как и ранее, в последней четверти XIX в. наиболее распространенными были два традиционных типа жилища: мипурис сахли и дарбази. Землянки строили из камня, возводя их над поверхностью земли на высоту немногим более метра; примерно на метр они были углублены в землю. Как и везде, такое жилище имело плоскую земляную крышу со светодымовым отверстием. Окна делали в виде небольших отверстий. Внутри мипурис сахли было от одного до трех помещений. При наличии только одного помещения хозяйственная часть, где имелся скот, отделялась от жилой деревянной перегородкой.

Дарбази строили двух типов. Он мог состоять, например, из трех помещений: в середине зимней комнаты (ода) с широкой тахтой, на которой домочадцы укладывались спать; слева от входа хозяйственного помещения для хранения зерна, справа — помещения для скота (гоми). От зимней комнаты хлев отделялся деревянной перегородкой, доходившей до половины высоты помещения. В ода устраивали камин с дымовой трубой, а в гоми — очаг кера. Перед домом по всему фронту делали навес (карапани), который поддерживался деревянными столбами. Здесь семья жила в летнее время. К одной из стен дарбази такого типа примыкало обширное помещение для буйволов, к которому пристраивали помещение для хранения сена и самана. Очаг тонэ находился в отдельной постройке.

В дарбази другого типа расположение комнат было иным. В задней части дома располагалась зимняя комната для семьи и помещение для хранения вещей, в передней части — летняя жилая комната и конюшня, приспособленная также для летнего хранения вещей. Новым для Картли было появление в этот период одно-двухэтажных каменных домов с черепичной двускатной крышей. В нем



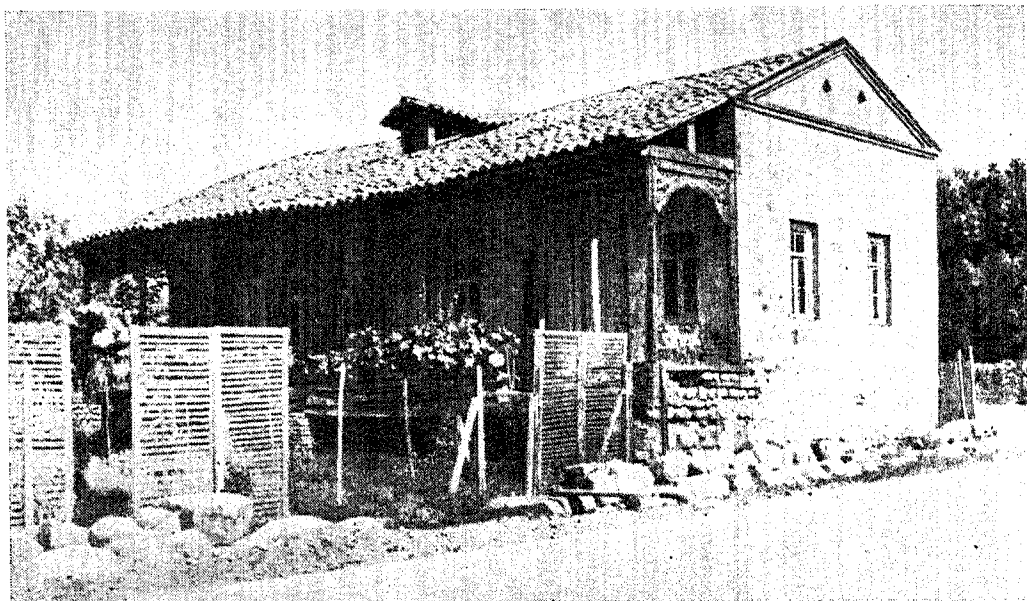


Рис. 21. Жилище 1920-х годов в Кахети (сел. Цоднискари; фото 1979 г.)

Рис. 22. Жилище 1920-х годов в Кахети (сел. Сабуз; фото 1979 г.)

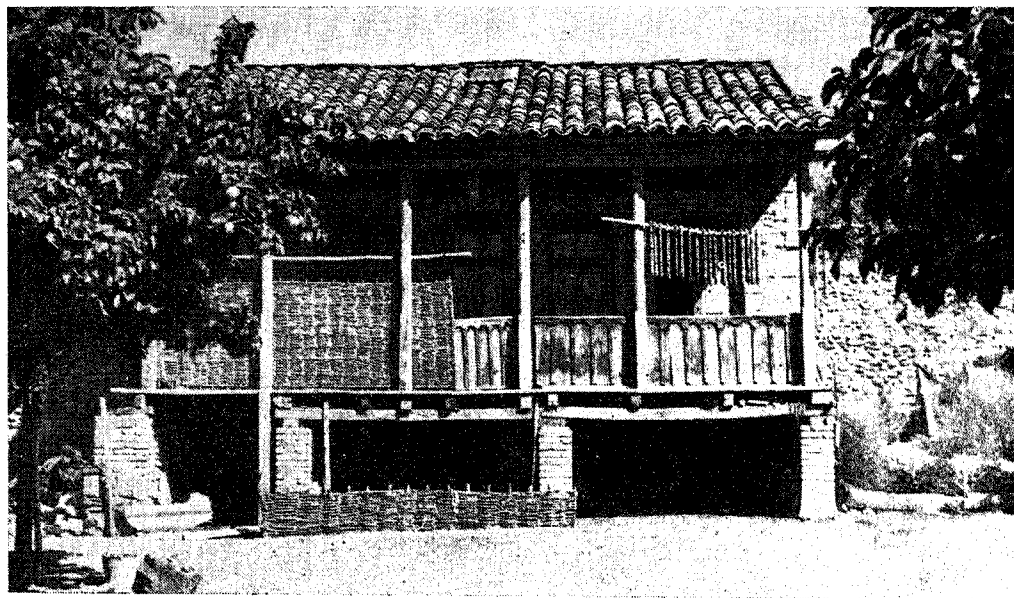
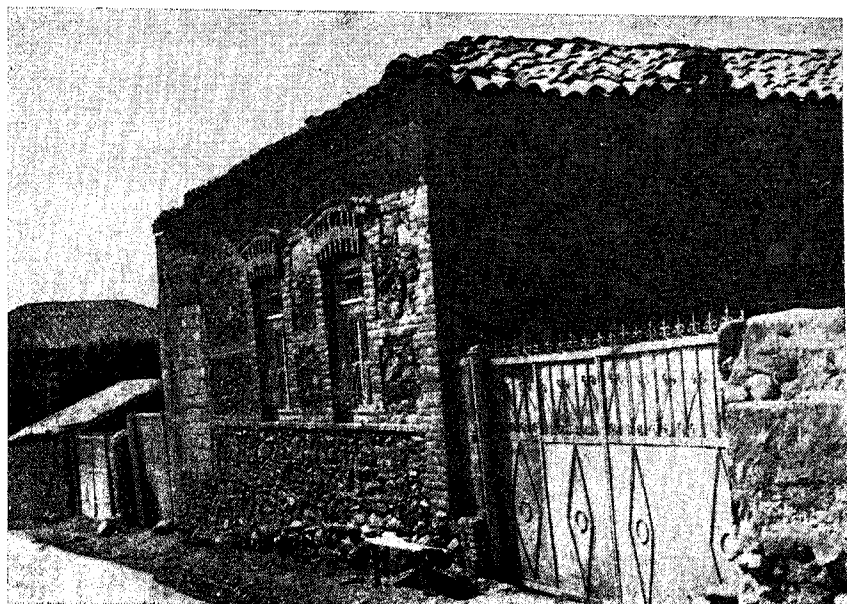






Рис. 23. Жилище 1920-х годов в Картли (сел. Кавтисхеви; фото 1979 г.)

Рис. 24. Новый дом в Кахети (сел. Чумлаки; фото 1979 г.)



обычно устраивали две комнаты, в каждой из которых имелось по одному окну. Подобные дома встречались, в частности, в грузинских и армянских селах Борчалинского уезда. Близкие к этому типу жилища с одной комнатой появились в это время в Горийском уезде; хозяйственные помещения здесь устраивались отдельно<sup>33</sup>.

В Месхет-Джавахети в конце XIX — начале XX в. были распространены полуподземные дарбази и его разновидности (карапаниани сахли, одури сахли). Чаще всего дарбази строили по склону горы; таким образом, одна или даже три стены жилища соприкасались с землей, отчего в домах всегда было сыро. Стены делали из камня на глиняном растворе; покрытие крыши, как и пол внутри дома, было земляным. Свет проходил через отверстия в крыше (по одному в каждой комнате). С фасада дарбази устраивали навес. Внутри жилище разделялось коридором. Справа от него находились две комнаты: зимняя с камином и летняя, слева — большой амбар, сабдзели и далее большая комната с венцеобразным перекрытием, которая, как и все строение, называлась дарбази. Здесь был открытый очаг со светодымовым отверстием. Направо от комнаты-дарбази находился хлев (ахори). Жители Месхет-Джавахети строили и иное по планировке дарбази. В нем внутреннее пространство включало собственно дарбази, т. е. жилое помещение больших размеров с куполообразным сводом, сатонэ (пекарню), хула (кладовую), конюшню с особым отделением для гостей и коридор. Мебели, за исключением сундуков для хранения одежды, не было; вся семья спала обычно на полу. Освещалось помещение лучиной. В 1880-е годы значительное распространение в быту получила копилка — жестяная фотогеновая лампа без стекла<sup>34</sup>.

В селах по Сурамскому хребту (современный Хашурский район) основ-

ным строительным материалом было дерево, но имелись также дома, в которых верхний этаж строили из дерева, а нижний — из камня. К началу XX в. здесь преобладали одноэтажные деревянные дома без фундамента, имевшие одно помещение с земляным полом и маленькими окнами. Плетеная или деревянная перегородка разделяла жилище на две части: в одной устраивали камин и в ней проживала семья, в другой находился скот. По фасаду дома, выходящему во двор, проходила галерея. Крыша была четырехскатной, покрытая дранкой. Вне дома находилась часть хозяйственных помещений, а также сатонэ. Более состоятельные хозяева имели двухэтажные дома. Нижний каменный этаж в них был зимним местопребыванием семьи; здесь же помещался скот. В верхнем — деревянном этаже, имевшем галерею, семья жила летом. Внизу устраивали также марани, которое иногда, как и тонэ, помещалось отдельно<sup>35</sup>.

В Имерети в последней четверти XIX в. дома строили из досок, горизонтально вставлявшихся в основание бревен. В плане такой дом представлял прямоугольник и имел одно помещение, посередине которого устраивали очаг; окон в доме не делали. Со стороны каждого из двух фронтонов было устроено по двери, но сам фронтон в отличие от кахетинских домов был закрыт, что объяснялось обилием осадков в этой местности. Двускатная крыша покрывалась соломой, прикреплявшейся сеткой из деревянных реек. В Нижней Имерети были распространены дощатые одноэтажные дома (ода сахли) на низком каменном фундаменте, с четырехскатной крышей из дранки или соломы. В начале XX в. в таких домах уже делали окна и галереи. В Верхней Имерети в это время начинает распространяться жилище другого типа. Это были дома в полтора или два этажа (эрдоиани сахли), в которых верхний этаж (ода)

строили из досок, а нижний (саджалабо) — из камня. В саджалабо обычно устраивали две комнаты: жилую и кухню (самзади отахи); сзади к саджалабо пристраивали кладовую (сакучнао). В верхнем этаже имеретинского дома находились спальня и гостиная (састумро). В эрдоиани сахли делали галерею, окна, наряду с которыми сохраняли светодымовое отверстие над очагом кера.

В Лечкуми все жилые и хозяйственные постройки возводили из дерева, обычно из досок толщиной в 1½ вершка. Покрытие крыши делали из осоки или дранки, поверх которой клали камни. С одной стороны дома крыша выдавалась вперед и, опираясь на деревянные столбы, создавала навес, под которым находилась входная дверь; в противоположной стене имелась вторая дверь. Посредине единственного помещения без окон на земляном полу устраивали очаг кера, не имевший дымового отверстия. В 80-е годы XIX в. наряду с такими домами в состоятельных семьях начали строить дома другого типа: также деревянные, но с каминами, окнами, деревянными полами и потолками. Кроме жилого дома, во дворе находились помещения для скота, свинарник, амбар на каменном фундаменте, мякинник и кукурузник, у некоторых марани. Все хозяйственные постройки возводились из досок; мякинник и кукурузник — из плетня. В наиболее состоятельных семьях во дворе имелось три дома: старого типа дом без окон, использовавшийся для хозяйственных нужд, новый дом — с окнами и камином, в котором жила семья, и совсем новый дом, специально отстроенный для приема гостей. Его делали двухэтажным, с нижним этажом из камня, верхним — из дерева<sup>36</sup>.

Аналогичные формы жилища в этот период фиксируются в горных районах Гурии. И здесь более состоятельные семьи строили жилища в два этажа, из которых нижний был из камня, а верх-

ний — из дерева. Первый этаж с земляным полом и камином служил зимним помещением для семьи и крупного рогатого скота. В верхнем этаже, имевшем длинную галерею, семья жила летом. Дома состоятельных хозяев имели такие нововведения, как окна со ставнями, которые любили ярко раскрашивать. Точно также в яркие цвета окрашивали двери и перила балконов. Семьи бедняков и среднего достатка чаще строили одноэтажные жилища, имевшие одно помещение с земляным полом, без окон и потолка. Свет проникал внутрь через две двери, располагавшиеся одна против другой. В середине комнаты находился очаг, служивший для отопления и приготовления пищи; обстановку дома составляли тахты и табуетки.

В Нижней Гурии строились дома иного типа. Они были на довольно высоком (до 1,5 м) цоколе, одноэтажными, из досок, преимущественно дубовых или каштановых. Предпочтение дерева как строительного материала объяснялось большой влажностью местного климата. В подобных условиях каменные дома были совершенно непригодны, ибо в них всегда бывало очень сыро. Деревянные дома в этом отношении выгодно отличались: зимой в них было сухо, хотя и не очень тепло, так как дощатые стены не шпаклевались. Внутреннее пространство гурийских домов не разделялось; посредине единственного помещения с земляным полом, без окон и потолка находился очаг кера. Покрытием крыши служили черепица или дрань; у бедняков — солома или осока.

В конце XIX в. в Гурии стали возводить дома совершенно иного типа. По традиции их строили из досок и техника строительства была прежней, однако в остальном они подверглись значительной модернизации. Появились такие новые элементы, как окна со ставнями, деревянные полы и потолки, изменилась внутренняя планировка домов, в кото-

рых стали устраивать по 3—4 комнаты; в самой большой делали камин. Здесь семья жила только летом, так как зимой в таком помещении было холодно. Кроме того, в новых домах обязательно имелась комната для гостей, отдельная комната для женщины и помещение для хранения постелей. Вся дневная жизнь семьи проходила в кухне. «Целый день,— пишет Т. Сахокиа,— крестьянин находится в кухне, где имеется кера и на цепи котел для варки гоми». В главном же доме члены семьи только ночевали и принимали приехавших гостей. Хозяйственные помещения — хлев, кукурузник, кухня — строились в некотором отдалении от дома. Такая планировка усадеб была характерна в Гурии для всех социальных групп населения<sup>37</sup>.

В Аджарии в конце XIX в. было распространено жилище двух типов. В нижней части бассейна р. Чорохи дома строились из деревянных брусьев на фундаменте из булыжника и имели два, реже — полтора этажа; двускатная крыша покрывалась черепицей. Наружная лестница без перил вела наверх, где в жилом помещении имелся камин. В этих местах встречались дома, построенные целиком из камня. В верховьях Аджарис-цкали (ущелье Хуло) жилище строили преимущественно из деревянных брусьев в два этажа. Внизу устраивали хлев и сени; наружная лестница вела на второй этаж, где по обе стороны узкого коридора располагались три-четыре небольшие комнаты. Одну из них отводили под кухню (сadjалабо) и делали в ней камин. В другой ночевали мужчины, здесь также был камин, имелись тахты и ниши для хранения постельных принадлежностей. Свет сюда проникал через маленькое окно с деревянными задвижными ставнями. Третья комната, заставленная широкими тахтами, была гостиная, а четвертая — летняя — почти полностью открытая имела вид балкона. Здесь хранили сельскохозяйственные орудия, корзины,

а летом жила вся семья. Кроме названных помещений, на втором этаже имелось также специальное место для хранения зерна (хула). Любопытно, что во всех помещениях дома на полу обязательно делали земляной настил. Крышу покрывали дранкой без применения гвоздей, поэтому для прочности на дранку клали большие глиняные плиты<sup>38</sup>.

Кроме описанного типа жилища, в Аджарии на осенне-весенних пастбищах, находившихся обычно поблизости от села, и на альпийских лугах устраивали традиционное жилище джаргвали, которое строили из бревен, с двускатной крышей, покрытой дранкой. В первом этаже джаргвали находились следующие помещения: для крупного рогатого скота, овец, телят и коня (босели), коридор (карапани) и жилое помещение (сампехи). Наружная лестница вела на второй этаж, где были две комнаты: одна — для хранения и обработки молочных продуктов, другая — жилая (ода) с земляным полом, без потолка. У перегородки, разделявшей обе комнаты, устраивали очаг кера. Для этого насыпали земляной настил, на который ставили два камня без верхней плиты; дымового отверстия над очагом не делали. Первоначально джаргвали было только сезонным жилищем, однако со временем те из них, которые находились поблизости от села, сливались с последним и становились его частью<sup>39</sup>.

В Мегрелии жилище, как и ранее, строили из бревен, брусьев и досок, без фундамента. Окон не было и их заменяли две двери — с фасада дома и с противоположной стороны. С фасада обычно имелись навес, который создавала выступавшая вперед крыша, опиравшаяся на тонкие деревянные столбы. Крышу покрывали дранкой, соломой, осокой или тесом. Внутри дома имелось одно помещение, в котором на земляном полу устраивали открытый очаг (кебури). Кроме таких домов, в конце XIX — начале XX в. в Мегрелии значительное рас-

пространение имели плетеные пацхи с соломенной или папоротниковой крышей; папоротником покрывали зимой также стены пацхи. Внутреннее устройство пацхи было аналогично устройству деревянных мегрельских домов: в ней не было окон, а лишь две двери, одна против другой. Единственное помещение пацхи очагом делилось на две половины: справа от очага (по отношению к входу) — мужскую, слева — женскую. В пределах мегрельской усадьбы даже в самых бедных семьях всегда устраивали две пацхи: в одной жила семья, в другой зимой содержался скот. В конце XIX в. в Мегрелии стало интенсивно распространяться жилище усовершенствованного типа (ода сахли). Такие дома возводили из досок на фундаменте; внутреннее пространство делилось на комнаты, в которых делали деревянные полы, потолки, окна, камин. Кухня была рядом с домом, но хозяйственные помещения — *хула* (для зерна) и кукурузник с дощатой загородкой для коз — располагались подальше от дома<sup>40</sup>.

Описанные формы жилища в основном сохранялись в Грузии и в 1920-е годы. Оценивая дальнейший путь развития грузинского жилища, можно выделить несколько этапов. На первом этапе происходила лишь некоторая перестройка старого традиционного жилища, улучшение его отдельных элементов. Прежде всего это коснулось отопления, освещения, а также разделения единственного жилого помещения на комнаты, уменьшения этажности жилища в горах и, наоборот, ее возрастания в равнинно-предгорных районах. Менее всего на первом этапе процесс перестройки затронул хозяйственные помещения, которые продолжали оставаться в комплексе жилого дома (Восточная Грузия, горная зона) и вне его (Западная Грузия). Хронологически этот этап трансформации грузинского жилища происходил в 1920-е — начале 1930-х годов, хотя в некоторых районах (Хевсурети, Цал-

ка, часть Месхети и др.) он завершился лишь в 1940-е — начале 1950-х годов.

Строительство домов нового типа в 1920—1930-е годы происходило гораздо менее интенсивно. Строительным материалом для постройки новых домов нередко служило старое жилище, полностью разбивавшееся. Но первоначально основным все-таки был процесс перестройки старого жилища. Так, в Тушети разбирали четвертый этаж (черхо), имеющийся в домах чардаххани сахли; иногда от старого дома оставляли только два этажа; второй этаж разделяли на комнаты, стены которых белили или оклеивали обоями. К домам пристраивали деревянные балконы с резными украшениями, вместо щелей-бойниц (саркмели) делали широкие окна. Нижний этаж дома по традиции отводился под хлев. Когда старое каменное жилище использовали на постройку нового дома, по традиции его возводили из камня без связующего раствора, но строили одно- или двухэтажным, нередко пристраивали деревянные балконы. Внутреннее пространство такого дома делилось на несколько комнат, в которых устраивали окна<sup>41</sup>.

В Хевсурети в 1920-е годы сохранялись традиционные двух- или трехэтажные калопани сахли, однако и в них происходили видимые изменения. Так, в Пирикит Хевсурети вместо кера уже стали делать камин, а кухонное помещение выносили за пределы дома. Более существенные изменения в хевсурском жилище начались с 1930-х годов. Первоначально такая трансформация шла по пути улучшения отдельных элементов дома. В черхо, например, перегородкой стали отделять жилое помещение от хозяйственного. Иногда к черхо пристраивали комнату, несколько большую по высоте, стены которой внутри и снаружи обмазывали смесью глины, земли и соломы; вместо простых отверстий здесь делали маленькие окна со стеклами, а камин заменил открытый

очаг. В этой комнате жил глава семьи; здесь стояли кровать, стул, хранилась одежда, оружие, сбруя. Несмотря на подобные переделки, хевсурский дом в эти годы в целом сохранял свой традиционный облик. Лишь в некоторых домах происходила более существенная перестройка, во многом изменившая старинную планировку хевсурского жилища. Перед черхо и самкопи стали пристраивать помещение в две комнаты с застекленной галереей, широкими окнами, с деревянным полом и потолком, городской мебелью; стены комнат оштукатуривали известью. Гумно в таком доме устраивали отдельно; скатную крышу покрывали жестью. Хотя в таком доме и сохранялось большинство элементов традиционного калоиани сахли, строительные нововведения привели к тому, что он выглядел теперь иначе и отличался внешне от окружавших его домов, еще сохранявших традиционный облик.

Несколько позднее в Хевсурети начали строить жилище совершенно нового типа, неизвестное тут ранее. Это был двухэтажный каменный дом сухой кладки, оштукатуренный смесью навоза и земли. Фасад дома занимал балкон с перилами. В первом этаже под балконом находились летнее помещение для скота (дерепани), помещение для хранения дров и всевозможной утвари (эзо), хлев для коров (садзрохе), жилая комната для женщин (пина), помещение для хранения молочных продуктов (сене). Второй этаж черхо был перегороден на две части. В передней части была комната мужчин, а за ней — комната хозяйственного назначения. Крышу по традиции делали плоской, из деревянных жердей, хвоста, земли и шиферных плит. В таком доме сохранялись все его традиционные элементы, однако имелись улучшения, прежде всего касавшиеся жилой части. Так, в пина были сделаны окна, потолок, камин и железная печь, заменившая кера. Здесь

же находилась печь для выпечки хлеба (гумели)<sup>42</sup>.

Традиционные формы жилища — однопэтажные, из камня, с плоской земляной крышей — в 1920-х — начале 1930-х годов сохранялись также в Пшави, Хевии и Мтиулети. Однако и здесь частым явлением в эти годы стала их перестройка. В Мтиулети, например, квиткири перегораживали на несколько комнат, в которых делали деревянные полы и толки, окна, а стены белили. Нередко к старому дому пристраивали парадную комнату (отахи) с застекленными окнами, стены ее штукатурили внутри и снаружи смесью извести и песка. Отахи освещалась керосиновой лампой, заменившей старую копилку. В конце 1920-х годов в Мтиулети также началось строительство домов нового типа: каменных, в один—два этажа, с несколькими комнатами, с застекленными окнами, с балконом на втором этаже. В таком доме очаг кера обязательно заменялся камином; широкое распространение в это время получила также жестяная печь. Крышу в новых домах делали двускатной и покрывали черепицей; хлев устраивали отдельно от жилья<sup>43</sup>.

Интенсивный процесс трансформации традиционного жилища происходил в этот период и в Горной Раче. Здесь в 1920-е годы сочеталось несколько типов жилища. Первый — традиционный дуроиани сахли — сохранялся только в с. Геби (в с. Чиора, например, последний дом этого типа разрушили в 1925 г.). Однако даже там, где дуроиани сахли сохранялся, он подвергся в эти годы значительной перестройке. На первых порах все жилые и хозяйственные помещения были под одной крышей, но жилая часть дома переделывалась: к ней пристраивали дополнительные комнаты, вместо кера делали бухари; получили распространение дощатые полы и толки, более широкие окна, балконы. Происходили также изменения другого

рода. Так, в дуроани сахли разбирали верхний этаж дуроеби, пристроенную комнату (карсели) и бегели, а все остальные этажи дома (за исключением хозяйственных помещений первого этажа) подвергались основательной перестройке. Саджалабо сахли — большой зал на втором этаже — продолжал оставаться основным жилым помещением семьи. Однако теперь он приобрел вид современной комнаты с дощатым полом и потолком, выбеленными стенами, большими окнами. Нередко в одной из стен саджалабо сахли устраивали бухари, в другой — печь пурне. Третий этаж перестраивали и устраивали там две комнаты городского типа с непременно балконом, который обязательно старались украсить резьбой<sup>44</sup>.

Помимо дуроани сахли, в Геби имелись одноэтажные однокомнатные дощатые дома с камином. Такой дом назывался дарбази и появился здесь, как отмечалось, в 1880—1890-х годах; в 1920-х годах он уже считался традиционной формой жилища. Нередко дуроани сахли и дощатый дарбази сочетались в одном дворе, принадлежавшем неразделенной семье. После раздела семьи, когда возникала необходимость в строительстве еще одного дома, его возводили двухэтажным, из камня (иногда каменным был только первый этаж, а второй — из дерева), с балконом, с двускатной крышей, покрытой кавари. Вместо кера предпочитали устраивать бухари, наряду с которым в домах стали появляться железные печи. Второй этаж дома с балконом был жилым помещением семьи в летнее время. В зимнее время семья жила внизу, на первом этаже. Здесь же по традиции продолжали устраивать хлев, но конюшню выносили за пределы дома.

В остальных селах Верхней Рачи, находящихся значительно ниже горнорабочих Геби, Глола и Чиора, в 1920-е годы стали строить двухэтажное жилище, в котором первый этаж был камен-

ный, а второй — деревянный — являлся точной копией старого дощатого дарбази. Его разгораживали на три комнаты, в которых делали деревянные полы, стены обкладывали камнем на связующем растворе. Средняя комната предназначалась для семьи, боковые — для гостей. Под гостевыми комнатами в нижнем этаже находились боселли и другие хозяйственные помещения. Такой полутрадиционный тип жилища сохранялся в этом районе недолго: его сменил двухэтажный палатани сахли, который в других частях Западной Грузии был известен еще в начале XX в. Все пространство первого этажа дома занимала конюшня; остальные хозяйственные помещения находились вне его. Второй этаж, куда вела наружная лестница, был дощатым и состоял из залы, двух маленьких комнат и балкона. Дома такого типа продолжали строиться в этом районе Грузии и в 1950-е годы.

В Нижней Раче в 1920-е годы сохранялась традиция строительства одноэтажных домов с сильно пологими крышами, покрытыми дранкой. Однако в эти годы дома подобного типа стали более просторными; их внутреннее пространство разгораживали на несколько комнат, имевших большие застекленные окна, камины. Отапливались такие дома железной печкой. В 1930-е годы наряду с одноэтажными в селах Нижней Рачи начали строить и двухэтажные жилища. По традиции их делали из досок, с двускатной крышей, покрытой кавар, но внутренняя планировка этих домов была еще более улучшена<sup>45</sup>.

Аналогичные процессы трансформации традиционного жилища происходили и в Сванети. Здесь к традиционному жилищу кор пристраивали деревянные галереи; в комнатах, на которые стали разделять внутреннее пространство дома, делали дощатые полы и потолки, большие застекленные окна, камины, обставляли мебелью городского типа. В домах неуклонно сокращалась

площадь, занятая хозяйственными помещениями. Иногда в традиционных домах полностью разбирали верхний этаж, оставляя лишь нижний — мачуб (он использовался как хозяйственное помещение), над которым возводили каменную надстройку с деревянной галереей. В этом жилом этаже имелись деревянные потолки и полы, широкие окна, вместо очага кера там устраивали камин, в 1940-х годах полностью вытесненные железными печами. В случаях, когда старое жилище совершенно разрушалось, на его месте строили новый дом со всеми новшествами, проникавшими в это время в сванские горы. Характерной особенностью домов такого типа было вынесение всех хозяйственных помещений за пределы жилища.

Процесс модернизации жилища интенсивно проходил по всей территории Сванети. В Местиа, например, к началу 1930-х годов было не менее половины усовершенствованных домов. В с. Мурквели к этому времени имелось лишь три дома нового типа, но к концу 1930-х годов они уже явно преобладали. Даже в Ушгули, самом высокогорном обществе Верхней Сванети, происходила некоторая перестройка традиционных домов, в основном за счет пристраивания к ним деревянных галерей. В Нижней Сванети в 1920—1930-е годы перестраивалось жилище типа палатиани сахли, получившее здесь распространение к началу XX в.: к нему пристраивали деревянный второй этаж; в комнатах делали деревянные потолки, окна, камин, пол покрывали глиняным раствором<sup>46</sup>.

Процесс перестройки традиционного жилища и строительства домов нового типа столь же интенсивно в эти годы происходил и в равнинно-предгорной Грузии. В Кахети, например, в 1920-е годы еще сохранялись традиционные мицурис сахли, гомурис сахли (в Шираке) и другие типы домов, бытовавшие в среде местного населения в XIX в. Однако основным типом жилища к это-

му времени стал так называемый кахетинский дом, эпизодически встречавшийся в первой половине прошлого века, но еще более усовершенствованный к рассматриваемому периоду. Это было двухэтажное строение, нижний этаж которого делали из булыжного камня на известковом растворе (отсюда и название жилища этого типа *квиткири*, т. е. камень-известь), верхний этаж строили из кирпича (агури). Нижний этаж разделялся на два помещения: марапи, где была давяльня и хранились зарытые в землю кувшины с вином, и кухня с печью и плитой (редко с очагом кера). Второй этаж, куда вела наружная каменная лестница, включал веранду, окружавшую дом со всех сторон, сени и три комнаты, одна из которых — самая большая — предназначалась для гостей. В этой комнате вдоль стен тянулись тахты с множеством мутак и подушек и одеялами. В двух небольших комнатах, находившихся за гостевой, жила семья. Летом ее члены значительную часть времени проводили в сенях и на веранде, считавшихся летними помещениями. Все комнаты имели деревянные потолки и полы, значительные окна. Крыша была двускатной, с открытым фронтоном и покрывалась черепицей.

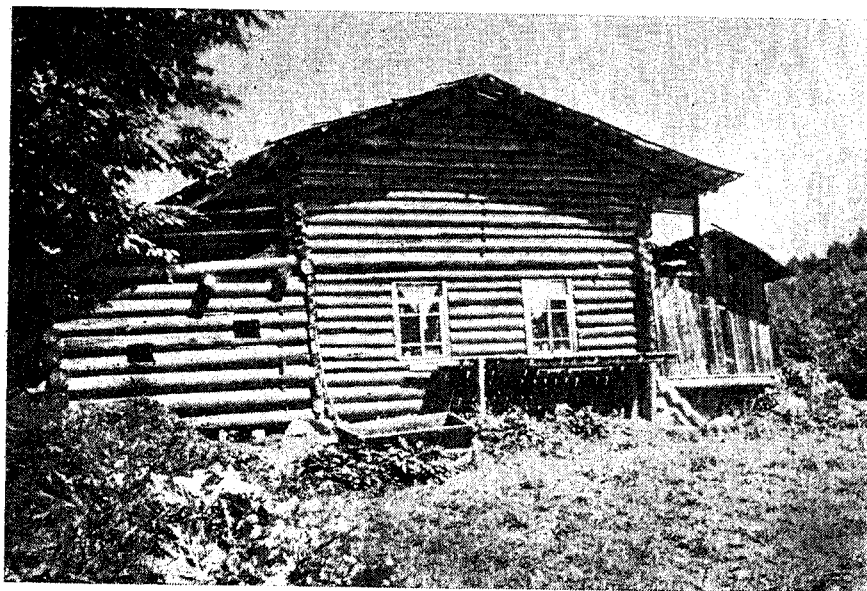
Кроме описанного квиткири в эти годы в Кахети было распространено двухэтажное жилище из необожженного сырцового кирпича (алисис сахли), с двускатной черепичной или тесовой крышей. Фронтоны были открытыми (для поступления чистого воздуха), и здесь обычно сушили красный перец, лук, кисти винограда, кукурузу. Планировка дома была аналогична планировке жилища квиткири. В жилых комнатах в домах алисис сахли устраивали камин, а очаг кера из верхнего этажа переместился вниз, в кухню. Кахетинский тип дома оказался наиболее приспособленным к новым условиям и постепенно распространился за пределы Кахети. Он проник в Картли, где дар-





Рис. 25. Жилище 1930-х годов в Кизики (сел. Архилоскало; фото 1975 г.)

Рис. 26. Жилище 1930-х годов в Сванети (Накра; фото 1974 г.)



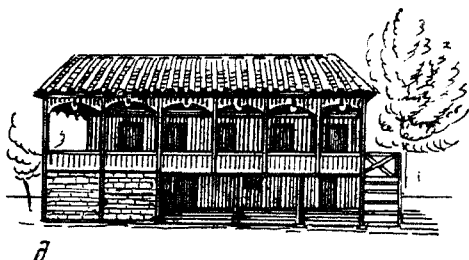
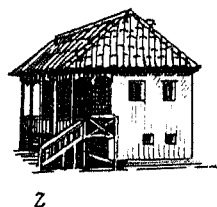
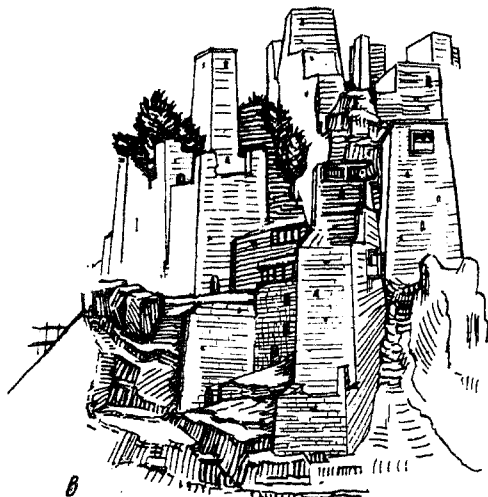
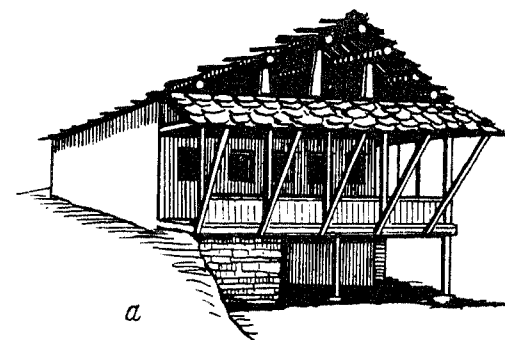


Рис. 27. Традиционное и новое жилище

- а, б — 1920-х годов (сел. Дикло, Тушети);  
 в — традиционное в сел. Шатили (Хевсурети);  
 г, д — первой четверти XX в. в Картли;  
 е — традиционное и 1930-х годов в Сванети  
 в Мestia (рис. 1973—1974 гг.)

бази уже не отвечало запросам времени, и появился за Сурамским хребтом в Западной Грузии. Дома такого типа строились и в районах Армении (Дилижан, в селах около оз. Севан) <sup>47</sup>.

Однако в Картли в 1920-е годы дома кахетинского типа еще не получили ши-

рокого распространения. Карталинцы по-прежнему жили в дарбази, мицурис сахли и одноэтажных плоскокрыших квитири. Но и в них происходила некоторая модернизация. Прежде всего менялась система очагов. Так, в дарбази очаг кера стал заменяться железной печью; светодымовое эрдо начали закрывать стеклом. С годами кахетинский тип дома начинает завоевывать в Картли все большую популярность. Кроме того, в это время появляется новый тип жилища — одноэтажное, из камня или дерева, с двускатной черепичной крышей. Внутри такого дома устраивали две комнаты с большими окнами, деревянными полами и потолками; все хозяйственные помещения выносились за пределы дома. В районах Картли, примыкающих к Сурамскому хребту, все большее распространение в эти годы получали двухэтажные дома, в которых нижний этаж делали из камня на извести, а верхний — из дерева<sup>48</sup>.

В Эрцо-Тианети в 1920-е годы в основном сохранялись мицурис сахли и гомурис сахли. Правда, до революции зажиточные хозяева строили деревянные одноэтажные дома под черепичной крышей. Однако они встречались крайне редко и не меняли общей картины. В 1930-е годы начинается интенсивный процесс замены «землянок» новыми каменными домами. Это были одно- двухэтажные жилища с верандами, большими окнами. Их внутреннее пространство разделялось на две—три комнаты, в которых были деревянные полы и потолки, а также камин, заменившие к этому времени кера. Однако камин недолго просуществовали в этом районе; их место быстро заняли более рациональные жестяные печи. Двускатная крыша такого дома покрывалась черепицей. Новый тип жилища в течение 1940-х годов стал основным в Эрцо-Тианети и навсегда вытеснил ранее распространенные здесь формы<sup>49</sup>.

В грузинских селах Цалки в 1920-е

годы жилищем в основном служили мицурис сахли и дарбази. В 1930-е годы здесь стали строить одноэтажные каменные дома усовершенствованного типа с застекленными окнами; в комнатах делали деревянные полы и потолки. В новых домах устраивали камин и появившиеся в эти годы жестяные печи; хозяйственные помещения размещались отдельно. Подобные дома к 1940-м годам заменили большую часть традиционного жилища. В Месхет-Джавахети также происходил процесс вытеснения традиционных форм жилища — дарбази и плоскокрыших ода сахли. Здесь появляются дом с окнами (панджриани сахли) и новый тип дома. Последний имел двускатную крышу, и его хозяйственные помещения располагались отдельно<sup>50</sup>.

В Имерети к 1920-м годам традиционное жилище почти не сохранилось, а там, где им продолжали пользоваться, оно уже было в значительной мере перестроено: внутреннее пространство разделялось на несколько комнат, полы и потолки были деревянными, имелись окна, вместо кера — камин. В этот период здесь были распространены преимущественно деревянные строения в один, полтора или два этажа на фундаменте из булыжного камня. В нижней части такого дома устраивали хлев; здесь же находились марани и жилое зимнее помещение. На втором этаже, куда вела наружная лестница, были галерея и жилые комнаты (в том числе гостевая), имевшие камин и традиционное убранство: тахты, ковры, мутаки, подушки. Двускатная крыша в таких домах покрывалась черепицей.

В Мегрелии в 1920-х — начале 1930-х годов сочетались традиционные пацхи, джаргвали, боквиани сахли, а также более поздние ода сахли. Именно последний тип дома, известный ранее только в среде социальной верхушки, со временем получил здесь наибольшее распространение. Ода сахли стали строить всегда двухэтажным из камня (или

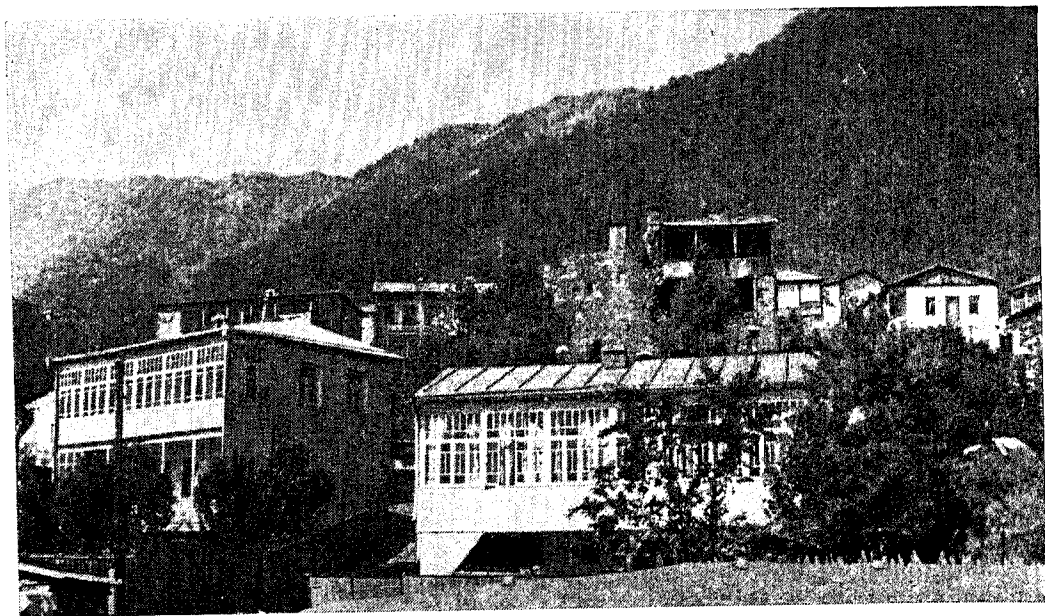


Рис. 28. Новые дома в сел. Геби в Верхней Раче (фото 1975 г.)

Рис. 29. Новые дома в сел. Мазери в Сванети (фото 1974 г.)

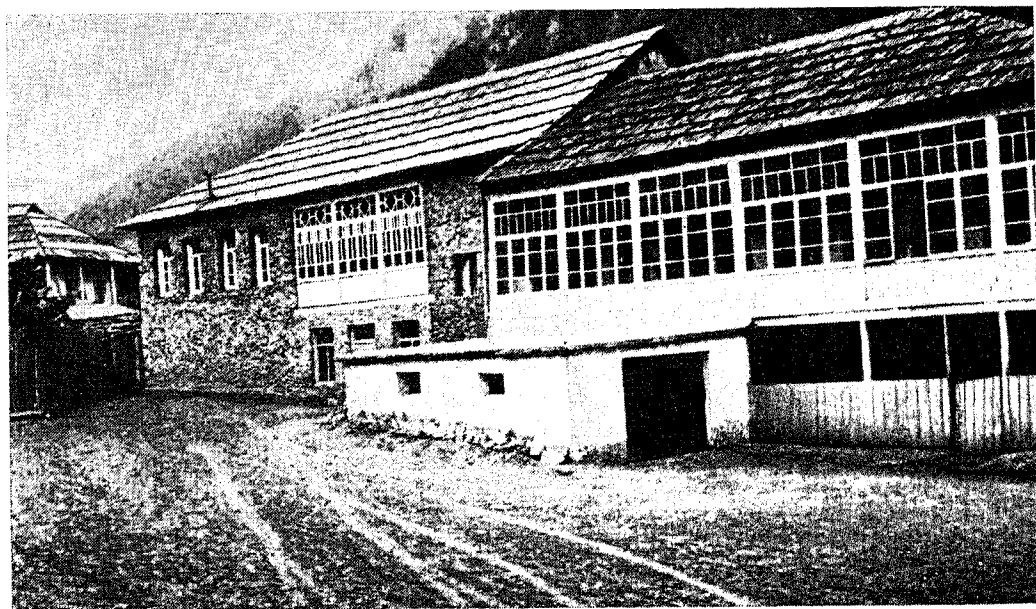
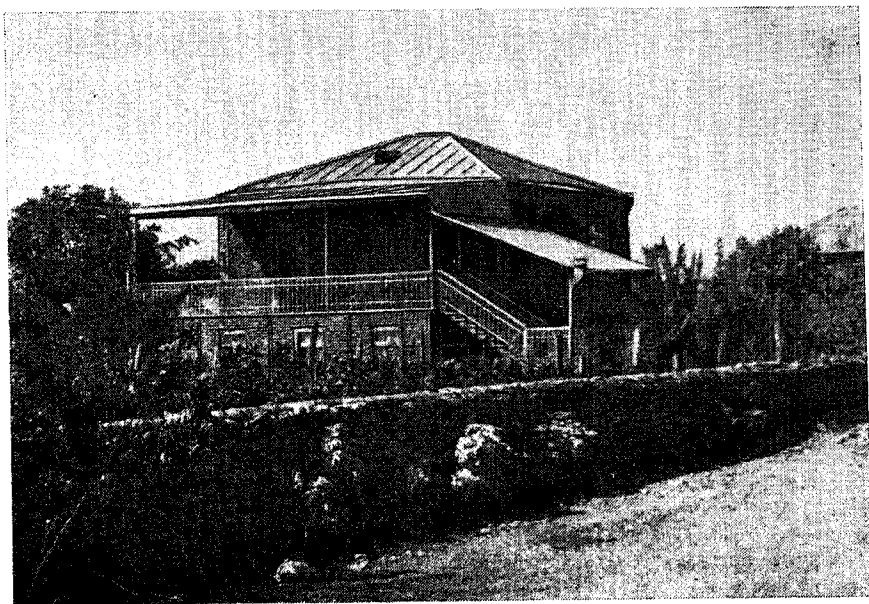




Рис. 30. Новый дом в сел. Карсубани в Кахети (фото 1979 г.)

Рис. 31. Новый дом в сел. Лелиани в Кахети (фото 1979 г.)



второй этаж делали из досок). На первом этаже находились некоторые хозяйственные помещения и зимняя жилая комната. На втором этаже устраивали три-четыре комнаты с окнами и каминами; здесь же была галерея. В эти годы нередко в одной мегрельской усадьбе сочеталось несколько типов жилища: джаргвали, пацха и ода сахли. Первый был жилым домом семьи, пацха служила кухней и в ней по-прежнему устраивали открытый очаг кебури, ода сахли был домом для гостей. Кроме того, в пределах усадьбы находились хозяйственные постройки для содержания коз, хранения кукурузы и пр. Их делали всегда плетеными, а крышу покрывали соломой или осокой<sup>51</sup>.

Приведенные материалы показали значительные изменения в жилище грузин в 1920—1930-е годы. Процесс модернизации этой формы бытовой культуры, уже в 1930-е годы носивший массовый характер, продолжался в 1940-е годы, но еще более усилился в послевоенные десятилетия, когда в Грузии повсеместно началось строительство домов улучшенного типа. Этот этап трансформации традиционного жилища связан со строительством домов, отличных от традиционных по конструкции, планировке, внешнему виду и т. п. В Пиракет Хевсурети, например, в 1940-е годы стали строить двухэтажные каменные дома, обмазанные смесью глины с навозом, с орнаментированным балконом, с большими окнами. На первом этаже находилась зимняя комната с земляным полом. Здесь стояли тахты, кидобани, длинная скамья, различная посуда; в середине комнаты стояла чугунная печь. Кроме нее, имелся бухари, который использовали для приготовления пищи. На втором этаже была жилая летняя комната с деревянным полом, выбеленными стенами. В ней отгораживали кладовую для хранения вещей. Старый дом сохранялся, но использовался только для хозяйственных нужд.

В Картли в 1950-х годах строили двухэтажные дома с двух- или четырехскатной крышей, крытой черепицей. В нижнем этаже находились кухня, марани, склад сельскохозяйственных орудий, хранились различные продукты; верхний этаж был жилым. Здесь устраивали спальню, столовую, обязательно гостиную, появились также новые по назначению комнаты. Иным стал внутренний вид дома: деревянные полы и потолки, широкие окна, камин<sup>52</sup>.

Таким образом, изменения, происшедшие в грузинском традиционном жилище к 1960-м годам, были весьма значительными. Дальнейшее его развитие связано в основном с модернизацией старого жилища. Так, в последние десятилетия во многих районах Грузии изменился материал постройки, например в строительстве стали употреблять камень на цементе вместо дерева и плетня. В качестве строительного материала широкое распространение получили шлакобетонные и цементные блоки. Для покрытия крыши стали использовать шифер, оцинкованное кровельное железо; из традиционных материалов и в настоящее время сохраняется черепица. С другой стороны, в строительстве не используется теперь другой традиционный материал — дранка, хотя в некоторых районах (например, в Сванети, Нижней Раче) она представляет наиболее стойкий материал для покрытия крыши. В строительстве современных домов нередко сочетания различных материалов. Так, в одноэтажных каменных домах, возведенных в 1950-х годах, второй этаж надстраивали из шлакобетонных блоков. Или, как это было в Ахалпхском и Ахалкалакском районах, нижний этаж возводили из местного камня на цементном растворе, верхний — из розового туфа, привозившегося из Армении<sup>53</sup>.

Процесс трансформации жилища затронул самые различные элементы всего жилищного комплекса. В настоящее

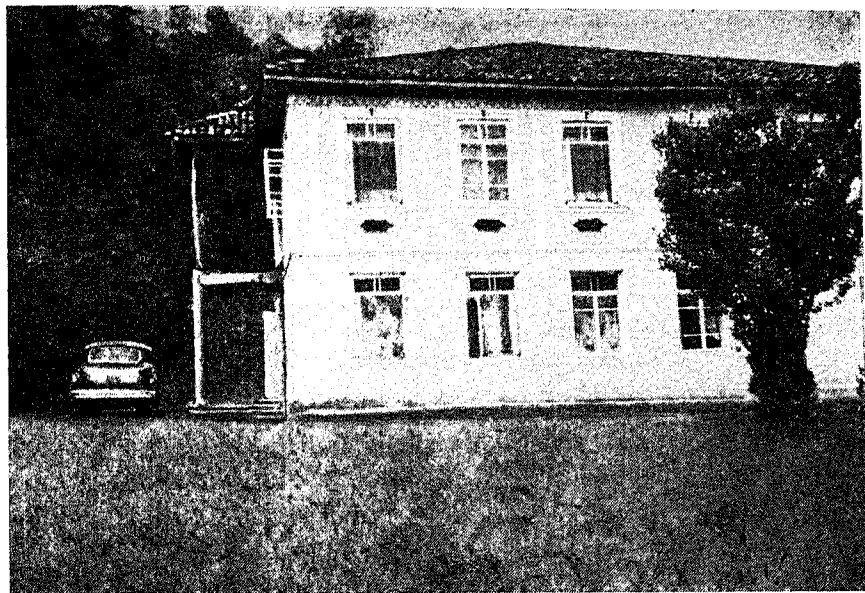
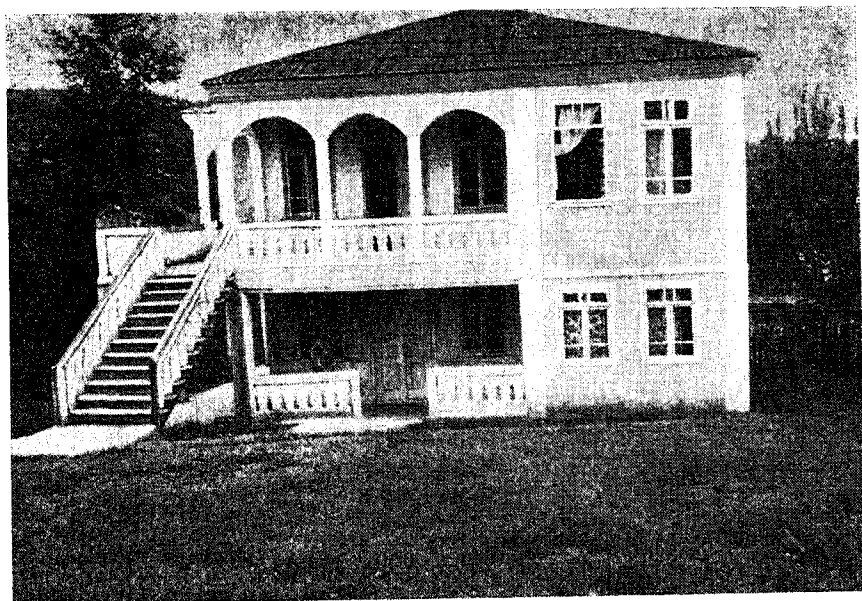


Рис. 32. Новый дом в сел. Вайо в горной Аджарии (фото 1974 г.)

Рис. 33. Дом постройки 1970-х годов в Мегрелии (фото 1974 г.)





время наблюдается тенденция к увеличению этажности жилища. В большинстве районов Грузии одноэтажные дома, построенные в 1920—1930-е годы, стали надстраивать или заменять двухэтажными. Значительно возросли размеры жилой площади, увеличилась высота потолка. Определенные изменения претерпела и внутренняя планировка дома. Если в 1920-е годы происходила просто дифференциация жилого помещения на две, иногда три части, то теперь число комнат в грузинских домах нередко достигает десяти. Столь же быстро увеличивается их метраж: размеры комнат варьируют от 25 до 60 кв. м, а общий метраж жилой площади в доме иногда достигает 200 кв. м. В домах появились комнаты с новым назначением: отдельные спальни, в том числе для старших, детская, кабинет, ванная.

Коренным образом изменился внутренний вид комнат, в которых, как правило, имеются деревянные потолки и крашенные полы и, конечно, современная мебель, нередко новейших образцов, полностью заменившая старые тахты, маленькие столики и другую традиционную мебель. Из традиционного убранства в домах остаются только ковры, которыми до сих пор украшают жилые комнаты. Однако в старых домах, которые теперь нередко выполняют роль кухни и столовой (например, в Западной Грузии), наряду с обычной городской мебелью имеются традиционные табла (хонча) — маленькие столики, которые еще используются в быту. Иногда на этих столиках, например в Аджарии, подают кофе и угощение для гостей; часто за них сажают детей, тогда как вся семья и пришедшие в дом родственники едят за обычным «европейским» столом.

Для отопления комнат в зимнее время используется жестяная печь, но в последние годы дома нередко отапливаются батареями, нагреваемыми горячей водой с помощью особого устройства.

Пищу готовят главным образом на газовой плите и, если имеется, в камине. Существенные изменения произошли не только в жилой части дома, но и в хозяйственных помещениях, которые в большинстве вынесены за пределы дома. В Восточной Грузии в доме остались кухня, кладовая для продуктов, иногда марами. Изменилось не только местоположение хозяйственных построек, но также их число и площадь, которые значительно сократились. Во многом это связано с сокращением поголовья скота в личном хозяйстве, с более широким использованием семьей покупных продуктов (в том числе муки), а не производимых в своем хозяйстве<sup>54</sup>.

Предельно изменился и внешний вид современного грузинского дома. Широкая каменная лестница с металлическими перилами ведет вверх, где, как правило, устроена большая галерея. Большие окна и широкие двери — уже сравнительно давняя черта грузинского жилища. В последнее время наблюдается тенденция к различного рода украшениям: балкон украшается резьбой, крыша — металлическим коньком, декорируются массивные железные ворота, ставшие в последнее время обязательной принадлежностью усадебной ограды. Меняется ориентировка фасада, который делают иногда на улицу, что не характерно для традиционного грузинского жилища.

Такова картина эволюции и трансформации традиционного грузинского жилища, прослеживаемая за последние более чем полтора столетия. Как видно из приведенных материалов, до последних десятилетий в Грузии сохранялись традиционные формы жилища, фиксируемые еще до XIX в.: дарбазы, мицурисахли, джаргвали и др. Однако эти формы постепенно изменялись на протяжении изучаемого периода. Помимо таких измененных форм жилища появлялись также дома нового типа. Эти процессы характерны главным образом



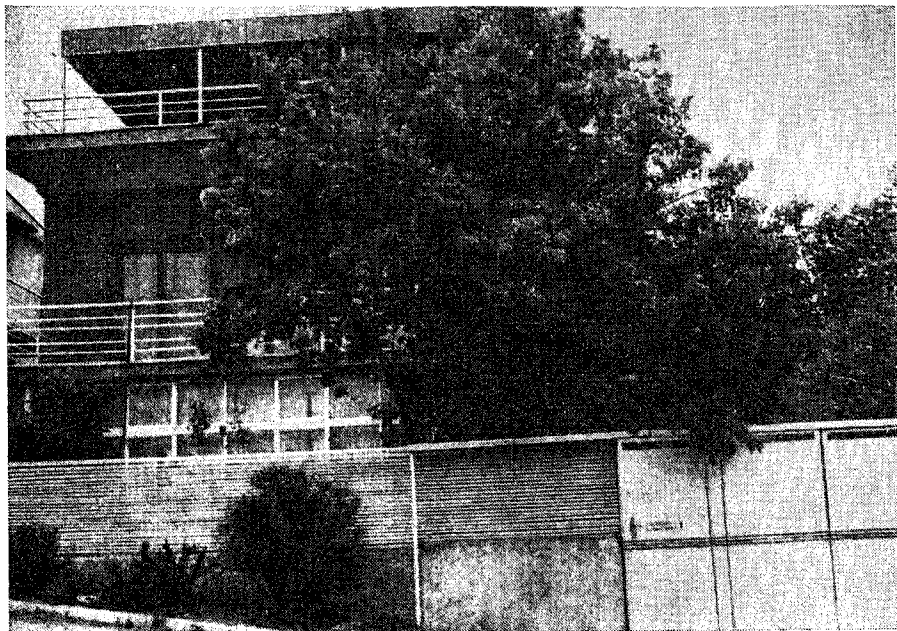


Рис. 34. Новые дома в Картли

для XX в., однако подобные тенденции проявлялись, хотя и не повсеместно, еще в первой половине XIX в.

В настоящее время мы совсем не увидим таких домов, как мицурис сахли и джаргвали. Мы найдем лишь единичные экземпляры дарбази и дуриани сахли. Одни из них используются в хозяйственных целях, другие сохраняются как музейные экспонаты, третьи — полуразрушены. Из традиционных форм жилища XIX в. наиболее приспособленным к современным условиям оказался дом кахетинского типа, который можно видеть в основе большинства современных домов Грузии. Столь же стойким оказалось жилище горной Аджарии, Нижней Рачи, Лечхуми, Мегрелии и Гурии. В названных домах сохранился материал постройки — камень со связующим материалом, дерево, частично — покрытие крыши (черепица). Сохраняется в более поздних по времени строительства домах (например, в Аджарии) планировка, частично — назначение комнат. Однако и эти традиционные дома, как показали рассмотренные материалы, в наши дни подверглись коренной модернизации.

## Одежда

Как и другие сферы материальной культуры, одежда отражает характер трудовой деятельности народа, его художественные вкусы, социальные различия общества. Костюм, как жилище и пища, тесным образом связан с духовной жизнью народа, что проявляется в наличии праздничной и ритуальной одежды. Однако по сравнению с жилищем и пищей одежда обладает и особыми, присущими только ей чертами. Так, она может указывать на религиозную или профессиональную принадлежность какой-либо группы. В костюме в отличие от остальной материальной культуры проявляются этические нормы, принятые в среде данного этноса. Более чем в других областях бытовой

культуры, в одежде заметны половозрастные<sup>1</sup> и этнические различия. И наоборот, менее, чем жилище и пища, одежда связана с природно-климатическими условиями, хотя такая связь безусловно имеется<sup>2</sup>.

Народная одежда, с одной стороны, обладает большим единством, с другой — определенными локальными чертами. Общее в одежде чаще совпадает с границами этноса (или этнографической группы), но может проследиваться и за их пределами. Как и локальное, общее проявляется в различных компонентах костюма: в материале, обуви, головных уборах, в конструкции всех элементов одежды, в характере цветовой гаммы и украшений, в манере ношения костюма и т. п. Наконец, одежда обладает еще одной особенностью. В отличие от жилища и пищи она наиболее подвержена влиянию моды, однако последнее не мешает одежде сохранять и некоторую долю консерватизма. Это выражается, в частности, в предпочтении некоторых элементов традиционного костюма, нередко выполняющих роль этнического знака.

Одежда включает различные компоненты: материал, из которого сшит костюм, весь комплекс костюма, т. е. нательную и верхнюю одежду, головной убор, обувь, украшения (ювелирные, вышивки, аппликации и т. п.). Несколько особняком стоит вооружение, в течение веков выполнявшее свои прямые функции, но со временем ставшее своеобразным украшением кавказского мужского костюма. С одеждой, прежде всего с головными уборами, тесно связаны прически. В анализе материалов по одежде необходимо учитывать социальную принадлежность и ее функциональное назначение: повседневная, праздничная, ритуальная, профессиональная и т. п.

При довольно существенных различиях в одежде этнографических групп грузинского народа<sup>3</sup> в ней прослежи-

вается и значительная общность. Наиболее однотипной в разных районах была мужская одежда, включавшая рубаху (перанги), нижние (нипхави) и верхние штаны (шарвали), верхнюю одежду — *ахалуги* и *чохи*, пояс — шерстяной, шелковый и ременной с серебряными бляшками. Зимой носили тулуп (ткави), реже — бурку (набади). Головным убором служили различные войлочные шапки (набдис куди), зимой — меховые (папахи) и башлыки (кабалахи). На ноги надевали вязаные носки (циндеби), вязаные или кожаные ноговицы (пачичеби), самодельную обувь из сыромятной кожи в виде лаптей или поршней (каламани) или мести, сделанные из более тонкой кожи, в некоторых районах носили вязаную шерстяную на войлочной подошве обувь (читеби, татеби). Дворяне носили мягкую обувь из сафьяна без каблука и пришитой подошвы (цуга), а также сапожки на каблуке.

Одежда отражала социальную принадлежность. Например, верхнюю одежду с разрезными рукавами (каба), парадную одежду из бархата, украшавшуюся золотым галуном и мехом (куладжа), надевали только привилегированные сословия. Обязательной принадлежностью куладжи были сапожки на каблуке с резко загнутым носком (картули чвинтиани пехсацмели)<sup>4</sup>. В мужском костюме имелись также зональные отличия: в длине и покрое чохи, в головных уборах и т. п. Например, в Западной Грузии на голову надевали *папанаки* — небольшой кусок сукна круглой формы, обшитый тесьмой и нередко вышитый. С помощью шерстяного шнура папанаки подвязывали под подбородком. Мужское платье с разрезными рукавами носили представители привилегированных слоев главным образом Восточной и Южной Грузии, реже — Имерети. Большим своеобразием отличался костюм горцев, особенно хевсур, а также аджарцев и гурийцев.

Женский костюм в Кахети, Карли, Имерети, Гурии, Мегрелии к середине XIX в. включал рубаху (перанги), длинные штаны (шейдиши), длинное платье (картули каба). Такое платье имело на груди глубокий вырез, закрывавшийся вставкой *гулиспири*, и подпоясывалось матерчатым поясом (сарткели), концы которого спереди спускались почти до пола. Поверх каба состоятельные носили *катиби*, одежду длиной до колен, подбитую и опушенную мехом и имевшую разрезные до середины рукава. Головной убор состоял из *лечаки* (вуаль), *чихта*, *копи* и *тавсакрави*. Чихта делали в виде картонного ободка, обшитого тканью, копи — в виде тонкого валика из ваты, который обшивали шелковой тканью. Головная повязка тавсакрави представляла собой узкую полоску ткани (обычно бархата, вышитую шелком, золотом, жемчугом), прикреплявшуюся к чихта. Выходя на улицу, грузинки на головной убор накидывали шелковый платок (багдади). Вся фигура женщины закутывалась в покрывало (чадри) из коленкора или полотна. В Западной Грузии чихта-копи крестьянки не носили; от восточно-грузинского отличался также способ повязывания лечаки. Костюм горянок (тушинок, хевсурок, пшавок, мохевок, рачинок, сванок) отличался от описанного. Обувь была однотипна по всей Грузии. Грузинки носили башмаки на каблуках и без задников (копи), сафьяновые полусапожки (цуга), сафьяновую обувь без каблука (плости), каламани, надевавшиеся с вязаными носками, в горах — вязаные из шерсти читеби.

Обратимся к соответствующим источникам. Прежде всего о тканях, из которых изготовлялась традиционная грузинская одежда. Повсеместно население Грузии производило дмотканую шерстяную ткань (шали, толи), грубые сукна (преимущественно в горах), шелк (во многих районах страны), в неболь-

шом количестве — хлопчатобумажные материалы, льняное полотно, холст, бязь (в Имерети, Гурии, Абхазии, Мегрелии). Шерстяные ткани изготовлялись различных цветов: черного, белого, серого, иногда естественными красителями их окрашивали в синий цвет. Этот материал использовали на нужды семьи, штуками продавали в своем селе или везли на базар, где обменивали на ситец. Нередко у ремесленников шали скупали скупщики, продававшие затем эту ткань в больших городах.

Названные материалы были основными, из которых население Грузии изготовляло свою одежду. В первой трети XIX в. наряду с домашними тканями значительное распространение получили привозные: ситцы, холстинки, шелк, сукно. К концу XIX в. местное производство холста, бязи, шелка постепенно пришло в упадок в связи с интенсивным распространением в Грузии ситцев и других фабричных тканей. В начале XX в. сокращается также домашнее производство сукна. Так, сваны, например, предпочитали не делать свое сукно, а покупать его в Кутаиси, поскольку покупное сукно было более прочное, легкое и красивое<sup>5</sup>.

Одежда высших социальных слоев грузинского общества шилась преимущественно из привозных материалов. В первой половине XIX в. в Грузию ввозили шелк, золототканые материалы, плюш, разноцветный атлас, парчу, фланель, с середины того же века — русский и французский ситцы. Широкое распространение получили привозные льняные и шерстяные ткани, английские ситцы. К середине XIX в. привозные ткани появляются не только в городах и равнинно-предгорной Грузии, но и в горах. На это указывает, в частности, Г. Радде. «Привозные ткани, — пишет он, — находят большое применение в тушинском костюме, в особенности в последнее время (с 1860-х годов. — Н. В., Г. Д.). Так, например, бока корот-

кой красиво разукрашенной спереди распашонки делаются из русской шерстяной материи, а середина — нередко даже из заграничного сукна». Такого же рода факты Г. Радде указывает и у хевсур. «Влияние нового времени, — отмечает он, — отразилось прежде всего на их (хевсур, — Н. В., Г. Д.) одежде... куски ярко-красного сукна московского изделия проникли уже в самые отдаленные закоулки высоких гор и украшают собой выемчатые пагрудники рыцарских хевсур. В новейшее время стали употреблять для этой цели черные и синие куски грубого европейского сукна». Помимо сукна хевсуры стали использовать также покупную бязь<sup>6</sup>.

Широкие торговые связи создавали, таким образом, возможность для появления в быту грузин фабричных тканей, нетрадиционных элементов костюма, обуви, чулок и пр. Традиционная одежда в крестьянской среде изготовлялась большей частью в семье из домашних тканей. Специальные мастера занимались изготовлением чох, обуви, головных уборов, бурок, шуб и продавали их на базарах. В Душети, например, помимо выделки и окраски бязи множество ремесленников — портных и мастеров — изготовляли овчинные шубы. В Мегрелии ремесленники для продажи изготовляли обувь. Суконные чохи, черкески, шальвары, бурки привозились на продажу дагестанцами<sup>7</sup>.

Теперь о самом костюме, каким он рисуется в источниках XIX в. О тушинской одежде первой трети XIX в. современники писали: «Одежда их похожа на одежду грузин (в данном случае — карталинцев и кахетинцев. — Н. В., Г. Д.), только с некоторыми изменениями, почти вся выделяется дома. Женщины преимущественно сами занимаются работами». На одно из таких отличий тушинской одежды указывает А. Л. Зиссерман, описывающий тушинскую чоху с обычными, а не разрезными, как у остальных грузин, рукавами. Общую ха-



Рис. 1. Тушины (фото 1880-х годов)

Рис. 2. Сванские женщины (фото 1880-х годов)



рактеристику тушинской одежды дает также Г. Радде. «Тушины,— пишет он,— отличаются склонностью к темной или даже черной одноцветной одежде и к изящным украшениям, делаемым и теперь еще нередко из серебра хорошего качества. Преобладание черного цвета во всяком случае поразительно. Большие треугольные головные платки... женщин, их прекрасные широкие пали, пояса и длинные накидки — все эти предметы бываюот совершенно черные; только короткая нижняя рубашка в форме жилета, грудка-прореха и обшлага рукавов имеют украшения из серебра и ткани красного цвета. Мужская одежда делается всегда из темно-бурой или черной ткани. Даже тушинская обувь... сделана из черного с белым»<sup>8</sup>.

Мужской костюм тушин состоял из рубахи, пальвар, заправлявшихся в кожаные ноговицы, ахалуха, надевавшегося под чоху, имевшую обычные, а не разрезные рукава. Головным убором служила круглая войлочная папочка, обувью — вязанные читеби. Натальной одеждой у женщин была короткая рубашка и длинные вязанные штаны (сабаркули). Верхнее платье (джуба или убиани чоха) делали из очень прочной шерстяной ткани черного цвета. На груди такое платье имело вырез, закрывавшийся вставкой (парага), которую состоятельные украшали серебром. Длина платья доходила до щиколоток, и его низ был подрублен. Поверх платья тушинки носили чоху, крокрой которой почти не отличался от покроя мужской чохи. На платье надевали передник (мухлсапара). Зимней одеждой служила шуба (ткав каба), которую шили из овчины. Ткав каба имела длинные ложные рукава, обычно закидывавшиеся за спину. На голову замужние тушинки надевали ободок *кучура*, на который накидывался большой черный платок (мандили). Поверх такое сооружение закреплялось повязкой тавсакрави. Девушки носили небольших размеров плат-

ки. Волосы тушинки причесывали в косы: у девушек они спускались, у замужних — укреплялись на голове. Из украшений наиболее распространены были серьги и кольца. Обувью служили каламани, надевавшиеся с вязаными из шерсти узорчатыми носками, а также читеби<sup>9</sup>.

Одежда хевсур значительно отличалась от тушинской покроем, цветовой гаммой, украшениями и была, по замечанию Р. Эристова, не лишена удобства и приспособлена к горной местности. Г. Радде отмечает пристрастие хевсур к пестроте красок и своеобразной орнаментации. «Свою потребность в одежде,— пишет он,— хевсур удовлетворяет почти исключительно собственными средствами, подобно тому как и все вообще свои домашние потребности». Материал, его окраска, кройка, шитье и украшения — все делалось ими по старинным образцам. «Единственно только,— указывает Г. Радде,— в выборе предметов для украшения стало заметно в новейшее время некоторое отступление от старины: прежде господствовали типические украшения из плохого серебра, ныне же хевсурские одежды украшаются преимущественно дешевыми гладкими молочного стекла пуговицами, употребляемыми в Европе для белья. Вместе со своими соперницами — грубыми стеклянными бусами — они проникли в самые глухие закоулки высоких гор... Из всех старинных серебряных украшений хевсурские женщины сохранили неизменными только большие серьги, делаемые всегда по одному образцу. Живущие по соседству тушины оказались в отношении серебряных украшений одежды более консервативными»<sup>10</sup>.

Натальной одеждой хевсур служила короткая одежда наподобие рубашки из бязи или из грубой шерстяной ткани красно-бурого цвета, которая всегда украшалась пуговицами и крестами из ткани, нашитыми в виде треугольника.



Рис. 3. Хевсур (фото 1880-х годов)



Рис. 4. Пшав (рис. 1850-х годов)

Кроме того, рубашку украшали тесьмой желтого, красного, белого и черного цветов. Разноцветной тесьмой обшивали также короткие и узкие шальвары. Поверх рубахи надевали чоху из домотканой шерсти (реже сукна синего или красного цвета). Короткие рукава чохи имели разрезы, а ее боковые полы от талии были со складками и разрезами. Вся чоха обшивалась пестрой тесьмой; на плечах и груди делали аппликации в виде крестов из бязи красного, желтого, голубого, белого и оранжевого цветов; имелась также вышивка и украшения из бус. На голове хевсуры носили низкие шапки, которые, как и костюм, делали из домотканой шерсти; шапку обшивали мехом, а сверху на ткань нашивали кресты из бязи. Кроме такой шапки, хевсуры, как и тушины, носили шапочки, сшитые из четырех кусков войлока и имевшие небольшие загнутые поля; бороду и голову хевсуры брили. Хевсурская обувь была разнообразной: каламани, бандули, на-

девавшиеся с вязаными ноговицами, вязанные из разноцветной шерсти татеби, изготовлявшиеся в виде сапожек на кожаной или меховой подошве. «Но главное внимание хевсур,— пишет Р. Эристов,— обращено на оружие. Они с ног до головы закованы в железо: панцири, пишаки, налокотники, наколенники, щиты, ружья..., коротенькие сабли... и прямые палаши... Пика уже составляет единственное оружие стариков, так же как стрелы есть достояние детей». Некоторые носили шлемы<sup>41</sup>.

Костюм хевсурки в первой половине XIX в. состоял из шерстяного платья типа рубашки (садиапо), надевавшегося на тело. Длина садиапо доходила до колен; по краю его пришивали оборку (кокомони), которая сзади имела складки. Шальвар хевсурки не носили. Поверх рубашки они надевали короткую в складках верхнюю одежду наподобие чохи (папанаги). Платье подпоясывали поясом из шерстяных ниток, концы которого свисали до колен. Вся одежда,

особенно чоха, украшалась вышивкой. Имелись украшения и другого рода. Так, на спину садяцо пришивали кусок шерстяной ткани с мелкими монетами, бусами и т. п. В ушах хевсурки носили очень больших размеров круглые серьги. На голову надевали *сатаура* — убор наподобие кокошника, сделанный из шерстяной или льняной ткани и украшенный вышивкой и бисером. Поверх сатаура носили черный шерстяной вышитый платок, подвязывавшийся так, что конец платка с кистью висел над правым ухом. Волосы хевсурки заплетали в косы, дугой огибавшие щеки и уши и соединявшиеся на затылке. Обувью служили вязаные из шерстяных ниток ноговицы, которые носили с каламани, а также вязаные сапожки на кожаной подошве (татеби)<sup>12</sup>.

Пшавский костюм был иным. Мужчины носили короткую черную чоху с откидными рукавами, ахалух зеленого или синего цвета, широкие шальвары из черного или бурого сукна домашнего производства, заправлявшиеся в кожаные ноговицы. На голову надевали в большинстве тушинские войлочные шапочки. Как и хевсуры, пшавы брили голову, оставляя только чуб. Обувью служили каламани, которые носили с кожаными или шерстяными ноговицами. Обязательной принадлежностью пшавского костюма было оружие: ружье в меховых (большей частью в барсучьих) чехлах, на поясе большой кинжал, сбoku персидская сабля, патронташи с медными патронами и рожки вместо натрусок, висевшие крест-накрест на ремнях. В первой половине XIX в. еще нередко были копыя, латы, налокотники и щиты. На большом пальце правой руки пшавы, как и хевсуры, носили железное острое кольцо — своеобразное боевое оружие.

Женский костюм пшавов состоял из длинной красной рубахи, украшенной бусами, длинных ситцевых шальвар, шерстяного платья (джуба) и верхней суконной одежды (папанаги), которая

была несколько короче, чем у карталинок, и более свободного покроя. Зимой пшавки накидывали на плечи овчинные шубы. Головным убором служили платки (тавчита, чикила). Волосы пшавские женщины заплетали в четыре косы, спускавшиеся по вискам. На ногах, как и мужчины, носили каламани с вязаными носками. Внешне костюм пшавок выглядел не столь живописно, как хевсурский: «Медные и серебряные кресты, разноцветные простые камни и в особенности серьги необыкновенной величины составляют единственное их украшение»<sup>13</sup>.

Одежда сванов разных обществ этой части Грузии в первой половине XIX в. имела некоторые отличия. Так, ушгульский костюм по своему облику был имеретинским. Бартоломей, посетивший в 1850-е годы Сванети, писал, что жители общества Ушгули говорят по-грузински, а их женщины носят грузинское платье. Одежда молодых сванок Мужальского общества в Вольной Сванети состояла из шелкового красного платья с широким синим поясом, украшенным серебряными бляхами. На голову надевали платок; в ушах носили огромные серьги в виде кругов. Костюм женщин Нижней Сванети напоминал мегрельский. Одежда сванских женщин этого времени была исключительно белого или красного цвета: красное платье, белый платок, иногда с каймой, поверх которого надевали повязку наподобие тушинской тавсакрави. Из украшений, кроме серег, сванки носили нагрудник (чапрасти), состоявший из серебряных или медных блях<sup>14</sup>.

Одежда мужчин в разных обществах Сванети была однотипной. Верхней одеждой в Вольной Сванети нередко служила шкура тура или черкеска из толстого домашнего сукна. На голову зимой надевали войлочные остроконечные шапки белого или черного цветов с опущенными вниз полями или без них, летом — папанаки, едва прикрывавший





Рис. 5. Сваны (рис. 1860-х годов)



Рис. 6. Мегрел, имеретин, гуриец  
(рис. начала XIX в.)

макушку головы; в ненастную погоду носили башлык. Волосы сваны стригли в кружок, бороды брили, большинство носило усы. Представители высшего сословия в Дадешкелиановской и Даддиановской Сванети преимущественно носили пышные прически, как и имеретины. Обувью у крестьян — мужчин и женщин — служили каламани, надевавшиеся с вязаными носками. А. Стоянов, побывавший в Сванети в начале 1870-х годов, так описал внешний вид свана: «Все в тех же одисеевских шапках (т. е. в высоком колпаке из войлока. — Н. В., Г. Д.), в какой-то прекуръезной звериной свитке (сзади — баранья кожа, а спереди — две шкуры дикой козы), с горскими палками в руках — они были очень типичны»<sup>15</sup>.

Для первой половины XIX в. мы не располагаем историческими материала-

ми, дающими представление об одежде других групп грузин-горцев — мохевцев, мтиулов, рачинцев. Поэтому ее характеристика будет дана далее в разделе, посвященном одежде второй половины XIX в.

Некоторые сведения источники первой половины XIX в. сообщают о костюме грузин — жителей равнинно-предгорных районов. Мужской карталино-кахетинский костюм состоял из нижней рубашки (ситцевой или шелковой), широких шальвар, нижних штанов, которые часто носили без верхних, ахалуха, нередко стеганого на вате. Нижнюю одежду делали большей частью из бумажного холста синего или красного цвета. Верхней одеждой служила шерстяная чоха (каба) с открытой грудью и разрезными рукавами, которые внизу застегивались или незастегнутыми от-

брасывались назад за спину. Чоху подпоясывали шерстяным кушаком, ахалух — ремненным поясом, на котором висел кинжал или нож. В непогоду носили бурки. На голову надевали остроконечную шапку из черной овчины или круглую — из коричневого войлока, причем ее не снимали даже дома. Как и в большинстве других районов Грузии, мужчины брили голову, оставляя на макушке только чуб. На ногах носили черные полусапожки с застежкой из мелких пуговиц или белые сапожки с тонким загнутым вверх длинным носком. Оба вида сапог подбивались подковками. Крестьяне надевали каламани, черные шерстяные поговицы и вязаные шерстяные носки.

Наряду с традиционным костюмом весьма популярной в Кахети и Картли была северокавказская *черкеска* из белого или желтого сукна с газырницами на груди. Современники отмечают большую яркость мужского карталино-кахетинского костюма первой половины XIX в., в котором преобладали красный, желтый и зеленый цвета. Обязательной принадлежностью мужской одежды того времени было оружие: винтовка, пистолет, шашка, патронташ, крестообразно устроенный на груди, у пояса кинжал или нож. Однако в некоторых районах Грузии, сравнительно спокойных от внешних нападений, мужчины оружие уже не носили<sup>16</sup>.

Женский костюм в Кахети и Картли состоял из нательной короткой рубашки, штанов, внизу вышитых шелком или украшенных галуном. Поверх рубашки, которую шили из бумажной или шелковой ткани, надевали ахалух, затем длинное платье (каба). Его шили с вырезом на груди, закрывавшимся шелковой вставкой-нагрудником, с низкой талией, по которой повязывали длинный матерчатый пояс. В первой половине XIX в. изменился покрой некоторых деталей каба. Так, его рукава делали большей частью цельными, тогда как в

старинном платье они имели разрезы. Поверх платья носили короткую одежду наподобие кацавейки с ложными рукавами, которую шили обычно из бархата или шелка с меховой опушкой. У состоятельных верхней одеждой служило катиби, его делали из бархата ярких цветов с меховой подкладкой и опушкой.

Головной убор грузинки в этих районах составляли повязка из ситца, шелка или бархата шириной в 3—4 пальца, вышитая шелком, серебряными или золотыми нитками (повязка сзади булавкой прикреплялась к волосам), и лешаки — белая вуаль, надевавшаяся под тавсакрави и закрывавшая волосы. Клинообразный конец вуали свободно спускался ниже пояса. Поверх такого головного убора надевался газовый или шелковый платок. Принадлежностью костюма грузинки в первой половине XIX в. было покрывало (чадри), в которое женщина закутывалась, выходя на улицу; лицо чадрой не закрывали. К середине века покрывало носили преимущественно в городах, в селах же — лишь совсем пожилые женщины. Иногда покрывало использовалось как траурная одежда. Волосы грузинки заплетали в мелкие косы, впереди делали локоны. Обувь состояла из кожаных чулок и туфель на высоких каблуках без задников (коши) или полусапожек из сафьяна без подошвы (цуга). Грузинки, как отмечали современники, в costume любили яркость, поэтому свои платья они шили из ситца, атласа, шелка, московской холстинки желтых, зеленых и красных тонов<sup>17</sup>.

Приведенное описание карталино-кахетинского костюма первой половины XIX в. дополняется некоторыми сведениями, относящимися к 1803 г. Это опись имущества, захваченного дагестанскими горцами, напавшими на с. Кавтис-хеви (Картли), и брошенного ими во время погони. Из первого дома нападавшими были взяты: 2 чадры, 4 бумажных платка, 3 золотых

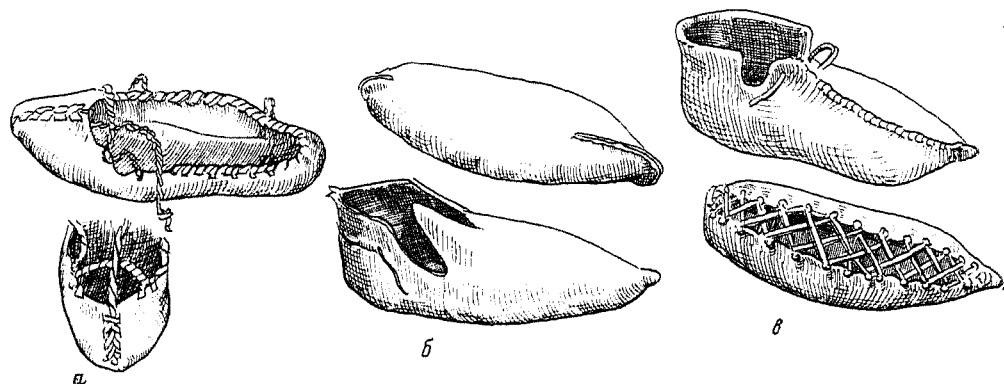


Рис. 7. Традиционная обувь

а, б — каламани (тушинские и мохевские);  
в — бандули (мохевские). Рис. 1973—1974 гг.

Рис. 8. Мохевский традиционный женский костюм конца XIX — начала XX в.

а — общий вид; б — сагуле; в — обшивка края  
рукава сагуле; г — нижнее платье; д — угол по-  
дола нижнего платья (рис. 1973 г.)



перстня. Из второго дома: 2 кушака, шелковый платок, 2 чадры, бумажный пояс, кафтан<sup>18</sup>, шапка. Из третьего дома из одежды в списке названы следующие вещи: чадра, шелковая рубаша, шелковая каба, платок, кушак, шальвары, т. е. шейдиши, шелковый платок, золотой перстень, пара башлыков. Из четвертого дома были увезены: золотая пуговица в 3 руб., 5 бумажных платков, 9 платков из другой ткани, 2 шелковых кушака, одно платье (каба), 4 серебряные булавки в четверть длины, 2 бурки, 2 кинжала, шуба, шапка, кушак, бумажная рубашка. Из пятого дома были взяты: каба, кафтан женский нижний (т. е. ахалух), кафтан мужской, 3 пары платья (в источнике не указано, какого именно), шапка. Из шестого дома увезены: 2 золотых перстня, серьги, шелковая рубаша, 3 катиби, или «халаты шелковые», 7 чадр, 3 бумажных платка, 2 серебряных пояса<sup>19</sup>.

Таким образом, в приведенных документах обозначены некоторые элементы женской одежды: катиби, ахалух, каба, рубашка, шейдиши, чадры, бумажные и шелковые платки, различные украшения (золотые перстни, золотые пуговицы, серьги, серебряные пояса, серебряные булавки). Из мужской одежды названы чохы, шелковые и бумажные кушаки, головные уборы, башлыки.

Традиционный костюм западных грузин — имеретин, гурийцев, мегрелов — включал в основном элементы, известные нам по описаниям восточногрузинского костюма. «Князья и дворяне, — отмечали источники конца XVIII в. в отношении Западной Грузии, — носят платье из серого сукна. Простые большей частью босые и не имеют рубашек». И далее: «Имеретины в усах, усы и ногти красят»<sup>20</sup>. Дюбуа де Монпере об имеретинском костюме пишет: «Их костюм грузинский, исключая шапок — куска толстого коричневого сукна, почти круглого, который привязан под подбородком». Рубашки имеретинши шили

из шелка желтого или голубого цвета, который они выделывали дома. Более тонкую шелковую материю, отмечает Дюбуа де Монпере далее, женщины окрашивали, по их обычаю, в ярко-красный цвет. Эти отрывочные сведения дополняются некоторыми изобразительными материалами, относящимися к началу XIX в. Так, на одном рисунке этого времени костюм имеретинского князя состоял из чохы длиной несколько выше колен, перетянутой ремешком с серебром поясом, с газырницами на груди, ахалуха, надетого под чоху, и довольно широких штанов, заправленных в ноговицы. На ногах — башмаки; на голове — папанаки. На другом рисунке имеретин одет в чоху, еще более короткую, имевшую откидные рукава, и узкие штаны; на голове папанаки, который носили также в Мегрелии и частью в Гурии<sup>21</sup>.

Конечно, описанный костюм был парадным и характерен для высших социальных слоев и состоятельных людей. Иначе выглядела одежда простых имеретин. Отходники, например, работавшие в Кахети, нередко одевались в старые солдатские шинели и мундиры в заплатах, поясами им служили веревки. Очень немногие из них носили имеретинский костюм: короткую чоху, из-под которой спускался ахалух и еще ниже — рубашка. Головной убор состоял из суконного папанаки, едва прикрывавшего курчавые волосы.

Имеретинки носили платье, аналогичное восточногрузинскому каба. Платье имело вырез на груди, вставку гулиспири и подпоясывалось длинным матерчатым поясом; из-под платья виднелись концы шальвар. Головной убор состоял из шапочки, надевавшейся на лечаки, которая закрывала шею. Прическу имеретинок составляли традиционные локны. Обувью служили коши.

Костюм гурийцев, судя по изобразительным материалам начала XIX в., был таким же, как его рисуют источни-

ки второй половины XIX в. Отличие состояло лишь в длине чохи, которая на рисунке изображена почти до щиколоток, а позднее укоротилась и представляла собой подобие куртки. Мегрелы надевали длинные чохи (их подпоясывали поясами из коричневой шерсти), поверх коричневого цвета бурки. Головным убором служили высокие войлочные шапки, башлыки и упомянутые папанакы<sup>22</sup>.

\*

Описанный костюм различных этнографических групп грузинского народа в значительной мере сохранялся до начала XX в. Это более всего относится к мужской одежде, тогда как в женской в течение XIX в. происходили весьма существенные изменения, связанные главным образом с проникновением элементов европейского костюма. Более стойко сохранялась одежда горцев, поэтому ее описание, имеющееся в литературе второй половины прошлого века, вполне может восполнить недостающие сведения о костюме горцев первой половины прошлого века. Стабильность традиционной одежды, например, тушин и хевсур подтверждают, в частности, изобразительные материалы конца XIX в. Об этом же писал Н. Хизанашвили. «Там (в горах.— *Н. В., Г. Д.*) испокон веков принятая одежда в таком же почете, как и все остальное старое»<sup>23</sup>. Столь же стабильно сохранялась традиционная одежда мохевцев. Мужской костюм этой группы грузин включал рубаху, штаны, ахалух, который подпоясывали кожаным поясом с серебряными украшениями, и чоху. На голове носили овчинную папаху, войлочную шапку (набдиз куди), башлык; на ногах — каламани, сделанные из коровьей или воловьей кожи, которые надевали с вязаными носками. Зимней обувью были бандули, имевшие подошву в виде переплетенных ремней, что де-

лалось для удобства ходьбы по снегу.

Женский мохевский костюм (талавари) состоял из рубахи и ахалуха на цветной подкладке, стеганого на вате или без нее (в этом случае его делали более коротким). Передние полы и подол ахалуха обшивали позументом, более состоятельные вышивали золотом. На груди ахалух имел застёжки, сделанные из позумента в виде узелков. Поверх ахалуха носили сагуле — длинное распахнутое платье, на подкладке, со сборками сзади. На груди сагуле украшали позументом, из которого делали также застёжки (пуговицы и петли); рукава вышивали золотыми нитками. Такое платье обязательно подпоясывали поясом — серебряным или сделанным из позумента. Состоятельные мохевки носили нагрудное украшение из серебряных монет, цепочек и т. п. (чапрасти). Голову покрывали тонкой белой тканью (мандили), поверх которой надевали повязку (тавсакрави). Обувью служили чусти (у состоятельных вышитые серебряными и золотыми нитками), а также коши; крестьянки носили с вязаными носками каламани. Старинный костюм мохевские женщины шили из дорогой ткани, вышивали золотыми нитками, хранили всю жизнь, и нередко эта одежда использовалась в качестве погребальной после смерти ее владелицы<sup>24</sup>.

Столь же стойко во второй половине XIX в. сохранялся традиционный костюм и в более западных горных районах. П. Уварова, бывшая в Раче в 1890-х годах, отмечала данный факт в отношении мужской одежды рачинцев, у которых череска (чоха) сохранялась «в большой строгости и чистоте». Неизменным в эти годы оставался и женский рачинский костюм, отличавшийся от костюма грузинок других районов. Одежда рачинки состояла из красной рубахи (перанги), из-под которой виднелись штаны, пестрого ахалуха (сагуле) с прямым вырезом на груди, имев-

шего длинные узкие рукава с разрезами. Сагуле подпоясывали шерстяным поясом с медной пряжкой и поверх надевали длинный пестрый фартук с маленьким накидным карманом (цисапар). Верхняя одежда типа чохи (каптара) имела длинные с разрезами откидные рукава, открытый спереди лиф, который, как и бока одежды, обшивали красным кантом.

Описанный женский костюм был характерен для двух горнорацинских сел — Геби и Чиора. Его своеобразие отмечали и другие наблюдатели того времени. «Красные рубахи, чохи, лапти все носят. Только у женщин чоха с отложными рукавами. Лицо и голову они покрывают длиной аршина в 1½ белой повязкой из коленкора (чикила)». М. А. Шостак, бывший в Геби в начале XX в., писал: «Женские костюмы быют на пестроту и вовсе не сходны с грузинскими; резко выделяется желтый цвет головных уборов». Головной убор рачинки включал следующие элементы: уже упомянутую чикилу — большой белый или желтый платок, обшитый белой шелковой бахромой, и шелковый платок темного цвета (тавсахурави). Один угол чикилы спускался по спине почти до земли и был расшит. Чикилу обычно повязывали в виде тюрбана. Рачинки носили разнообразные украшения: серебряные кольца с сердоликами, напее — монисты из медных крестов, монет и раковин, на груди прикрепляли больших размеров крупную серебряную пуговицу. На ноги надевали обувь наподобие каламани с ноговицами из грубой коричневой шерсти<sup>25</sup>.

Одежда населения другой части Рачи — Нижней — сближалась с общегрузинской, в частности с имеретинской. Мужчины в семье среднего достатка носили нательную одежду (рубаху и штаны), которую шили из ситца, ахалух из дешевой ткани, чоху из местного или осетинского сукна. Головным убором служили войлочная или барашковая

шапка и весьма редко — папанакки. Зимой надевали бурку и башлык. На ногах носили каламани и шерстяные ноговицы (пачичеби). Резким контрастом этому живописному наряду являлась одежда бедняков. Экономическое обследование 80-х годов XIX в. зафиксировало факты, когда семьи в 10—15 человек имели лишь одну рубашку, которая надевалась членом семьи, выходящим из дома.

Женщины в Нижней Раче носили нательную рубашку, шальвары, платье (картули каба) с длинным широким поясом и ахалух в качестве зимней одежды. Головной убор составляли тавсакрави с лечаки и большой платок (тавшали). На ноги рачинки, как и мужчины, надевали каламани и пачичеби. Списки имущества семей различного достатка, приводимые в «Материалах по экономическому обследованию государственных крестьян Закавказского края», дают некоторое представление об одежде Нижней Рачи. Так, глава семьи среднего достатка в с. Садмели имел две ситцевые рубашки, двое нижних штанов, ахалух из простой материи, шерстяную чоху, шапку, верхние штаны, двое чувак (т. е. каламани), две пары носков домашней вязки, пояс. Одежду сына хозяина (13 лет) составляли белье, ахалух, чоха, мягкие сапожки цуга. Кроме названных вещей, в семье имелись бурка, башлык, один цуга, чуваки, носки. Одежда жены хозяина включала белье, длинное ситцевое платье, короткий зимний ахалух, теплый зимний ахалух на вате, головной убор, пояс, башмаки<sup>26</sup>.

В Сванети мужчины носили рубашку, шальвары, ахалух, к поясу которого прикреплялся кинжал. Праздничной одеждой считалась черкеска. Знатные сваны надевали красного цвета чоху. Зимой все носили тулуп на овечьих, козьих или турьих шкурах. Головным убором служили войлочные шапки с небольшими полями, папахы и башлы-

ки. Папанаки во второй половине XIX в. совсем исчезли. Во всяком случае, А. Стоянов видел их в Мулахе только на мальчиках. На ноги сваны надевали каламани из бычьей кожи с подошвой в виде полос, реже — цуга. Сванский женский костюм к концу XIX в. претерпел значительные изменения. Будничная одежда сванок в это время состояла из приталенной кофты с длинными узкими рукавами, длинной в сборку юбки, шальвар и фартука. Зимой сванки надевали тулуп из овечьих шкур. Праздничный костюм более состоятельных женщин включал короткую одежду типа ахалуха, которая надевалась с длинной юбкой; на груди ахалух застегивался серебряными крючками. На голове сванки носили цветные платки. Как отмечали современники, в сванском женском костюме весьма существенным было влияние имеретинской, мегрельской и осетинской одежды<sup>27</sup>.

Таким образом, в горной части Грузии в конце XIX — начале XX в. в основном сохранялся традиционный костюм, хотя и в нем имели место немалые изменения (например, в женском сванском костюме). Еще большие изменения фиксируются в это время в равнинно-предгорной Грузии. О кизикских женщинах, например, современники писали: «Разодеты в пух и прах, в перчатках и с зонтиками»<sup>28</sup>. В этой небольшой выдержке не сказано, насколько традиционной была одежда кизикских женщин. Но в данном случае нам важно другое — общая картина, дающая представление о существенных изменениях в одежде грузинки в последней четверти XIX в. Об этом же писал Н. Хизанашвили: «Пшав-Хевсурети живет старой жизнью. В низменных районах, особенно в городах Картли, европейская одежда выходит на первое место, и не за горами то время, когда она полностью вытеснит нашу одежду». И далее подчеркивает, что «человек с

плоскости легко бросает свои обычаи»<sup>29</sup>. Эта тема быстрой утраты традиций в равнинных районах Грузии отразилась и в периодической печати тех лет. «Карталинец с плоскости меняет национальный костюм и следует моде. У женщин местное одяние уже изгнано и европейское занимает ведущее положение. В горах же все остается почти по-старому». Отмечая изменения в традиционной одежде, автор этой корреспонденции указывает и на другие глубокие изменения, происходившие в быту грузин<sup>30</sup>.

Примером интенсивной трансформации традиционной одежды может служить женский кахетинский костюм. В конце XIX в. он включал рубаху (перанги), длинные штаны (шейдиши), длинное платье (гуджастяни каба) с вырезом по шее и состоявшее, в отличие от более старого цельного платья, из двух частей, из которых верхняя повторяла традиционный покрой. Помимо гуджастяни каба женщины носили также платья европейского типа: *хабарда*, *халатури* и др. Традиционное картули каба (в Кахети оно называлось *целиани*) использовалось только как подвенечное. Кроме того, оно надевалось женщинами во время похорон мужа, а также сохранялось ими в качестве своей погребальной одежды. Поверх платья зимой надевали катиби или *долбанди*, летом — накидку (сазапхуло дасахури). Зимой носили также теплую на вате юбку (даблатани), *сабечури* (наподобие душегрейки) и ватный ахалух. Сохранялись также элементы традиционного головного убора, который надевали замужние женщины и девушки на выданье. Такой убор состоял из чихта, копи, тавсакрави, лечаки (чихила) и багдади (вместо прежнего мандили). Чихта и копи женщины делали сами, лечаки и тавсакрави изготавливали на заказ специальные мастера; платки покупали. Девочки (до 15—16 лет) носили только головной платок. На ноги кахе-

тинки надевали мести, коши и плоссти с шерстяными, хлопчатобумажными или шелковыми носками домашней вязки или покупными фабричными. Плоссти носили только дома, на улицу надевали кожаные или бархатные коши, а также кожаные мести. Свою одежду кахетинки шили из самых различных тканей: для каждого дня — из ситца, выходную — из шерсти, кашемира, шелка, катиби делали из бархата или атласа преимущественно красного цвета. Рубашу и штаны изготавливали из простых тканей, в основном красного цвета. Лечаки делали из тюля, блонда и иных легких тканей<sup>31</sup>.

Сведения других источников конца XIX — начала XX в. дают возможность проследить процесс трансформации традиционной одежды более детально. Прежде всего менялась нательная одежда. Женщины перестали носить пальвары (шейдиши), вместо которых появились панталоны, нижние юбки. Нижняя рубаша стала короче, без рукавов, с вырезом на груди; получили распространение ночные кофты, лифчики. Картули каба сохранялось в качестве верхней одежды, но и в этом традиционном платье после 1860-х годов отмечались изменения. Так, появилось платье с застежками на груди, которое стали носить с кринолином. Другой тип картули каба — со вставкой гулиспири и поясом сарткели — сохранял свой традиционный облик. Иногда вместо картули каба надевали немецкие или французские платья с кринолином. Поверх платьев носили катиби (до конца XIX в.), а позднее — пальто, большую шаль, различные пелеринки. Во второй половине XIX в. перестали носить традиционные ахалух и сабечури. Конечно, более всего указанный изменения коснулись костюма горожанок и прежде всего тифлисцев. Однако и в села постепенно проникал европейский костюм. Например, в некоторых районах женщины

стали носить хабарда — широкое платье европейского типа, в котором в подоле была продета проволока<sup>32</sup>.

Во второй половине XIX — начале XX в. составные элементы головного убора грузинки несколько изменились. Появилось более низкое, так называемое кахетинское чихта, вместо выпитого тавсакрави начали носить гладкий бархатный, широко распространился шелковый платок (багдади). В конце XIX в. в городах некоторые перестали носить лечаки, а в селах вуаль сохранялась как принадлежность праздничного головного убора. Однако и этот весьма устойчивый элемент традиционной культуры стал постепенно исчезать. Значительное распространение получили платки; даже в селах на женщинах можно было увидеть европейскую шляпу.

Происходили и другие изменения в традиционном костюме грузинки. Так, во второй половине XIX в. перестали носить большие белые покрывала — чадри. Менялась прическа: вместо нескольких кос стали делать две, удлинились локоны. Коренным образом изменилась обувь. Вместо носков и чулок, вязанных на спицах, вместо кошей и плосстей стала распространяться европейская обувь и фабричные чулки. В Тифлисе этот процесс происходил еще в первой половине XIX в., но наиболее интенсивно — с 1860-х годов.<sup>33</sup>

Такого же рода изменения наблюдались и в Западной Грузии. «Я довольно хорошо был знаком с краем (Кутаисской губернией, — Н. В., Г. Д.) еще 25 лет тому назад, при крепостном праве<sup>34</sup>, — писал И. И. Пантюхов, — и был поражен переменою, происшедшею с тех пор в костюме женщин... Теперь я видел, например, в Сенаках, во время какого-то праздника, крестьянок, разряженных в пух и прах. Почти все они в ярких, иногда шелковых платьях, в хороших ботинках, с зонтиками, иногда в шляпках»<sup>35</sup>. Н. Я. Марр, бывший в Гурии в 1911 г., отмечал, что гурий-



ские женщины одеваются в разноцветные неярких, большей частью светлых тонов платья, нередко по последней моде. На одном из праздников, на котором Н. Я. Марр присутствовал, несколько девушек были в белых перчатках; у женщин имелись белые и черные зонты<sup>36</sup>.

Процесс утраты традиционной одежды, хотя и в меньшей степени, затронул также горные районы. Бывало, однако, что этот естественный процесс задерживался различным рода ограничениями. Примером может служить один эпизод, записанный в 1920-е годы со слов Арсена Онпани, бывшего в 1913 г. учителем в с. Мазери (резиденция князей Дадешкелиани) в обществе Бечо в Сванети. Однажды на княжеском дворе был собран сход Бечойского общества, возглавлявшийся князем Татарханом Дадешкелиани. Разбирательству подлежало одно дело: в нарушении обычая обвинялись три крестьянские семьи. Вина этих крестьян состояла в том, что на сентябрьской ярмарке в Цагери родители, закупая приданое своим дочерям, осмелились приобрести для них русские седла, городские шляпы и башмаки, не спросив согласия князя и нанеся ему тем самым оскорбление. Но всякое оскорбление смывается выкупом, который и был громко объявлен от имени отцов девушек и включал быков, баранов, кинжал и коня<sup>37</sup>.

Более значительно процесс европеизации женской одежды затронул, хотя и неравномерно, предгорно-равнинную часть Грузии. Так, в Месхети в конце XIX в. традиционный женский костюм полностью сохранялся. Он состоял из ситцевого, всегда красного цвета платья (иногда имевшего рисунок в виде крупных листьев), внешний вид которого, по словам современников, был более «татарским, чем грузинским», надетой рубахи (перанги), длинных штанов также красного цвета, концы которых вышивали, и фартука (пешта-

мали) синего цвета. Платье подпоясывали поясом (багеби). Головной убором служила длинная из одноцветного материала чикила; обувь — традиционные каламани. Костюм женщин из дворянского сословия был иным. Они носили *калтиани каба* (аналогичное картули каба), традиционный головной убор чихта-копи и тавсакрави с лечаки, нагрудное украшение чапрасти; на ноги надевали вышитые копи и плоти. До 1829 г.<sup>38</sup> обязательной принадлежностью костюма ахалцхской грузинки была чадра. После вхождения Ахалцхского папалыка в состав Грузии чадра перестала быть обязательным элементом местного женского костюма, однако фактически длительное время сохранялась в крестьянской среде. Особой зимней одежды у крестьян не было; дворянки надевали *зубуни* (тип катиби), покрытое бархатом и опушенное мехом.

Мужская одежда этой части Грузии была карталинского типа (за исключением головного убора). Она включала длинную рубаху (перанги), шальвары, ахалух и чоху. Чоху и шальвары обычно шили из домотканой шерсти, окрашенной в синий цвет. Короткая с частыми складками чоха имела газырнипы, но газыри носили редко; дворяне в отличие от крестьян имели длинную чоху. Шальвары в месхском костюме отличались от карталинских: их делали узкими, и они напоминали «татарские». На голову надевали башлык (кабалахи), высокие овчинные шапки илил красного цвета чалму, которую наматывали на красный *фес*. Обувью служили каламани, надевавшиеся с шерстяными носками домашней вязки. Мужчины почти никогда не ходили босиком, тогда как женщин часто можно было встретить босыми даже зимой<sup>39</sup>.

К концу XIX в. не изменился также облик аджарского костюма. Мужской костюм состоял из рубахи, штанов (дзигва), широких вверху, сзади у талии



Рис. 9. Грузин в куладже (фото конца XIX в.)



Рис. 10. Гурнец (фото конца XIX в.)

сильно собранных в складки и узких внизу. Штаны, заправлявшиеся в ноговицы, шили из домотканой шерстяной материи черного цвета или из черного сатина. Верхней одеждой был зубуни — наподобие жилета, который так же, как и рубаху, заправляли в штаны. Зимой зубуни делали на ватной подкладке и с рукавами, летом — из черного сатина без подкладки и без рукавов (такой летний зубуни назывался *элеги*). Поверх зубуни надевали короткую длиной немного ниже талии чоху (чакура). Сельские жители предпочитали в костюме красный цвет и обычно шили чакуру из тканей красного цвета; часто чоху украшали галунами. Поясом служил цветной кушак, украшенный галунами, или широкий пояс из кожи. На голову надевали башлык (кабалахи) из

тонкой шерстяной ткани. На ногах носили каламани (аджарск. *пачула*) с шерстяными вязаными из цветных ниток носками, а также башмаки, прикреплявшиеся к ноге ремнями. Ружье, патронташ, пистолет, кинжал в ножнах, турецкий нож составляли обязательную принадлежность костюма аджарца. Высшее сословие — аджарские беки — носили на грузинский манер длинную чоху и ахалух.

Женский костюм включал рубашку (перанги) синего или красного цвета длиной до щиколоток, штаны (шарвали) из алого ситца, которые делались очень широкими вверху и узкими у щиколоток. Поверх рубашки носили длинное распахнутое платье (зубун параги) обычно из оранжевого ситца, на которое надевали шерстяной передник (пеште-



Рис. 11. Имеретинцы (фото конца XIX в.)



Рис. 12. Мегрел (фото конца XIX в.)

мали). Верхняя одежда хирха, смотря по сезону, делалась на вате или без нее. В начале XX в. в Аджарии также стали появляться платья европейского типа: со складками (датешили каба) и со сборками (порка). На голове аджарки носили ситцевый платок, фес и лечаки, один угол которого отбрасывали на спину. Пожилые надевали лечаки без украшений, молодые украшали вуаль металлическими пластинами. Поверх головного убора накидывали платок, закрывавший и большую часть лица. Кроме того, аджарки прикрывали лицо тонким платком (печа), поверх которого надевалась белая чадра. Ее аджарские женщины (и 12-летние девочки) носили везде, даже во время работы. Обувью служили кожаные чусы, а в равнинных селах — нанили, обувь типа

кошей без задника, на деревянной подошве и высоким каблучке<sup>40</sup>.

Костюм кобулетцев<sup>41</sup> в последней четверти XIX в. был аджарского типа. Мужчины носили чакуру, плотно облегающую тело, жилет из хлопчатобумажной ткани ярких тонов, шальвары, очень широкие сверху и узкие внизу. Куртку (чакуру) и шальвары обычно шили из домотканой шерсти без последующей окраски. Костюм подпоясывали шелковым кушаком. На голове кобулетцы носили башлык, нередко красного цвета. На ноги надевали каламани с носками, связанными из разноцветной шерсти; более состоятельные имели обувь цуга. Женщины носили рубашку (комлек, перанги), штаны, платье (каба) и передник. Платье и передник вышивали мишурой и разноцветной тесь-

мой. Головным убором служила красного цвета феска, поверх которой набрасывалась чадра (чарчабе) из легкой, почти прозрачной ткани синего цвета в полоску. Волосы кобулетские женщины заплетали в массу косичек. На ногах носили копи<sup>42</sup>.

В Гурии мужской костюм был аналогичен описанному костюму аджарцев и кобулетцев. Та же чакра, обшитая разноцветными галунами, такого же типа шальвары, тот же кушак, тот же кабахи, эффектно завязанный на голове, та же обувь. В отличие от Аджарии и Кобулетии в Гурии значительно чаще можно было встретить традиционную грузинскую чоху, длинную, как у князей, с серебряным наборным поясом. Костюм гурийки отличался от аджарского и кобулетского. Здесь, как и во многих других районах Грузии, в конце XIX в. ощущалось большое влияние европейского костюма, в значительной мере вытеснившего традиционную одежду. Об этом, в частности, писали И. И. Пантюхов и Н. Я. Марр. На это же указывал Т. Сахокиа. «Во всем Озургети, — отмечал он, — я видел четырех женщин, покрытых по-грузински, из них две пожилые гурийки и две жены священников». Помимо редких чихта-копи, на гурийках можно было увидеть европейскую шляпу или кусок марли, окрашенный в красный цвет и прикрепленный шпилькой к волосам. Многие носили шелковые гарусные платки, которые вязали сами. Гурийки надевали также шелковые или суконные башлыки, повязывая их помужски<sup>43</sup>.

Одежда мегрелов во многом была общегрузинского типа, но имела и некоторые отличия, объединявшие ее с одеждой остальной Западной Грузии. Так, мегрелки, как и гурийки, в отличие от кахетинок, карталинок и имеретинок не носили катиби. В Мегрелии не было чихта-копи, и женщины привилегированных сословий носили тюлевые или

газовые лечаки, особым образом повязанные на голове; крестьянки надевали большой платок, закрывавший и часть лица. Как и в других районах Грузии, в Мегрелии в одежде разных социальных слоев населения наблюдались существенные отличия. Повседневная одежда мегрельских крестьян нередко ограничивалась длинной рубахой из грубой бумажной ткани, которую подпоясывали веревкой. «Старики и теперь вспоминают, — пишет С. Макалатия, — как в старину крестьяне ходили в длинных рубашках... без брюк.» В деревне иногда имелась всего одна пара брюк (дзиква), и когда кто-либо из бедняков шел на смотрины своей невесты, он брал эти брюки с собой и надевал их, только приближаясь к дому невесты. Состоятельные одевались иначе. Женщины носили платья европейского типа, сменившие картули каба с гулиспири. У мужчин костюм состоял из ахалуха, штанов и длинной чохи; зимой и в дождь они носили бурку. Головным убором чаще всего был суконный башлык, обшитый позументом, с серебряной кистью, спускавшейся над ухом. На ноги крестьяне надевали каламани, состоятельные — башмаки и полусапожки. Женщины носили каламани и мести, в праздники — копи, а в конце XIX в. — и европейскую обувь<sup>44</sup>.

\*

Такова грузинская одежда, какой ее рисуют источники XIX — начала XX в. Как мы видим, наиболее значительно за этот период изменился женский костюм, тогда как мужской сохранял свою традиционность. Более стойко традиционная одежда, в том числе и женская, удерживалась в высокогорной Грузии. Но и здесь социально-экономические перемены привели к тому, что в конце 1920-х годов в ряде районов костюм (преимущественно женский) стал заменяться одеждой общеевропейского типа.



Рис. 13. Аджарцы (фото конца XIX в.)

Так, молодые женщины и девушки в Тушети в это время уже носили городское платье, однако еще сохраняли традиционный головной убор кучура и мандили. С. Макалатия, описывая Тушети конца 1920-х годов, отмечал: «Девушка идет в коротком платье, в туфлях на каблуках, но в мандили». Женщины старшего поколения надевали не только традиционный головной убор, но и традиционное платье, короткую рубашку с длинным рукавом и вышитым воротником, поверх парага — нагрудник из тонкой ткани (чаще сатина). Нагрудник, как и прежде, украшали позументом, серебряными цепочками с монетами и цветными суконными полосками. Верхнюю одежду пожилых женщин составляли чоха и длинная юбка, которые шились из шерстяной ткани черного цвета.

Рукава чохи украшали суконными полосками и позументом. Мужчины (даже молодежь) в те годы носили традиционные ахалух, чоху, каламани.

Гораздо меньшее влияние европейская одежда оказала на традиционную одежду хевсур. Как и ранее, весь костюм хевсуры изготовляли дома из шерстяной ткани домашней выработки, окрашенной растительными красителями в темно-синий, коричневый, зеленый и черный цвета. Женский костюм в конце 1920-х годов состоял из длинного платья-рубахи, поверх которой надевали короткую чоху, богато вышитую традиционным геометрическим орнаментом. На голове хевсурки носили платок, повязанный в виде тюрбана, на ногах — вязанные татеби (читеби). У мужчин рубаха была почти такого же покроя,



Рис. 14. Пожилая тушинка (фото 1973 г.)

как и женская, но значительно короче. На груди ее по традиции вышивали геометрическим орнаментом и украшали бусами, располагавшимися в виде крестов. Поверх рубахи мужчины надевали традиционную чоху, которую шили из хорошего сукна. «Теперь,— отмечает А. Камараули,— часто можно видеть хевсур, одетых в грузинский костюм, но это является новшеством нового времени». В те годы в хевсурском костюме весьма частыми стали нетрадиционные для хевсур элементы: офицерские сапоги, узкие штаны, галифе. Зимой мужчины и женщины носили тулупы (гуданури); головной убор у старых и пожилых мужчин составляла барашковая шапка с суконным верхом, у молодых — преимущественно невысокая войлочная шапка, вышитая геометрическим орнаментом и мелкими бусами в виде крестов<sup>45</sup>.

Процесс проникновения в хевсурскую одежду новых элементов усилился в 1930-е годы. К ним следует отнести как

общекавказские (в том числе грузинские), так и общеевропейские элементы костюма. Нередко с хевсурской рубашкой надевали пшавский ахалух и военные сапоги. Все чаще можно было встретить хевсура в «кавказской» рубашке, в брюках галифе, в военных сапогах. В быт входило белье, и «молодежь, уже надев одежду фабричного изготовления», не возвращалась к хевсурскому костюму<sup>46</sup>. Однако указанные изменения происходили только в повседневном костюме. В качестве праздничной одежды у мужчин сохранялся традиционный костюм.

Аналогичные процессы происходили и в женской хевсурской одежде. В Хевсурети в 1930-е годы под влиянием городской одежды появился женский костюм, в основе которого было фабричное платье с отрезным лифом, украшавшееся традиционной вышивкой. Такой костюм хевсурки прежде всего стали надевать на полевые работы, поскольку он был легким (вес традиционной одежды достигал 15–16 кг). Однако в остальное время они носили издавна принятую одежду. Постепенно новая полутрадиционная одежда начала вытеснять повседневную одежду, но во время праздников и на свадьбе хевсурки предпочитали традиционный костюм. Старинное платье по обычаю надевала невеста и не снимала его в течение одной—двух недель после свадьбы<sup>47</sup>.

Подобные процессы происходили и в Пшави. В 1920-е годы здесь преобладал традиционный, измененный в некоторых деталях костюм. У женщин он включал: цветное платье, воротник которого украшали пуговицами и позументом, и короткий нагрудник (сагуле) с длинными рукавами. Сагуле шили из ткани красного цвета, украшали серебряными цепочками и монетами и надевали поверх платья. Обязательной принадлежностью пшавского женского костюма был фартук, обычно синего цвета. Зимой женщины носили овчинный ту-

дуп, летом — пальто из домотканины. На голову пшавки надевали черный платок, на ноги — каламани с вязаными пачичеби. Как и ранее, в пшавской одежде сохранялось традиционное предпочтение черного и темного цветов, однако всю одежду (за редким исключением) в те годы уже шили из фабричных тканей. Столь же распространенным, как и прежде, среди пшавок было вязанье различных элементов одежды: носков, рукавиц, перчаток и др., в ornamentации которых замечался переход от геометрического орнамента к растительному<sup>48</sup>.

Мужской костюм пшавов в некоторых деталях был сходен с женским. Натальной одеждой служили цветная рубаха с вышитым нагрудником и штаны. Поверх рубахи надевали сагуле — тип жилета с расшитыми бортиками, причем престижным у пшавов в те годы считалось носить несколько таких жилетов. Верхней одеждой был короткий ахалух, борта которого были вышиты геометрическим узором. В 1920-е годы вышивку уже выполняли не вручную, а машинным способом. Головным убором служила папаха из овчины с длинным ворсом; на ногах носили каламани с узорчатыми носками. В конце 1920-х — начале 1930-х годов молодежь уже нередко предпочитала городскую одежду, но старшее поколение надевало только традиционный костюм<sup>49</sup>.

Одежда мтиулов (более всего мужская) была сходна с пшавской, как в покрое, так и в предпочтении определенных цветовых сочетаний (черного и вообще темного). Мужской костюм в эти годы состоял из цветной рубахи с вышитым нагрудником, как и у пшавов, украшенным геометрическим орнаментом, и штанов. На рубаху надевали несколько жилетов, которые принято было не застегивать. Подобная манера ношения нескольких незастегнутых жилетов у мтиулов, как и у пшавов, считалась престижной. Поверх жилетов надевали

ахалух и чоху. Головным убором служила небольшая войлочная шапка (набдис куди), а также кабалахи. На ноги, как и везде в горах, надевали каламани с вязаными носками. Мтиульский женский костюм включал черную юбку, жилет с вышитым нагрудником, который украшали бусами, пуговицами, серебряными монетами. Поверх такого костюма мтиулки надевали фартук. На голове носили черный платок, на ногах, как и мужчины, — каламани с вязаными шерстяными носками. В 1920-е и особенно в 1930-е годы в Мтиулету, как и в других районах Грузии, усилился процесс трансформации и постепенного вытеснения традиционного костюма одеждой городского типа<sup>50</sup>.

Разнообразные изменения в эти же годы отмечались и в мохевской одежде. К 1930-м годам традиционный костюм талавари в основном исчез. Некоторое время он сохранялся лишь как повседневное платье пожилых женщин, однако и последние в 1930-е годы стали носить обычные городские платья, но более длинные и обязательно темного цвета; молодежь надевала одежду городского типа. Из традиционных элементов одежды в 1920—1930-е годы сохранялся большой головной платок, но уже не белого, как прежде, а черного цвета. Мужской костюм мохевцев в этот период сохранял отмеченную и для других районов Грузии традиционность. Даже 30-летние мужчины носили чоху, ахалух с наборным серебряным поясом, традиционные пальвары, пачичеби и каламани, сделанные ими из коровьей или воловьей кожи. На голову надевали набдис куди и кабалахи. Однако молодежь уже носила костюм городского типа фабричного производства. «Молодежь, особенно женский пол, — писал С. Макалатия о мохевцах того времени, — следит за модой и мало в чем уступает городскому населению»<sup>51</sup>.

Ту же картину мы видим в Горной Раче. Здесь в 1920-е годы молодое поко-

ление носило городской костюм, однако сохранялись и некоторые традиционные элементы рачинской одежды: обувь (мести, каламани), набдис куди, который делали сами или покупали в Осетии. В сырую погоду на мести надевали калоши. В 1930-е годы в одежде местного населения все чаще сочетались новое и традиционное. Так, на городскую сорочку надевали чоху, головным убором могла служить кубанка или фуражка; носили также бапшык. Пожилые мужчины в эти годы предпочитали полный традиционный костюм из чохи и ахалуха (сагуле). Чоху и в то время шили из домотканой шерсти белого или серого цвета, сагуле — большей частью из черного сатина, иногда красного или синего. Такой костюм обычно сочетался с набдис куди; папахи, особенно из бухарского каракуля, из-за его дороговизны были редки. Женщины в 1920—1930-е годы надевали нетрадиционный костюм: длинное, присобранное в талии платье, в большинстве черного цвета, на голову — черный платок. Пожилые женщины в Геби и Чиора носили традиционный костюм<sup>52</sup>.

В сванском костюме 1920-х годов также сочетались традиционные и новые черты. Как мы видели, женская одежда в Сванети имела европейский облик еще к началу XX в.; у мужчин полностью сохранялся традиционный характер одежды. Но в 1920-е годы часть сванской молодежи уже начала носить костюм нетрадиционного типа: преимущественно брюки галифе, «кавказскую» рубашку, военные сапоги. Часть мужчин, и не только старшего возраста, предпочитала традиционный костюм, включавший черную чоху из домотканины, красный вышитый ахалух, войлочную сванури с полями или без них, каламани и пачичеби. Зимой все носили папахи и шубы из овчины на подкладке мехом наружу. Однако постепенно и в традиционном костюме сванов стали появляться новые элементы. Напри-

мер, на свадебную церемонию жених надевал европейскую (городскую) обувь. В 1930-е годы традиционный костюм сванов в большинстве сменился кавказской рубашкой, брюками галифе и военными сапогами; традиционный костюм носили только глубокие старики. Однако и в описанном комплексе сванского костюма с кавказской рубашкой в этот период нередким было использование отдельных традиционных элементов, например каламани, шапки сванури и др.

Женский сванский костюм в 1920—1930-е годы включал кофту из ситца или шелка светлого цвета, длинную шерстяную или ситцевую юбку, косынку в качестве головного убора и городские туфли. К 1930-м годам облик этого костюма не изменился и лишь длина юбки стала несколько короче. В эти годы как обязательный элемент женского костюма сохранялся головной платок. Но уже к 1940-м годам ношение головного платка сванскими женщинами перестало быть обязательной нормой<sup>53</sup>.

Процесс замены традиционного костюма одеждой городского типа еще более интенсивно протекал в равнинно-предгорных районах Грузии, где он начался еще в первую половину XIX в. Женский костюм к XX в. коренным образом изменился. В Кахети, например, в это время преобладали городские платья, хотя традиционные элементы в общем комплексе женского костюма еще сохранялись (например, в головном уборе). В 1920-е годы в той же Кахети женщины носили длинную в сборку юбку и приталенную кофту с длинным узким рукавом; на голову надевали платок. Повседневный костюм шили из ситца. Мужской костюм в отличие от женского был традиционного облика: чоха, ахалух, шальвары, набдис куди, папах, каламани, последние в 1920-е годы носила даже молодежь. В 1930-е годы среди кахетинцев все большее





Рис. 1. Ручники в традиционной одежде



Рис. 2. Грузинки в традиционной одежде:  
карталинка и сванка

распространение получал комплекс, включавший «кавказскую» рубашку, брюки галифе, военные сапоги; головной убор в большинстве предпочитали традиционный набдис куди. Наряду с таким костюмом сохранялась также традиционная мужская одежда, которую носили лица более старшего возраста.

Аналогичную картину мы видим в эти годы и в Эрцо-Тианети. Мужчины, как и в Кахети, надевали традиционный костюм, состоявший из перанги, чохи черного или синего цвета, шальвар, ахалуха, серебряный наборного пояса, тушинской (се часто называют кахетинской) шапочки из войлока черного цвета; фуражки до 1930-х годов были редкостью. В Эрцо-Тианети, как и в других частях Грузии, в начале 1930-х годов некоторое распространение получил комплекс костюма, включавший «кавказскую» рубашку, брюки галифе, военные сапоги; иногда такая одежда сочеталась с традиционными каламани. Местные женщины носили длинное нетрадиционное платье из ситца, на голове платок, концом которого они прикрывали нижнюю часть лица. Костюм пожилых женщин отличался лишь цветом — это было обязательно черное платье — и большими размерами головного платка<sup>54</sup>.

Подобные процессы замены традиционного костюма одеждой городского типа в рассматриваемый период происходили и в юго-западной части Грузии — в Месхет-Джавахети. Как и во многих других районах, здесь такого рода процессы весьма различались в 1920-е и 1930-е годы. В 1920-е годы, например, мужской традиционный костюм полностью сохранялся (это касается также головных уборов и обуви). Зимой мужчины надевали традиционный зубуни, который шили из черного сатина на вате. Фабричные ткани в этом районе стали появляться довольно поздно (местный кооператив, например, в Вале от-

крылся только в 1926 г.), поэтому всю мужскую одежду, менее женскую, шили из домотканой черной и серой шерсти. В 1930-е годы и в этом районе мужчины начали носить «кавказские» рубашки, брюки галифе, френчи, гимнастерки, фуражки (наряду с которыми по-прежнему надевали традиционные кабалахи), военные сапоги вместо традиционных каламани. Женский костюм уже к 1920-м годам был не традиционным: длинное приталенное платье с длинным узким рукавом. Платье шили на каждый день из ситца, а для праздников — из шелка. В холодное время года женщины поверх платья надевали одежду, стеганную на вате. Головным убором служил ситцевый или шелковый платок, обувью — чаще всего городские туфли с шерстяными носками, поскольку фабричные чулки получили распространение в быту местного населения лишь в 1930-е годы<sup>55</sup>.

Одежда грузин — жителей селений к востоку от Сурамского хребта — уже к началу XX в., как и в остальной Грузии, во многом представляла синтез нового и традиционного, особенно в женской одежде. Повседневный женский костюм состоял из длинного в талию ситцевого платья европейского типа, которое сейчас местные жители старшего поколения называют *дзвели каба* (дословно — «старинное платье»). На голову местные женщины надевали платок (тавшали) из миткаля, который завязывали под подбородком или сзади; девушки и молодые женщины волос не закрывали. Цвет головного убора, как и платья, предпочитали белый. Женщины старшего возраста в праздничные дни надевали традиционный чихта-копи с лечаки. В некоторых местных селах в те годы был популярен головной убор *береги* (типа общеизвестного берега), который девушки шили из какой-нибудь простой ткани. Обувь была принята городского типа (туфли); из традиционной сохранялись чусты. Местное

мужское население в эти годы в основном носило традиционный костюм: чоху, ахалух из черной шерстяной дмотканной материи, штаны из ткани «диагональ», на голове — башлык, папаха или чаще имерули куди — маленькая войлочная шапочка черного цвета с полями; на ноги надевали каламани с вязаными носками. Мужчины, вернувшиеся после первой мировой войны, уже в те годы носили костюм, состоявший из гимнастерки, брюк галифе, военных сапог. В конце 1920-х годов в этом районе стала также распространяться «кавказская» рубашка, которую, как и везде, мужчины носили с брюками галифе. Из головных уборов, помимо традиционных некоторое распространение получили картузы<sup>56</sup>.

В Аджарии в 1920-е годы процесс проникновения костюма городского типа протекал весьма различно в горах и равнинных селах. В горах в основном сохранялась одежда традиционного типа. Только в конце 1920-х — начале 1930-х годов молодежь (мужчины) стала надевать кавказские рубашки, гимнастерки, брюки галифе, военные сапоги. Головной убор носили традиционный — кабахи; появилась в эти годы и фуражка, которую носили только комсомольцы. Однако постепенно в быт все более проникала одежда городского типа. Прежде всего ее стали надевать на свадьбу. Так, костюм жениха состоял из городской сорочки, брюк галифе, офицерского кителя с кожаным поясом, папахы и военных сапог. Невеста надевала городское платье, имевшее длинный рукав и юбку-плиссе длиной немного ниже колен. На голову накидывали черный пифон, на ногах были городские туфли.

Наибольшее распространение костюм городского типа в Аджарии получил в 1930-е годы. Из традиционных элементов в мужском костюме сохранялись кабахи и каламани, длительное время бывшие повседневной обувью. Тради-

ционная чакура, шитье которой стоило дорого и ее обычно шили одну на всю жизнь, использовалась как парадная одежда. В женской одежде происходили аналогичные процессы: появлялись нового типа платья, городская обувь, однако отдельные элементы традиционного костюма аджарок в эти годы еще сохранялись. К таковым следует отнести, например, пояса сарткели с традиционным способом их повязывания, принятая в аджарском женском костюме яркость красок, традиционная манера прикрывания платком нижней части лица. Из костюма аджарки в эти годы исчезли чадра, а также верхняя вязаная одежда в виде длинного жакета (писташа)<sup>57</sup>.

В Мегрелии, как отмечалось, подобные процессы происходили весьма интенсивно уже во второй половине XIX в. Женский костюм обычно состоял из платья европейского типа, длинного, приталенного, с длинным рукавом. На каждый день его шили из ситца, на праздники — из шелка. Носили также кофту и юбку (последнюю иногда делали из дмотканной шерсти). На голову надевали платок. У мужчин сохранялись в это время традиционные чоха и ахалух, шальвары, которые шили из дмотканной шерсти. Для собственного употребления и в 1920-е годы изготавливали бурки; из войлока, остававшегося после этого процесса, делали набдис куди с полями средней величины, края которых обшивали черной кожей. Зимой носили башлыки, реже — папахы; летом в большинстве надевали парусиновую шляпу типа панамы. Обувью по-прежнему служили каламани из бычьей или коровьей кожи, сапоги были редки. К началу 1930-х годов в Мегрелии более широкое распространение получили гимнастерки, кители, кавказские рубашки, брюки галифе, военные сапоги. Однако и в таком комплексе сохранялись традиционные головные уборы. В 1940-е годы подобный костюм стал

заменяться обычными пиджаком и брюками навыпуск — «русскими брюками», по определению местного населения. Из традиционной одежды долгое время использовались домотканые чохи, служившие парадной одеждой<sup>58</sup>.

В дальнейшем процессы трансформации традиционной и полутрадиционной одежды происходили в направлении еще большей стабилизации в ней элементов общеевропейской (городской) одежды. Однако традиционное все-таки сохранялось. Последнее преимущественно относится к мужскому костюму, в котором прочное место заняли традиционные головные уборы (набдис куди, кабалахи); в некоторых районах длительное время мужчины во время различных сельских работ надевали каламани.

Экономические трудности военных и послевоенных лет в некоторой мере задержали дальнейшие изменения сельской одежды в направлении сближения ее с городской. Так, в селах нередко в это время носили каламани, в пошиве одежды использовали домотканину и т. п. С 1950-х годов положение изменилось. Постепенно стали исчезать еще сохранявшиеся традиционные элементы, заменявшиеся новыми: каламани — сапогами, городскими ботинками и резиновыми калошами; вместо теплой шали, принятой в некоторых районах Грузии в качестве зимней женской одежды, женщины начали носить обычное пальто. Все больше в селах стали носить кепки, заменившие традиционные набдис куди, кабалахи и папахи. В 1950-е годы женщины уже носили полностью городского типа костюм, у мужчин еще сохранялись элементы одежды 1930-х годов: гимнастерки, френчи, брюки галифе, военные сапоги. Некоторой стабилизации такого костюма способствовало возвращение фронтовиков, носивших костюм военного образца<sup>59</sup>.

С начала 1960-х годов в Грузии, как



Рис. 15. Женский костюм 1930-х годов в Аджарии (рис. 1974 г.)

и на всем Кавказе, наблюдается последовательное повышение материального уровня населения. Влияние этого важного фактора сказалось буквально на всех сторонах культуры, проявилось оно и в одежде. В настоящее время в грузинское село проникает модная и дорогостоящая одежда. Быстро появляются новейшего производства модные ткани, новые модели одежды, особенно популярные среди молодежи (джинсы, удлиненные юбки, приталенные мужские рубашки и т. п.). «Прежде — чисти, теперь — обувь на платформе», — так оценивают разнообразные изменения в традиционной одежде представители старшего поколения. Таким образом, грузинское село по стилю одежды молодежи не отстает от города.

Однако несмотря на столь видимые изменения в одежде народа, в ней и сейчас сохраняются некоторые традиционные черты. Старшие женщины носят довольно длинные платья черного цвета. Пожилые также предпочитают темный цвет и обязательно черный платок, причем это не всегда связывается с трауром. У мужчин любого возраста сохраняются традиционные головные уборы (сванури, тушури и др.) на-

ряду с кепками. Шляпы европейского образца в грузинских селах не получили распространения.

Таким образом, как показывают рассмотренные материалы, одна линия развития современной грузинской одежды сельского населения состоит в дальнейшем утверждении общеевропейских (городских) форм одежды, другая связана с сохранением некоторых традиционных элементов костюма и, что еще более оцутимо, традиционных установок и норм в отношении одежды. Так, в большинстве сел обязательны чулки, если женщина выходит со двора, а в некоторых — и головной платок; непозволительным считается надеть женщине довольно открытое платье, а также брюки. Имеется еще одна линия развития современной одежды грузин. Это появление в ней специфики, которую следует оценить как сравнительно новую традицию. К таким новым традициям следует отнести, например, предпочтение в повседневной одежде черного цвета. Это прежде всего касается женщин, но и мужской костюм обычно предпочитается темных и черных тонов. Таким образом, сравнивая цветовую гамму грузинского костюма конца XIX в. (пристрастие к светлым и ярким краскам) с современной, мы видим в ней весьма существенные изменения<sup>60</sup>.

## Пища

Пища, как и вся система питания, — одна из наиболее тесно связанных с природными и хозяйственными условиями областей бытовой культуры. Последнее не означает, конечно, что на нее не оказывают влияния другие факторы. Так, пища, как и жилище и одежда, зависит от уровня социально-экономического развития народа, исторической обстановки, религии, межэтнических контактов, интенсивности связей с го-

родом и т. п. Как и в других областях бытовой культуры, в пище отражается этническая специфика; она выполняет определенные социальные функции как часть культуры: объединения, что особенно ярко выражается в ритуальной пище, и разобщения (пост, пищевые запреты)<sup>4</sup>.

Однако в отличие от других областей материальной культуры пища более консервативна, в ней значительно дольше, чем, например, в жилище и одежде, сохраняются древние традиции<sup>2</sup>. Отмеченная особенность во многом объясняется психологическими предубеждениями, которые вследствие многовековой привычки к какой-либо еде или под действием древних пищевых запретов<sup>3</sup> консервировались в народе из поколения в поколение. Со временем психологические предубеждения вырабатывали и физиологическое невосприятие некоторых пищевых продуктов. Народы, в прошлом исповедовавшие ислам, нередко и в наши дни не едят свинину. Тысячелетняя жизнь такого запрета, явно домусульманского происхождения, выработала определенное психологическое, а иногда даже и физиологическое невосприятие данного продукта.

Т. Сахокиа приводит подобный пример невосприятия пищевого продукта. В 1880-х годах в Гурии имелась дружина, которая состояла из мегрелов и гурийцев и находилась на государственном довольствии. В каждодневное питание дружинников входил ржаной хлеб. Однако, привыкнув к традиционному гоми, они долго не могли преодолеть психологический и физиологический барьер и перейти к новой, столь отличной от гоми пища — черному хлебу, поэтому часто болели и даже умирали<sup>4</sup>. Грузинское и абхазское население Причерноморья до сих пор мало привыкло к чаю, хотя разведение этой культуры в указанных районах имеет почти столетнюю историю.

Таким образом, в пище, как и вообще в бытовой культуре, новое быстрее становится органической частью питания народа, если оно не резко противоположно традиционным видам пищи.

Пища — это состав продуктов, отражающий экологические и хозяйственные особенности страны, виды пищи (блюда), способы их приготовления, периодичность приема пищи, способы заготовок. Следует также выделять пищу повседневную и ритуальную. С пищей связаны этикет застолья и утварь.

Чтобы представить основу пищевого рациона населения Грузии, кратко рисуем природно-хозяйственные условия этой страны<sup>5</sup>. Каждая из выделяемых историко-этнографических областей имела свою природную и хозяйственную специфику. В горной зоне преобладало скотоводство (в Тушети и Пшави — более овцеводство, в Хевсурети, в Горной Раче и Сванети — крупный рогатый скот), сочетавшееся с небольшим по объему земледелием, что объяснялось значительным малоземельем горных районов Грузии. Так, в отношении тушин современники отмечали, что они земледелием прежде не занимались, «находя оное совершенно неудобным по причине возвышенных мест, ими занимаемых. Ныне же (1830-е годы. — Н. В., Г. Д.) все селения начали обрабатывать небольшие долины — чеснок, просо и ячмень суть произведения земли». И все-таки главным занятием тушин и позднее оставалось овцеводство. Шерсть, скот, сыр они выменивали в Кахети на хлеб, вино, у азербайджанцев — на соль. По экономическому обследованию 1880-х годов, в нагорной части Тионетского уезда Тифлисской губернии (Тушети, Хевсурети, Пшави) пастбища и неудобные земли составляли 91,07% всей земельной площади, обрабатываемые земли — 2,91%, усадьбы — 0,1%, лесные угодья — 5,92%. В нижних районах того же уезда об-

рабатываемая земля занимала около 42% всей площади.

Поэтому в горной Грузии была постоянная нехватка хлеба, недостающие запасы которого горцы частично восполняли закупками кукурузы и зерна на Северном Кавказе и в равнинных районах Грузии. Так, мохевцы в большом количестве закупали кукурузу в Терской области. То же отмечалось современниками и в отношении Хевсурети. «Изобилие и роскошь вовсе незнакомы хевсурскому народу, соль и оружие выменивают они у соседей своих на баранов, простую водку и хлеб на недостаток собственного достают у грузин (т. е. на равнине, — Н. В., Г. Д.)». Пшавы не менее  $\frac{1}{5}$  необходимого им хлеба покупали в Кахети. В Горной Раче население закупало в Балкарии кукурузу, ячмень и пшеницу. В Сванети хлеба не хватало даже в нижних районах, и сваны выменивали кукурузу на скот и деревянную посуду в Лечхуми и Мегрелии. Жители Верхней Сванети покупали хлеб на Северном Кавказе и кукурузу в Мегрелии<sup>6</sup>.

Из сельскохозяйственных культур в горах — в Тушети, Пшави, Хевсурети — сеяли яровую пшеницу (дика), полбу (ансли), ячмень (кери), рожь (чвави); в Пшави, кроме того, сеяли хмель (свиа), коноплю (канапи), сажали табак (тамбако). В последней трети XIX в. в Пшави появились капуста (камбосто) и картофель (картопили). Из огородных культур были распространены бобы, фасоль (лобио), горох (церцви), чеснок (ниори). В верхних районах Мтиулет-Гудамакари сеяли просо (петви), овес (швриа), ячмень, лобio и кукурузу (симинди), в нижних районах — пшеницу (дика, хорбали), ячмень, лен (сели), табак. В Горной Раче основными культурами были ячмень, кукуруза, лобio; картофеля и овощей не было<sup>7</sup>. Не имелось также садов; жители собирали лесные фрукты, ягоды, занимавшие значительное место

в их питании. В Нижней Раче сеяли ячмень, пшеницу, просо, кукурузу; в конце XIX в. здесь имелись огороды (капуста, бобы, лобио), виноградники<sup>8</sup>.

Весьма различалась по своим хозяйственным особенностям Сванети. В ее верхних районах (общество Ушгули) сеяли только ячмень, в нижних — пшеницу, лен, кукурузу; в Княжеской Сванети (общество Бечо) высевали пшеницу и ячмень, горох, лобио, сажали лук. Во второй половине XIX в. в Верхней Сванети стало развиваться огородничество. И. С. Ткешелашвили писал, что местные учителя занимаются здесь разведением картофеля, капусты и других овощей, которые дают хорошие урожаи. «И сваны,— отмечал он,— понемногу перенимают это доброе начинание от учителей». В обществах Бечо и Мулахи огородничество начало развиваться еще ранее. «Русские солдаты в Бечо,— писал А. Стоянов,— разводят огород. Огородные овощи в Сванетии — диковина: огурцы, лук, капуста, картофель». Нескольким позднее на это же указывал В. Я. Тепцов. «Культуру капусты и картофеля,— отмечал он,— по словам жителей, водворили солдаты. Здесь содержалась ныне упраздненная команда солдат. Солдаты имели большой огород капусты, картофеля и других овощей. От них-то сванеты и научились сеять эти овощи и готовить их в пищу»<sup>9</sup>.

Помимо земледелия в Грузии было развито скотоводство. В горной зоне оно преобладало. В Тushети во второй половине XIX в. овцеводство приобрело товарное значение. Весьма развитым овцеводство было в Хеви, Пшави и Мтиулет-Гудамакари. Скотоводство в Хевсурети, Верхней Раче и Сванети было невелико по объему, причем разводили преимущественно крупный рогатый скот. Слабое развитие скотоводства в Сванети объяснялось прежде всего небольшой площадью покосных

земель, которая постоянно сокращалась за счет распашки. Значительное место в хозяйстве сванов занимало свиноводство<sup>10</sup>.

Иная картина хозяйственного развития рисуется источниками в Кахети, Картли, Имерети, Гурии, Аджарии, Мегрелии, где были лучшие природно-климатические условия, имелись удобные для земледелия, садоводства, виноградарства и огородничества земли. Меньшее значение здесь имело скотоводство, однако в некоторых районах, например Цалка, его удельный вес был велик и оно играло большую роль, чем земледелие. Значительным в хозяйстве предгорной и равнинной зон Грузии было разведение домашней птицы. Из сельскохозяйственных культур в Кахети (кроме степных районов) сеяли пшеницу, ячмень, сажали кукурузу (ее использовали главным образом в качестве корма для скота), фасоль, лук, чеснок, морковь, картофель, немного капусты. Самыми развитыми отраслями в этом районе Грузии были виноградарство и виноделие. Удельный вес скотоводства в местном хозяйстве был невелик, однако оно обеспечивало население необходимыми продуктами (мясом, молоком, маслом, сыром), давало тягловую силу, из шерсти изготавливали часть одежды и т. п. Разводили коров, буйволов, быков, курдючных овец, коз, свиней<sup>11</sup>.

В Картли на неполивных землях (например, в Борчалинском уезде) сеяли ячмень, рис (чалтык), на поливных землях — пшеницу, ячмень, овес, полбу, сажали картофель. В долине р. Куры преобладал ячмень, сажали также немного кукурузы, но ближе к Тбилиси основной зерновой культурой становилась пшеница; в центральной части Картли главными были яровая пшеница, ячмень, кукуруза, просо. Грузинское население по рекам Большая Лиахви и Меджуди сеяло пшеницу, ячмень, сажало фасоль, занималось виноградар-



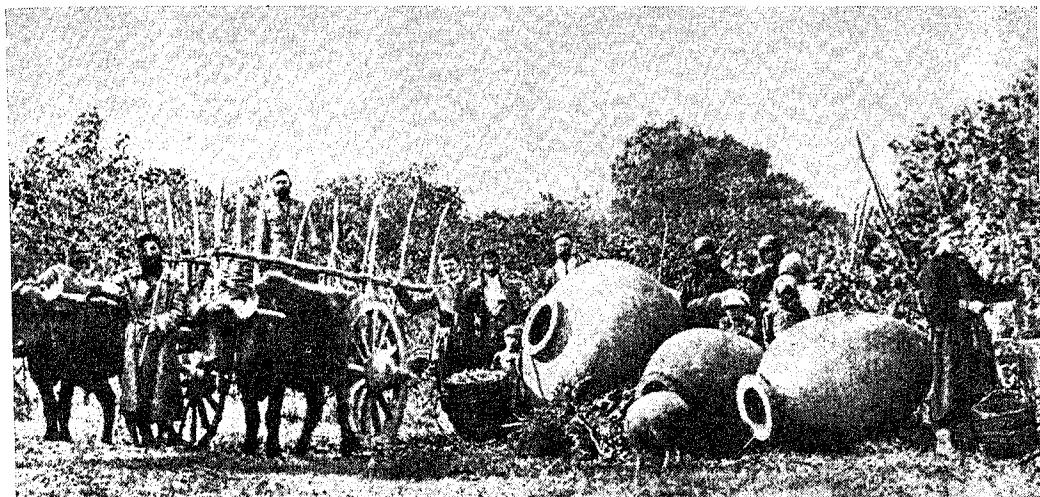


Рис. 1. Кахетинцы на сборе винограда (фото конца XIX в.)

ством. Избыток хлеба местные жители продавали в Тбилиси и Телави. В грузинских селах по Малой Лиахви высевали яровую пшеницу, просо и кукурузу, но здесь хлеба хватало всего лишь на полгода, и население выменивало его в других районах Картли на шерсть и скот. В Эрцо-Тианети традиционными сельскохозяйственными культурами были озимая и яровая пшеница, ячмень, полба, просо, а также кукуруза и лоббио. Кроме земледелия, местные жители занимались овцеводством и свиноводством. В Картли виноградарство и виноделие было менее развито, чем в Кахети. Карталинцы занимались также огородничеством, выращивая лук, чеснок, огурцы и др.

В Месхет-Джавахети преобладала пшеница, но сеяли также ячмень и кукурузу. В некоторых селах имелись небольшие посевы льна, полбы, чечевицы и гороха. Огороды и сады в основном были небольшими, лишь в немногих селах имелось значительное садоводство и часть яблок продавали. Скотоводство было невелико; разводили также домашнюю птицу (индеек, гусей, уток и кур). В отличие от Месхет-Джавахети в Борчалло ведущей отраслью

хозяйства являлось скотоводство; земледелие же было невелико. К концу XIX в. большое место в хозяйстве борчалинцев заняло огородничество, в том числе разведение картофеля<sup>12</sup>.

В Имерети, как в Кахети и части Картли, основными отраслями хозяйства были земледелие и виноградарство. В нижних районах Имерети сеяли главным образом гоми, кукурузу, сажали лоббио, бобы, горох; имелось незначительное огородничество (баклажаны, редька, огурцы, тыква, лук, морковь, свекла, редко капуста). Сажали также картофель, разводили множество сортов зелени (красный перец, ципмати, киндза, тархун, черемша и др.). Благодаря развитию виноделия местным вином обеспечивалась не только Кутаисская губерния<sup>13</sup>, т. е. Имерети и другие районы, но его вывозили также в Картли и в Ахалцихский уезд. В последний вывозили также избыток меда. В более суровых гористых местах Западной Грузии — в Шорапанском, Рачинском и Лечхумском уездах — сеяли

пшеницу, ячмень, рожь, гоми, просо; в Лечхуми — также полбу и кукурузу. В горной части Имерети садов не было, жители употребляли собранные ими лесные плоды. Скотоводство (коровы, буйволы, козы, немного овец) имело исключительно подсобный характер. Значительное развитие получили здесь свиноводство и разведение домашней птицы<sup>14</sup>.

В Аджарии во второй половине XIX в. основной сельскохозяйственной культурой была кукуруза; пшеницу, ячмень, рис сеяли лишь небольшими участками. Посевы риса в дальнейшем еще более сократились, что было связано с осушением земель в районе Батуми, где на осушенных участках стали устраивать чайные плантации. Виноградарство, садоводство и огородничество в Аджарии были развиты слабо; не было картофеля. Скотоводство было небольшим, однако играло важную роль в обеспечении населения необходимыми продуктами и тягловой силой. В горных селах имелось значительное пчеловодство.

В Мегрелии в бассейнах рек Хоби, Абаша и Ингури высевали главным образом кукурузу, просо, гоми, сажали лобю, бобы, горох, тыкву, редьку, брюкву, баклажаны, лук, чеснок, различные травы (мята, киндза и др.) В некоторых селах по рекам Хоби и Ингури разводили арбузы, дыни, огурцы. Здесь в изобилии росли дикий виноград, различные сорта плодовых деревьев. Лен, конопля, табак, хлопок имелись почти по всей Мегрелии, но довольно в малом количестве и лишь для домашнего обихода. Довольно развитым в этой части Западной Грузии было скотоводство: в нижних районах разводили коз и свиней, в нагорных — овец и крупный рогатый скот. В хозяйстве мегрелов имелось также много домашней птицы; большим подспорьем являлось пчеловодство.

«Гурия, — отмечали бытописатели пер-

вой половины XIX в., — плодороднее Мингрелии. Лучшие гоми и кукуруза произрастают в изобилии. Вся Гурия покрыта плодовыми деревьями и виноградными лозами... Занятия гурийцев такие же, как и у мингрельцев, — гоми, кукуруза, мед и вино». Гурийцы занимались также небольшим огородничеством; разводили скот и свиней. К концу XIX в. главной сельскохозяйственной культурой в Гурии стала кукуруза, которая, как и в Мегрелии, приобрела товарное значение. Столь же большое значение к этому времени имели садоводство, виноградарство и огородничество.

Помимо указанных отраслей хозяйства в большинстве районов Грузии были развиты охота, рыболовство, собирание дикорастущих трав и лесных плодов<sup>15</sup>.

Некоторые продукты поступали в Грузию благодаря торговле, которая велась с остальным Закавказьем, с Россией, Персией, Турцией, Западной Европой. Таковы, например, сахар, чай, макароны, вермишель, которые привозили из России, кофе (из Турции), рис, шафран, рыба и икра (из Азербайджана). От дагестанцев получали каштаны. В районах, где не хватало своего хлеба, горцы покупали его (а также сушеные фрукты, соль) главным образом на Северном Кавказе<sup>16</sup>. «Жители Мингрелии и Имеретии, — отмечалось в документах первой трети XIX в., — имея первейший недостаток в соли, соленой рыбе и железе, обыкновенно сии вещи, получаемые турками из Таврии (Крым. — Авт.), выменивают у них на свое гоми и просо». В Тифлисскую губернию рыбу и икру привозили из Нухинской провинции, где имелась так называемая Мингечаурская рыбная ловля. Из Тифлиса рыбу (балык) и икру вывозили в другие районы Грузии, в частности в Имерети. Всего в Тифлис в течение года прибывало до 3 тыс. арб с рыбой и икрой (по 40 пудов в каждой)<sup>17</sup>.

В 1920-е и особенно в 1930-е годы в

структуре хозяйства Грузии произошли значительные изменения, что несомненно повлияло на пищу и всю систему питания местного населения. В некоторых районах республики появились новые отрасли хозяйства (Тианети<sup>18</sup>, Ахалхский район, Аджария, Горная Рача<sup>19</sup>, Сванети<sup>20</sup>). В Аджарии возродилось виноградарство. В связи с разведением овощей и картофеля в ряде мест Грузии уменьшились посевы ячменя, пшеницы, кукурузы. Коренным образом изменился хозяйственный профиль прибрежной части Грузии: Нижней Аджарии, Гурии, Мегрелии. Здесь посевы проса и кукурузы заменились посадками цитрусов и чая, а также лавра и некоторых технических культур (например, тунг)<sup>21</sup>.

Классифицируя пищевые продукты, получаемые в Грузии путем хозяйственной деятельности человека, а также освоения им природных ресурсов, можно выделить следующие категории: 1) молоко и молочные продукты (сыр, творог, масло, сливки, кислое молоко и т. п.); 2) мясо и мясные продукты (баранина, говядина, свинина, куры, индейки, гуси, каплуны, а также мясо диких зверей и птиц, получаемое путем охоты); 3) хлеб; блюда из муки и злаков; 4) растительные продукты — овощи, зелень, фрукты, виноград, масло из льна и подсолнечника; 5) рыба и рыбные продукты; 6) мед. Соотношение этих категорий в питании местного населения зависело от экологических и хозяйственных условий, а также от социального положения и имущественного состояния населения. Так, во всех зонах, хотя и в разных соотношениях, имелись молочные и мясные продукты, блюда из муки и злаков, но доля растительной пищи (главным образом овощей и фруктов) в горных районах была весьма незначительна. В какой-то мере ее запасы, необходимые для организма, восполнялись дикорастущими травами, кореньями, лесными фруктами.

Традиционная пища грузин разнообразна по составу блюд, обладает большой калорийностью, хорошими вкусовыми качествами. Состав пищи столь богат, что даже частичное перечисление некоторых названий блюд, наиболее принятых в быту грузин, составило бы внушительный список<sup>22</sup>. Именно о такой пище (и в целом о системе питания) можно говорить как о хорошо сбалансированной в отношении ее калорийности и вкусовых качеств, дававшей человеку все необходимое для его нормальной жизнедеятельности. Однако природнохозяйственные и социальные условия далеко не всегда способствовали развитию идеальной системы питания. В горах хлеба хватало не более чем на полгода. Сказывался недостаток мяса (т. е. белков), которое для большинства населения было праздничной и ритуальной едой. Во многих районах не было овощей и картофеля. Отсутствие в ряде районов фруктов обедняло питание (покупной сахар был дорог и доступен лишь состоятельным). В некоторых районах это частично восполняли медом и лесными фруктами.

Питание населения Грузии в XIX—XX вв. обрисовывается источниками следующим образом. Обычная пища грузинского крестьянина, равнинно-предгорного жителя, в конце XIX — начале XX в. состояла из хлеба, сыра, зелени и фруктов. Грузин «в пище своей весьма умерен; вино составляет главнейшую приправу; употребляет много зелени и овощей», — отмечали современники. «Здесьнее население [Имерети] питается скудной и неизысканной пищей. Кукуруза, гоми и огородная зелень составляют главное ее основание; мясо для крестьянина составляет редкость». О мегрелах Самурзакано Т. Сахокиа писал: «С утра до вечера он (мегрел) кушает кукурузное гоми и сыр. Даже вина нет у бедняка самурзаканца». В некоторой мере недостаток повседневного питания грузинских крестьян

восполнялся во время праздничного застолья. На это указывали и современники. «Вообще умеренный в пище грузин во время пиршества предается изысканствам». Об имеретинах писали, что если в обычные дни их пищу составляют томи или мчади, лобио, зелень, сыр, то в праздник или на свадьбе они едят мясо (говядина, баранина), пьют вино и водку<sup>23</sup>.

На некоторые особенности питания кавказских народов, в том числе и грузин, обращал внимание И. Пантюхов, длительное время работавший врачом в Грузии. Прежде всего это упомянутая воздержанность в пище. «Кавказец, — отмечал он, — весьма долго может ограничиваться ничтожным количеством пищи, а перерасходы организма пополняет во время праздников и пиршеств». Другой особенностью грузинской пищи было широкое употребление трав, почек, корней в сыром, сухом, соленом, вареном виде. «Целые толпы грузинок и армянок с детьми, — пишет И. Пантюхов, — собирают по лугам весной и летом разные съедобные травы. Иногда эта пища бывает и единственной»<sup>24</sup>. Таким образом, отмеченное пристрастие к дикорастущим травам не всегда объяснялось только традицией. Нередко оно было связано с нехваткой самых необходимых продуктов, например хлеба. Тот же Пантюхов описывает тяжелое положение, создавшееся в Кахети в начале 1893 г., когда у местных жителей кончились все запасы хлеба. Поэтому весной они вышли на поля, луга, в сады, где собирали спаржу, черемшу, крапиву, пирицу, молодые побеги винограда, несспелые полевые ягоды и другие растения, которые в то время составили их основную пищу<sup>25</sup>.

Периодичность приема пищи во многом определялась сезонными работами. Однако преобладало трехразовое питание, причем основными считались завтрак и обед, тогда как ужин нередко составляли остатки обеда с хлебом. Еду

готовили к каждому приему пищи; каждый раз обязательно подавалось вино.

Бытописатели прошлого века оставили нам живые описания грузинского застолья. «Грузин ест и пьет, поджавши под себя ноги столь замысловато, что не обывкший на Кавказе европеец не усидит в таком оригинальном положении пяти минут». Застолье предпочитали устраивать не дома, а в саду или на плоской крыше своего дома и обязательно в обществе двух-трех друзей. В перерывах в еде обычно пели и плясали. «Грузин... поет, выплясывает лезгинку на том самом месте, где накрыт обед, искусно лавируя посками сапог между тарелками и бутылками». Непременными компонентами всякого обеда были виноградное вино, зелень, фрукты, сыр; тарелками служили виноградные листья и тонкий лаваш; ложки и вилки не были в употреблении, а нож всегда находился в кармане или в особых ножнах кинжала.

Праздничное застолье включало множество блюд, сменявших одно другое: овощи, холодную рыбу (балык), говядину, суп бозбаш, чихиртму, долму, лобио, бадриджаны, плов, шашлык; на десерт подавали фрукты и мацони. Описанное застолье было характерно для Восточной Грузии. В Западной оно выглядело несколько иначе, отличаясь не только в этикете, но и в характере кухни. «Здесь (в Имерети. — Н. В., Г. Д.), — отмечали современники, — не сидят, поджав ноги по-турецки или персидски... но сидят на креслах и скамьях... пьют не азарпешами и кулами, но бокалами оловянными, серебряными или глиняными; азиатских блюд и их названия плова, шашлыка, кебаба и т. п. также нет в народе»<sup>26</sup>.

Более детальные различия в пище отдельных этнографических групп грузин дают возможность выявить имеющиеся в нашем распоряжении исторические свидетельства.

Основу питания тушин составляли: молочные продукты — сыр (его делали только из овечьего молока), творог, масло, которое зимой нередко заменялось бараньим жиром, а также яйца, хлеб — пшеничный, ржаной и овсяный. Хлеба в горах не хватало, и обычно тушины закупали зерно в Кахети. Из овсяной муки и крупы приготавливали различные каши. Из муки готовили *мачвати* (наподобие блинов), редко — хинкали с мясной начинкой. Делали также блюдо из зерен льна. Овощей в Тушети не было, но картофель сажали и употребляли в пищу. В большом количестве использовали дикорастущую зелень (ее собирали весной и летом женщины и дети), которую заготавливали впрок. Мясо (баранина, говядина, редко свинина, козье мясо, курица) готовили в отварном виде и как кавурму, однако его употребление ограничивалось праздничными днями, свадьбами и поминками. Запас мяса, который получали от убоя домашнего скота, пополнялся путем охоты на горных козлов и медведей. Тушины ели также рыбу. Из напитков была принята водка, приготавливавшаяся из овса, ячменное пиво, чай — настой разных дикорастущих корней. В Кахети покупали виноградное вино<sup>27</sup>.

Аналогичную картину мы видим в других горных районах Грузии. Повседневной пищей хевсур служили молочные продукты — сыр, который готовили из снятого коровьего молока, топленое масло, хлеб — овсяный, ячменный или ржаной. Его выпекали пресным в виде лепешек и кислым овальной формы (лаваш). Из зерен ячменя готовили также блюдо: ячмень поджаривали на плоских каменных плитах, затем толкли в крупу, которую размешивали с водой и солью и в таком виде ели. Отсутствие зелени и овощей в какой-то мере восполняли дикорастущие травы. «Они (хевсуры. — Н. В., Г. Д.), — пишет Г. Радде, — съедали массу природных трав, в том числе щавель». Мясо (го-

вядина, баранина, турье), как и везде, в Хевсурети не было ежедневной пищей. Его готовили (чаще всего отварное) на праздники, для поминального и свадебного стола. С мясом делали также хинкали. В сушеном виде мясо сохраняли на зиму. Из напитков у хевсур были приняты водка (главным образом из бузины) и пиво (из ячменя)<sup>28</sup>.

В повседневном питании пшавов главными были те же продукты, что у тушин и хевсур. Это сыр (из овечьего молока), коровье молоко, топленое масло, творог (более для гостей), а также яйца. Хлеб выпекали из овсяной, ячменной или ржаной (свили) муки в виде лепешек и лаваша. Как и у всех, важной частью питания пшавов были дикорастущие травы, которые употреблялись ими в самом разнообразном виде (сыром, вареном, сушеном) и добавлялись в некоторые блюда (например, в творог). «Женщина, — писал о пшавках Г. Тедорадзе, — пасет около села [скот] и целый день ест травы». С 1880-х годов в Пшави стали появляться посадки капусты и картофеля. Последний к 1920-м годам стал широко использоваться в каждом повседневном питании пшавов. Мясо (говядина, баранина, птица), как и у других горцев, было преимущественно праздничной едой: его готовили на свадьбу, религиозные праздники, а также подавали в поминальном угощении. В зависимости от сезона мясо ели свежим или в сушеном виде. Кур разводили, однако мясо их не ели и держали только из-за яиц. Свиней не держали и их мясо в пищу не употребляли. Как отмечает Важа Пшавела, свинину ел один пшав из тысячи. Вместо супа нередко употребляли сыворотку, получавшуюся при сбивании масла. Кроме того, суп приготавливали из кусочков теста, гороха и кизила. Любимым блюдом пшавов было хинкали с мясом, которое они старались приготовить хотя бы раз в неделю. Хинкали делали также без мяса, с чесноком или с грец-

кими орехами. Из напитков главными были домашняя водка и пиво (луди), приготовлявшиеся из ячменя<sup>29</sup>.

Очень скудным было повседневное питание основной массы мохевцев. «Ячменный хлеб, лук и соль с водой — вот их постоянная еда», — писал в 1880-х годах А. Хаханашвили. При наличии кукурузы из кукурузной муки пекли лепешки. Из молочных продуктов повседневную пищу составляли молоко, сыр (из овечьего молока), редко — топленое масло. Хозяйства, имевшие скот, по праздникам, особенно летом, ели мясо (баранину). Дикорастущие травы дополняли ежедневный пищевой рацион мохевцев. Каждодневный напиток большинство населения делало из отрубей. Арака имелась только в состоятельных семьях, в которых из блюд традиционной грузинской кухни были приняты также хинкали с бараниной, бозбаш, чихиртма, хачапури<sup>30</sup>.

Основу повседневного питания жителей Мтиулет-Гудамакари составляли молочные продукты, в том числе сыр из овечьего молока, и хлеб, который пекли в виде лепешек из ржи (из свили) или смеси свили с ячменем. Мясо в этих местах было питанием не каждого дня. На праздники, поминки, свадьбу его делали в вареном и жареном виде; свинину не ели. Овощей и картофеля местное население не разводило<sup>31</sup>.

Молочные продукты (прежде всего сыр) и хлеб были основой повседневного питания и горных рачинцев. Сыр они делали из коровьего (в Геби) и коровье-или козьего (в Чиора и Глола) молока. Хлеб выпекали из пшеничной муки. Приготавливали также кукурузный мчади. Каждодневым блюдом у рачинцев было лобно. Овощи и картофель в их питании отсутствовали, так как до революции редко в каком хозяйстве Горной Рачи имелись эти культуры. Праздничными, как и везде в крестьянской среде, были мясо, хинкали с мясом, хачапури. В нижней Раче из молочных

продуктов каждодневное питание составляли сыр, масло, творог (также жареный в масле); ели яйца. Хлеб из кукурузной и пшеничной муки делали пресным в виде лепешек и кислым на нарзане (лаваш, небольшие буханки). Из кукурузной муки готовили также мчади. В селах Нижней Рачи в отличие от Горной имелись овощи (бадриджаны, капуста, тыква), а также зелень, лобно, бобы, составлявшие повседневную пищу местного населения. Каждодневное питание состоятельных семей отличалось более частым употреблением мяса (свинина, ягнята, куры). Основным напитком являлось виноградное вино домашнего приготовления<sup>32</sup>.

Скудным было питание сванов. Как отмечали современники, в начале XX в. у них было принято двухразовое питание: на рассвете перед работой и вечером после нее. Оба раза обязательно готовили горячее. Состав пищи зависел во многом от сезона: летом преобладала молочная пища, в частности ели много мацони, в другое время года основным блюдом было лобно без масла и почти без соли. В течение всего года ели сыр (наподобие сулугуни) и яйца (вареные, яичница). Кроме лобно, повседневную пищу сванов составляли также бобы и горох, а в Нижней Сванети — и овощи; в Верхней Сванети картофель и овощи были редкостью даже к началу XX в.

Хлеб приготавливали на закваске из овсяной, ржаной, ячменной муки или из смеси пшеничной и ячменной (в Нижней Сванети). Каждодневное употребление хлеба было значительным — примерно фунт на человека. При ранних морозах и граде в Сванети ощущался большой недостаток в хлебе. Его восполняли главным образом молочными продуктами, менее — мясом, которое не было повседневной пищей. С весны в питании сванов большое место занимали дикорастущие травы с мясистыми стеблями, содержавшие крахмал, и луковичи.

Травы ели в сыром, вареном, сушеном и тушеном виде. В большом количестве их сушили, заготовляя на зиму, когда использовали в супы и похлебки. Летом пища становилась несколько разнообразнее благодаря лесным ягодам (малина, черная смородина) и фруктам (груши и яблоки), которые сваны выменивали у северокавказцев. Помимо отварного и жареного мяса (свинины, говядины), которое готовили не каждый день; делали также пироги с мясом (кубдар) и с сыром (квелиани). Из семян льна, смешанных с лесными орехами, приготавливали сладкое блюдо. Большим подспорьем в питании были продукты, получаемые во время охоты, например мясо туров<sup>33</sup>. Основным напитком была арака, которую делали преимущественно из ржи с примесью ячменя и овса. Особенно ценилась арака из бузины, которая была единственным напитком в Дадзиановской Сванети. Из меда готовили сладкий напиток ранги<sup>34</sup>.

В домах знатных сванских фамилий и в более состоятельных семьях пища значительно отличалась от крестьянской по своему составу, калорийности и обилию. Так, более часто в питании употреблялось мясо. Еще более разнообразной становилась пища с приходом гостя. А. Стоянов, путешествуя по Сванети в 1870-х годах, был принят в доме князей Дадешкелиани (с. Мазери, общество Бечо). В своем очерке Стоянов приводит описание одного из таких обедов в доме князя. Были поданы суп с киндзой, холодная отварная баранина, пироги с творогом, мацони, приправленное растением наподобие хрена, служившее подливой к мясу, на десерт — мацони. В сванском селении Чолури в состоятельной семье Стоянова угощали ветчиной, бараниной, форелью под соусом из киндзы и «неизбежной курицей под соусом из лука» (вероятно, с чесноком. — Н. В., Г. Д.)<sup>35</sup>.

Равнинная и предгорная Грузия, как и невысокие горы, отличавшиеся от вы-

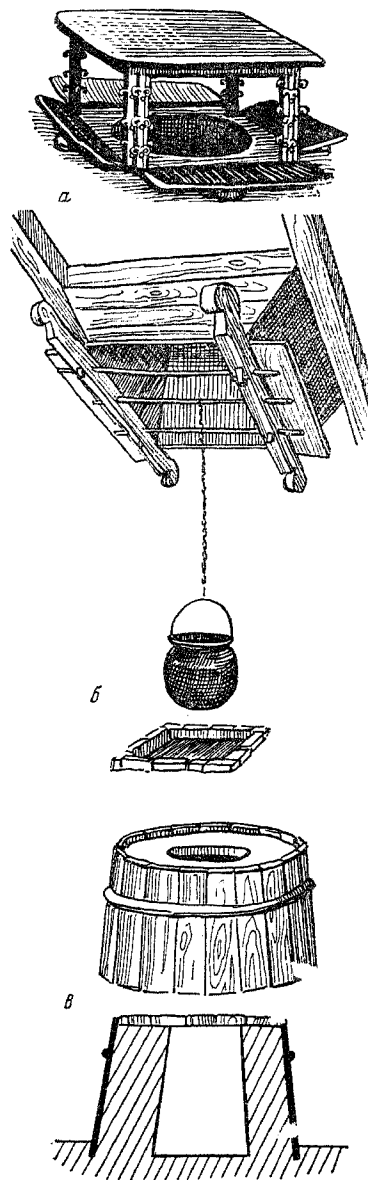


Рис. 2. Очаги

- а — сванский;  
б — очаг с эрдо в Имерети;  
в — тонэ (рис. 1974 и 1977 гг.)

сокогорья иными экологическими и хозяйственными условиями, имела для питания другие возможности. По сведениям источников конца XVIII в., в Кахети и Картли был распространен пшеничный хлеб. «Пшеничный же (т. е. кукурузный.— Н. В., Г. Д.),— отмечал Гюльденштедт,— весьма редок». Тесто для лаваша приготавливали на закваске, для шоти (длинная тонкая лепешка овальной формы) его делали пресным. Распространение в Кахети преимущественно пшеничного хлеба подтверждается также сведениями источников XIX в. Повседневную пищу местного населения помимо хлеба составляли сыр, свежие или сушеные фрукты, зелень. Изредка готовили рис, вареное или жареное мясо (говядина, свинина), суп из баранины (бозбаш) или из курицы (чихиртма). Из круп приготавливали разнообразные похлебки. Зажиточные семьи к праздникам делали плов, жареных и вареных индеек и кур. Однако основной пищей крестьян Кахети были растительные блюда. Так, о кварельцах в конце XIX в. писали: «За исключением некоторых зажиточных крестьян, питаются преимущественно растительной пищей. Почти ежедневно лобио». Мясо (баранина, говядина, свинина, козлятина) готовили только во время больших праздников, свадеб и каких-либо семейных торжеств, причем самым любимым мясным блюдом был шашлык. Повседневным напитком являлось виноградное вино собственного изготовления, которое имелось в каждой, даже самой бедной, семье. А. Зиссерман, живший в 1840-х годах в Матани (Кахети) в доме князя Чолокашвили, описывает обеды, которые устраивал хозяин дома. Каждому участнику обеда подавали большой пресный шоти, ставили бутылку вина (кувшины с вином находились в углу комнаты). Обед начинался с бозбаша или чихиртмы, в которые каждый крошил себе хлеб. Ели большей частью руками. Для наиболее уважае-

мых гостей в конце обеда подавали макароны, «нечто вроде редкости», отмечает Зиссерман. Вечером был чай с сахаром<sup>36</sup>.

В Картли, как и в Кахети, основу питания населения составляли молочные продукты, овощи и пшеничный (реже кукурузный) хлеб (пресный — лаваш, тонис пури, шоти). Сыр делали из коровьего, овечьего, козьего или буйволиного молока. Из других молочных продуктов приготавливали мацони, топленое и сливочное масло, творог, ели также до — сыворотку, оставшуюся после сбивания масла. Из мацони или сыворотки с добавлением зелени и жареного лука приготавливали суп (мацвнис печаманди, дос печаманди). Каждодневной едой было зеленый лобио, а также овощи (бадриджаны, соленые помидоры, перцы). Мясные блюда (хинкали, мясо и курица с чесночным соусом) в большинстве, как и хачапури, када и назуки, готовились в праздники. Из зерен пшеницы делали кашу (хавици), которую готовили следующим образом. Зерна пшеницы поджаривали, мололи и затем варили с добавлением соли, масла, иногда жареного лука. Хавици, как и лобио, было основной пищей во время постов. Напитками помимо мацони служили домашние вино и водка. Чай пили редко, так как сахара было мало и он был дорог<sup>37</sup>.

В Месхет-Джавахети основным в повседневном питании населения были хлеб, мучные блюда и молочные продукты. Из последних в состоятельных семьях и среднего достатка главными были сыр, сливочное и топленое масло, сливки, творог, мацони. Хлеб пекли овсяный, реже из пшеничной муки; делали также кукурузный мчади. Из муки и злаковых зерен приготавливали различные блюда: хинкали с мясом или с начинкой из сыра и яиц (такой хинкали в других частях Грузии не известны), татарбеги (кусочки теста, сваренные с топленным маслом и залитые



мацони), эришта (кусочки теста, предварительно высушенные на солище или в пурне, тушенные и заправленные луком, поджаренным в топленом масле), каша из кукурузной муки, разбавленная молоком, различные каши из зерен крупного помола. Распространенным блюдом было лоблио. Много ели рыбы (особенно форели). Мясо, как и везде, считалось здесь праздничным блюдом. Его в нарезанном виде поджаривали с луком (согани); из мяса готовили пашлык, колбасы и др.; из кур приготавливали чихиртму. Свинину не употребляли не только местные мусульмане, но и христиане, не державшие в своем хозяйстве свиней. Из сладких блюд готовили назуки, када (мука, смешанная с топленным маслом и медом), делали халву. В некоторых селах в Месхети имелись сады; в Джавахети садов не было, и фрукты заменялись кореньями и травами. Напитками служили водка из овса, кукурузы, сливы, тута, яблок и виноградное вино<sup>38</sup>.

В селах по границе Картли и Имерети (современный Хашурский район) наиболее распространенным и любимым был кукурузный хлеб мчади; выпекали также пшеничные лаваш и пури. Гоми в этих местах не приготавливали. Основу питания составляли также сыр, лоблио с маслом (редко с орехами), ели картофель. В праздники, а также для гостя помимо мяса готовили хачапури с начинкой из смеси сыра и картофеля.

В Западной Грузии (Имерети, Гурии, Мегрелии) в отличие от рассмотренных районов основу повседневного питания составляла своеобразная круто сваренная каша *гоми*. Ее готовили без соли из кукурузной, просяной муки или из гоми (чумиза) и ели всегда горячей. Из кукурузной муки выпекали *мчади*, своеобразный хлеб, который ели только свежеспеченным. В Имерети из пшеничной муки пекли также пресный хлеб небольшого размера (лаваш, пури). Помимо хлеба повседневную пищу запад-

ных грузин составляли вареная фасоль и сыр. В Имерети имелось много овощей — бадриджаны, земляная груша, лохана (род капусты), тыква; ели также картофель, красный лоблио, бобы, горох. В пищу употребляли большое количество зелени: тархун, пицмати, киндза, лук, чеснок. Мясо<sup>39</sup> с разными соусами ели преимущественно по праздникам, к которым готовили также курицу с чесночным соусом, шашлык. Приправами к мясу служили лук-порей, кресс-салат, чеснок, перец, особый вид мяты, бадриджаны, киндза, свинтри, сок граната, а также завязи дикорастущего кустарника (джонджоли). Некоторые продукты заготавливали впрок: солили и коптили кур, на зиму готовили джонджоли и др. «Масла, чая не знают,— писал об имеретинах Баумхауер,— но вино обязательно к еде»<sup>40</sup>.

Близким по составу было питание лечхумцев. Хлеб они выпекали из кукурузной и пшеничной муки. Повседневную пищу помимо хлеба составляли лоблио, горох, тыква (все со своих участков), из молочных продуктов — сыр (из коровьего молока), мацони; ели яйца. Мясная пища (телятина, ягнята, свинина, цыплята) была более редкой. Повседневным напитком служило виноградное вино своего изготовления<sup>41</sup>.

Каждодневное питание аджарцев составляли главным образом молочные продукты: сыр, топленое и сливочное масло, молоко и блюда, приготовленные из них; делали яичницу. Хлеб выпекали из пшеничной муки; из кукурузной муки аджарцы готовили мчади. Из растительной пищи наиболее распространенным и здесь было лоблио; ели также овощи, но вообще огородничество, как садоводство и виноградарство, в XIX в. в Аджарии было развито слабо. Самым популярным, но не каждодневным блюдом, считался плов, который готовили с мясом или с маслом и сахаром. Мясо (говядина, курица) основная масса населения приготавливала лишь в праздники

и для гостя. В питании аджарцев значительное место занимала рыба. В качестве напитков употребляли воду, *шербет* (сладкая вода), *бежмез*, кофе. Последнее было дорого и доступно не всякой семье. Из зерен пшеницы готовили также напиток наподобие пива<sup>42</sup>.

Т. Сахокиа так описывает застолье в аджарских семьях, в которых ему пришлось побывать во время поездки по Аджарии. В доме кадия для угощения гостя были поданы следующие блюда. На первое — *шарва*, блюдо, похожее на чихиртму (т. е. суп с курицей), на второе — *сутли*, рис, сваренный в молоке, затем плов, куры табака, сыр и яйца, смешанные и тушеные в масле, яичница, вареная баранина, каша из пшеницы с топленым маслом (*бургули*), хинкали с сыром. Завершили угощение кофе и холодная вода. Другое застолье, описанное Сахокиа, состояло из горячего мчади, блюда из кукурузной муки крупного помола, сваренной с большим количеством топленого масла (*хавици*), сыра, нарезанного и поджаренного с маслом на сковороде (*бора*). Как видим, этот стол был менее обилен и не включал многих блюд, главным образом мясных<sup>43</sup>.

Пища гурийцев мало чем отличалась от аджарской. Каждодневно ели сыр (из коровьего и овечьего молока), яйца, реже — масло. Пекли пресный кукурузный или просяной мчади и кислый лаваш (также из просяной муки), так как пшеницы в Гурии не было<sup>44</sup>. К 1880-м годам мчади уже делали весьма редко. В отличие от аджарцев гурийцы ели гоми, которое готовили из кукурузной муки. Повседневной пищей, как и везде, были лобио, бобы, много зелени; часто ели рыбу, грибы. В праздники, на поминки и свадьбу приготавливали мясные блюда: вареное и жареное мясо (свинину, кур и др.), харчо. Праздничными были также хачапури и плов. Пили вино и водку собственного изготовления<sup>45</sup>.

Повседневная пища мегрелов была по своему составу аналогична пище остального населения Западной Грузии. Стол их состоял из пресного кукурузного хлеба, «каши из гоми, фасоли и некоторой зелени и иногда вареного мяса». Значительное место в питании мегрелов занимали молочные продукты: сыр, мацони, творог. Из молока делали не только простой сыр, но также сыр *сулугуни*. Из муки и молочных продуктов готовили некоторые блюда. Например, из сыра и кукурузной муки делали *еларджи*, который ели горячим в виде густой смеси. Им угощали почетных гостей, оно считалось любимым блюдом пастухов. На свином сале (топленого масла мегрелы не делали) готовили *яичницу*, иногда с измельченным сыром. В качестве хлеба употребляли гоми и мчади, которые делали из кукурузной муки. Мчади готовили обычно к завтраку. Гоми подавалось дважды в день: к обеду и к ужину. При плохих урожаях кукурузы хлеб выпекали из каштановой муки. Пшеничный хлеб в Мегрелии делали только по праздникам и из-за дороговизны пшеницы он был доступен не всякой семье. На праздники готовили хачапури. Каждодневную пищу мегрелов составляли также лобио, горох, чечевица, отварная тыква. Мясо (баранина, козлятина), как и везде, было праздничной пищей. В более состоятельных хозяйствах разводили индеек, каплунов, кур, из мяса которых приготавливали разнообразные блюда. Из говядины делали харчо; ели также свинину. Самым популярным блюдом считалось сациви из индейки, к которой делали соус из зелени, орехов и перца. Большинство названных блюд были праздничными или готовились с приходом гостя. В питание мегрелов входили также фрукты, мед; нередко ели рыбу. Основным напитком было виноградное вино собственного изготовления. По статистическим подсчетам в середине XIX в. в Мегрелии на одного человека в течение года прихо-

дилось 450 бутылок вина. Водка среди мегрелов в отличие от сванов и горных имеретин (Рача и Лечхуми) не была принята<sup>46</sup>.

Такова пища грузин в XIX—начале XX в., которая восстанавливается по имеющимся в нашем распоряжении источникам. Эту картину для горных районов Восточной Грузии дополняет исследование Н. Джикиа, основанное в значительной мере на полевых материалах. Письменные источники упоминают далеко не все сохранившиеся в народной памяти традиционные грузинские блюда. Некоторые из них дожили до наших дней, другие исчезли. Из первых назовем хинкали с картофельной, сырной или фруктовой начинкой, суп из мацони с травами, мясной холодец, колбасы, чай из разных дикорастущих трав и др.<sup>47</sup>

Наряду с большой общностью, которая наблюдается в пище населения разных районов Грузии, пища этнографических групп грузин имеет и некоторые особенности. Например, в Кахети и большей части Картли в XIX в. не выпекали мчади, здесь был принят пшеничный хлеб — лаваш, шотис пури. Западнее Сурамского хребта важное место в питании большей части населения Западной Грузии занимал мчади, хотя употреблялся также и пшеничный хлеб. Но основным в западных районах (за исключением Абхазии, Рача-Лечхуми и Сванети) было гоми, не известное в Восточной Грузии. Западнотуркменская пища отличалась от восточнотуркменской большей остротой, большим применением грецких орехов, большим распространением овощных блюд (исключение составляла горная зона). Имелись и другие отличия. Например, в Восточной Грузии семена льна шли на приготовление масла. В Западной Грузии из стеблей льна делали веревки, а семена в некоторых районах (например, в Нижней Сванети) использовали в качестве приправы к кушаньям<sup>48</sup>.

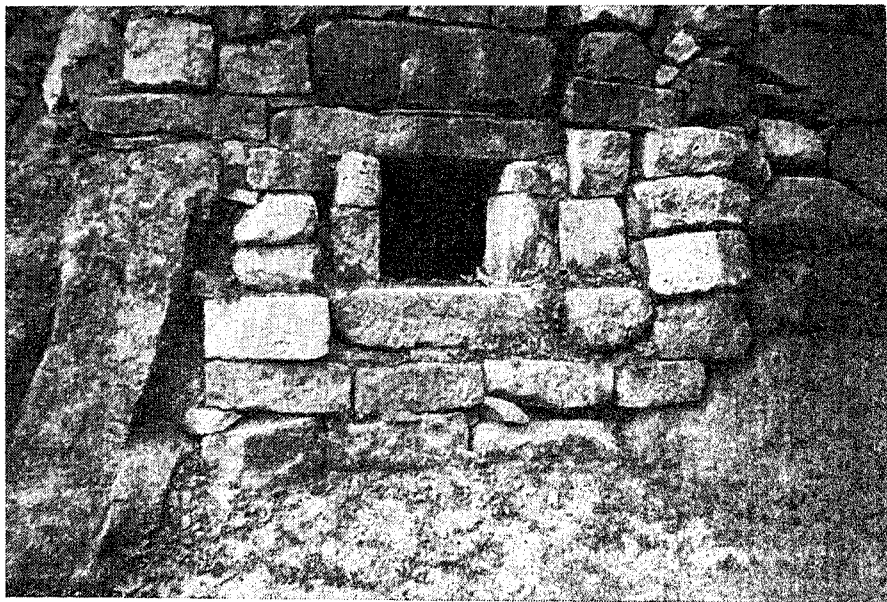
Значительные различия наблюдались и в пище горцев и жителей равнины. Для последних было характерно большее употребление пшеницы, а не ячменя и овса, фруктов, овощей, виноградного вина вместо водки т. п. Имелись некоторые отличия в пище восточных и западных горцев Грузии. Так, на востоке горцы из ячменя приготавливали пиво, которое использовалось ими в повседневном быту и в ритуальных целях. «Ячмень,— писал В. Гурко-Кряжин о Тушетии,— преобладает, и он очень нужен для варки пива, поглощаемого здесь в огромных количествах». В Хевзи, Мтиулети, Раче, Сванети — в XIX в. пиво не было известно. Однако вполне вероятно, что ранее и в этих районах пиво было распространенным напитком, о чем говорит название пива, сохраняющееся, например, в сванском языке — *вораш*. «Сваны,— отмечал А. Стоянов,— с удовольствием пили пиво, бывая в Осетии». В той же Сванети был принят напиток из меда (рани), не известный в других районах Грузии. Можно выделить и еще некоторые локальные отличия в пище отдельных групп грузин. Так, в районах, быт которых испытал некоторое влияние турецкой культуры (Абхазия, Месхет-Джавахети), приготавливали шербет, бекмез, пили кофе<sup>49</sup>.

Как и всякая область бытовой культуры, пища исторически меняется. Многие из традиционной пищи грузин к настоящему времени утрачены, появилось в питании новое. И все-таки новое составляет значительно меньшую долю по сравнению с ее традиционными элементами. Так что, опираясь на приведенные материалы, можно утверждать, что пища представляет самую устойчивую область традиционной материальной культуры. В современной пище грузин традиции по-прежнему занимают главное место. Как и ранее, в грузинской сельской семье принято трехразовое питание, однако в настоя-



Рис. 3. Выпечка хлеба в тонэ (Кахети; фото 1979 г.)

Рис. 4. Пурне (фото 1974 г.)



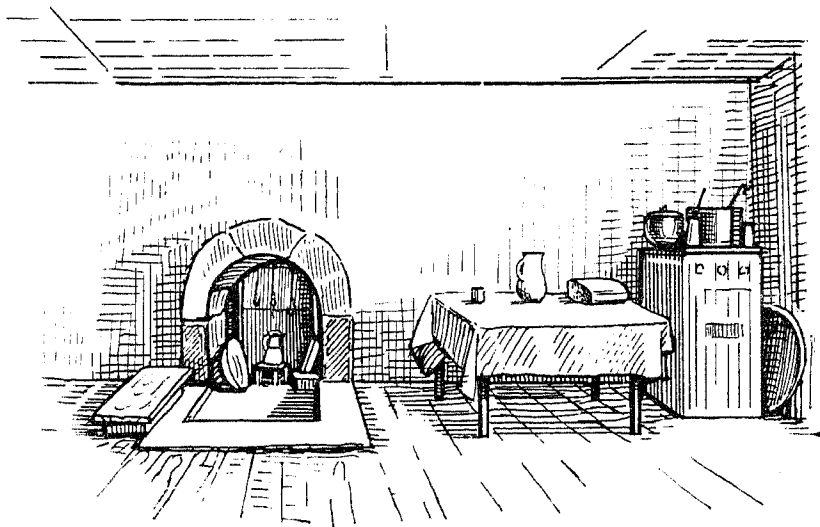


Рис. 5. Традиционный камин в современном аджарском доме (рис. 1975 г.)

щее время завтракают и обедают дома, тогда как прежде это нередко происходило в поле, во время полевых работ. Повсеместно в Грузии выпекают давно принятые виды хлеба — лаваш, мчади, пури (в пурне, более поздний по времени способ выпечки хлеба); на западе Грузии, как и ранее, везде принято приготовление гоми. Сохраняется в основном технология выпечки традиционного хлеба: лаваша — в тонэ (в районах, где еще имеется такая печь), мчади — в глиняных кеци, но нередко уже в чугунных сковородах. Во многих селах лаваш и мчади выпекают в газовых духовках или железных печах. Благодаря доставке муки в сельские районы Грузии через государственно-кооперативную торговлю исчезли трудности обеспечения населения хлебом. Это прежде всего касается горных районов, где теперь хлеб принято выпекать из пшеничной муки. Организация доставки муки в горы привела также к сокращению здесь посевов некоторых зерновых — свили, чвави, кери и т. п. С другой стороны, в районах, где в питании

по-прежнему сохраняются мчади и гоми, местное население, следуя давней традиции, сажает на приусадебных участках кукурузу. В советское время в большинстве сел республики были организованы государственные пекарни, однако население в большинстве предпочитает хлеб собственного изготовления; в некоторых селах имеются государственные пекарни, выпекающие традиционный лаваш<sup>50</sup>.

Отмеченная в питании грузин традиционность проявляется во многих особенностях этой области бытовой культуры: в приготовлении хлеба, множества блюд, сладостей (када, гозинаки, чурчхела<sup>51</sup> и др.), напитков. Последние и в настоящее время приготавливаются из винограда (вино, водка), яблок, груш и других фруктов (водка). В горах водку делают из ржи, ячменя, картофеля<sup>52</sup>.

Сохраняя традиционность, грузинская пища, однако, во многом изменилась качественно, т. е. по составу используемых продуктов. Так, более повседневным в питании стали мясо и мяс-

ные блюда. Мясо, как и прежде, едят в отварном и жареном виде, делают толму, харчо, хинкали. Популярными стали блюда из мяса и картофеля. Из кур и индеек на праздники в Западной Грузии приготавливается любимое сациви, которое стало популярным праздничным блюдом и в остальной Грузии. В Восточной Грузии в качестве приправы к мясу и курице сохраняется традиционный чесночный соус. Принятые ранее среди горцев запреты на свинину и некоторые другие виды мяса в основном исчезли, что прежде всего относилось к переселенцам, живущим в Самгори и Шираке. Более широкое потребление мяса не нарушило традиционных установок питания. И сейчас в качестве каждодневной пищи грузины предпочитают молочные продукты (сыр, творог, мацони), яйца. Однако теперь молочные продукты обычно покупаются в магазине, а в приготовлении различных блюд нередко используется маргарин. Помимо молочных продуктов по-прежнему большое место в повседневном питании занимают разнообразные овощи. В этом плане наиболее ощутимые изменения произошли в питании населения горных районов, поскольку здесь стали широко использоваться самые разнообразные овощи — картофель, помидоры, огурцы, капуста, зелень<sup>53</sup>.

Имеются изменения и другого рода. Так, в питании появились новые блюда: борщ, мясной суп с макаронами, котлеты, жареный картофель и др. Некоторые изменения видны и в традиционных напитках. В Аджарии, например, с 1930-х годов стали приготавливать виноградное вино и виноградную или фруктовую водку, ставшие основными напитками местного населения. Однако старшее поколение аджарцев по-прежнему предпочитает традиционные шербет и бекмез. Кофе в аджарских районах стал более доступен, и теперь его пьют даже в высокогорных селах. Чай, как и в других районах Грузии, не по-

лучил очень широкого распространения.

Говоря о различных инновациях в питании грузин, следует отметить, что последние явственно прослеживаются не столько в характере традиционных блюд или технологии их приготовления, сколько в наборе продуктов, используемых в современной грузинской кухне. Многие из них теперь покупаются в магазинах: мука, различные крупы, масло, нередко сыр, сахар, сладости (в том числе торты, печенье, конфеты), консервы, коньяк, минеральная вода и др. В последние годы стало возможным появление на столе грузинской семьи различных консервов, например, тушеной говядины, фруктовых и овощных, и не только домашнего приготовления. В большинстве районов вместо домашних сыра и масла, традиционно приготовленных, в питании используются купленные в магазине<sup>54</sup>.

### Некоторые вопросы семейных отношений

В семье — ячейке общества — в полной мере отражаются экономические, социальные, этнические, правовые и другие особенности данного общества. Этим определяется важность, но и сложность изучения всего круга вопросов, связанных с проблемой семьи: ее структуры, особенностей хозяйственного быта, внутренних взаимоотношений и имущественных прав членов семьи, форм брака, семейной обрядности и т. п. Семейная обрядность, а именно обряды свадебного и похоронного циклов грузин, являются предметом рассмотрения в данном разделе. Однако тесная связь семейной обрядности с другими сторонами семейного быта делает необходимым предпослать основному разделу небольшой очерк, материалы которого помогут представить некоторые, наиболее важные особенности развития грузинской семьи: ее структуру, положение женщины, формы брака.

В XIX — начале XX в. в Грузии основной формой семьи была малая семья, чаще всего состоявшая из двух поколений — родителей и детей — и насчитывавшая примерно 4—10 человек. Иногда в таких семьях жил также кто-либо из родителей главы семьи и его неженатые братья и сестры. Наряду с малой семьей сохранялись и большие семьи<sup>1</sup>, возникавшие путем разрастания малых семей<sup>2</sup>. Большие семьи назывались *оджахи* (семья), *диди оджахи* (большая семья), *гаукрели дзмеби* (неразделенные братья), *эртсахли дзмеби* (одномомные братья)<sup>3</sup>. Обычно семейная община включала братьев с их семьями, потомков одного предка до 3—4-го поколения. Численность таких семей достигала 20—40 человек. Во второй половине XIX в. подобные общины были весьма распространены в Пшави, Хеви, Раче, Сванети. В Тушети и Хевсурети они были довольно редки; здесь преобладали малые семьи численностью в 4—5 человек<sup>4</sup>.

В структурном отношении семейная община была довольно едина по всей Грузии. У пшавов, например, как и у тушин, большую семью возглавлял выборный *мамакаци*. «Выбор падает на того, — пишет М. М. Ковалевский, — кто умнее, трудолюбивее и нравственнее других; если эти качества встречаются в старшем, то на него, в противном случае — на кого-нибудь из младших членов семьи»<sup>5</sup>. Старший распределял всю работу между взрослыми мужчинами семьи, без его разрешения никто не имел права что-либо продать или купить. Старшей женщине (*диасахлиси*) подчинялись все женщины. Она распределяла работу среди женщин, готовила пищу, распределяла пищу (в которой, за исключением хлеба, не имела права отказать какому-либо члену семьи).

У тушин главой семейной общины обычно выбирали опытного овцевода. Его жена была старшей женщиной, руководившей всеми женскими работами.

Моховские большие семьи в большинстве состояли из 20 человек (иногда до 50) и, как и везде, объединяли семьи нескольких братьев. Разделы были редки, тем более при жизни родителей. Общину всегда возглавлял старший по возрасту, над женщинами старшей была его жена. Даже полная неспособность старшего по возрасту не служила препятствием для его избрания, и именно он возглавлял семейную общину. Замена происходила только в случае полного неумения хозяйствовать или умственной неполноценности, но и тогда некоторые стороны жизни семьи, например выполнение различных религиозных ритуалов, оставались в его ведении. Однако такая структура семейной общины не означала безоговорочного подчинения всех членов семьи ее главе. «Все решалось сообща, — отмечает А. Казбеги, — даже корову не купят, не спросив совета всех членов семьи, в том числе и новой невестки»<sup>6</sup>.

Изредка большие семьи в 20—30 человек, включавшие 3—4 поколения, в конце XIX — начале XX в. встречались в Мтиулету. В Горной Раче и в первой трети XX в. сохранялись семьи, имевшие 30 и более человек. Такая семья обычно состояла из главы, его жены, их детей, родных (нередко и двоюродных) братьев и их семей, старых родителей главы семьи. У сванов во второй половине XIX в. встречались семьи, в которых насчитывалось до сорока человек. Во главе такой семьи стоял *махвиш*. В прежнее время, как подчеркивает М. Ковалевский, махвиш был старшим по возрасту. Со временем главой семьи стало выборное лицо из членов семьи, которое семейный совет признавал самым способным. Права махвиша ввиду его выборности были ограничены. Он не имел права продавать семейное имущество, обменивать участки земли, принадлежавшие семье, без согласия всех ее членов (мужчин). Женскими работами ведала старшая женщи-

на (хоша зурал). К концу XIX в. с усилением семейных разделов в Сванети значительно возросло число малых семей<sup>7</sup>.

В равнинно-предгорной Грузии большие семьи были еще более редкими, чем в горах. В Кахети, например в Телавском уезде, в 80-х годах XIX в. самые большие по численности семьи насчитывали 10—15 человек. Однако, отмечает А. М. Аргутинский, «не так еще давно большие семьи были тут не в редкость». В Картли (в Тифлисском уезде) в эти же годы распад больших семей совершался очень быстро<sup>8</sup>. В Лечхуми основная масса дымов в 1880-х годах насчитывала 4—10 человек, дымы, имевшие более десяти человек, были редки. Эпизодически большие семьи в 20—30 человек, объединявшие 3—4 поколения, встречались также в другом районе Западной Грузии — в Имерети в Окриба. Здесь все члены семейной общины подчинялись распоряжениям главы семьи (мамакаци — дословно мужчина) — обычно отца или старшего брата. Глава семьи распределял среди работоспособных мужчин все работы, направлял на заработки, на полевые работы и пр. Все заработанное мужчинами составляло общую казну семьи и равным образом тратилось на ее нужды. Сфера женских работ находилась в ведении *диасахлиси* — хозяйки дома, обычно старшей по возрасту женщины, жены главы семьи или старшей невестки. Обязанностью женщин были домашние дела: приготовление пищи, выпечка хлеба, стирка, шитье, вязанье, а также воспитание детей<sup>9</sup>. Таким же редким явлением большие семьи были и в других предгорно-равнинных районах Грузии: в Кахети, в том числе в Кизики, в Картли<sup>10</sup>.

В последней четверти XIX в. процесс распада больших семей усилился. Для Имерети на это указывал И. Иосселиани. «Здесь замечается, — писал он, — такое быстрое увеличение дымов, обусловливаемое, конечно, частыми семейными

разделами. Причин, порождающих семейные разделы, несколько. Прежде всего они лежат в самом обычае народа отделяться от семьи отца при жизни его, что весьма распространено среди имеретин»<sup>11</sup>. Однако даже в пределах той же Имерети интенсивность распада семейной общины не была одинаковой. Так, рачинцы предпочитали жить большими семьями, и семейные разделы здесь были очень редки. «Общность — впроголодь, раздел же — голод», — гласила рачинская пословица. В таких районах, как Окриба (совр. Ткибули), где уже во второй половине XIX в. развивалась каменноугольная промышленность, этот процесс протекал очень интенсивно. Здесь происходило обезземливание крестьян, земли которых переходили к промышленникам; с ростом капиталистического производства фабричная продукция все более вытесняла с рынка кустарные изделия окрибцев, и та часть населения, которая ранее занималась ремеслом, пополняла ряды рабочих и постепенно теряла связь с сельским хозяйством. К началу XX в. в больших семьях в Окриба некоторые ее члены занимались сельским хозяйством, другие работали в угольной промышленности. Число первых с потерей сельскохозяйственных земель постоянно сокращалось. Члены семьи, обычно младшие сыновья, работавшие в промышленности, уже не были столь крепко связаны с большой семьей и стремились к созданию самостоятельных семей<sup>12</sup>.

Процесс распада больших семей, происходивший в Окриба, в основном был типичен и для других районов Грузии, но в Окриба в связи с промышленным развитием этого края он протекал более быстрыми темпами. В ряде районов Грузии (в Тушети, Хеви, Горной Раче, части Кахети и Картли) распаду семейной общины способствовало развитие товарности некоторых отраслей сельского хозяйства (овцеводства, виноделия), а также отходничества<sup>13</sup>.



Хозяйственная жизнь дореволюционной грузинской семьи во многом определялась природно-хозяйственными особенностями района. В Грузии выявлены три формы семейной общины в связи с различными формами хозяйствования: в Картли, Кахети, Имерети, Рача-Лечхуми, Мегрелии, Гурии — преобладание земледелия, у горцев (тушин, мохевцев, мтиулов, пшавов), а также в Кизики — преобладание скотоводства, в Хевсурети, Сванети и Горной Раче — смешанная форма хозяйства.

Направление хозяйства той или иной зоны сказывалось на специфике трудовой деятельности членов большой семьи. В связи с этим Р. Л. Харадзе пишет: «Разделение труда в скотоводческом хозяйстве подразумевало прежде всего распределение сельскохозяйственных функций между мужчинами и женщинами, что исключалось... в земледельческих семейных общинах, где труд женщин в основном ограничивался работами по дому»<sup>14</sup>. Так, у тушин все земледельческие работы и работы, связанные с молочным хозяйством, были обязанностью главным образом женщин. Овцеводство, ведущая отрасль тушинского хозяйства, находилось в ведении мужчин. Помимо земледельческих работ, молочного хозяйства и домашних обязанностей в круг женских работ в семьях со скотоводческим направлением хозяйства входили также заготовка шерсти и изготовление из нее одежды для всей семьи. В мохевских семьях, например, подобные работы производились сообща всеми невестками под руководством диасахлиси. У пшавов шерсть и одежду для своей семьи — мужа и детей — делала каждая невестка, а общесемейный запас шерсти обрабатывали сообща все женщины семьи. Самой почетной и важной работой по дому считалась выпечка хлеба, что обычно делала свекровь. Заготовкой молочных продуктов руководила старшая невестка. Участие диасахлиси в хозяй-

ственной жизни семьи при скотоводческом типе хозяйства давало ей право участвовать и в управлении семейной общиной. Более того, даже младшие невестки в силу их занятости в хозяйстве не лишались права голоса. Это, в частности, отмечает А. Казбеги в отношении мохевской женщины, которая помимо обязанностей по дому выполняла следующие работы: ходила за водой и наравне с мужчинами пахала, сеяла, косила, убирала урожай. «Мохевка, — пишет он, — в отличие от осетинок и черкешенок совсем в других условиях. Здесь женщина не скрывается и участвует в делах, хотя и находится в худших условиях по сравнению с карталинками, которые имеют господствующее положение в семье»<sup>15</sup>.

В Ксанском ущелье женщины принимали участие в сезонных и спешных полевых работах: пахоте, жатве, косьбе, молотьбе. В Пиракет Хевсурети женщина выполняла работы по дому, а также все сельскохозяйственные работы, кроме пахоты и сева. Дома и в горах она ухаживала за скотом, причем иногда отсутствовала по шесть месяцев. В Пирикит Хевсурети уход за скотом не был обязанностью женщины, так как здесь эту работу выполняли приходившие сюда кистины. В Пшави женщина помимо работы по дому участвовала в полевых работах, пасла скот, выделывала шерстяную ткань, из которой изготавливала одежду для всей семьи. В Раче, как отмечали современники, женщина выполняла все полевые работы: жала, пахала, молотила зерно, убирала сено, а также ухаживала за скотом. В Сванети женщина работала в пределах дома (в частности, в ее обязанности входило распределение и расходование запасов зерна), но она занималась также и сельскохозяйственными работами, которые все, за исключением пахоты и сева, были в ее ведении<sup>16</sup>.

Иначе было в земледельческих семейных общинах. Здесь все земледельче-

ские работы выполнялись мужчинами. Наиболее почетное положение занимал плугарь — *гутнис деда* (буквально «мать плуга»), который и выбирался главой семьи. В виноградарских районах главами были виноградары. Женщины в таких семейных общинах работали только дома, и поэтому их права в жизни семьи и тем более сельской общины были предельно ограничены. О занятости, например, кизикской женщины современники писали следующее: «Женщины полевой работой почти не занимаются, считая ее неприличной для себя, исключая молотьбу, которая предоставляется им всецело». И далее: «разодета в пух и прах, в перчатках и с зонтиком». Насколько женщина в Кизики была сравнительно мало загружена работами, показывает следующий факт. В большинстве семей (за исключением очень бедных) после рождения ребенка женщина в течение трех лет не работала по хозяйству. В Кахети женщина хранила урожай, занималась брачными делами своих детей (особенно дочерей), принимала участие в обсуждении вопросов взаимопомощи с соседями, работала в винограднике, чистила ток для помола пшеницы. Но она совершенно не участвовала в земледельческих, а также в основных виноградарских работах<sup>17</sup>.

Занятость женщины в разных районах Западной Грузии не была одинаковой. Так, об аджарках писали, что женщина делает все домашние работы, в поле убирает урожай и только не носит грузы. В Верхней Аджарии женщина наравне с мужчиной была занята в посевных работах и в уборке урожая. В горах, кроме того, она занималась ткачеством шерстяной материи, из которой изготовлялась вся одежда. Иное положение наблюдалось в Гурии и Мегрелии. Здесь женщина, кроме работ по дому — приготовления пищи, уборки дома и т. п., — а также воспитания детей, не занималась другими работами. «Ле-

том на Бахмаро в Гурии, — писали о гурийках современники, — встречаются аджарки и гурийки. Хотя бы гурийки от аджарок научились делать сыр и масло и развели бы скот». То же самое мы видим в Имерети, где женщины занимались домашними работами и не участвовали в земледельческих и виноградарских работах. Дома в ее ведении находилось также выращивание шелковичных червей, размотка коконов, ткачество шелковой материи<sup>18</sup>.

Таким образом, работа женщины в селах предгорно-равнинной Грузии в основном ограничивалась домом, в отличие от горянки, которая нередко работала наравне с мужчиной и вне дома. Но именно бо́льшая хозяйственная нагрузка и давала ей некоторую самостоятельность. В равнинно-предгорных районах Грузии женщина не имела права голоса в *соплоба* (общинный сход), не могла выступать свидетелем ни в одном спорном деле в суде. Нескольким иначе было в горах. Так, нередко было появление хевсурки вместе с отцом и братьями в *рджули* (совет старейшин), где она выступала, доказывая свое право на расторжение брака, заключенного в люльке<sup>19</sup>. «Женщина, — писал А. Камаули о хевсурках, — как до вступления в брак, так и после него пользуется относительной свободой, с некоторыми правами. Несмотря на видимое главенство мужчины, женщина в семейном быту, не в пример женщинам других горских народов, совершенно не чувствует самодовлеющей власти мужа: она свободно вступает в разговор, делая свои замечания, и нередко подшучивает над мужем. Работа по хозяйству распределяется поровну, и муж относится к жене своей со свойственной хевсурам порядочностью и гуманностью, советуясь с ней при решении важных вопросов. Единственно, что унижает женщину и низводит ее на низшую ступень, это обычай самврело»<sup>20</sup>.

Моховская женщина (даже молодая

невестка) пользовалась в семье некоторыми правами, с ней советовались в хозяйственных делах. У сванов, как отмечает Б. Нижарадзе, женщина в семье пользовалась такими же правами, как и остальные ее члены. По сванским адатам, если муж побил жену, то она уходила к своим родителям, и пока он не извинялся перед ней и ее родителями, она не возвращалась. Однако жена не имела права ответить на побои мужа тем же. Муж не имел права убить или ранить жену; в первом случае его убивали ее родственники; за рану, нанесенную жене, мужа судили по нормам обычного права. В Сванети женщины допускались на сельские сходы в роли посредниц, их охотно выслушивали на суде и на сходах. «Не созываемые на них (сходы.— Н. В., Г. Д.) формально, женщины при некоторой энергии и настойчивости легко могли добиться того, чтобы быть выслушанными; совет их принимаем был подчас сходом и становился основанием для издаваемого им приговора»<sup>21</sup>.

Положение грузинской женщины отражалось также в целом ряде обычных правовых норм, связанных с разводом и вдовством. М. М. Ковалевский писал о сравнительной легкости развода в Тушети и Хевсурети. «Развод, или, вернее, одностороннее отпущение жены мужем, пользуется таким широким распространением, что редко можно встретить мужчину, который не отпустил бы от себя одной или нескольких сожительниц». Женщина могла развестись с мужем в случае его измены, «впрочем,— подчеркивали современники,— это право предоставлено ей только в последнее время, раньше она даже не смела пикнуть. Надо заметить, что права прекрасной половины Хевсуретии в последние 10—15 лет достаточно расширились, а права мужей настолько же сузились»<sup>22</sup>.

В Хевсурети в начале XX в. многие женщины могли развестись или отка-

заться от женихов, если были обручены с ними в люльке. Если женщина не нравилась мужчине, то он звал ее в рджули и получал разрешение на развод; ей лишь присуждали оплатить расходы жениха. Хевсур мог развестись с женой в случае ее бездетности, при этом он обязан был отдать ей 16 коров. Муж мог также взять вторую жену. В этом случае помимо 16 коров он отдавал 5 коров семье первой жены, а также самой жене определенное количество коров за все прожитые с ней годы (за вычетом первого и последнего года). Кроме того, хевсурка при разводе брала одежду, которую она готовила в течение своего замужества, каждый год по комплекту. «Хевсурка,— отмечает Н. Хизанапвили,— легко находила себе мужа. Дети оставались с отцом»<sup>23</sup>.

В Пшави муж мог развестись с женой в случае ее бесплодия, при этом он отдавал ей 5 коров. В Горной Раче в случае бездетности жены муж чаще всего разводился с ней. Однако бывало, что с разрешения жены он брал вторую жену, которая жила в одном доме с первой женой. У сванов развод допускался как по желанию мужа, так и жены. В первом случае муж возвращал жене приданое и уплачивал родственникам жены особый платеж в вознаграждение за наносимое им бесчестье. Размер этого платежа обычно составлял половину *цори* (т. е. плату за кровь), а также сумму выкупа. Если развод брала жена, то ее родственники обязаны были сделать такой же взнос ее мужу и возратить ему выкуп. Приданое оставалось во владении жены. Причинами развода были: обоюдное согласие двух сторон, импотенция, убийство или поранение родственников жены. В случае бездетности жены сван мог привести вторую жену, которая жила в том же доме<sup>24</sup>.

Вдовы имели право выйти замуж, вдовцы жениться. Так, хевсурка после смерти мужа или обрученного по нормам обычного права имела право выйти

замуж по истечении года, т. е. после взятия талавари (одежды усопшего) с постели. Через год вдова выходила, за кого хотела, и ей выделяли долю, как при разводе. У мохевцев, когда вдова выходила замуж, она и ее будущий муж должны были просить разрешения на брак у семьи ее покойного мужа. Когда вдова уходила из дома своего мужа, то, согласно адату, ей полагалось обеспечение: за каждый прожитый год ей давали 12 коди ячменя, одну арбу дров, 10 гирванка<sup>25</sup> соли и обязательно корову. У сванов бездетная вдова не получала ничего из имущества мужа, но имела право выйти замуж за его родственника и остаться в доме. Уходя в другую семью, она могла взять только приданое и мелкие вещи. В Княжеской Сванети, если вдова не выходила замуж в определенный срок, то она должна была заплатить владельцу (князьям Дадешкелиани) 10 коров или деньгами за каждую корову по 6 руб. Если у нее был жених, а она оставалась в своем доме, то одновременно вносила 20 коров; если же выходила замуж, то ее жених в пользу владельца также вносил некоторое число коров. В Месхет-Джавахети вдова выходила замуж просто, причем обычно брала с собой детей. Если она не брала детей, что бывало редко, то должна была оставить свое приданое в семье покойного мужа<sup>26</sup>.

Несколько подробнее остановимся на имущественных правах членов грузинской семейной общины. Имущество большой семьи было коллективным и включало недвижимое (земля, жилище, сельскохозяйственные орудия) и движимое (скот, а также общесемейное и личное имущество, к которому относилось оружие, одежда, постели, ковры, но посуды и различные хозяйственные предметы принадлежали уже всей семье). Поступления от дополнительных заработков мужчин включались в общесемейную казну, заработок женщин составлял ее сатавно, т. е. личный капи-

тал, который она пополняла собственным трудом.

Имущество семейной общины считалось общим, но распоряжался им только старейшина. Каждый из братьев имел в имуществе свою долю, однако практически он мог воспользоваться этой долей лишь с разделом семьи. В этом случае каждый брат получал свою долю имущества (садмо сацilo). Кроме наследственного имущества, имелось также благоприобретенное. Здесь свою долю получали все работоспособные члены семейной общины<sup>27</sup>. Глава семейной общины из наследственного имущества получал надбавку к братской доле за старшинство (саупро-со)<sup>28</sup>. Это могли быть конь, участок земли, квеври вина и т. п. Часть наследственного имущества выделялась для неженатых братьев (сакорцило); она включала деньги и различные продукты. Размер сакорцило исчислялся при разделе семьи, но плата производилась при обручении или в день свадьбы. Из общесемейного имущества выделялись также другие доли. Например, *самарги* (от дамархва — «погребение»). Эта доля выделялась родителям на покрытие расходов по погребению в случае их смерти. Еще одну долю семейного имущества (саджохо — от джохи «палка») выделяли членам семьи, исполнявшим обязанности пастухов<sup>29</sup>.

Наследниками имущества считались сыновья, внуки, т. е. все по нисходящей линии, а затем братья, племянники, вообще все родственники боковых линий. Женщина была полностью устранена от наследования. Об этом говорится в законах царя Вахтанга VI, а также зафиксировано в грузинском обычном праве. Так, у хевсур дочери и вообще все родственники по женской линии ничего не получали при разделе имущества семьи. Поэтому нередко семьи, не имевшие сыновей, братьев, племянников, усыновляли зятя, который становился единственным наследником<sup>30</sup>.

«Мохевка не имеет доли в семье отца,— отмечал А. Казбег,— и при отсутствии наследника-сына все имущество семьи остается дальнему родственнику». В Кахети при разделе большесемейного имущества отец и сыновья получали свою долю, дочери — только приданое.

Несколько иначе происходили разделы в селах Картли (Тифлиссский уезд). Здесь раздел имущества основывался не только на кровнородственном (родовом), но и на трудовом начале. Каждому члену большой семьи выделялась доля имущества, пропорциональная затраченному им труду. Такую долю получал даже работник и не получал член семьи, если он не принимал участия в общем труде. В последние десятилетия XIX в. основным при разделе семейного имущества стало кровнородственное начало. Дочери в случае смерти отца не считались наследницами. Исключение составляли шесть сел Тифлиссского уезда (Табахмела, Шиндиси, Целаскури и др.), в которых дочери получали в наследство свою долю. У лехумцев в случае смерти главы семьи наследниками недвижимого имущества были его сыновья, которые получали по равной доле. Дочери умершего не наследовали земли и получали от братьев при выходе замуж приданое вещами и деньгами, смотря по степени благосостояния. В Имерети женщина также не наследовала недвижимое имущество. Семья, выдавая девушку замуж, давала ей в приданое скот, различные вещи, но не землю, которая считалась собственностью фамилии и должна была остаться в ее пользовании<sup>31</sup>.

Судя по материалам М. М. Ковалевского, у пшавов порядок наследования был несколько иным. В случае раздела имущества большой семьи женщина получала свою долю наравне с мужчиной. У сванов прямым наследником был сын, если его не было — брат, племянник, дядя, двоюродный брат, община, село — все по мужской линии. Женщины при

разделе получали только приданое и не имели своей доли в общесемейном имуществе. Однако в праве собственности на приданое М. М. Ковалевский усматривал относительно самостоятельность сванских замужних женщин. «Без ее согласия,— писал он,— ни одна часть его (приданого.— Н. В., Г. Д.) не может подвергнуться отчуждению. Если в состав приданого входит земля, то муж подвергает ее эксплуатации не иначе, как с предварительного уговора с женой».

Некоторые имущественные права имели женщины в Гурии. Наследниками подворных земельных участков являлись сыновья домохозяина. Но, если не было сыновей, то земельный надел поступал в пожизненное пользование вдове покойного. В этом случае дочери при выходе замуж получали из отцовской земли по равной части. При братьях они ничего не получали из недвижимой собственности. Им давали приданое вещами и деньгами по усмотрению братьев. Однако если раздел имущества происходил при жизни отца, то в этом случае только отец и братья получали равные доли, тогда как женщины в разделе не имели своей части<sup>32</sup>.

Помимо общесемейного имущества в семейной общине имелась личная собственность. У мужчин она состояла из одежды и оружия. У женщин включала приданое (мзитви, мзитви)<sup>33</sup>, так называемые сверхприданные вещи (главным образом различные подарки, сделанные во время свадьбы и сговора) и сумму предсвадебного залога (бе, беи, белга), которая отдавалась женихом до бракосочетания<sup>34</sup>. Считается, что институт приданого — сравнительно позднее явление, причем со временем семья девушки стала делать приданое на деньги выкупа, добавляя часть из своего бюджета<sup>35</sup>. В Грузии в XIX в. была известна как эта форма приданого, так и приданое, приготовлявшееся на деньги предсвадебного залога. Кроме того, в прида-

ное включались также подарки, которые до свадьбы и во время ее дарили жених, его родные и родные невесты. В частности, во время *пириссанатави* (обряд лицезрения невесты) в личное пользование невесты поступали подарки гостей, заключавшиеся в движимом и недвижимом имуществе. В личную собственность грузинки поступала также корова, даримая ей матерью после первых родов. Женщине же принадлежала часть урожая ячменя и необмолоченные пшеничные колосья, оставшиеся после веяния. Такое имущественное положение грузинки, по мнению Н. К. Мачабели, указывало на достаточно высокий уровень «правового положения женщины»<sup>36</sup>.

В XIX в. приданое грузинки состояло из двух частей: разнообразных вещей, посуды и пр. (это обозначалось термином *мзитви*, *мзитев*) и *сатавно* — своеобразного капитала женщины, куда чаще всего входили скот, деньги, пчелиные ульи, реке — участок земли. Сатавно было личной собственностью женщины, которой в семье могли пользоваться лишь с ее согласия. Так, в древнегрузинском праве зафиксировано, что муж может распоряжаться сатавно только с разрешения жены, если же он употребит хотя бы часть сатавно, то становится ее должником<sup>37</sup>. Однако подобное положение было не во всех районах Грузии. В Хеви, например, сатавно невестки в отличие от *мзитев* становилось общесемейным имуществом и женщина теряла на него всякие права (за нею сохранялась лишь одежда). Сатавно, как правило, создавалось женщиной еще до замужества, в отцовском доме. Обычно это был скот, подаренный ей отцом, за которым она ухаживала, продавала приплод, шерсть, молочные продукты<sup>38</sup>. Нередко девочка в 8—10 лет имела сатавно. Впоследствии девушка старалась его увеличить как личным трудом<sup>39</sup>, так и различного рода хозяйственными операциями, в частности

отдавала деньги на проценты, продавала изделия своего труда (например, пшавки — вязаные изделия), пасла не только свой, но и чужой скот, за что получала вознаграждение, отдавала свое зерно для посева, получая за это долю из нового урожая, и т. п. Мзитев, т. е. другая часть приданого, включавшая одежду, постель, ковры, посуду, в отличие от сатавно становилась общесемейной собственностью (за исключением одежды), и женщина теряла на него права. Имущество женщины переходило ее детям. Если оно было небольшим, то поступало в собственность только дочери; большое делилось между сыновьями и дочерьми. Если женщина умирала бездетной, то право на ее приданое принадлежало ее родным, а в случае их отказа — мужу<sup>40</sup>.

На большей части территории Грузии — в Картли, Кахети, Имерети, Раче, Мегрелии, Гурии — приданое готовилось на деньги предсвадебного залога, к которому родители девушки по возможности добавляли из своего состояния. Более зажиточные семьи все приданое покупали на свои средства. В этом случае залог, как и деньги, дававшиеся невесте ее родителями, она приносила в семью мужа. Все это составляло ее сатавно. В ряде районов для приготовления приданого использовали выкуп (в Пшави, Сванети, Месхет-Джавахети, Аджарии), дававшийся женихом обычно крупным рогатым скотом (быками, коровами) или их денежной стоимостью. Таким образом, в этих районах выкуп не оставался в семье невесты или оставался лишь частично. В Хеви, как отмечалось, выкуп (урвади) полностью оставался в семье девушки, а приданое готовилось заранее на средства семьи. Урвади выплачивался за месяц до свадьбы и зависел от социального положения и состоятельности фамилии невесты, а также личных качеств девушки. В конце XIX в. размеры выкупа в Хеви колебались от 40 до 300 руб. и выплачивались деньгами, скотом и медной по-

судой. Приданое мохевской девушки из крестьянской семьи обязательно включало один сундук, три пары одежды, пару постелей, одну бурку. Состоятельные давали также медную посуду. Тупицы и хевсуры в конце XIX в. выкупа не знали. У пшавов в это время он составлял стоимость 3—5 коров<sup>41</sup>.

У сванов к середине XIX в. выкуп (начулаш), отдававшийся до венчания, составлял 60—80 коров. В 1885 г. в обществе Бечо при участии местных властей состоялся общественный приговор, отменявший начулаш. «Это, разумеется,— отмечает М. М. Ковалевский,— нимало не препятствует производству его и ныне при обоюдном желании сторон». Согласно сванскому обычному праву, выкуп выплачивался только самим женихом или его родителями, без помощи родственников. У крестьян начулаш достигал 200 руб., у азнауров — 300 руб. Чаще всего выкуп платили скотом. Весь выкуп поступал в пользу дочери, которая через год после свадьбы от своих родителей получала еще одну корову, трех баранов, двух кабанов, двух коз, а также один сундук. Молодая могла завести в хозяйстве своих родителей скот, который также оставался ее собственностью. Кроме того, в составе приданого сванской девушки из состоятельной семьи были полный комплект одежды, обувь, серебряные украшения, в том числе нагрудное, медные котлы, постель. Все вещи давались в свадебную ночь. Землю в приданое не давали, поскольку она представляла общесемейную собственность. Но в случае уплаты выкупа земель именно этот участок родители девушки могли включить в приданое. В конце XIX в. приданое девушки из крестьянской семьи в Сванети оценивалось в 100—200 руб., из азнаурской — в 200—400 руб. Кроме приданого, невеста по обычаю должна была привезти для всей семьи мужа столько хлеба, сколько можно было доставить на двух быках, и столько же водки<sup>42</sup>.

В Месхет-Джавахети в 80-е годы XIX в. выкуп достигал 15—20 девятирублевых лир, на которые семья невесты готовила *джеиз* (т. е. приданое). В Джавахети оно состояло из сундука, одной постели (перины), ковра, паласа, кувшина, таза и других медных предметов. В Месхети приданое девушки из состоятельной семьи, вручавшееся на второй день свадьбы в доме невесты, включало несколько серебряных колец, ожерелье, платья, вязаные носки, головные платки, обувь, постели, медную посуду, паласы, ковры, сундук, всего на сумму от 60 до 150 руб. Примерно половина приданого готовилась на выкуп и одновременно подаренные отцом жениха деньги. Другая половина приданого состояла из подарков родственникам невесты и доли ее родителей (последнее — не более 20—50 руб.). В Аджарии выкуп (башлуги) в начале XX в. равнялся стоимости 5 коров. Деньги или скот, которые выплачивал жених, шли на приготовление приданого. Кроме того, девушка получала приданое от своих родителей (одежда, посуда, скот). Обе части этого имущества составляли ее состояние на случай развода<sup>43</sup>.

Как отмечалось, на большей части Грузии приданое делали на средства семьи невесты и на сумму залога<sup>44</sup>. У хевсур, например, в конце XIX в. приданое включало одежду и скот (корова или бык, овцы или козы). Приплод, полученный от выделенного девушки скота в период между сговором и свадьбой, также составлял ее собственность. Однако после замужества приплод от этого скота считался уже собственностью всей семьи мужа. Если скот женщины погибал, то семья мужа должна была восстановить ее имущество. В Кахети помимо скота приданое девушки из богатой крестьянской семьи в середине XIX в. состояло из атласных, шелковых и ситцевых платьев, головных уборов, обуви, украшений, постелей, медной посуды, серебряных азар-

пеш и т. п. В Кизики сват во время сговора сообщал семье жениха о количестве приданого, куда обычно входили постели, медная посуда, золотой браслет, кольцо, серьги, а также скот (корова с теленком) и редко — участок земли. В Картли приданое девушки из семьи среднего достатка состояло из одной постели, комплекта одежды, войлока, паласа и простого сундука; богатые давали также ковер. Кроме того, выделялась корова, иногда — котлы и другие медные предметы. В Мегрелии в конце XIX в. девушка получала в приданое медные котлы, посуду, что-нибудь из мебели (шкаф, комод или сундук, кровать), зеркало, подушки, одеяла и пр. Кроме того, в приданое давались деньги и крупный рогатый скот<sup>45</sup>.

В первой четверти XX в. приданое складывалось из прежних компонентов. Оно могло создаваться из имущества и денег, которые давали девушке ее родители; из свадебного залога (или выкупа) и подарков жениха или из имущества и реze денег, которые дарили невесте гости во время свадьбы<sup>46</sup>. В советское время в институте приданого произошли существенные изменения: исчезли сатавно и выкуп. В последние десятилетия наблюдается тенденция возрастания числа и стоимости подарков, подносимых невесте женихом и гостями. Значительные изменения отмечаются также в составе приданого, которое и теперь делается на средства жениха и родителей девушки<sup>47</sup>.

Нормы имущественного права, на которых мы кратко остановились, в сочетании с другими нормами обычного права, государственными законами и религией определяли положение женщины в семье и в грузинском обществе XIX в., устрняя ее от общественной жизни и лишая жизненно важных прав. Такое положение несколько менялось в горных районах (например, в Хевсурети и Сванети), где женщина, согласно местным адатам, имела неко-

торую возможность участвовать в общественной жизни. Фактическое (не юридическое) положение женщины в Грузии во многом зависело от меры ее участия в хозяйстве, которая была значительно большей в скотоводческих семейных общинах. Именно труд определял некоторые права женщины в семейной сфере. К голосу старшей женщины прислушивались на семейном совете, ее слово было законом во многих семейных делах.

Однако в целом внутрисемейные отношения характеризовались строго патриархальными порядками, которые означали полностью подчинение главе семьи остальных ее членов. Эта патриархальность ярко проявлялась и в целом ряде норм обычного права, регламентировавших жизнь семьи. От воли отца зависело выделение женатого сына, причем сын не имел права требовать раздела. Женитьба сына и замужество дочери также совершались по воле отца, без согласия молодежи<sup>48</sup>.

Особо тяжелым было положение женщины, которое определялось не только юридическими нормами, мерой занятости в трудовом процессе, но также системой запретов, регулировавших некоторые стороны грузинского быта. «С первого же дня вступления в дом мужа, писали по этому поводу современники, — она должна в точности соблюдать все порядки и обычаи, а главное — твердо помнить, какое кому из семьи мужа она должна оказывать почтение. Она должна вставать раньше всех и ложиться позже... Ложатся ли спать свекр и деверь, она должна почтительно подойти к ним и снять обувь, а также, когда необходимо, мыть ноги — свекру и деверям. Войдет ли свекр или кто из старших в комнату, она обязана тотчас встать со своего места, поцеловать им руки... словом, встречать, провожать, обслуживать деверям и особенно свекру и свекрови и величать всякого, как это предписано обычаем»<sup>49</sup>. Различные за-



преты были связаны с периодом беременности женщины и с рождением ребенка (мебосле дедакаци), а также с некоторыми жизненными ситуациями: досвадебным периодом, во время свадьбы и в послесвадебный период. Такого рода запреты в современной этнографической литературе принято объединять и классифицировать как систему обычаев пзбегания.

Но сперва об обычае мебосле дедакаци, в XIX в. распространенном в быту горцев Грузии. По нормам этого обычая женщина во время родов и некоторое время после них должна была находиться одна вне дома в специальном помещении. «У всех горцев (в данном случае у тушин, хевсур, пшавов.— Н. В., Г. Д.),— отмечалось авторами того времени,— женщину высылают рожать в особо устроенную хижину, где она остается после родов 40 дней». В этой хижине никто не посещал роженицу и не оказывал ей во время родов помощь. Когда женщина чувствовала приближение родов, то она уходила в шалаш (сачехи, кохи), построенный для нее женщинами в одной версте от села. В сачехи женщина рожала одна без помощи и жила в нем месяц (у хевсур) или 7 недель (у пшавов). Пищу ей приносили и клали около сачехи. По истечении указанного срока женщина должна была от 2 до 7 недель прожить в самврело, и только после этого она считалась окончательно «очищенной». Когда роженица возвращалась домой, то хевсуры сжигали сачехи, поскольку существовало поверье, что в сачехи поселялись злые духи<sup>50</sup>.

Этот тяжелый и пагубный для жизни и здоровья женщины и ребенка обычай длительное время сохранялся в горных районах Грузии. «Обращает внимание *бослоба* (мебосле дедакаци.— Н. В., Г. Д.), обычай, который определяет положение женщины, когда путешествуешь по Пшав-Хевсурети»,— писал Хизанашвили в 1880-х годах. Подобный

обычай был известен также среди тушин, мтиулов, гудамкарцев, мохевцев. У тушин, например, беременная женщина уходила в укромное место и скрывалась там 6 недель. Однако в отличие от хевсур с ней находилась какая-нибудь бабка, исполнявшая обязанности повитухи. У мохевцев недалеко от дома строили босели (аналогичное хевсурскому самврело). Оно имело вид полукруглой каменной постройки без окон, с одной дверью и световым отверстием в крыше. Если святилища (хати) не было в данном селе, специальных босели не строили и женщины рожали в хлеву<sup>51</sup>.

Во второй половине XIX в. у хевсур и пшавов в обычае мебосле дедакаци наметились некоторые изменения. Так, они перестали строить сачехи и женщины стали рожать в самврело. Существенные изменения в течение XIX в. обычай мебосле дедакаци претерпел в Сванети. До 90-х годов XIX в. сванка уходила рожать в лес, где находилась одна и должна была оставаться там некоторое время после родов. Однако несколько позже Б. Нижарадзе уже отмечал, что сванка рождает своего первенца в доме своих родителей, т. е. как это было принято в равнинно-предгорной Грузии. К началу XX в. обычай мебосле дедакаци трансформировался и в других горных районах. У мохевцев женщину с наступлением последнего месяца беременности стали отправлять в дом ее родителей, где она рожала и оставалась после родов в течение месяца. То же самое наблюдалось в Тушетт, Раче, где в начале XX в. этот обычай исчез и женщина рожала в доме своих родителей. Несколько дольше обычай мебосле дедакаци сохранялся в горных селах Эрцо-Тианети, где женщина рожала в кохи (аналогичное хевсурскому сачехи). Подобный обычай здесь был распространен не только среди хевсур и пшавов, переселившихся в эти места в течение второй половины

XIX в., но и среди коренных местных грузин<sup>52</sup>.

К 1920-м годам обычай мебосле декаци в силу неравномерного социально-экономического развития различных районов Грузии сохранялся в разной мере. В некоторых горных районах изживание этого обычая произошло сравнительно недавно — в начале XX в. Так было в Тушети, Нижней Мтиулету, Раче, Сванети. В селах Верхней Мтиулету, в быту которых сохранялось много архаических черт, обычай мебосле декаци еще выполнялся. Однако специальных босели здесь уже не строили и женщина уходила рожать в хлев. Менялось и отношение местного населения к этому обычаю, некоторые уже не соглашались отдавать своих дочерей в семьи, где данный обычай еще выполнялся. В Хевсурети, а также в Гудамакари (здесь жили переселенцы из Хевсурети) и Пшави обычай мебосле декаци остался. Однако в 1920—1930-е годы с ним начали активно бороться врачи, приехавшие работать в эти районы. Большую роль сыграли открывшиеся здесь в эти годы больницы. Г. Тедорадзе, работавший в Пшав-Хевсурети врачом в течение 5 лет, отмечал трудности этой борьбы и слабые результаты на первых порах по искоренению этого обычая. И это вполне понятно. Обычай, связанный с суевериями и воззрениями, существовавшими среди народа тысячелетиями, трудно было преодолеть в течение нескольких лет. Здесь требовалось прежде всего поднятие общего культурного уровня населения гор, что, конечно, невозможно было сделать в короткие сроки<sup>53</sup>.

Более широко в грузинском быту XIX в. был распространен обычай избегания<sup>54</sup>. Будучи универсальным, этот обычай в измененном виде сохранялся у некоторых народов (в том числе и кавказских) и в XX в. Сущность обычая избегания заключалась в различного рода запретах (молчании, закрывании

лица, запрет на имя, полное скрывание и т. п.), которые налагались на женщин и мужчин в различных жизненных ситуациях: между обручением и свадьбой, во время свадьбы, после свадьбы. Последние по срокам были самыми длительными и нередко продолжались всю жизнь. Избегаемыми лицами для невестки являлись старшие родственники мужа: отец, мать, братья, сестры, общение с которыми часто ограничивалось мимикой, жестами или нужное передавалось через младших членов семьи<sup>55</sup>. К послесвадебному скрыванию относились также запреты, которые по отношению к невестке выполнялись родителями ее мужа (замена имени невестки). Для мужчины избегаемыми лицами были родители и ближайшие старшие родственники его жены. Избегание касалось не только родственников вновь возникшей брачной пары, но и самих супругов: запрет на имена, скрывание жены от своего мужа в течение некоторого времени после свадьбы и т. п. Ряд запретов выполнялся во время свадьбы: неучастие молодых в собственной свадьбе, родителей невесты — в свадьбе в доме жениха и т. п.

Живучесть такого рода древнейших запретов поразительна. В более или менее выраженной форме избегание сохраняется или сохранялось до недавнего времени в быту некоторых народов. Но действительные указанные запретов в жизни мужчины и женщины было различным. Если избегания, выполнявшиеся мужчиной, почти исчезли, то различные формы избегания, которые должна была выполнять женщина в отношении родственников мужа, стойко сохранялись, а в трансформированном виде существуют и сейчас в быту некоторых кавказских народов.

Большинство названных форм избегания в прошлом были присущи и семейному быту грузин. Как более интимная часть семейного быта (чем даже свадьба и похороны) избегание редко

фиксировалось сторонними наблюдателями, и материалы, характеризующие эту сторону грузинского быта, весьма фрагментарны. Так, у тушин девушка в течение 1—2 месяцев после обручения на людях должна была прикрывать лицо платком. Муж и жена длительное время не должны были при других разговаривать между собой. Взаимное избегание супругов в быту этой группы горцев выражалось в определенной форме обращения мужа к жене — *диацио* (женщина), жены к мужу — *кацо* (мужчина)<sup>56</sup>. В присутствии мужа тушинка должна была проявлять большую сдержанность. Считалось, например, недопустимым при муже с кем-либо разговаривать. В течение трех лет новая невестка не имела права общаться со старшими в семье мужа и разговаривала только с золовкой и другими невестками. Когда мимо проходил свекр, то невестка опускала голову. Через три года свекр прекращал обычай избегания следующим образом. Во время обеда он выпивал вино за здоровье невестки и заговаривал с нею. Невестка должна была одарить свекра (обычно это были вязаные носки), а свекр дарил ей передник. Такая же церемония происходила, когда невестка начинала разговаривать со свекровью и деверем, в отношении которых она также некоторое время выполняла обычай избегания. Свекра невестка называла *маматили* (свекр), свекровь — *дедамтили* (свекровь), деверя — *мазли* (деверь), золовку — *кали* (женщина)<sup>57</sup>.

Еще большие запреты сохранялись в быту хевсур. Так, между сговором и свадьбой в течение 2—3 лет молодые не должны были видаться. Невеста до свадьбы избегала родителей жениха, который выполнял избегание в отношении родителей невесты. Во время свадьбы жених не участвовал в перевозе невесты в свой дом и не присутствовал на свадьбе в своем доме. Очень разнообразно проявлялся у хевсур обычай

избегания во взаимоотношениях супругов. «Хевсур, — отмечал А. Л. Зиссерман, — считает за стыд быть с женой при других, избегает разговора при посторонних, идет на супружеские свидания в глухую ночь, осторожно». После свадьбы жена оставалась в доме мужа на 1—2 недели, однако они не встречались, и муж даже не знал, где она спит. После такого скрывания жена уходила в дом своего отца, где оставалась в течение года, причем муж в это время не имел права бывать в селе. Всю жизнь супруги не называли друг друга по имени и обращались друг к другу: жена к мужу — *кацо*, он к жене — *дедакацо* (женщина). В присутствии кого-либо муж и жена не говорили друг с другом (такой запрет длился в течение трех лет); не принято было вместе показываться на людях, в присутствии старших родственников и даже посторонних вместе сидеть за столом и т. п. Существовали также некоторые запреты в отношении родителей и детей. Так, отец не брал ребенка на руки, дети нередко называли родителей по имени. Невесткой выполнялись также различные избегания по отношению к родителям мужа. Со свекром она не разговаривала год или несколько месяцев, со свекровью — 2—3 месяца. В течение этого времени она обращалась к ним через третье лицо. По истечении указанного срока невестка начинала называть свекра — *маматили*, свекровь — *дедамтили*. Зять выполнял обычай избегания в отношении родителей своей жены, которых он не посещал около 10 лет. Если же им все-таки приходилось встретиться, то он не вступал ни в какие разговоры ни с тестем, ни с тещей. Со временем сроки такого избегания сократились, и оно стало прекращаться с рождением первого ребенка, обычно через 2—3 года после свадьбы. Тестя и тещу зять не называл по имени и обращался к ним *сидедро* (теща) и *симадро* (тесть)<sup>58</sup>.

Подобные запреты были распространены также в быту пшавов, мохевцев, гудамкарцев и мтиулов. Так, у всех названных групп существовал запрет на имена, и муж и жена обращались друг к другу «дедакацо» и «кацо». У гудамкарцев в течение двух недель после свадьбы молодые не говорили между собой (особенно в присутствии старших). Невестка выполняла обычай избегания в отношении свекра, с которым она не разговаривала в течение двух месяцев. У пшавов сроки избегания невесткой свекра были более короткими — неделя. Мохевская невестка не говорила со свекром и старшими братьями мужа в течение нескольких лет (иногда до смерти свекра) и выражала свое мнение через третье лицо — обычно какую-нибудь женщину. Такой обычай у мохевцев назывался *умдзра-хоба* (скрывать свой голос). У мтиулов невестка не могла разговаривать со свекром и братьями мужа до рождения первого ребенка. Разнообразные запреты отмечались в отношениях зятя и родственников жены: отца, матери, братьев, сестер. Он не называл их по имени, не мог с ними свободно разговаривать, сидеть в их присутствии и т. п.

В Горной Раче в начале XX в. обычай избегания не выполнялся. Здесь невестка скромно (по выражению информаторов, местных жителей), но сразу после свадьбы начинала разговаривать со свекром и старшими братьями мужа. Не выдерживался этот обычай и в отношении свекрови. По рассказам старожил (лиц в возрасте 80 лет и старше), они фактически не помнят обычая избегания в Раче, но от своих родителей знали, что таковой здесь некогда был известен, однако он выражался не в столь длительных сроках, как, например, у соседних с рачинцами осетин Кударского ущелья. Из всех известных нам форм избегания в Раче более стойко сохранялся обычай избегания имен супругов: к мужу жена

обращалась «кацо», муж к жене — «кало». То же самое мы видим и в быту Сванети. Наши информаторы, местные жители старшего поколения (75—80 лет), не только не выполняли этого обычая, но и утверждали, что «их матери не знали такого закона». Однако, понимая существо обычая избегания, в качестве примера указывали на осетин, в быту которых подобный обычай, по их мнению, еще сохранялся<sup>59</sup>.

Различные формы избегания в XIX—начале XX в. были известны и в предгорно-равнинной Грузии. Так, в первой половине XIX в. в Гаре Кахети невеста (15—16 лет) старалась не разговаривать или отвечала шепотом, кивком головы. Между обручением и свадьбой избегание проявлялось в молчании невесты в течение срока, установленного обычаем, в закрывании ее лица, в запрете выходить на улицу и т. п. Такого рода запреты были известны, в частности, в Месхет-Джавахети. Во время свадьбы избегание выражалось в закрывании лица невесты, что в первой половине XIX в. было принято в Грузии повсеместно, а позднее только в Месхет-Джавахети и Аджарии, в скрывании жениха во время своей свадьбы (Хевсурети, Месхет-Джавахети, Аджария). Во время свадьбы молодая некоторое время молчала и жених должен был сделать ей подарок (обычно давали деньги), чтобы заставить ее с ним заговорить. Еще более суровыми были запреты в послесвадебный период «Молодая, — пишет Н. Ф. Дубровин, — не имеет права говорить с отцом, матерью и братьями мужа до появления у нее первого ребенка». То же самое отмечала В. Желиховская, описывая Грузию 80-х годов XIX в. «Когда все приходит в порядок (т. е. после свадьбы. — Н. В., Г. Д.), для бедной молодой наступает тяжкое время. Она должна служить мужу, угождать родне его и молчать, молчать, не открывая рта. Она не смеет говорить ни с кем в мужниной семье, пока не

родится у нее ребенок. Тогда только обет молчания с нее снимается. Теперь, разумеется, обычай этот поослаб, особенно в городах, но деревенские жители и поныне следуют во всей строгости дедовским заветам»<sup>60</sup>.

В начале XX в. разнообразные формы обычая избегания помимо горной Грузии фиксируются также в Кахети, в том числе в Кизики, в Эрцо-Тианети, в Месхет-Джавахети, в Аджарии и Мегрелии. В Картли старшее поколение (75—80 лет) не помнит такого обычая и относится к нему отрицательно. Однако местное население считает, что в прошлом их родители выполняли обычай избегания, например в отношении свекра, с которым невестка не говорила в течение года. К 1920-м годам избегание здесь обычно выражалось в том, что невестка разговаривала со свекром и старшими братьями мужа тихо, мало и как бы стесняясь (по определению информаторов). Подобную форму в это же время обычай избегания принял также в Имерети, Гурии и Лечхуми<sup>61</sup>.

В остальных предгорно-равнинных районах Грузии указанный обычай выполнялся. Так, в Кахети в начале XX в. сохранялся обычай свадебного скрывания жениха. Некоторое время после свадьбы жена выполняла избегание (не разговаривала) по отношению к мужу, которое прекращалось через несколько дней, причем муж делал ей подарок. Супруги не называли друг друга по имени. Невесткой выполнялись также запреты в отношении родителей мужа. Она не разговаривала со свекром от года до трех лет (в некоторых семьях встречались и более длительные сроки избегания), со свекровью — от года до двух месяцев. В течение нескольких месяцев она не говорила со старшими деверями. По истечении указанного срока свекр делал невестке подарок (обычно платье) и говорил ей «мшвидобаши» (носи с миром). С этого момента невестка могла разговаривать со

свекром. Обычай избегания в Кахети назывался также умдзрахова. В Кизики в быту местного населения имели место различные формы избегания: некоторое время свекр не мог видеть лица невестки, которое она в его присутствии прикрывала платком; несколько дней после свадьбы невестка не должна была разговаривать со свекром и свекровью и общалась с ними через маленьких детей. К свекру в дальнейшем она обращалась «мамамтило» (свекр), к свекрови — «дедамтило» (свекровь), золовке — «муло» (золовка), к деверю — «мазло» (деверь), мужа называла по имени<sup>62</sup>.

В Месхети в первые дни замужества молодую освобождали от некоторых трудных работ, поскольку она не могла по обычаю работать с открытым лицом дома и вне его. Были приняты и другие формы избегания. Так, в течение двух месяцев после свадьбы молодые не имели права разговаривать друг с другом. С первых дней совместной жизни они избегали произносить имена и обращались друг к другу «кацо» (к мужу) и «кало» (к жене). В семье молодая невестка могла разговаривать вслух только с мужем и маленькими детьми. С остальными родственниками мужа в течение года (самое меньшее 6 месяцев) она говорила лишь мимикой или передавала через детей, с которыми общалась шепотом<sup>63</sup>.

В Аджарии в конце XIX—начале XX в. были распространены различные формы избегания, в том числе свадебное. Невеста и жених после сговора не общались, жених не ездил за невестой и не участвовал в собственной свадьбе. Как и везде, супруги на протяжении всей жизни обращались друг к другу «кацо» и «кало». Наиболее ярко обычай избегания проявлялся в быту жителей горных селений (Горджоми, Дидачара и др.). Здесь невестка не говорила со свекром до его смерти и в течение года — с братьями мужа; в отношении

младшего деверя — мальчика обычай избегания не выполнялся. Со свекровью невестка не разговаривала в течение года (изредка этот срок сокращался до нескольких дней). Сроки выполнения обычая избегания значительно меньше были в селах Нижней Аджарии и в Кинтришском ущелье. Здесь невестка не разговаривала со свекром в течение двух месяцев, со свекровью и старшими деверями — несколько дней<sup>64</sup>.

Весьма разнообразные формы избегания существовали в этот же период в Мегрелии. Так, здесь были известны различные формы свадебного скрывания: жених не ездил за невестой, молодые до свадьбы поселялись в доме родственника жениха, лицо невесты во время свадьбы было закрыто, после свадьбы молодые избегали старших родственников мужа в течение месяца. Избегание выполнялось также супругами по отношению друг к другу: в продолжение года они не говорили на людях между собой. Супруги всю жизнь не могли назвать друг друга настоящими именами. Например, жена обращалась к мужу «пури» (душа) или называла «отец...», добавляя имя своего сына. Невестка не имела права называть имена свекра и свекрови и звала их «отец» и «мать». Имена деверей и золовки невестка меняла. Например, Нестор становился Тамурджи, Харитон — Чичико, Тамара — Меланией и т. п. При обращении к старшему деверю невестка называла его «батону» (господин), второго брата мужа — «бата», младшего — «чиче боши» (маленький мальчик). Со старшим деверем длительное время невестка общалась только через соседей, которые, если надо было, произносили его имя.

Менялось также имя невестки, что обычно делала свекровь или старшая золовка. В отношении родителей мужа молодая также выполняла обычай избегания. Со свекром она не разговаривала около года, со свекровью начинала го-

ворить через несколько дней после свадьбы.

В быту мегрелов Самурзакано сохранялись в основном те же формы избегания, однако процесс их изживания происходил более замедленно. Невестка и здесь не разговаривала со свекром и старшим деверем около года, со свекровью — до двух месяцев. По отношению к свекру ею выполнялись также различные знаки уважения. Например, в его присутствии в комнате она не имела права повернуться к нему спиной и выходила пятясь, не могла сесть на его место, сидеть и кушать в его присутствии, сидела с мужем только в отсутствии старших, при встрече со старшими мужчинами из фамилии мужа должна была прикрывать лицо платком и т. п. Зять выполнял обычай избегания в отношении родителей жены до приглашения молодых в их дом, что обычно происходило через полгода после свадьбы. Сохранялось избегание имен супругов при обращении их друг к другу, наречение невестки новым именем. В быту самурзаканских мегрелов имелись также различного рода свадебные скрывания: жених не участвовал в обручении, не ездил за невестой во время свадьбы и находился в это время в доме своего родственника, лицо невесты во время обручения и свадьбы было закрыто. В течение 2—3 месяцев до свадьбы молодые жили в доме родственника жениха<sup>65</sup>.

\*

Характеризуя брачный институт в Грузии, кратко остановимся на условиях вступления в брак. В XIX в. они определялись законами церкви, Российской империи и грузинским брачным правом, в котором отразилось древнегрузинское семейное право, зафиксированное в своде законов царя Вахтанга VI. В последнем условии вступления в брак были определены

следующим образом: 1) согласие родителей; 2) возраст; 3) религия; 4) родство; 5) умственное и физическое состояние. Эти условия совпадали с условиями вступления в брак по законам Российской империи и во многом — с общеправовыми нормами, хотя последние допускали и некоторые отклонения. Брачный возраст считался с установлением половой зрелости, т. е. с 14—15 лет для мужчин и 12—13 лет для женщин<sup>66</sup>.

Однако фактически в брак вступали значительно позднее. Брачный возраст исторически менялся, что прослеживается даже в рамках только одного XIX в. Если примерно до 80-х годов преобладали более ранние браки (девушки — 14—16 лет, мужчины — 16—18 лет), то к концу века брачный возраст повысился у девушек до 16—19 лет и у мужчин — до 20 и более.

Весьма различался брачный возраст в пределах Грузии. Так, о пшавской девушке, вышедшей замуж после 25 лет, в народе одобрительно говорили: «Она в доме своего отца жила долго». Данные метрических книг прошлого столетия указывают средний возраст невест в 20—30 лет, а мужчин — в 20—40 лет. Не были приняты ранние браки и в Хевсурети. Здесь девушки часто выходили замуж в 21—25 и даже в 35 лет, причем мужчина нередко бывал моложе женщины. Мужчины женились в 21—25 лет. Прежде считалось, что хевсур не имел права жениться, пока «не мог захватить зубами усы». В Пшави брачный возраст в начале XX в. считался у женщин 18—25 лет, у мужчин — 23—35 лет. В Мтиулету браки заключались в 16—25 лет. В Раче девушки вступали в брак в 14—20 лет, юноши — 16—25 лет. Не были ранними браки и в Сванети, где необходимость подготовки выкупа нередко отодвигала свадьбу на несколько лет. Наоборот, в равнинно-предгорной Грузии браки заключались в более раннем возрасте (девушки

в 14—15 лет). Даже в начале XX в. в Кахети, например, 20-летнюю девушку уже считали старой. Такая девушка носила чихта-копи и локоны, что было принято у старших женщин<sup>67</sup>.

В некоторых районах Грузии в XIX — начале XX в. фиксируются очень ранние браки и даже обручение в люльке. «Малолетних не должно сочетать браком, пока они не будут иметь понятия о супружестве...», — гласят законы Вахтанга VI. Церковь и государственные законы также запрещали обручение и брак малолетних, однако обычное право (и не только в Грузии) вполне разрешало и допускало подобные браки. Особенно часто практиковалось люлечное обручение, дальнейшее расторжение которого считалось недопустимым. Люлечное и обручение малолетних, несмотря на законодательные запреты еще в XII в.<sup>68</sup>, широко практиковалось в Грузии и в значительно позднее время. Для XVII в. его отмечает Ламберти в Мегрелии, где детей обручали в 3—4 года. В XVIII в. в Грузии девочку сговаривали в 4 года и отдавали замуж менее 12 лет. Этот же обычай с обязательной последующей женитьбой был повсеместным в Грузии и в XIX в.

У пшавов было распространено люлечное обручение даже в утробе матери. Когда обручали в люльке, то родители говорили: «Пусть хати (т. е. родо-вая молельня. — Н. В., Г. Д.) будет порукой обрученных, что мы их не разлучим». Отказ от такого обручения приводил к кровной мести. В Хевсурети детей обручали в люльке, а также в 10—11 лет. Если сватовство было удачным, то сват (обычно близкий родственник семьи невесты) дарил отцу невесты серебряное кольцо и затем сообщал родителям жениха о результатах сватовства. После этого родители жениха были обязаны послать в дом невесты две трети ведра водки и 7—8 аршин ситца. Устраивалось угощение, и девочка с колыбели считалась засва-

танной. Когда невеста подрастала, то оповещала близких, нравится ей жених или нет. Отказ невесты считался тяжелым оскорблением и служил поводом к вражде между родителями жениха и невесты. Лишь в конце XIX — начале XX в. она могла отказаться от предполагаемого брака<sup>69</sup>.

Обычай люлечного обручения существовал и в Сванети. Здесь в качестве залога при обручении в люльке семье невесты давали пулю и скот. Впоследствии обрученные были обязаны пожениться, а расторжение грозило кровной местью. Обручение до рождения детей совершалось следующим образом. Обычно мужья или сами беременные женщины договаривались, что в случае рождения у одной сына, а у другой дочери они их помолвят. Когда рождались мальчик и девочка, то отец мальчика приносил в дом девочки пулю (нишани, т. е. знак) и предупреждал, что «он отвечает за сохранность девочки, а если она пойдет замуж за другого волей или неволей, то один из родителей будет убит». По истечении года родители девочки приглашали к себе мать с мальчиком. Происходил обряд пехис ахсна, т. е. первого вступления нареченного в семью невесты. В подарок от семьи мальчика несли что-либо на 20 коп. Ребенка приносили ночью в люльку и он оставался в доме девочки на неделю, в течение которой люльки детей стояли рядом. По возвращении к себе домой мальчик получал в подарок овцу, козу или свинью. В случае ранней смерти жениха девочку обручали с сыном первого, кто приходил для обручения. В 8—10 лет обрученные играли вместе и знали, что они жених и невеста. До свадьбы мальчика приглашали в дом девочки для помощи в работе<sup>70</sup>.

Обычай люлечного обручения фиксируется также в равнинно-предгорной Грузии. Так, в Месхет-Джавахети мать мальчика несла в дом девочки четки и вешала их на люльку. Кроме четок,

давали залог (беи), шелковый платок (хелмандили) и головной платок (тавшали). Родители мальчика от родителей девочки получали обручальное кольцо. Свадьба совершалась по достижении детьми 14—15 лет. В начале XX в. люлечное обручение хотя и заключалось (главным образом в горах), но в большинстве не заканчивалось женитьбой обрученных. Об этом, в частности, пишет Б. Габуури в отношении хевсур. Хевсурики, отмечает он, отказываются от брака, если были обручены в раннем детстве. К 1920-м годам этот обычай сохранялся в Грузии эпизодически, причем последующая женитьба обрученных не была обязательной. Более того, нарушение сговора не вызывало никаких осложнений и осуждения со стороны общества<sup>71</sup>.

Браки в Грузии экзогамны, т. е. всегда запрещались браки между родственниками по отцу и матери, между однофамильцами. В грузинском праве (как и в адатах) к кровному родству относили также родство по кормлению из одной груди. Строго воспрещалась женитьба на невестке или свояченице, т. е. по свойству. Дети от такого брака считались незаконными. Подобные браки, судя по статьям уложения царя Вахтанга VI, в Грузии были, но только с разрешения церкви. Однако и здесь обычное право входило в противоречие с законом, поскольку довольно широко в ряде районов был распространен сорорат (т. е. женитьба на сестре покойной жены), а также левират (брак с родным братом покойного мужа).

Различные брачные запреты отразились и в нормах обычного права грузин. Хевсуры строго придерживались экзогамии, причем учитывалось как родство по отцовской, так и по материнской линии. Родство по свойству здесь не имело значения, и два брата могли жениться на двух сестрах. Обычай левирата у хевсур не был принят, и родной брат покойного не мог жениться на его вдо-



ве. Запрещалось также жениться на женщине из своего *теми* (общества). У пшавов браки разрешались только между лицами разных родов. У мтиулов браки запрещались не только между кровными родственниками, но также однофамильцами, членами одной общины (иногда и внутри ущелий), между нареченными братом и сестрой. У сванов в брак могли вступать лица, родство которых исчислялось двенадцатью степенями. В Кахети браки исключались не только между родственниками, однофамильцами, но и в пределах одного *убани* (квартала). В Месхет-Джавахети, кроме родства по крови, родственниками считались и члены фамилии кума. Старались также не жениться в своем селе. У мегрелов запрещались браки между родственниками, однофамильцами, прихожанами одной молельни; запрещались также браки между молочными братьями и сестрами. Нельзя было жениться на девушке, мать которой была из семьи жениха, а также на родственницах и однофамильцах кормилицы, приемного отца или матери, сводных братьях и сестрах. Поэтому мегрелы избегали жениться на односельчанках и предпочитали брать невесту из другого села<sup>72</sup>.

Одним из важных условий вступления в брак была религиозная принадлежность жениха и невесты. Так, по законам царя Вахтанга VI, запрещались браки с нехристианами и еретиками. Однако и здесь обычное право нарушало этот закон, так как в прошлом нередко были случаи, когда мусульманин брал в жены христианку, а христианин — мусульманку.

В XIX в. в Грузии были распространены следующие формы брака: 1) по взаимному согласию с уплатой залога (беи, бе, белга) или выкупа; 2) брак похищением (с согласия и без него).

В Тушети похищение девушек было довольно частым явлением, что нередко служило причиной кровной мести

между фамилиями. По обычному праву похититель должен был выплатить в пользу семьи девушки определенное число коров: в случае согласия девушки — одну корову, без согласия — 8 коров. К 1920-м годам в этом районе Грузии похищение почти исчезло. Таким же обычным явлением похищение (с согласия и без него) было и в Хевсурети. При согласии девушки жених должен был выплатить ее семье несколько баранов, в случае насильственного увода дело заканчивалось кровной мстью<sup>73</sup>. Еще в первой четверти XX в. умыкание в этой части Грузии было настолько обычным явлением, «что на него все смотрели как на общепринятый закон»<sup>74</sup>. Столь же распространенной такая форма брака была в Сванети. «Похищение девушек, так и в особенности замужних женщин, у них явление обычное», — отмечал М. М. Ковалевский эту черту сванского быта 80-х годов XIX в. Об этом же писал Б. Нижарадзе. «Очень распространено умыкание. Четвертая часть сванов имеет жен, полученных путем похищения, причем большая часть этих женщин чья-либо жена». Б. Нижарадзе объясняет это явление меньшим количеством женщин по сравнению с мужчинами. Из-за похищения женщин частыми были убийства. С введением русского (по словам Б. Нижарадзе) законодательства женщина стала свободнее и в вопросах брака, часто выходила замуж по своему желанию. В 1920-е годы факты похищения в Сванети имелись, однако, как правило, это происходило по согласию девушки. В равнинно-предгорной Грузии брак похищением (тем более без согласия девушки) был редкостью. Здесь основной формой заключения брака был брак по взаимному согласию (имеется в виду, конечно, согласие родителей обеих сторон, но не самих молодых людей) с выплатой женихом небольшой суммы залога<sup>75</sup>.

## Обряды свадебного цикла

Свадебный цикл — это сложное социальное явление, тесно связанное, как и весь брачный институт, с социально-экономическими и этническими условиями жизни общества, религией, народными верованиями, правовыми нормами и т. п.

Грузинский свадебный цикл, в разных районах Грузии имевший некоторые локальные особенности, включал следующие моменты.

1. Сватовство (мачанклоба). В равнинно-предгорной Грузии для выполнения этого обычая привлекали посредников или даже профессиональных сватов (мачанкали, мацikuли, машвали, марджахели), получавших за свой труд вознаграждение. В роли сватов выступали также близкие родственники (например, дядя жениха). В горах роль посредников выполняли только родственники или ближайшие друзья, старшие жители села, не получавшие никакого вознаграждения.

2. Смотрины невесты, во время которых происходил обмен подарками и давался денежный залог (беи, бе, белга), составлявший собственность невесты. Для совершения этого обряда жених (непе, мепе; ср. мепе — «царь») в сопровождении нескольких родственников и близких шел в дом невесты (дедопали, досл. «царица»), где и происходил обмен подарками и передача залога, а также назначался день обручения. В некоторых районах (Месхет-Джавахети, Аджария) жених не участвовал в этом обряде. Здесь же во время обмена дарами семьи молодых договаривались о размерах выкупа (часть горных районов, Аджария, Месхет-Джавахети).

3. Обручение (нишноба), на котором присутствовали жених и невеста. В Аджарии, Месхет-Джавахети, Мегрелии жених посылал в дом невесты различные подарки, в том числе кольцо, с до-

веренными лицами<sup>1</sup>. В некоторых районах (Кахети, Цалка, Аджария) обряд белга, а также обручение были центральным свадебным актом, после выполнения которого жених не только приходил, но и жил в доме невесты. Нередки были случаи рождения ребенка до свадьбы<sup>2</sup>.

Между обручением и свадьбой (корчили) устанавливались самые различные сроки: от нескольких недель до нескольких лет. В районах, где были приняты выкупные платежи, эти сроки значительно удлинялись: у аджарцев, например, они нередко составляли 2—3 года, у сванов между обручением и свадьбой проходило 5 и более лет. В предгорно-равнинной Грузии сроки между обручением и свадьбой обычно были невелики: 2—3 недели, самое большее год.

Свадьба происходила как в доме жениха, так и в доме невесты и продолжалась в течение 2—6 дней. Ее ритуал включал множество обрядов и обычаев, целью которых была «охрана» молодых от злых духов, получение здорового потомства, пожелание богатства, оказание материальной помощи новой семье<sup>3</sup>. Центральным событием в свадьбе была поездка жениха за невестой в ее дом, откуда молодые шли венчаться в церковь (Кахети, Картли, Месхет-Джавахети) и затем приходили в дом молодого. Но так бывало не всегда. В Имерети, например, молодая после венчания оставалась в своем доме в течение года; молодой жил в своем доме. Только через год ее привозили в дом мужа. То же самое было в Гурии, где молодую после венчания не сразу забирали в дом мужа и она некоторое время оставалась в доме своих родителей. У мегрелов венчаться шли из дома жениха. Иногда, если не было близко церкви, этот обряд выполнялся в марани. Важнейшим свадебным ритуалом была церемония, совершавшаяся в доме невесты и в доме жениха вокруг очага кера или централь-

ного опорного столба жилища — дедабдзи. Выполнение такой церемонии означало прощание невесты с родным очагом и приобщение ее к очагу рода мужа.

Общим в свадебном ритуале всех этнографических групп грузин были взаимные подношения, совершавшиеся фамилиями жениха и невесты, сбор денег и подарков с гостей, устное (реже письменное) приглашение на свадьбу, участие *эджиби* (распорядитель), *меджваре* (шафер), который впоследствии становился крестным первого ребенка молодых, *макари* (друга), *махаробели* (вестник счастья, гонец) и других действующих лиц свадебной церемонии. В отношении избрания этих лиц существовали определенные обычаи. Так, *эджиби* назначался из неженатых ровесников жениха, родственников по отцовской линии. *Меджваре* обычно избирался не из родственников, но из людей, близких к жениху. Обязанностью *меджваре* было выполнение некоторых важных обрядов: с крестом, у очага кера и др.

В разных районах Грузии в свадебном ритуале имелись некоторые отличия в деталях обрядов, а также в правилах поведения молодых. Последние в конце XIX в. были значительно свободнее в Картли, Кахети, Имерети, Гурии, чем в горах: жених и невеста свободно сидели за столом вместе с *меджваре* и *мдаде* (посаженная мать). Лишь на некоторое время их уводили в другую комнату для угощения. В горах (за исключением Сванети), а также в Аджарии, Месхет-Джавахети и Мегрелии невеста находилась в отдельной комнате, жених часть свадебного ритуала проводил с гостями.

Обратимся к источникам. Для первой половины XIX в. описания грузинского свадебного ритуала довольно фрагментарны. У тушин молодые нередко не знали друг друга лично. Родители жениха, выбрав девушку, посылали в ее

семью сватов, которые приносили с собой хлеб и соль. В случае согласия родителей девушки последние вместе со сватами преломляли хлеб, что означало совершение обряда обручения. Давать девушке приданое не было в обычае. Как отмечал И. Цискаров, описавший быт своего народа, в первой половине XIX в., о приданом тушины не имели понятия: жених не заботился о состоянии родителей невесты, которые, в свою очередь, предпочитали всякому богатству «личную храбрость, происхождение и хорошее мнение народа о женихе». В досвадебный период, в том числе на Новый год, родители жениха посылали невесте различные подарки. В день свадьбы к вечеру жених в сопровождении конных *макари* отправлялся к дому невесты и под оружейные выстрелы отвозил ее в свой дом. Здесь устраивалось застолье, для которого готовилось много пива. Молодые находились в одном помещении с гостями, однако мужчины и женщины размещались в разных его концах; новобрачные сидели рядом. По обычаю лицо невесты было закрыто. Перед молодыми ставили деревянный крест, обвешанный фруктами и подарками гостей. Свадьба продолжалась три дня. На третий день гости уходили, но молодые еще длительное время стыдились в присутствии кого-либо разговаривать между собой<sup>4</sup>.

У хевсур девушек выдавали замуж не ранее 20 лет. В знак стовора жених передавал родителям девушки *абазы*. По завершении стовора невеста обычно оставалась в своем доме на 2—3 года, и только по истечении этого срока происходила свадьба. В период между стовором и свадьбой родственники жениха два или три раза посещали дом невесты и привозили с собой барана. Сам жених не мог бывать у невесты. Когда наступал день свадьбы, то за невестой шли по одному человеку от каждого дыма селения жениха. Подойдя к дому невесты, посланные внезапно врываются

внутри. Родители невесты вначале отказывали пришедшим; последние расхваливали жениха. Такие переговоры обычно завершались обоюдным согласием и закалыванием барана, приведенного посланцами. Родители девушки созывали своих родственников и после небольшого угощения невесту отправляли в дом жениха. Жених в это время скрывался у соседей, откуда его приводили. Молодых сажали у кера; к ним подходил деканоз, ставил перед ними кушанье и пиво, подавал по восковой свече и сшивал ниткой концы их платьев. Шафер подавал деканозу чашу с пивом или водкой. Приняв ее, деканоз благословлял жениха и невесту и выпивал чашу за их здоровье. Вслед за деканозом пили все присутствовавшие. После обряда венчания молодые в течение двух недель чуждались друг друга, стыдились говорить при посторонних. Через две недели молодая уходила в родительский дом, где оставалась на год. Только по возвращении ее молодые начинали совместную жизнь<sup>5</sup>.

Одно из редких описаний свадебной церемонии в первой половине XIX в. дает нам представление о свадьбе, происходившей в Каргли, в состоятельной семье, занимавшей, видимо, высокое социальное положение. Досвадебный период в источнике не описывается. Сама свадьба представлена следующим образом. Жених собирал дружек и ехал за невестой, которая жила в другом селе. Провезжая через села, все участники конной свадебной процессии запевали свадебную песню (макрули). Тем временем в доме невесты происходили приготовления к торжественному приему жениха, готовилось угощение, а также подарки для будущего зятя и дружек. Каждый такой подарок состоял из хорошего коня или оружия. Опередив процессию, к дому подъезжал махаробели. Гонцу трижды подносили серебряную азарпешу с вином, на плече повязывали шелковую ткань. Махаро-

бели, осушив чашу с вином, забирал ее (эта чаша считалась уже его собственностью) и скакал навстречу свадебной процессии. Подъехавшего жениха приветствовали встречающие, и только в этот момент он впервые видел свою невесту, с которой был обручен заочно. Затем молодых вели венчаться. Жених давал невесте платок, один конец которого держал он сам, другой — невеста. Подойдя к церкви, дружки скрещивали сабли и молодые входили под ними в церковные двери. В церкви меджваре под ноги молодым клал сабли, оставшиеся там до конца церемонии.

После венчания все возвращались в дом новобрачной. На пороге дома молодые должны были разбить ногой какую-нибудь посуду, что означало пожелание изобилия; в дверях их встречала одна из родственниц невесты и угощала сахаром. Затем всем присутствующим в знак сладкой жизни жениха и невесты давали шербет, после чего начинались поздравления, содержавшие бесконечные пожелания новобрачным, их детям, внукам и правнукам. После поздравлений молодых вводили в дом, усаживали на тахту и ставили перед ними серебряный поднос, на который гости клали деньги с поздравлениями и различными пожеланиями. Деньги, собранные таким образом, поступали в пользу слуг. Затем приносили угощение, и музыканты (сазандари) исполняли лезгинку. Первыми танцевали жених и невеста, затем — девушки. Лучшим танцорам гости по своему желанию и возможностям дарили деньги (шабаш).

Застолье пожилых мужчин, знатных гостей происходило в отдельной комнате, где они из турьих рогов и серебряных азарпеш пили вино и пели песни. Для народа угощение устраивалось во дворе на разостланных на земле скатертях. В течение трех дней свадьбы жених не имел права оставаться с невестой наедине, даже ночью. Невеста

же все это время должна была сидеть в одежде и лишь иногда могла, сидя, вздремнуть. На третий день приходил священник, брал саблю, клал ее на лаваш, затем втыкал острый конец в дверь, выдергивал и шел к молодым. Прочтя разрешительную молитву, он снимал с молодых *свиргини* (венцы) и саблей поднимал кверху, которой была покрыта фигура невесты и ее лицо. Тут начинались вторичные поздравления с подношениями подарков. Весь обряд назывался *пириссанахави* (букв. «лицезрение»). Одни дарили золотые или серебряные вещи, другие — скот, третьи — недвижимое имущество. Брачная ночь происходила на третий день свадьбы. Муж, чтобы жена заговорила с ним, по обычаю должен был сделать ей подарок. На следующий день гостям подавали особые сладости из муки и масла на меду, что означало благополучное начало семейной жизни<sup>6</sup>.

Краткое описание мегрельской свадьбы конца XVIII в. в некоторой мере восполняет отсутствующие материалы первой половины XIX в. Предсвадебный период в источнике не описывается. В день свадьбы во дворе дома жениха встречали невесту, вводили ее в дом, где посредине у кера находились две чаши: одна с вином, другая — с тестом. Невеста, взяв чашу с вином, разливала его по полу, а тесто раскладывала по всем углам комнаты. Затем все шли в церковь или в особое помещение в доме, где совершался обряд бракосочетания. Для этого ставили стол, на который клали цветы, печеный хлеб и чашу с вином; все закрывали покрывалом. Священник, прочитав несколько молитв, снимал со стола покрывало и набрасывал его на головы молодых. Дружка в это время скреплял ниткой концы их платьев. Потом священник разламывал хлеб на семь частей, из которых по три подавал жениху и невесте, а одну съедал сам. То же самое он делал и с вином, затем благословлял молодых.

Этим заканчивался обряд венчания<sup>7</sup>.

Более полные сведения о свадебных обрядах грузин имеются в источниках второй половины XIX — начала XX в.

У тушин невест обычно присматривали во время *хатоба* (религиозный праздник). Если девушка правилась родителям жениха, то они посылали в ее дом свата — дядю или двоюродного брата жениха. Решающее слово в брачных делах имели отец, старший брат и дядя невесты со стороны матери. По получении согласия сват приносил в дом невесты водку и хлеб, на который клал серебряный рубль, передававшийся невесте. Через неделю родители жениха и другие его родственники, а также сват отправлялись с подарками в дом невесты. Здесь в их честь устраивали обед, назначался день свадьбы. Затем к гостям выводили невесту, лицо которой было закрыто платком.

В день свадьбы жених в сопровождении друзей и эджиби, с подарками приезжал в дом невесты, которая в этот момент с подругами находилась в другой комнате. Эджиби выводил невесту (ее лицо было закрыто) и усаживал рядом с женихом. Все присутствующие веселились и пили за здоровье новобрачных. Затем на молодых, рядом с которыми стояли эджиби и мдаде, надевали венцы, у ног клали кинжал. Деканоз благословлял молодых и все шли в церковь, где совершался обряд венчания. На следующий день невесту увозили в дом жениха. Для встречи свадебной процессии зажигали факелы, мать жениха на пороге своего дома угощала молодых сладостями. В доме их прежде всего подводили к очагу кера, где были хлеб, вино, водка, горящие свечи. Новобрачные трижды обходили вокруг очага. Впереди процессии шел эджиби с кинжалом, которым он ударял по потолку, приговаривая: «С крестом спереди, с крестом сзади, ангел войди к нам». По совершении этого обряда молодых приводили в пивовар-

ню и здесь у их ног резали барана. Все присутствовавшие держали в руках зажженные свечи и молились о здравии жениха и невесты. По возвращении из пивоварни начиналось свадебное застолье. Молодых усаживали за стол; с лица невесты снимали покрывало и сажали к ней на колени маленького мальчика. Дядя жениха по матери ставил перед новобрачными сдобный хлеб, в который был вставлен деревянный крест (бидзас джвари); концы креста украшались яблоками. Рядом с крестом ставили миску, и начинался обряд подношения. Присутствовавшие гости клали в миску деньги, а на крест вешали пестрые вязаные носки. Свадьба продолжалась два дня. На второй день перед брачной ночью эджийи концом кинжала снимал с молодых венцы. На другой день после снятия венцов свекровь и соседние женщины устраивали обряд «шествие невестки за водой»<sup>8</sup>.

У хевсур, как и у других этнографических групп грузин, заключение брака происходило по воле родителей. Однако в конце XIX в. современники отмечали, что даже у хевсур такой порядок заключения брака изменился и стал больше зависеть от желаний самих молодых, что вызывало неудобольствие стариков. Нередко брак совершался похищением девушки как с ее согласия, так и без него. Для сватовства родители юноши посылали в дом невесты в качестве посредника дядю юноши. По получении согласия родителей девушки, а также ее дяди и братьев, следовал обряд (нишис митана)<sup>9</sup> для которого дядя жениха и его жена приносили угощение, а девушке в подарок — серебряные украшения (кольцо, серьги). Для обручения в доме невесты собирались ее близкие. Нередко между обручением и свадьбой проходило 2—3 года, во время которых жених и невеста не виделись друг с другом. Ежегодно обрученную посещали отец или брат жениха, причем по обычаю они должны были принести

лепешку — «хлеб счастья» (бедис квери) специально для невесты.

По истечении установленного срока жених посылал в дом невесты двух старейшин своего села и друзей; они, а также братья и сестры невесты сопровождали ее в дом жениха. По обычаю невеста шла пешком, остальные ехали верхом. На окраине села свадебную процессию встречали все жители. Затем процессия двигалась к дому жениха, где молодую на пороге встречала свекровь, которая приветствовала ее и вводила в дом со словами: «Господи, будь милостив! Да внесет она мир, спокойствие и счастье в дом своего мужа». Держа невесту за правую руку, свекровь трижды обводила ее вокруг кера, усаживала рядом с собой и посыпала голову новобрачной мукой. Затем свекровь приводила маленького мальчика и сажала его на колени невесты, произнося при этом: «Удостой, господи, и невестку мою иметь такого же сына» или: «Да будут у тебя мальчики». Гости-мужчины собирались на крыше дома и устраивали угощение. Жених во время всех церемоний прятался в своем доме или у соседей. Через некоторое время его приводили мужчины и усаживали за свадебный стол, который находился в черхо. Невеста по обычаю не могла сидеть рядом с женихом и вообще находиться в черхо. В течение всего свадебного застолья она вместе с подругами сидела в темном хлеву. Мужчины угощались, играли на пандури, пели; женщинам это воспрещалось. В первый же день свадьбы невеста должна была показать свои хозяйственные способности: убрать навоз, принести тяжести и т. п. На другой день все приехавшие гости веселились и угощались у односельчан жениха, так как по обычаю каждый был обязан пригласить к себе в дом гостей, прибывших на свадьбу.

Хевсурская свадьба длилась три дня. В течение одной-двух недель молодая

оставалась в доме мужа, однако не встречалась с ним, и муж даже не знал, где она спит. Через одну-две недели из семьи молодой приходил представитель, который в сопровождении макари со стороны жениха уводил ее в родительский дом. Здесь устраивали свадебный стол, на который приглашали родственников жениха. Молодой оставался в своем доме. Новобрачная должна была прожить в доме своего отца не менее года. В этот период общение с мужем прекращалось, и он даже не заходил в село своей жены. По истечении года муж посылал за ней одного или двух близких родственников, которые отводили ее в его дом, где в связи с этим устраивалось вторичное застолье (здесь не полагалось есть мяса, сыра и масла). Стол освящал деканоз, он же в знак брачного союза перевязывал плечи молодых ниткой. Свекровь готовила отдельную комнату для брачной ночи<sup>10</sup>.

У шпавов семья юноши для сговора посылала в семью девушки посредника. В случае согласия родителей девушки семья жениха платила им залог в размере 1 руб. 20 коп. серебром. Если отец невесты нарушал слово, то был обязан отдать в семью жениха 16 коров. Через некоторое время после сговора происходило обручение, во время которого семья жениха передавала семье невесты выкуп, обычно в размере стоимости 5 коров (3 — за вдову). После обручения выполнялся обряд *сахлиссанаха-ви* (осмотр дома): жених в сопровождении дружек шел в дом невесты, они приносили с собой различное угощение (хлеб, мясо, напитки), а также барана. В застолье участвовали многочисленные гости, в том числе родственники жениха и невесты; здесь же хевисбери благословлял молодых. Жених и невеста во время застолья сидели рядом. В этот же день происходило одаривание молодых. Подарки собирали оповещатели (мкепары), которые складывали их на платок перед невестой. Она в ответ одари-

вала гостей связанными ею носками. С момента обручения невеста уже считалась женой, однако оставалась в доме своих родителей и готовила приданое. Жених становился частым гостем в их доме и оставался ночевать.

В день свадьбы жених с друзьями приходил в дом невесты. На молодых надевали венцы, все присутствующие садились за стол. К вечеру новобрачные в сопровождении эджиби, меджваре, макари, младе шли в церковь. Когда невеста выходила из церкви, к ее платью прикрепляли платок, жених брал платок за свободный конец и так вводил невесту в свой дом. Впереди молодых шел шафер. Он нес плоский круглый хлеб, приготовленный на меду, в который был вставлен деревянный крест с тремя яблоками на концах. В доме жениха шафер и молодые трижды обходили кера, при этом шафер кинжалом бил по очажной цепи, пока не сбивал ее. Дядя невесты с материнской стороны вешал на плечо сброшенную цепь. Глава дома должен был выкупить ее, дав выкуп вином или водкой, а также медный кувшин. Супружеские отношения начинались только на третий день свадьбы. «Внешним выражением этого запрета, — пишет М. М. Ковалевский, — является тот факт, что во все это время лицо молодой покрыто вуалью. Только с наступлением третьей ночи одна из близких ей по мужу женщин, обыкновенно жена брата, снимает с ее лица покров, чем как бы выражается согласие семьи невесты на брак»<sup>11</sup>.

У мохевцев юноша с 15 лет начинал ходить на религиозные праздники (хатоба), где мог посмотреть себе невесту. Если девушка нравилась, то через родственников он сообщал об этом своим родителям. Последние в случае своего согласия посылали в семью девушки какого-либо близкого человека (шуакаци). После получения от семьи невесты согласия (его давали не только родители, но и дяди) через два дня

посредник и мать ююппи несли в дом девушки *нишани* (знак) — 3—5 руб. и бутылку водки. В этот день девушка впервые узнавала о решении родителей выдать ее замуж. Дядя и двоюродные братья благословляли невесту. Во время *нишани* назначался день свадьбы и решался вопрос о выкупе. Через два—три месяца жених со своими двоюродными братьями приходили в дом невесты. Они приводили двух хороших баранов (их сразу же закалывали для угощения), приносили водку и лаваш. На ужин приглашались все близкие семьи невесты, которым объявляли о дне предстоящей свадьбы. На второй день гости расходились.

Жених оставался в семье невесты от одного до трех месяцев, в течение которых он должен был много работать в хозяйстве. Все это время невеста пряталась от жениха, хотя он пытался ее увидеть. В домах жениха и невесты в этот период происходили разнообразные приготовления к свадьбе. Задолго до свадьбы подруги невесты водили ее по селу и жители одаривали девушку деньгами и различными мелочами (нитки, иголки, ткань, пряжа, деньги). Впоследствии этими мелочами невеста одаривала родителей жениха и его братьев. Если невеста была из состоятельной семьи, то она шила для них одежду. За месяц до свадьбы семья жениха давала выкуп, в семье невесты готовили приданое. Выкуп в зависимости от социального положения семьи составлял от 40 до 300 руб., причем эта сумма отдавалась родителям невесты деньгами или скотом, в том числе быками.

За день до свадьбы жених отсылал в святилище двух жертвенных баранов, которых резали в ночь свадьбы, а также ведро водки. В ночь бракосочетания ужин готовили в домах жениха и невесты. Жених при сабле, в сопровождении крестного, махаробели, дружек шел в дом невесты, где тем временем собиралось все село. В комнату выводили на-

ряженную невесту, присутствующие встречали ее песнями. На молодых надевали венцы и трижды в сопровождении макари, державших обнаженные сабли, обводили вокруг горящего очага. Затем все направлялись в церковь. По возвращении в дом невесты начиналось застолье. В тот же день молодые уезжали в село жениха: ехали на арбах или горских саях, на которых везли также приданое; сопровождавшие ехали верхом. Махаробели, посылавшийся вперед, оповещал о приближении свадебной процессии. Гости встречали молодых, без шапок, с саблями в руках вводили в дом, на пороге их угощали медом, а жених ногой разбивал тарелку. В доме новобрачные трижды обходили вокруг горящего очага; за ними следовали макари с саблями наголо.

До начала застолья молодые находились вместе с гостями. Затем невесту уводили к женщинам, где начинались танцы; в это помещение могли зайти мужчины. Остальные гости (мужчины) сидели в другой комнате: здесь происходило угощение, в стихах восхвалялись старшие данного дома и т. п. В середине гостевого стола сидел жених, которому через некоторое время подносили *карача* — ритуальное сооружение наподобие елки; его украшали фруктами, крестиками, свечами. *Карача* изготовлял эджиби или брат жениха. Когда перед женихом ставили *карача*, это означало начало денежного сбора в пользу новобрачных. Один из старших вставал, благословлял молодых и объявлял, что он дает денежную помощь (шесацевари). За ним шесацевари давали и другие гости (самый бедный давал 1 руб.). Обычно собирали до 30 туманов<sup>12</sup>, которыми семья жениха пользовалась.

На второй день свадьбы совершалась церемония снятия венцов. Молодых ставили перед жертвенным животным, их благословлял материнский дядя жениха, затем закалывали животное и снимали



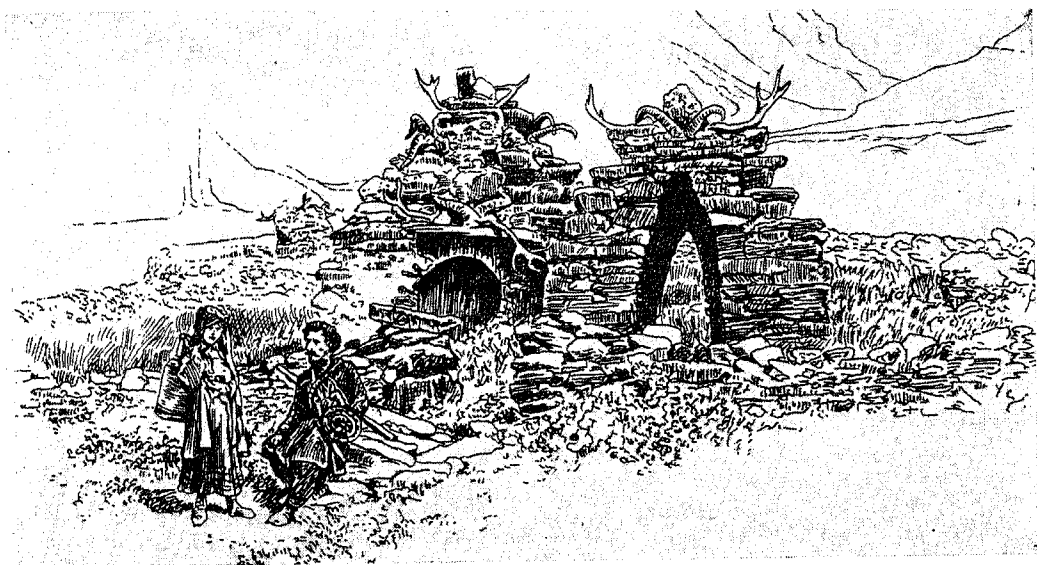


Рис. 1. Святилище (хати) в Хевсурети (фото 1880-х годов)

гвиргвини. Свадьба заканчивалась на третий день.

Через неделю молодой с подарками посещал дом тестя, где в его честь устраивали угощение. В течение месяца невестка не выходила из дома и делала только легкие хозяйственные работы. Через месяц совершался обряд выхода за водой, в котором участвовали женщины квартала семьи жениха, а также девушки, вышедшие замуж в том же году. Для угощения свекровь пекла када, хабизгини и др. Невестке впервые давали кувшин из ее приданого. Около ручья женщины устраивали угощение; затем новобрачная наполняла кувшин водой и все с песнями возвращались домой. С этого момента молодая могла заниматься хозяйством и посещать могилы усопших из рода мужа<sup>13</sup>.

У мтиулов девушки старались выйти замуж до 15—16 лет, так как остаться незамужней долее считалось предосудительным. Родные юноши посылали к родителям девушки свата (марджакели). Сватом мог быть родственник или свойственник семьи девушки, которому от семьи жениха полагалось вознагражде-

ние от 10 до 30 руб. Прежде всего сват советовался с материнским дядей невесты. В случае его согласия они вместе шли к родителям невесты, взяв угощение и вино. После получения согласия отца девушки сват должен был получить согласие брата невесты и ее крестного. Если один из них отказывал, то свадьба не могла состояться. После согласия обеих сторон устраивали обряд белга, который считался первой ступенью обручения; мать невесты получала залог через посредника. Родители жениха доставляли в дом невесты водку, хлеб, барана, приносили для девушки платок и серебряную монету (10—20 коп.), позднее 3 руб.— стоимость одной овцы. Устраивали небольшое застолье, на котором присутствовали родители невесты и жениха, а также материнский дядя невесты.

Через один—три месяца происходило малое обручение (патара нишани). Отец жениха в сопровождении трех родственников приносил в дом невесты

араку и другие продукты, а также денежную сумму немногим более чем белга; приводили также барана. Для присутствующих устраивали застолье. Во время патара нишани невесте передавали головное покрывало и с этого момента она не могла выходить из дома с непокрытой головой.

Через некоторое время происходило большое обручение (диди нишани), на которое приезжал жених со своими сверстниками, родственниками и родственницами. Для угощения семья жениха привозила продукты: водку, различный хлеб, в котлах пиво, одного-двух баранов. Отец жениха был обязан в день большого обручения преподнести будущей теще овцу. Такой дар назывался *садедо*. В этот день во время обеда в первый раз выводили невесту, которую после застолья присутствующие начинали одаривать: жених дарил деньги и платье, гости — какие-нибудь вещи или деньги; все подношения торжественно оглашались. Крестный невесты обходил столы и собирал в платок все подарки, которые передавал невесте; невеста получала также шабаш — подарки за свой первый танец. Все подношения составляли часть ее приданого. Во время большого обручения семья невесты давала ей сатавно (барана, редко корову). В дальнейшем сатавно стали давать во время свадьбы.

Свадьбу справляла семья жениха. На свадебное застолье в среднем затрачивали 15 котлов водки, 3 котла пива, 28 пудов пшеницы, мясо одного быка, трех баранов и многое другое. В день свадьбы жених со свитой ехали в дом невесты, где она ждала его наряженная: на голове — тюлевый лечаки, поверх которого, как и у жениха, венец с крестом. Все шли в церковь. После венчания возвращались в дом невесты, где молодых встречал деканоз и благословлял их. После небольшого угощения вся процессия верхом направлялась в дом жениха. Впереди ехал эджиби, затем двоюрод-

ный брат жениха и другие гости; везли также приданое невесты. При входе в дом жениха дружки скрещивали кинжалы, на косяке двери прикрепляли крест, сделанный из теста, а на пороге клали опрокинутую вверх дном тарелку, которую жених или невеста разбивали ногой.

В доме молодых встречала женщина, по общему мнению, счастливая, и давала им мед и лаваш с пожеланиями счастья. Затем молодых трижды обводили вокруг горящего очага, при этом шафер и эджиби били пашкой по очажной цепи. После все садились за свадебный стол. Перед невестой ставили хлеб (джврис пури), в которой был воткнут деревянный крест с яблоками на трех его концах. Сестра жениха и ее муж давали новобрачным чирахдани — деревянное сооружение в виде креста, украшенное разными сладостями, фруктами и зажженными свечами. Затем приводили маленького мальчика и трижды сажали его на колени невесты, произнося при этом пожелание: «Девять мальчиков и одна девочка». Во время угощения происходило одаривание невесты различными подарками и деньгами. Через три дня, перед брачной ночью с молодых кончиками кинжалов снимали венцы. Через неделю после свадьбы совершался обряд хождения невестки за водой. Свекровь пекла сладкий пирог када, приглашала соседок, и все шли к роднику, где невестка наполняла водой все принесенные кувшины. Затем женщины здесь же устраивали угощение. Через два месяца невестку вели в родовой хати мужа, где ее благословлял деканоз<sup>14</sup>.

У сванов, как отмечалось, весьма частым было обручение в люльке. Когда обрученные становились взрослыми, то родители юноши посылали в семью девушки человека договориться о размере *начулаши* (выкуп). Прежде, отмечает Б. Нижарадзе, эта плата составляла 4 быка. В 1880-е годы размеры выкупа

возросли. В день свадьбы наряженную невесту окружали 10—15 подруг и 10—20 друзей, которых она приглашала лично. В свадебную ночь родители девушки посылали в семью жениха угощение на 30—40 гостей, а дружки вели невесту в дом жениха, и когда приходили, производили 40—50 выстрелов. Невесту под покрывалом (его поднимали при переходе через порог) встречала хозяйка дома с чашей муки, что означало пожелание богатства. Она вводила невесту в дом и трижды обводила ее вокруг горящего очага. Затем невесту усаживали, народ заполнял комнату, начинались песни. Невеста вела себя совершенно свободно, как в своем доме. Перед ней ставили тарелку с хлебом и сажали на колени мальчишка. После этого накрывали стол (табаки), на который клали мясо и хлеб; гостям подносили водку. По обычаю каждому полагалось выпить два стакана, с третьим стаканом вставал кто-либо со стороны невесты и, обращаясь к отцу жениха с поздравлениями, как бы передавал ему невесту. В ответ выступал кто-нибудь от имени молодого. После этого невеста могла встать и веселиться вместе со всеми присутствующими. Пир длился до утра, все угощение происходило за счет семьи невесты. Застолье продолжалось и на второй день; вечером все расходились. Б. Нижарадзе пишет, что церковное венчание у сванов в свадебную ночь бывало редко, как прежде, так и в его годы. Часто женщина жила в семье мужа без венчания один—три года. В течение этого времени она работала по хозяйству и спала в помещении с женщинами. Через несколько лет происходил церковный обряд. Жених приглашал домой *папи*, который ставил молодых вместе, накидывал им на головы тонкую цепь с крестом, полы их одежды скреплял ниткой, затем читал несколько молитв. Этим ритуал венчания заканчивался<sup>15</sup>.

В Кизики в начале XX в., как и по

всей Грузии, свадьбу старались устроить к концу осени или зимой, в субботу и в полнолуние, так как считалось, что в этом случае жизнь молодых будет более счастливой. Незадолго до свадьбы отец, старший брат или дядя жениха несли в семью невесты продукты для первого свадебного угощения, происходившего в доме девушки. В ответ семья невесты давала *кртамис пули* (досл. «взяточные деньги»), которые становились собственностью жениха. В начале XX в. часть расходов на свадебное угощение брала на себя семья жениха, часть — семья невесты. Ранее такого рода траты несла только семья жениха. В подготовке свадьбы помощь оказывали все близкие родственники. В день свадьбы утром закалывали быка, корову, буйвола, овцу, резали птицу, готовили рис, рыбу, вино, водку. Жених сам приглашал гостей и друзей (самой большой по числу гостей считалась свадьба на 150 человек). К концу XIX в. распространение получили пригласительные письма. С утра в день свадьбы молодого наряжали так, чтобы он отличался от других: обычно его рубашка имела богатую вышивку. Жених среднего возраста одевался скромно, в костюм темных тонов. Из приглашенных друзей выбирали эджиби и меджваре. Первый обычно был кровным родственником жениха, второй — из другой фамилии или даже другого села. Обязанности эджиби были разнообразны. Он должен был наблюдать за тем, что отвозилось в дом невесты в день свадьбы, за доставкой приданого, присматривать за теми, кто угощал гостей, и т. п.

За невестой направлялись жених, дружки, эджиби, меджваре. Ехали на конях и арбах; знатные и состоятельные — на линейках и фаэтонах. Тем временем в доме невесты собирались дружки со стороны невесты, ее близкие родственники и соседи. Войдя в дом, эджиби отдавал главе семьи привезенные

продукты, которые предназначались для свадебного угощения. Затем меджваре как бы выкупал невесту — выплачивал деньги (саостато) женщине (остати), которая учила ее кройке, шитью, а иногда и грамоте. Эта же женщина одевала невесту. Жених также одаривал остати деньгами (10—20 руб.) и получал от нее в ответ украшения для коня, сотканые или вышитые невестой. Затем вызывали невесту, и меджваре ставил ее рядом с женихом. Как правило, невеста была одета в парчовое картули каба различных оттенков красного цвета<sup>16</sup>. Рубашка и белье надевались только красные; на голове — лечаки, на ногах — коши.

По традиции венчание происходило в церкви в селе невесты. По выходе из церкви молодые проходили под скрещенными кинжалами дружек и возвращались в дом невесты. Сообщал об этом конный махаробели (обычно родной или двоюродный брат невесты), которому давали вино и на руку повязывали красный платок. На пороге дома молодые вновь проходили под скрещенными кинжалами, им давали сладости, вводили в дом и усаживали на тахту. Молодой по обычаю отказывался садиться и не ел до тех пор, пока родители невесты не одаривали его серебряной чашей (или 30—50 коп.); невеста не ела в течение двух суток и говорила тихо. После здравиты за молодых эджиби просил приданое, которое ему передавала мать невесты. Отец со словами пожелания долгой жизни вручал свою дочь мужу, этот обряд происходил у очага кера или центрального столба. В свадебном застолье принимали участие и молодые.

Когда невесту везли в дом жениха (обычно это происходило в сумерках), по дороге выполняли различные обряды, направленные на обеспечение счастья молодых. У дома жениха их встречал кто-либо из родственников жениха, у которого были живы родители и которого считали счастливым. Здесь также совершали разнообразные обряды. Ког-

да участники процессии входили в дом жениха, дружки кричали: «Принесли золотую дубину, золотую голову, золотую чашу...» Мальчики факелами освещали новобрачным дорогу, дружки водили хороводы и пели, меджваре на двери чертил кинжалом крест и все время ходил за молодыми с крестом. Вокруг дома трижды обводили барана, у которого отрезали кончик уха, брали на вату немного крови и сжигали. У порога дома жених ногой разбивал тарелку.

В доме мать жениха угощала молодых сладостями; их встречал глава семьи жениха, угощал вином и предлагал всем гостям произнести здравицу в честь новобрачных. Перед свадебным угощением молодых обводили вокруг дедабодзи, на котором была укрепленна зажженная керосиновая лампа. Взяв лампу, меджваре и дружки вели молодых к свадебному столу. На месте, предназначенном для невесты, лежал мальчик, которого после выполнения некоторых ритуалов сажали ей на колени. Во дворе танцевали и пели<sup>17</sup>. Невеста и жених танцевали только друг с другом. За столом они сидели по-восточному, поджав ноги, на подушках, положенных на скамью. Остальные гости сидели на стульях и скамьях. Меджваре ставил перед молодыми деревянный крест, на трех концах которого были укреплены красные яблоки. Такой крест оставался на столе до конца свадьбы и его убирали лишь после снятия с молодых венцов.

Свадебное застолье начиналось почти в полночь и продолжалось трое суток. После здравиты в честь молодых пили за здоровье их родителей. Затем начинался обряд одаривания (гадалоцва), который происходил следующим образом. У очага в центре комнаты ставили стол с фруктами и вином. Рядом с ним становились новобрачные лицом к двери. Кто-либо из близких жениха начинал поименно объявлять о дарениях, сопровождая свою речь шутками (по-

дарки в основном состояли из денег, золотых и серебряных украшений, одежды, режы земли и скота). В ответ молодые благодарили за подарки. По окончании обряда гадалоца застолье продолжалось, произносились здравицы в честь всех грузинских церквей и святых, в честь очага, меджваре, мдаде, дружек и др.

На второй день свадьбы новобрачные, взяв вино, в сопровождении гостей шли на могилы близких, а затем с песнями — к соседям, которые их одаривали и угощали вином. На третий день свадьбы отец жениха вводил молодую в мариани и заставлял ее открыть винный кувшин. С этого момента невеста считалась хозяйкой. На второй день после свадьбы в дом жениха приглашались родители невесты, которые приносили подарки для всех членов семьи, а также вино и пироги. На 4-й или 7-й день новобрачная меняла подвенечное платье на повседневный наряд<sup>18</sup>, и с этого момента начиналась ее работа по дому. Через две недели семья жениха наносила ответный визит родителям молодой; несли подарки. Через месяц после свадьбы совершался обряд хождения невестки за водой. Для этого свекровь готовила угощение, знакомила молодую с невестками соседних семей и они все вместе шли к источнику, где происходило угощение сладостями<sup>19</sup>.

Близкую к описанной картину свадьбы источники рисуют в Гаре Кахети. Здесь свадьба также происходила в течение трех дней. В доме жениха новобрачных усаживали за стол, где сидели гости-мужчины. Рядом с женихом находился эджиби — ответственный за свадьбу, рядом с невестой — меджваре, затем ее близкие родственники. Перед началом свадебного застолья эджиби просил священника освятить стол. Если священника не было, то эту церемонию выполнял эджиби, который и вел застолье. Все гости, произнося тост, по обычаю должны были обратиться к эджиби со

словами: «Эджиб, за здоровье твоего непе». После подачи супов эджиби просил всех исполнить свой долг и его помощник начинал собирать подарки (одеяла, одежду, посуду и др.), продукты и деньги, которые он складывал перед эджиби. На второй день свадьбы эджиби уводил невесту в другую комнату для угощения (пурис чама), так как за столом невесте есть не полагалось. Затем ее снова выводили к гостям. В этот день невеста танцевала, и гости должны были одарить ее за танец (шабаши)<sup>20</sup>.

Крестьянская свадьба в Нижней Картли происходила следующим образом. После сговора посредник устраивал тайные смотрины. Он привозил жениха в дом невесты и скрытно показывал ему девушку. Если она нравилась, то юноша семье невесты давал белга (3—5 руб.) и оставался в доме на ужин. Тут же назначался день осмотра и знакомства с домом и имуществом молодого, что делали отец девушки, ее брат и еще кто-либо из близких родственников. Устанавливали также день, когда жених должен был явиться в дом невесты и договориться о дне обручения и о приданом. Если во время осмотра дома жениха его семья не нравилась родным невесты, то брату жениха возвращали белга (это бывало очень редко). К дню обручения жених доставлял в дом невесты различные продукты: одного барана, вино, курицу, индейку, пазуки, головку сахара, фрукты, а также кольцо и одежду для невесты. С ним приходили его родители, крестный и еще около десяти человек. Ночью в доме невесты происходило угощение. На второй день ее родители приглашали священника, соседей и устраивали обручение, во время которого происходил обряд лицезрения невесты (пирисанахави). Во время обряда одаривали невесту деньгами. Это делали крестный, будущие свекр и свекровь и все пришедшие с ними гости. На третий день родные же-

ниха возвращались в свой дом, где жених для близких устраивал обед или ужин. По истечении некоторого времени мать или отец жениха снова шли в дом невесты, чтобы договориться о приданом. Родители девушки со своей стороны договаривались о количестве денег и продуктов на свадьбу; назначался и самый день свадьбы.

Перед свадебным днем (обычно в пятницу) жених приглашал на ужин крестного и друзей, знакомил их друг с другом, уточнял, как вести себя в незнакомом селе. В субботу с утра до обеда в доме жениха устраивали угощение. Утром, согласно уговору с родителями невесты, в их дом отправляли подарки: две овцы, одну заколотую свинью, вино, 100 лавашей. Крестному давали хлеб — джврис пури. В ответ он платил произвольную сумму. Затем приходил парикмахер и за счет крестного брил жениха и его друзей. Кроме того, крестный должен был принести невесте венцы, большие свечи, золотое и серебряное кольца.

Вечером все садились на коней (жених и крестный обязательно ехали верхом), на арбу и с пением и стрельбой отправлялись в путь. Вперед посылали махаробели, который, подъехав к дому невесты, стрелял и возвещал о прибытии жениха. В доме невесты махаробели у плеча повязывали шелковый платок (багдади) и подавали чашу с вином, которую он, выпив, разбивал о потолок. Затем гонец уезжал навстречу жениху. В этот вечер в доме невесты для жениха и друзей устраивалось угощение (на нем невеста не присутствовала). В воскресенье меджваре в сопровождении дружки с пением шел в комнату невесты, брал ее за руку и выводил к жениху. Однако прежде он обязан был заплатить денежный выкуп женщинам, находившимся около невесты и одевавшим ее. Обычно выкуп включал деньги за пириссанахави и саостато (3—10 руб.). Затем меджваре выводил молодую в комнату к гостям и усаживал новобрач-

ных рядом. Священник соединял руки жениха и невесты, и все в сопровождении дружек направлялись в церковь. На подносе несли освященные свечи, джврис пури, вино и три лаваша.

По возвращении из церкви в дом невесты молодых встречала «счастливая» женщина, державшая красный багдади и чашу с шербетом. С пожеланиями счастья она трижды поила их шербетом, а крестный в это время держал острие кинжала в дверной раме. На пороге клали керамическую миску, которую жених разбивал ногой. Затем новобрачных вводили в дом. На местах, предназначенных для них, на подушках лежал маленький мальчик, рядом с которым стоял поднос с вином и хлебом. Крестный одаривал мальчика деньгами. Молодых усаживали вместе, справа от невесты садился крестный, рядом с женихом — эджиби, обращавшийся к гостям с предложением поздравить молодых. Женщины целовали невесту в губы, жениха — в венец и бросали серебряные монеты в чашу, стоявшую перед новобрачными; деньги собирал крестный. Затем начиналось застолье, которое вел эджиби. В середине пира жениха, невесту и эджиби женщины приглашали за свой стол; им подносили курицу, поздравляли и желали счастья.

Пир заканчивался отъездом в дом жениха; запрягали «невестину» арбу, куда садились молодые и крестный. Махаробели оповещал дом жениха о подъезжающей процессии. Когда молодые входили в дом, на их местах лежал маленький мальчик, которого поднимал макари и усаживал на колени невесте. Затем женщины уводили новобрачную в другую комнату и угощали яичницей (мясо есть запрещалось). В другом помещении, где находились гости, начиналось застолье.

В понедельник утром для гостей устраивали завтрак, затем игры. Жених и дружки ходили по селу и жители ода-

ривали их фруктами, вином, подносили кур, индюшек. Затем приглашали священника, и жених просил его освятить могилы близких усопших. На могилах зажигали свечи; здесь же устраивали трапезу с вином. В течение всего дня в доме жениха продолжался пир. Эджиби оповещал гостей о начале подношений. Первым дарил крестный; эджиби с помощником (шутом) поименно объявляли даримые суммы. Последние включали пириссанахави (1 руб.) и шесацевари (3 руб.). Первое принадлежало невесте, второе — всей семье жениха. По окончании одаривания начинались танцы, музыканты играли на свирели (саламури) и бубне (даира). Невеста исполняла традиционный танец, за который гости ее одаривали (шабаши). Подношения за танец, как и пириссанахави, принадлежали невесте. Затем священник снимал с молодых венцы, и женщины снова вводили невесту в другую комнату. Вновь начиналось большое застолье, в котором участвовал жених, но уже не как мепе, а как хозяин дома, угощавший гостей. Во вторник утром для всех гостей устраивали завтрак. Когда гости расходились, крестный отдавал невесте ее часть из собранных денег, а другую — семье жениха. Молодые с крестным уезжали на два-три дня в дом родителей невесты и везли с собой угощение<sup>21</sup>.

Описанная свадебная церемония в некоторых районах Картли имела отличия, касавшиеся в основном ее обрядовой стороны. Так, в с. Реха (Цалка, Борчалинский уезд) перед вводом невесты в дом жениха выполнялся следующий обряд. К невесте подводили барана, один из макари кинжалом отрубал ему голову и подбрасывал ее вверх. Затем принесли медный котел для приготовления водки, перевертывали его вверх дном и ставили на него невесту. Рядом с ней вставали жених и крестный с крестом, на концах которого были наизаны головы кур и фрукты. Женщи-

ны средних лет целовали невесту, и каждая покрывала ее платком (багдади). Затем невеста прыгивала с котла и сильным ударом пятки опрокидывала его<sup>22</sup>.

Свадьба у грузин Месхет-Джавахети, как и в других частях Грузии, начиналась с предварительного совещания родственников жениха, которые на семейном совете обсуждали вопросы женитьбы. Согласия молодых обычно не спрашивали, но в конце XIX в. и они принимали участие в решении этого вопроса. После принятия решения о женитьбе из родственников или друзей более знатного и смышленного избирали сватом (мацикули) и посылали к родителям невесты. Если родители девушки были согласны, то через несколько дней отец жениха или кто-нибудь из его родных верхом в сопровождении свата отправлялся в дом невесты. Во время этого посещения обе стороны совершали обряд беи, т. е. в знак взаимного согласия обменивались кольцами, привязанными к шелковым платкам. Устраивали ужин, для которого отец жениха привозил вино и водку. После ужина сват доставал купленные им в подарок невесте вещи: шелковый или шерстяной платок, обувь, ситцевое платье и др. Он передавал их отцу невесты, а тот посылал все женщинам, которые находились в это время в другом помещении. На другой день к отцу жениха выводили наряженную невесту; ее лицо и часть фигуры были закрыты красным платком. Отец жениха давал невесте рубль, после этого открывал ее лицо, старался с ней заговорить, но она на все вопросы отвечала только наклоном головы. Невеста внимательно следила за присутствовавшими, старалась им услужить, во время подать требуемое, причем каждый раз целовала руку. На второй или третий день гости уезжали.

Через несколько дней отец молодого приезжал снова, чтобы окончательно

решить вопрос о дне обручения и предстоящих расходах (деньгами и продуктами). Спустя некоторое время в доме невесты совершалось обручение (нишноба). Отец жениха в сопровождении 3—5 человек привозил все требуемые вещи.

Для гостей устраивали угощение, в конце которого по просьбе гостей выводили невесту (лицо ее было снова закрыто). Затем происходил сбор денег. Сначала собирали сумму, которую отец жениха обязался уплатить по договоренности с родителями невесты. Все приехавшие родственники молодого вносили свою часть; вносил свою долю и отец жениха. По завершении этого сбора с каждого гостя собирали по 30—40 коп., а с отца новобрачного — 1 руб. Этот сбор шел в пользу женщины, которая выводила невесту и находилась все время с ней рядом. Затем приносили подарки, привезенные отцом жениха. Этим и заканчивался обряд обручения. Вечером невеста была обязана вымыть голову всем приехавшим гостям, за что она получала от каждого от 10 до 20 коп. Такие же деньги она получала при отъезде гостей через 3—4 дня. Почти все деньги, собранные во время нисноба, поступали в семью молодых. Со дня обручения и до свадьбы невеста не имела права выходить из дома.

Перед свадьбой (это бывало обычно осенью или зимой) отец жениха за две — три недели приезжал в дом невесты, чтобы определить количество продуктов, которые должна была доставить на свадьбу семья молодого: водку, пуд крупы, два барана, полпуда масла; кроме того, привозились ткани для постельных принадлежностей невесты, венчальное платье, платок, башмаки и др. Тогда же определялось и число гостей, более которого жених не имел права с собой взять.

Рано утром в день отъезда жениха в дом невесты его наряжали в новый костюм и надевали на пояс кинжал. Про-

цессия — жених, меджваре, державший большой деревянный крест, украшенный яблоками, и дружки — торжественно двигались в село невесты; впереди шли зурначи, все пели песни, стреляли из ружей, угощались вином. Как и везде, первым к селу невесты приезжал махаробели, извещавший о приезде жениха. Последнего встречали за селом с песнями, стрельбой, хлебом и шапшыком. Для встречи жениха с танцами выходили девушки и женщины, одетые в праздничные платья. Жениха и его свиту помещали в специально приготовленную комнату. Невеста находилась в другом помещении, где ее одевали к венцу; затем все шли в церковь. Жениха вели мужчины, а сзади на небольшом расстоянии женщины вели невесту. После венчания молодые шли рядом и возвращались в дом невесты. Здесь в дверях их встречала мать новобрачной и подносила им на блюде вино, сахар, различные сладости; иногда на пороге жених разбивал ногой тарелку. Один из макари обнажал кинжал и несколько раз ударял им по косяку двери.

Свадебный пир у крестьян обычно устраивали в конюшне как в более просторном и теплом помещении. Конюшню заранее освобождали, чистили и застилали сеном. В одном углу устраивали *аджилаки* — небольшое возвышение, закрывавшееся паласом и подушками. Когда молодых вводили на аджилаки, там лежали несколько мальчиков, встававших только после получения выкупа в виде нескольких копеек. Затем на аджилаки устраивали молодых, ставили перед ними на деревянном столике хлеб, вареную курицу, водку, вино и что-нибудь из сладостей. Некоторое время новобрачные стояли. Затем теща или тесть посылали зятю какой-нибудь подарок и молодые садились. Гости устраивались на застланном сеном или паласом полу. Свадебный пир вел тамада. По обычаю в конце каждого тоста



полагалось добавлять: «Да здравствуют жених и невеста!», на что гости отвечали: «Да здравствуют!». После ужина начинались танцы, в которых принимали участие и женщины; играла зурна. С началом танцев молодых в сопровождении шафера и нескольких человек с обнаженными кинжалами уводили в другую комнату, где им подавали угощение. Невеста по обычаю ела очень мало или совсем не ела. Брачная ночь происходила в первый день свадьбы в доме невесты. В эту ночь жених открывал покрывало и первый раз видел лицо невесты. По обычаю молодая упорно молчала, пока муж не дарил ей какой-нибудь подарок.

На следующий день свадьба продолжалась, и молодых снова устраивали на аджилаки. Гости вновь собирались на обед, который заканчивался раньше, так как молодые должны были уезжать. Перед отъездом всем показывали приданое. Невеста ехала в сопровождении брата или племянника и четырех соседей (раньше ездил посаженная мать). При приближении свадебной процессии из дома жениха все выходили встречать с хлебом, шашлыком и вином. Подъехав к дому, все (кроме молодых) спешивались. К новобрачным подводили барана (или хотя бы курицу) и резали у ног жениха и невесты. Затем молодых вводили в дом и также помещали на аджилаки. Начиналось веселье и угощение, во время которого гости дарили по своим возможностям от 40 коп. до 5 руб. Женщины дарили кольца, серьги, нередко и деньги. Все подарки составляли сумму от 20 до 50 руб. Гости, приехавшие с невестой, уезжали на третий день и дарили молодой по 20 коп. Этим заканчивались свадебные торжества<sup>23</sup>.

В Аджарии жених, как правило, не видел до свадьбы свою невесту. Сватовство и здесь происходило с помощью посредника (элчи), но в отличие от некоторых районов Грузии это были не профессионалы. Обычно роль элчи вы-

полнял кто-нибудь из родственников жениха, например материнский дядя. По получении согласия родителей невесты до свадьбы происходили различные обряды. Таков обмен первыми подарками (беи) между семьями молодых, подношение невесте полного комплекта свадебного платья (обряд *бохчис митана*). Кроме того, в течение всего срока до свадьбы (от 2—3 месяцев до 3—4 лет) семья жениха подносила семье невесты различные дары. Последние наиболее значительными были в праздник байрамлуги, что особенно было принято в селах Верхней Аджарии. Кроме подарков, семья жениха выплачивала выкуп (башлуги), в большинстве деньгами, иногда скотом. Со временем выкуп и подарки на байрамлуги слились, причем вся полученная сумма или часть ее тратилась на приготовление приданого.

Через некоторое время после беи — первого обмена подарками — устраивалось обручение. Жених посылал невесте кольцо, тавсакрави и другие подарки. Невеста и ее мать передавали ответные дары: шелковый пояс, шелковую рубашку и др. В день обручения в дом невесты приходил ходжа, который писал акт о составе приданого и объявлял, что девушка — жена такого-то. На обручении присутствовали отец жениха, несколько родственников и соседей; женщин не было. После обручения молодые жили каждый в своем доме, но жених имел право тайно посещать невесту ночью. Бывали случаи, когда еще до свадьбы рождался ребенок. Это считалось хотя и стыдным, но не осуждалось обществом. Когда наступал день свадьбы (обычно осенью), то невесту в сопровождении друзей и посаженной матери отвозили в дом жениха. Все ехали верхом<sup>24</sup>.

Свадьба в Имерети в конце XIX в. во многом была аналогична карталинской и кахетинской, однако, как мы увидим, в ней имелись и некоторые отличия. Сватовство и здесь было обязанностью

посредницы (мачанкали), среди которых были и профессиональные. После получения предварительного согласия родители жениха назначали смотрины. Первое «показывание» происходило обычно во время храмовых праздников. Сваха издала показывала жениху невесту. Затем жених в сопровождении двух-трех своих родственников шел в дом невесты для более близкого с ней знакомства. Невесту выводили к жениху, и если она ему нравилась, то происходило обручение и вечер заканчивался ужином. Примерно через две недели после обручения назначали день свадьбы. В предсвадебный период жених обычно приносил подарки родителям невесты, а последние начинали готовить дочери приданое (это были предметы, необходимые в хозяйстве, в частности для очага кера).

Свадьба всегда происходила в доме родителей невесты, куда приезжали жених и другие гости. Отсюда молодые в сопровождении шаферов, подруг, друзей, посаженной матери (обычно пожилая близкая родственница невесты) шли в церковь венчаться и возвращались обратно в дом невесты. Здесь же она оставалась в течение года, а молодой уезжал к себе. На протяжении года заканчивалось приготовление приданого: дюжины подушек, дюжины мутак, две-три перины, полдюжины одеял и тюфяков, котлы, кастрюли, тазы, сундуки, ковры. Когда все было готово, зять объявлял тестю и теще, что он желает взять жену в свой дом. Днем ранее в дом зятя отпирывали приданое, а вечером в день свадьбы молодая в сопровождении своих родственников и друзей уходила в дом мужа. Эта вторичная свадьба продолжалась несколько дней. Спустя некоторое время к молодым приезжали родители новобрачной, привозившие подарки и получавшие от зятя ответные дары<sup>25</sup>.

В Гурии, как и в Имерети, сватовство было делом главным образом профессиональных мачанкали (женщин), прово-

дивших все переговоры. Получив от родителей невесты предварительное согласие, мать жениха и сват шли смотреть невесту. После смотрина решался вопрос о приданом и дне венчания, которое происходило всегда в селе невесты. При выходе из церкви, как и везде, над молодыми дружки держали кинжалы. По окончании брачной церемонии все возвращались в дом, где их встречала мать новобрачной; она давала молодым сахар, целовала и поздравляла их. Под облаженными кинжалами, воткнутыми в дверной косяк, новобрачные входили в дом. Во время застолья жених и невеста сидели рядом; около невесты находилась мдаде, около жениха — меджваре. Гости — мужчины и женщины — сидели по разные стороны стола. Начинались поздравления новобрачных: присутствовавшие подходили к ним и по своим возможностям оставляли перед женихом или невестой деньги, т. е. «на поздравление». После свадьбы эти деньги шафер и посаженная мать передавали молодым.

По окончании свадьбы молодые в течение трех дней оставались в доме родителей невесты. Затем жених уезжал к себе домой и лишь через несколько недель вновь приезжал к своей жене, у которой оставался несколько дней. После этого он вновь уезжал, и только через 4—5 месяцев (иногда через год) устраивал обед и посылал людей, которые привозили жену и ее приданое. В начале XX в. стало более принятым брать жену тотчас после венчания, что, конечно, сокращало свадебные расходы. По приезде молодой в дом мужа вновь выполнялись некоторые обряды. Так, ее, когда она входила в дом мужа, угощали сахаром. В доме свекровь давала ей горсть гоми, которое молодая разбрасывала по комнате, на колени ей сажали мальчика; затем новобрачную сажали на сундук, что означало пожелание богатства. На другой день невестке давали посуду с гоми, из которого она

должна была что-нибудь приготовить<sup>26</sup>.

В мегрельской свадьбе после получения согласия обеих сторон назначались смотрины, которые происходили обычно ночью, тайно, чтобы в случае неудачи дело не получило огласки. Для смотрин юноша шел в дом невесты в сопровождении своих родителей, брата и дяди по матери. Нарядно одетую невесту усаживали в углу комнаты; жених и остальные осматривали ее, заставляли ходить по комнате, разговаривать. В случае обоюдного согласия накрывали стол, угощали гостей и решали вопрос о приданом, размеры которого определялись материальными возможностями родителей невесты. Оговаривалась также сумма денег, которую родители невесты должны были внести жениху. Деньги вместе с приданым отдавали в день свадьбы. Одновременно назначался день обручения. В день обручения в доме невесты устраивали обед, жених через своего дядю или брата посылал невесте платье и украшения. Обычно это было белое подвенечное платье, серьги, кольца, браслет и пр. Обрученная оставалась в доме отца иногда целый год, пока готовили приданое.

Венчание и свадьба чаще всего происходили в воскресенье (этот день считался самым счастливым днем недели). Венчались обычно в селе жениха. Перед этим дядя жениха и дружки шли в дом невесты, где устраивали угощение. Невеста в это время скрывалась в другой комнате. Ее наряжали, закрывали лицо фатой и выводили к гостям. С ней находились дружки и одна близкая замужняя женщина (мдаде). Дружки жениха требовали по списку приданое и договоренную денежную сумму, что и передавалось через назначенного человека родителями невесты отцу жениха.

В сумерки близкие родственники торжественно уводили невесту из ее дома. Впереди везли и несли приданое, все сопровождалось пением. С невестой шли посаженная мать, брат и дядя. До вен-

чания, которое происходило самое меньшее через неделю, молодая жила в доме родственника жениха. Венчание в день увода невесты было редким (как и свадебный пир редко устраивали в день венчания). Для свадебного застолья назначался особый день медового месяца. Иногда его откладывали на несколько месяцев, что зависело от достатка семей. Когда наступал день свадьбы, жених в окружении макари ждал невесту в своем селе. Молодых вели в церковь, а если ее поблизости не было, то венчание происходило в марани. В дверях церкви, когда молодые выходили, макари скрещивали над их головами пашки, начиналась стрельба, и все с песней *кучхи бедниери* направлялись в дом жениха. Здесь снова выполнялись различные обряды. У порога дома новобрачных встречала мать жениха, которая благословляла их, угощала сахаром или медом и давала выпить воды. Невеста все время находилась под покрывалом. На пороге жених должен был разбить опрокинутую тарелку, а невеста опрокинуть стоящий у дверей стакан. Взяв тарелку, наполненную зернами гоми, поверх которых лежало яйцо, невеста обходила все вокруг, разбрасывая зерна. Затем молодую трижды обводили вокруг горящего очага, причем она должна была дотронуться до очажной цепи; шедшие за ней дружки пели «кучхи бедниери».

Новобрачную усаживали за стол, на колени ей сажали мальчика, а в руки давали большой хачапури. Свадебное застолье для мужчин и женщин происходило в разных помещениях. Невеста сидела на почетном месте, и гости одаривали ее, кто чем мог, складывая на подносе свои подарки, в том числе деньги — золотые и серебряные монеты. После одаривания с лица невесты снимали покрывало и только затем приводили жениха. Молодых усаживали вместе и благословляли. За ними присматривала посаженная мать, которая иногда выво-

дила их в другую комнату и угощала. Свадебный стол вел выбранный тамада. Гостей угощали вареным мясом, гоми, (его клали на длинные тонкие лаваш, заменявшие салфетки и тарелки), курицей в ореховом соусе, жареными и вареными курами, гусями, индейками<sup>27</sup>.

Такова свадебная обрядность грузин, рисуемая источниками XIX—начала XX в.

В 1920-е годы свадебный цикл сохранялся в довольно традиционной форме<sup>28</sup>. И это не удивительно. Возникновение новой социально-экономической системы, новых юридических норм еще не означало фактического изменения быта, развитие которого в значительной мере отставало от развития социально-экономических условий. Остановимся на тех моментах свадебного ритуала, которые по-прежнему оставались стабильными по всей Грузии. Это, во-первых, основные этапы свадебного цикла: сватовство с помощью посредника, передача залога, обручение и свадьба. Не меньшая стабильность проявлялась и в обрядовой стороне<sup>29</sup>. В районах, где в конце XIX в. был принят обряд около кера (троекратное обведение молодых вокруг очага), воспринимавшийся как важнейший социальный акт, этот обряд в 1920-е годы сохранялся, но уже терял свой древний смысл. Так было в Тushети, Хевсурети, Пшави, Хеви, Мтиулет, Сванети; эпизодически этот обряд выполнялся в равнинно-предгорных районах. В Раче к этому времени указанный обряд не совершался. Еще более устойчиво сохранялся другой свадебный ритуал — общефамильная и общинная помощь, имевшая целью материальное обеспечение новой семьи и выражавшаяся, в частности, в разнообразном одаривании молодых вещами и деньгами.

Стабильны были также различные обряды, связанные со встречей невесты в доме жениха: посыпание мукой или сладостями, монетами, угощение молодых медом, сахаром или хлебом, раз-

бывание фаянсовой тарелки на пороге дома, сажание на колени невесты мальчика, проведение молодых под скрещенными кинжалами, одевание гвиргвини. Устойчиво сохранялись и другие традиционные моменты: раздельное застолье мужчин и женщин, в некоторых районах (Хевсурети, Аджария) — раздельное нахождение жениха и невесты во время свадьбы, а также закрывание лица молодой и др. В 1920-е годы оставался традиционным состав участников свадебной церемонии: меджваре, макари, *натлиа* (крестный), мдаде (не стало только эджиби)<sup>30</sup>. Однако указанная стабильность свадебной обрядности во многом была уже довольно формальной и являлась скорее выражением чисто психологической привязанности к традиционным формам обрядового поведения. По существу свадебная обрядность гораздо быстрее отреагировала на начавшиеся изменения в социально-экономической жизни, чем традиционные нормы и обычаи семейной жизни. Последние были весьма живучи и еще какое-то время полнокровно функционировали в крестьянской среде. Они лишь постепенно вытеснялись новыми идеями и воззрениями, проникавшими в массы в общем процессе перестройки быта грузинского народа на социалистических началах.

Возвращаясь к свадебной обрядности, отметим, что уже в конце 1920-х — начале 1930-х годов под ее традиционной оболочкой все более и более прорастало новое. Оно проявлялось и в новых взаимоотношениях в семье, в частности, в ослаблении непререкаемой власти родителей (главным образом отца), а также старших родственников-мужчин, и в ином взгляде на брак и на побудительные причины к браку, и в большем признании прав брачующихся, и в отходе от заключения брака сватовством и обряда венчания, и в отношении к женщине. В последнем случае огромное значение имело юридическое закрепление равных с мужчинами имущественных и иных

прав женщин, провозглашенное Советской властью.

Наиболее интенсивные изменения грузинской традиционной свадьбы происходили в 1930-е годы. В эти годы нередко уже сливались такие моменты свадьбы, как передача залога и обручение. В районах, где к 1920-м годам сохранились урвади, начулаши и башлуги, они постепенно сливались с залогом, сумма которого возросла, и подарками жениха; из приданого исчезло сатавно. В свадьбах 1930-х годов появились и другого рода инновации. Так, в селах Нижней Аджарии<sup>31</sup> невеста часть времени стала находиться с гостями. Здесь же на свадьбах начали устраивать застолье с виноградным вином (старшие мужчины в этих случаях находились в другой комнате), что было большим отступлением от принятых ранее в Аджарии норм быта. В Месхет-Джавахети в эти годы перестали делать аджилаки. Более стойко в свадебном цикле в этот период сохранялись традиции, связанные с экономической стороной свадьбы: одаривание молодых деньгами и вещами. Что касается традиционной обрядности, то она занимала все меньшее место в грузинском свадебном ритуале, хотя отдельные элементы древних обрядов, нередко в значительно измененном виде, еще сохранялись<sup>32</sup>.

Изменению обрядов свадебного цикла, исчезновению из них ряда архаических элементов способствовали мероприятия по осуществлению культурной революции, развернувшиеся в грузинских селах в 1920-1930-е годы. Борьба за совместное обучение мальчиков и девочек, за широкое вовлечение в общественно-политическую и культурную жизнь женщин-горянок, рост культурного уровня сельского населения интенсифицировали этот процесс.

Дальнейшие изменения грузинского свадебного цикла происходили в направлении все большей утраты и трансформации его отдельных элементов, в

первую очередь не отвечавших новым условиям быта. Исчез институт сватовства, поскольку теперь имеется полная возможность личного знакомства молодых людей, и нужда в мачанкали, в том числе профессиональных, отпала. В настоящее время роль посредника выполняет уважаемое лицо (обычно родственник молодого человека или его отец); он идет в дом девушки переговорить с ее родителями о том, что уже решено между молодыми людьми. Произошли также изменения в структуре свадебного цикла. Так, к 1950-м годам окончательно слились обряды белга и нишноба. В последние годы оба обряда выполняются в первое посещение дома невесты женихом и его родителями. В этот день невесте надевают кольцо, дарят золотые украшения (серьги, цепочку, кулон). Жениху также надевают кольцо или золотые часы.

Сократились сроки между стовором (или обручением в случае его выполнения) и самой свадьбой. Это особенно заметно в той части Грузии, где разрыв между обручением и свадьбой составлял нередко несколько лет. В частности, у сванов от обручения до свадьбы проходило иногда более 5 лет, что объяснялось довольно большим выкупом (стоимость 12 коров или быков). Значителен был разрыв (до двух лет) между обручением и свадьбой у грузин Цалки, в Аджарии. В настоящее время эти сроки сократились до 2—3 месяцев.

Сократились сроки проведения собственно свадьбы: если прежде она нередко проходила в течение 5—6 дней, то сейчас в большинстве случаев свадьба празднуется не более двух дней.

Новым в свадебном ритуале являются и другие моменты. Если в свадьбах 1950-х годов еще сохранялись некоторые запреты (например, у хевсур уход невестки после свадьбы в дом отца на год), то в свадьбах 1960—1970-х годов такого рода запреты уже не выполнялись. В пшавской свадьбе исчез обряд

ухода невестки к своим родителям, у которых она жила несколько дней. В настоящее время в Кизики, например, вопреки традиции родители невесты нередко являются участниками свадебной церемонии, происходящей в доме жениха<sup>33</sup>.

В целом весь современный грузинский свадебный цикл в наши дни представляет собой явление, в котором воедино слились традиционные, новые и смешанные формы. Так, из традиционных элементов сохраняется обручение, характер которого в последние десятилетия существенно изменился. В настоящее время обручение, на котором везде присутствуют жених и невеста, состоит главным образом в одаривании женихом молодой разнообразными подарками (в том числе кольцом) и деньгами. Последние используются на приобретение приданого, что не было традицией для ряда районов Грузии. У хевсур, например, в свадьбах 1970-х годов жених на покупку необходимых вещей отдавал девушке не менее тысячи рублей. Нередко эта сумма значительно пополнилась отцом невесты (1—1,5 тыс. руб.). Гости на хевсурской свадьбе приносят подарки (близкие — золотые кольца, браслеты, остальные — деньги). То же самое имеет место у пшавов, у которых жених дарит невесте до тысячи рублей. На эти деньги молодые вместе покупают одежду и другие необходимые невесте вещи. В Мтиулеті жених также дает невесте на покупку приданого не менее тысячи рублей. Кроме того, он дарит ей золотые часы, кольцо с камнем, серьги, бусы, цепочку и различную одежду. Все подарки жених и невеста покупают совместно. В Раче принят несколько иной порядок. При встрече с невестой (обычно это бывает у какой-нибудь ее родственницы) жених дарит девушке 100 руб., на которые она покупает что-либо из вещей. Кроме того, жених дарит невесте золотые часы, 3—4 отреза, обувь и др. Эти подарки обычно подносятся им в

течение всего предсвадебного периода (два месяца), когда он бывает гостем в доме своей невесты.

Собственностью невесты становятся также подарки, получаемые ею на свадьбе. Близкие (например, названные брат, сестра) дарят золотые часы, кольцо, серьги, другие родственники — одежду, нарядное белье, остальные гости — деньги, сумма которых зависит от степени родства с молодыми (близкие дают по 100—200 руб.). Кроме того, семья девушки обычно покупает ей мебель. У сванов жених отдает невесте не менее тысячи рублей, на которые она приобретает различные необходимые ей вещи. Помимо денег он дарит ей золотое кольцо и часы. В Сванети, как и везде в Грузии, во время свадьбы гости преподносят молодым деньги (близкие обычно до 100 руб.); женщины чаще дарят вещи (одежду, белье и др.).

Подобный обычай одаривания деньгами невесты женихом принят также в Кахети, Картли, Эрцо-Тианети. Подносимая сумма составляет здесь примерно 1—1,5 тыс. руб., причем, как и в горных районах, на эти деньги невеста покупает себе часть приданого; другую часть приданого дают ее родители. Обычно это мебель, постели, иногда даже легковая машина. Кроме указанной суммы жених дарит невесте 4—5 золотых колец, браслет, часы, обувь, одежду, которые ими приобретаются совместно. В приданое входят также свадебные подарки гостей, в том числе деньги. В названных районах на деньги, полученные женихом и невестой во время свадьбы от гостей, теперь не только приобретаются различные вещи, но молодые нередко уезжают путешествовать, в том числе в заграничные туристические поездки.

В Месхети жених также дарит невесте разнообразные золотые предметы (кольцо, часы, цепочку), обувь и одежду. Натлиа преподносит девушке кольцо и свадебный костюм. И здесь во вре-

мя свадьбы гости делают молодым дорогие подарки или одаривают их деньгами, которые считаются собственностью молодой. Часть приданого, как и везде, покупают родители девушки. Обычно это бывает холодильник, стиральная машина, мебель. В горной Аджарии в свадьбах 1960-х годов подарки жениха невесте состояли из трех платьев, пальто, плаща, трех пар обуви. Гости на свадьбе дарили деньги (не менее 20 руб.), а близкие — по 100—200 руб., что составляло примерно до 2 тыс. руб. В свадьбах 1970-х годов в этом же районе жених подносил невесте золотые часы, цепочку, серьги, кольцо, кольцо с камнем, а также платье, пальто, обувь, белье; родители невесты покупали ей мебель, холодильник, зеркало<sup>34</sup>.

Значительно изменился состав и стоимость приданого. Приданое крестьянской девушки еще в 1920—1930-х годах было довольно скромным. Одна постель, кое-что из одежды, не всегда корова. Более состоятельные давали дочери больше скота (корова, бык, овцы, свиньи), коня, медную посуду, несколько пар постелей. В последние десятилетия состав приданого коренным образом изменился. Скот, который составлял важную часть приданого (сатавно), теперь в приданое не дается. Из состава приданого исчезли такие традиционные предметы, как медная посуда. В наши дни приданое девушки составляют не менее четырех пар постелей, самая различная одежда, нарядное белье, модная обувь, сервиз, мебель (спальня или обстановка «залы»), холодильник, телевизор, бывает и легковая машина. Конечно, имеются и некоторые различия, но в целом перечисленный состав приданого по всей Грузии довольно един. В денежном выражении такое приданое оценивается в 2—3 тыс. руб. (за исключением машины). Однако, как уже отмечалось, не все приданое готовится на средства родителей невесты: значительную часть его оплачивает жених. В не-

которых селах в составе приданого сохраняются отдельные предметы традиционного быта: килимы, джиджимы, шерстяная пряжа<sup>35</sup>.

Широкое одаривание молодых на свадьбе, приданое и подарки невесте от жениха, как мы видели, — вполне традиционное явление для свадьбы XIX — начала XX в. большинства районов Грузии. Нет ничего удивительного в том, что оно существует и по сей день. Однако в последние десятилетия эта традиция приняла гипертрофированный характер. Это выражается не столько в появлении среди свадебных даров предметов, вошедших в современный быт в эпоху НТР (машины, холодильники, телевизоры и т. д.), а в резком несоответствии между предельно скромными подношениями в дореволюционных крестьянских свадьбах и богатыми, порой расточительными подарками молодым, практикуемыми сегодня. Не меньшим контрастом являются современные многолюдные свадебные застолья, отнюдь не характерные для сравнительно недавнего прошлого. Налицо проникновение в старые народные традиции некоторых отрицательных новшеств. Это объясняется различными причинами. Несомненно связь отмеченных явлений с ростом экономического благосостояния населения республики. С другой стороны, не меньшее значение имеет психологический момент престижности богатого подарка. Прослыть богатым дарителем — а широкой огласке этого способствует принятая на грузинской свадьбе публичная фиксация приносимых даров — считается весьма почетным в глазах общественного мнения. Не менее престижным является устройство богатой, многолюдной свадьбы. В настоящее время советские и партийные организации, а также общественность республики ведут решительную борьбу с подобными отрицательными фактами нашей жизни.



Рис. 2. Кинто (фото конца XIX в.)

Социалистическая действительность внесла коррективы во многие элементы традиционной свадебной обрядности. Так, повсеместно новобрачные в свадебном застолье сидят рядом. Здесь же присутствуют остальные гости, причем мужчины и женщины уже не всегда придерживаются раздельного сидения за столом (особенно молодежь). Исчезли разнообразные формы свадебного скрывания, например закрывание лица невесты в тех районах, где оно было традиционным и еще сохранялось в недавнем прошлом (Аджария, Месхет-Джаваheti). Теперь в Аджарии, например, невеста встречает родственников жениха, когда они впервые приходят в ее дом. Традиция скрывания невесты на собственной свадьбе в значи-

тельной степени видоизменилась уже к 1950-м годам. В той же Аджарии, где невеста прежде находилась в отдельной комнате, она стала присутствовать при одаривании, которое происходило в ее доме во время посещения родственниками мужа. Невеста стояла в традиционном башнеобразном головном уборе и за каждый подарок благодарила наклоном головы. В аджарских свадьбах 1960—1970-х годов одаривание происходило уже в присутствии жениха и невесты. У мегрелов в некоторой мере сохраняется традиционное досвадебное поселение, однако теперь в доме родственника жениха (его дяди, двоюродного брата и др.) новобрачные живут вместе. Здесь они находятся в течение 2—3 месяцев. Затем невеста возвращается в дом своих родителей, откуда ее в день свадьбы берут родственники жениха. В отличие от прежнего подобное поселение молодых в настоящее время не является избеганием (именно так можно трактовать старую форму обычая). Молодых каждый день посещают друзья, родственники, молодежь. В последние годы вместо поселения в доме родственника жених и невеста стали уезжать в города (Тбилиси, Сухуми), где они поселяются в гостинице, или предпринимать путешествие в Москву, Ленинград. По возвращении оттуда происходит свадьба, причем жених уже не следует традиции и сам едет за невестой<sup>36</sup>.

В современной свадебной обрядности многое из традиционного совсем исчезло или предельно видоизменилось. Так, не соблюдаются сейчас обряды трехкратного обеждения молодых вокруг кера, обряды с кинжалами (или шашками), которые дружки держали над головами молодых. Но отдельные элементы традиционной обрядности сохраняются более стойко. К таким следует отнести разнообразные обряды, связанные с благопожеланиями молодым: по томства (главным образом мужского),



что по-прежнему выражается в сажании на колени невесты мальчика, пожелания счастья и изобилия (угощение сладостями, разбивание тарелки и др.). Указанные обряды встречаются в грузинских свадьбах повсеместно.

В ряде районов сохраняются и некоторые локальные ритуалы. Так, в пшавской свадьбе 1970-х годов принята машхала. Ее делают в виде елочки, с ветвями, на которые прикрепляют сладости и яблоки. Когда гости садятся за стол, то перед новобрачными ставят машхалу, большой кувшин с виноградным вином, большую зажженную свечу и поднимают традиционный тост в честь Лашарис джвари (по народному представлению традиционный покровитель Пшави). У грузин Месхети в 1970-х годах на свадьбе в доме невесты происходил следующий обряд. Во время танцев молодые девушки стараются завладеть головным платком матери невесты, разорвать его на кусочки и получить такой кусочек. Прежде такой обряд объяснялся существовавшим поверьем, что девушка, получившая кусочек платка, увидит во сне своего суженого. В настоящее время этот обряд воспринимается как шуточная игра. В доме жениха во время свадьбы происходил другой обряд. Кто-нибудь из молодых мужчин одевался в костюм торговца зеленью и фруктами (кинто), на плетеном из лыка подносе укладывали зелень, вино, фрукты, ставили бутылки шампанского; поднос устраивали на голове «кинто». Кто-нибудь из родных новобрачных закупал весь поднос для общего угощения.

Изменения произошли и во внешней стороне свадебной церемонии. В свадьбах конца XIX — начала XX в. молодые в дом жениха ехали обычно на арбах, запряженных быками: в одной сидели молодые, в другой — меджваре, мдаде, в третьей везли приданое. Арбы украшались красными или белыми лентами, на рога быков надевали колокольчики;

над арбой, где сидели молодые, делали навес. Процессию сопровождали конные и пешие макари, число которых нередко достигало 30 человек. Вся процессия двигалась под звуки зурны, доли. В горах (нередко также в Имерети) свадебная процессия часто была конной. В 1920-е годы во многих районах Грузии появились фаэтоны, шарабаны, которые нанимали для свадебной процессии. Сейчас свадебный поезд размещается в нескольких легковых машинах. Машина, в которой находятся молодые, украшается красными лентами, воздушными шарами, куклами. Невеста одета в белое, нередко длинное платье, с фатой (лицо открыто), в белые туфли, белые перчатки, жених — в черный парадный костюм. На свадьбу часто приглашают музыкальные ансамбли, исполняющие во время свадебных торжеств грузинскую эстрадную музыку<sup>37</sup>.

## Обряды похоронного цикла

Считается, что обряды похоронного цикла — наиболее консервативная сфера семейного быта. Действительно, как будет видно далее, многие элементы этого цикла, известные в быту грузин в конце XIX в., были распространены значительно ранее. Например, способы захоронения (в гробу или в саване), сохранившиеся и в наши дни, были традиционными и в средневековые. Вместе с тем сопоставление похоронных обрядов с другими сторонами семейного быта не выявляет их особую консервативность. Так, например, в обрядах свадебного цикла в наши дни сохраняются ритуалы, выполнявшиеся в далеком прошлом; т. е. говорить о какой-то исключительной устойчивости обрядов похоронного цикла, видимо, не следует. И в них происходили и происходят весьма существенные изменения, обусловленные разно-

образными причинами. Как пример сравнительно быстрых модификаций похоронных обрядов укажем на следующий факт. У части тушин и хевсур обряд захоронения в склепах, принятый еще в первой четверти XIX в., к 60-м годам того же века был окончательно вытеснен обрядом захоронения в земле. Существенные изменения в течение XIX в. происходили и в других сторонах похоронной обрядности грузин: в формах оплакивания, в сроках траура, в его внешнем выражении и т.п. Устойчивость же некоторых элементов похорон объясняется стабильностью всей системы традиционных представлений, связанных с культом мертвых<sup>1</sup>, в которой отразились многие напластования воззрений человека, от древнейших до более поздних. Эти воззрения вызывали к жизни и различные ритуалы. Часть их сохранилась и в современной действительности, хотя представления, вызвавшие тот или иной обряд, уже давно исчезли, оставив след лишь в психологии народа.

Обряды похоронного цикла грузин в XIX в. включали:

1. Предпохоронный период с его разнообразным подготовительным к похоронам ритуалом, массовым оплакиванием. В Западной Грузии до похорон устраивали и поминальное угощение (келехи, агапи, тирили). В предпохоронный период осуществлялась также материальная помощь семье умершего, которая до последней четверти XIX в. имела главным образом натуральный характер (приносили вино, сыр, муку и пр.), а позднее — денежный (преимущественно в равнинно-предгорной Грузии).

2. Сами похороны, сопровождавшиеся не только соответствующим церковным ритуалом, но и разнообразными дохристианскими обрядами.

3. Послепохоронный период, включавший тризну (келехи, у восточных горцев — харджи, риги), оплакивание одежды, многочисленные поминальные

обряды: конные состязания, соревнования в стрельбе и т.п.

4. Траур и поминки: оплакивание одежды покойного или чучела, одетого в его одежду (нишанзе тирили), седьмой день (швиди), когда присутствовали только близкие родственники, сороковой день (ормоци) и годовщина (цлис риги). Кроме названных поминок, устраивали также особые поминальные дни, например султакрепа («сборище душ»), который Д. Г. Георгадзе связывает не только с культом мертвых, но и с древним аграрным культом<sup>2</sup>. Сроки траура и формы его выражения были довольно едины по всей Грузии. Женщины носили головной платок и платье черного цвета из грубых тканей, нарочито небрежно спитое, с неподшитым подолом; мужчины отпускали бороду и волосы. В Западной Грузии в XIX в. встречался белый траур. В этом случае платье шили из грубой льняной ткани. В Кахети и Картли иногда в день похорон мужа вдова надевала подвенечное платье, которое затем заменяла на черное. Встречались и другие формы выражения траура, например у горцев. Различными были сроки траура: для односельчан — обычно 3 дня, для родных — 40 дней, для самых близких — год и более. Определенные запреты налагались и на весь быт семьи, в том числе на пищу, которая в течение различных сроков (неделя, год, три года и т.п.) была постной. Окончание траура нередко сопровождалось различными ритуалами.

Сведения о похоронных обрядах грузин в источниках первой половины XIX в. скудны. Как пример, приведем описание похоронных обрядов горцев Восточной Грузии. Тушины старались совершить похороны как можно быстрее. К дому умершего собирались не только родственники покойного, но и жители всех ближайших сел. Все присутствующие оплакивали покойного. Женщины рассаживались вокруг умер-

шего и оплакивали его с истошными воплями и причитаниями, но этого по обычаю на похоронах мужа не могла делать жена. Мужчины группами становились на колени и оплакивали без причитаний, прикрывая при этом лицо полой чохи. В последний раз обряд оплакивания происходил на кладбище, после чего покойного опускали в могилу. В гроб полагалось положить еду, табак, водку и пр. Тризна происходила после похорон на кладбище. По возвращении домой во дворе раскладывали одежду умершего, возле которой женщины поочередно вновь оплакивали покойного. К вечеру одежду покойного вносили в дом, где ее раскладывали на тахте, и в таком виде она оставалась в течение года.

В память умершего устраивали скачки, сопровождавшиеся различными обрядами. Прежде всего одежду покойного (она была предназначена для раздачи участникам скачек) выносили на площадь села. Вокруг одежды ставили огромные котлы с пивом и клали до 25 круглых хлебов, в которые были воткнуты небольшие значки из красной и белой ткани; на каждый из хлебов клали мясо и кусочки сыра. Неоседланных коней, предназначенных для скачек, поочередно подводили к одежде и давали им немного рассыпанного на ковре ячменя. Одна из плачущих женщин окропляла колени каждого коня молоком. Самым известным певец, сидевший на коне покойного, в сопровождении хора всадников выезжал в круг и начинал импровизировать песню «далай»<sup>3</sup>. Потом начинались скачки. Первый, достигавший цели, получал лучшую вещь; устраивалась также стрельба в цель.

Через 7 дней и далее неоднократно в течение года происходили тризны. Через год отмечали последние поминки, на которые приглашали все село, всех родственников и знакомых. В этот день во двор выносили одежду умершего, расстилали ее на ковре, вокруг рассажива-

лись плакальщицы. Затем к одежде подъезжали пять всадников и начинался обряд оплакивания *далаоба*. Один из всадников сидел на коне покойного, к его седлу был привязан хурджин, поверх седла наброшена черная ткань. Обряд *далаоба* включал множество ритуальных действий, повторявшихся в основных своих чертах *далаоба* в день похорон. После *далаоба* устраивали скачки (садгини), в которых принимали участие все желающие, в том числе и приехавшие из других сел. Каждый победитель получал награду: знамя, вязаные читеби и др. Коня умершего после окончания скачек дарили его материнскому дяде. Затем происходила тризна, после чего устраивали стрельбу из лука. Для этого обычно лук и стрелы специально хранились в семье и передавались по наследству. Годовые поминки завершали траур. Сроки траура у тушин были различными. Община по смерти какого-либо члена держала трехдневный траур. Более близкие носили траур в течение года и даже трех лет. Мужчины при этом отпускали бороду и длинные волосы; женщины прикрепляли на плечи черные кисточки и лоскутки, кусочки железного панциря.<sup>4</sup>

У хевсур старики специально готовились к смерти: шили одежду, обувь, чистили оружие. Умиравшего обязательно выносили во двор. На покойного надевали новую одежду, клали оружие и в течение 3—4 дней над ним читали молитвы. В день смерти по обычаю в селе никто не работал. Для оплакивания в дом умершего собирались родственники, соседи, все жители села. Мужчины не должны были плакать, и все время до похорон их скорбь выражалась в других знаках: в надрывной на глаза пашке, в расстегнутом вороте рубахи, открытой груди. Кроме того, мужчины должны были бить себя в грудь и по коленям, трепать волосы. Женщины кричали навзрыд, царапали лицо

острыми камнями, завывали. Мужу, жене и детям оплакивать друг друга не полагалось. Через три дня приходили профессиональные плакальщицы, число которых не превышало двух-трех человек. Плакальщиц одаривали продуктами: хлебом, топленым маслом, сыром; прежде давали соль и шерсть. Кроме того, в оплакивании принимали участие все родственники и женщины села. По обычаю каждой женщине, пришедшей на оплакивание, полагалось давать хлеб и топленое масло. Со временем этот обычай стал выполняться лишь в отношении близких родственников.

Сроки похорон в разных частях Хевсурети были неодинаковы. В Пиракет их устраивали чаще всего на третий или четвертый день, в Пирикит — в день смерти. Хоронили без гроба, завернув покойника в саван, в могиле из шиферных плит. На грудь умершего клали хлеб, гребень, зеркало, дикое яблоко и орехи. Эти же атрибуты, как отмечает Г. Радде, были характерны для соседних мусульман — чеченцев и ингушей. Когда умершего несли на кладбище, то в похоронной процессии участвовал конь, которого после погребения отдавали лучшему другу умершего. По окончании похорон устраивали скачки, победители получали призы (обычно скот). Иногда вместо скачек проходили состязания в стрельбе (габахи), в которых наградой служили несколько пар вязаных носок, а у состоятельных — бурка, ковер и др. После состязаний все присутствующие за упокой души умершего должны были выкурить трубку, после чего начиналась тризна, на которой угощали бараниной, хлебом, пивом, водкой, поминальным блюдом (хавици), сделанном на топленом масле. Так происходило в Пиракет Хевсурети. В Пирикит поминки в день похорон не устраивали, а делали их через некоторое время после похорон (премлобадге — «слезный день»). Для угощения родственники должны были принести

установленное обычаем количество продуктов: каждая семья давала по литре<sup>5</sup> ячменя и каждые два дыма должны были приготовить котел водки или пива. Эти подношения делались родственниками до седьмого колена (мешебате). Если они не приносили необходимого, то исключались из состава мешебате. За «слезным» днем устраивали «день свеч», на который приглашали большое число людей, делали большое угощение (что требовало очень значительных затрат). Очередные поминки происходили через 40 дней и в годовщину, когда снимали траур. В годовщину в доме покойного собиралось множество народа из всех ближних сел. Каждый должен был принести водку. Более состоятельные семьи в годовщину помимо угощения устраивали скачки.

В знак траура мужчины переставали бриться и не стригли волос, женщины и мужчины носили вывернутую наизнанку одежду, мужчины не надевали оружия. В годовщину мужчины брили бороду и голову (т. е. возвращались к своей повседневной прическе — бритая голова с чубом). В этот день слышались песни, смех, целовались даже мужчины с женщинами. При этом говорили: «Чтобы бог снял с тебя траур»<sup>6</sup>.

За отсутствием сведений первой половины XIX в. о похоронных обрядах равнинно-предгорной Грузии приведем имеющиеся краткие данные конца XVIII в. «По умершим, — писал Языков о Грузии в 1770-х годах (в данном случае только о Картли и Кахети), — обыкновение — вся родня приходит и составляют плач, кто и не хочет, должен необыкновенно кричать; из первых князей ежели умрет, кладут тело в гроб, а прочих князей и поселян без гробу опускают в землю; траур у них наблюдают целый год, печальный должен в черном платье и как можно дурнее одеваться, всякого веселья убежать и бороду не красить, ибо у грузин обыкновение есть бороду и ногти крас-

кой красной красить, а женщины и ладони красят»<sup>7</sup>. В Мегрелии похороны в те же годы, как отмечают современники, были «сколь плачевны, столь и разорительны» для наследников. Хоронить было принято не ранее, чем через четыре дня. В дом покойного съезжалась вся близкая и дальняя родня, которая оплакивала умершего с утра до вечера, била себя в грудь, рвала волосы и платье. Семья покойного была обязана всех содержать и в течение десяти дней угощать приехавших на похороны и оплакивание. Траур соблюдался ближайшей родней в течение года: мужчины не брили бороды, а женщины не красили ногтей на пальцах<sup>8</sup>.

Исторические материалы, которыми мы располагаем, характеризуют похоронные обряды грузин главным образом второй половины XIX в. Наряду со значительной стабильностью похоронного цикла в этот период в нем отмечаются и немалые изменения. Последнее более всего характерно для равнинно-предгорных районов Грузии, тогда как в горах похороны в большей мере сохраняли традиционность. Это видно, например, при сравнении похоронных обрядов тушин первой половины XIX в. и конца того же столетия<sup>9</sup>.

Столь же архаичными были похоронные обряды пшавов. В Пшави покойника в новой одежде укладывали на бурку (набади), затем на носилки. На грудь ему клали кинжал и шашку, рядом — бутылку водки, хлеб, орехи, табак, серебряные деньги. На ноги умершему девушки-родственницы (родные и двоюродные сестры) бросали свои отрезанные косы. Мужчины стояли вокруг покойного; женщины, одетые в черные одежды, сидели и громко, с причитаниями, плакали. На оплакивание приглашались также плакальщицы, безвозмездно исполнявшие плачи. К изголовью покойного ставили его коня в полной упряжи и с хурджами, наполненными сыром, хлебом,

водкой. При входе в комнату, где находился покойник, клали ярмо, к которому входившие обращались с молитвой о спасении души усопшего. На третий день после кончины совершались похороны, по окончании которых устраивали поминки (тавис риги). Пока покойник находился в доме, в селе никто не работал, а в день похорон все село держало строгий пост — ели чечевицу, лобио и др. Родственники семьи умершего оказывали ей помощь продуктами: приносили хлеб, водку, состоятельные приволили барана или теленка.

В течение года в память умершего каждую субботу происходило оплакивание. Для этого на тахте раскладывали оружие и одежду покойного, над которыми устраивали плач<sup>10</sup>. Кроме поминок в день похорон, их делали также на сороковой день, в конце второго месяца после кончины и в конце первого года. В этот день устраивали широкие поминки: резали скот, готовили пиво, убирали разложенную одежду покойного (ее дарили кому-нибудь из родных), мужчины брились, проводились состязания в стрельбе.

Кроме названных поминок, выполнялись поминки на рождество, в канун великого поста, в первые три дня пасхи, на девятый день вознесения. В эти дни в семьях, потерявших близких, готовили кутью из гороха или пшеницы с медом, пекли круглые лепешки. Все поминки, отмечавшиеся в течение года, в конце XIX в. обходились семье ежегодно от 5 до 50 руб., смотря по состоянию, и «являлись для пшавов таким же частым источником разорения, как и для осетин или сванетов»<sup>11</sup>.

У мохевцев по смерти какого-либо члена общины все родные и односельчане приходили в его дом для оплакивания. Приглашались также специальные плакальщицы, которые в стихотворной форме рассказывали об умершем. Женщины оплакивали громко, с причитаниями; мужчинам полагалось

воздерживаться от участия в плаче. Прежде при входе в дом покойного вешали нагайку, которой каждый входивший в дом мужчина должен был несколько раз себя ударить. К концу XIX в. этот обряд уже не выполнялся. Родные, близкие, соседи помогали семье умершего продуктами: хлебом, мясом и водкой. Если покойный был молод, то у дверей дома привязывали его коня, покрытого черным покрывалом, оседланного, с подвешенным оружием (ружьем, пашкой, кинжалом) и нагайкой.

Когда похоронная процессия направлялась на кладбище, то с одной стороны гроба шли мужчины, с другой — женщины с распущенными волосами; за гробом вели коня. После похорон все возвращались в дом, где устраивали поминальное угощение, на которое подавали сыр, вино, водку, пиво, мясо, хлеб. Женщины и мужчины в застолье располагались отдельно. На третий день после похорон в память умершего происходили состязания в стрельбе; победители получали денежную награду. Такого рода ритуальные состязания не должны были по обычаю занимать более недели. В течение этого времени жители села не имели права стрелять и охотиться. Нарушение установленного запрета считалось оскорбительным для семьи умершего и часто вызывало вражду.

В течение года семье покойного полагалось устроить поминки не только на 40-й день и в годовщину, но еще пять поминок: на рождество, в субботу на мясопустной неделе, в светлый понедельник, на вознесение и усение, а также так называемые осенние поминки по окончании уборки урожая. В этот день приглашались только мужчины. На протяжении года близкие покойного соблюдали пост. В годовщину, кроме поминального угощения, устраивали скачки, наградой в которых лучшему всаднику были одежда или конь

покойного. Этим заканчивался траур. Многочисленные поминки и трапезы требовали от семьи немалых расходов. А. Казбеги, описывая быт мохевцев конца XIX в., отмечал ненужность подобных затрат, но не считал нужным отменять обычай оплакивания женщинами<sup>12</sup>. Такое оплакивание, отмечал он, не означает обращения к богу, а представляет поэтический рассказ в стихах об умершем и многое дает молодежи<sup>13</sup>.

В похоронных обрядах сванов второй половины XIX в. имелось немало общего с аналогичными обрядами других горцев Грузии, но прослеживались и отличительные черты. Сваны окружали умирающего и просили рассказать, что будет с ними, с их селом, так как существовало поверье, что умирающий уже находится у Христа и ему таким образом известно их будущее. Затем происходило соборование попом, папи<sup>14</sup> или уважаемым стариком, и на умирающего надевали новую одежду. Папи обмывал умершего, завертывал тело в полотняную ткань, крестообразно клал на тело нитку и посыпал толчеными орехами; он же закрывал крышку гроба, который всегда делали в виде выдолбленной колоды. В Ушгули, самом высокогорном обществе Сванети, хоронили без гроба, завернув покойника в холст или другую ткань.

На похороны в среднем собиралось 300—400 человек, причем обязательно должны были присутствовать все жители села. Перед похоронами устраивали оплакивание, на которое приходили обществами. Пришедшие садились в комнате вокруг усопшего: мужчины были бритые, подстрижены, без шапок и без пояса; женщины без платка, с распущенными волосами и в черном платье. Сначала оплакивали женщины (их приводила к гробу специальная плакальщица). Мужчины в это время находились во дворе. Затем плакальщик приводил в дом мужчин. Они входили в комнату и становились около покойного (жен-

щины садились). Вот как описывают современники обряд оплакивания в с. Лахамула. Внутри помещения горели свечи. Кругом по стенам стояли примерно 150 мужчин; в переднем углу комнаты находился гроб. Ближе к середине помещения также в виде круга располагались женщины, которые двигались одна за другой, громко причитая и колотя себя в грудь; старые женщины были с распущенными волосами. Все это продолжалось около 30 минут. Потом женщины рассаживались и на площадку в центре комнаты выходили близкие родственники покойного, которые громко плакали, били себя в грудь и произносили перед гробом речи. Все подхватывали «миа вай» и падали на колени. Обряд оплакивания сопровождался игрой на чанги и чианури и продолжался несколько дней.

Все участники похорон приносили продукты. В Ингурском ущелье это были водка и соль, а также «чистая» (восковая) свеча. В ущелье Цхенисцкали был принят иной обычай. Здесь близкие родственники покойного должны были принести то количество продуктов (водка и хлеб), которое соответствовало числу приходивших с ними людей. Хозяин таким образом на угощение ничего не тратил.

После оплакивания (обычно на третий день) все шли на кладбище. Впереди шел мужчина, державший деревянную миску с тремя маленькими хлебцами и деревянный стакан с медом. За ним вели бычка (корову или теленка, если хоронили женщину), затем несли гроб. За гробом двигались папи с крестом и свечами, *мезаре* с колокольчиком, родственники и остальные — женщины и мужчины. Все шли медленно; мужчины и женщины без головных уборов. Время от времени гроб обносили над быком. На плечах у каждого из мужчин лежала палка, острие которой было направлено в небо. Мужчины до кладбища не переставали исполнять

*зари*. На кладбище выполнялись различные ритуалы: бычка подвели к гробу, жена умершего должна была броситься в могилу, все присутствовавшие одновременно опускались на колени, вставали и снова опускались и плакали в один голос (не менее тысячи человек). Затем на кладбище оставались только могильщики, остальные возвращались в дом, где начинались поминки<sup>45</sup>. Поминальный обед составляли хлеб, постная еда и водка.

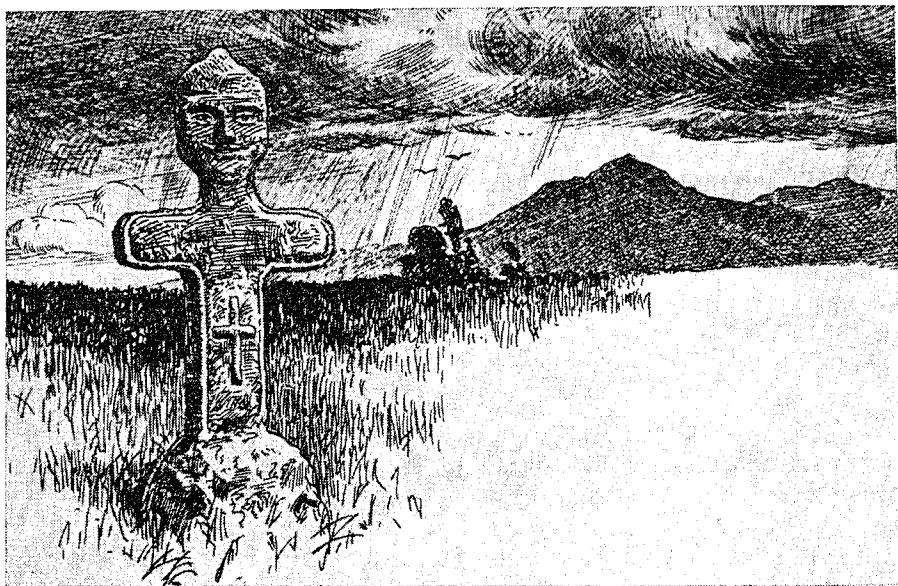
Тризны у сванов происходили и в дальнейшем. В первую субботу после похорон близкие закалывали на могиле годовалого барашка. Второго годовалого барана закалывали в годовщину. Как отмечает Б. Нижарадзе, первый баран считался жертвой земле, второй — жертвой апостолу Петру. Кожу с этого барана и 10 штук *квелиани* (хачапури) отдавали папи. В течение года в обед и ужин покойному выделялась порция постной еды, которую размещали на отдельном деревянном столике (супра); туда же для покойного клали трубку с табаком и зажженную «святую» свечу. Через 8 дней после похорон в дом умершего приходили родные и соседи и происходило новое поминальное угощение, для чего семья закалывала 4–5 хряков. Следующие поминки устраивали на 40-й день. К этому дню резали 5 быков, приготавлили много хлеба и водки. В Сванети сороковой день отмечали широко, на поминки приглашались жители всех ближайших селений.

Наиболее многочисленными и разорительными были годовые поминки (агапи), на которые приглашались жители ближних и дальних сел. Обычай требовал, чтобы из села покойного пришли все его жители, а из других сел этого же общества — по одному человеку от каждого двора. К годовым поминкам пекли множество хлебов (иногда до 2 тыс. штук) и делали несколько десятков ведер араки. Каждому приглашен-



Рис. 1. Сваны на поминальном угощении (фото начала XX в.)

Рис. 2. Сванский надгробный крест (фото 1880-х годов)





ному полагалось дать 5 хлебов и водки. Если гость съедал только один хлеб, то остальные он должен был унести с собой.

После годовщины наступали большие поминки (бацх), на которые приглашалась вся округа. В этот день резали до 10 быков, столько же хряков, пекли много хлебов и готовили много араки. Все это делала семья покойного. Когда приглашенные собирались в доме умершего, папи около очага совершали следующий обряд. Старший папи держал на шампуре жареного барана и в течение пяти часов по-грузински читал молитвы. Остальные папи, опираясь на посохи, стояли вокруг очага. По окончании молитвы старший папи по-свански говорил: «Слава великому богу, слава Ламарии». Затем народ рассаживался во дворе, и начиналось угощение. На каждую группу гостей, пришедших из одного села, выделяли по 10 человек обслуживающих. Угощение состояло из мяса, сыра, водки, хлеба.

Многочисленные поминки требовали от семьи покойного огромных затрат и нередко приводили к разорению, так как в среднем обходились в 200—300 руб., иногда и в 1000 руб. Все расходы шли на продукты и скот. «Однако,— как отмечает Л. Дадуани,— если бы семья умершего не исполнила всего предписанного, то не смогла бы даже выйти на улицу»; в глазах общества такие люди теряли уважение и авторитет.

Во время траура, который длился год, мужчины — родные умершего не стригли волос, не брили бороды<sup>16</sup>. В течение трех недель они держали также пост. Женщины в течение года носили черную одежду; у них пост продолжался иногда до трех лет. Над входом в мачуб вешали кусок черной ткани.

В конце каждого года в память умерших в истекающем году сваны выполняли следующий обряд. На могилах раскладывали вещи покойных, и жен-

щины, одетые в черное, с распущенными волосами, сидя на земле, устраивали плач<sup>17</sup>.

Заботы об умерших не ограничивались похоронами, трауром и оплакиванием. В течение всей жизни члены семьи по отношению к умершему должны были выполнять и другие обряды. Так, сваны были убеждены, что накануне крещения в каждую семью приходят все умершие родные. В доме для них накрывали особый стол, в деревянный стакан наливали араку, зажигали свечи; весь дом был чисто убран. Во время ритуала члены семьи сидели в углу, а старший семьи на коленях у стола приветствовал дорогих покойников стаканом араки и речью: «Добрый покой, вам, несчастные. Вечная память да будет всем вам. Прошу и все просим, не бывайте сердиты на нас, от беды и несчастья нас берегите... Милости прошу, угощайтесь». Во время этой речи кто-нибудь из родных играл на чунире, все остальные молчали, так как считалось, что «гости» ужинают. Таким образом усопших угощали несколько дней, до ближайшего понедельника<sup>18</sup>.

Обряды похоронного цикла в равнинно-предгорной Грузии несколько отличались от описанных.

Так, в Кахети, как зафиксировал Г. Н. Джавахишвили, в начале XX в. усопшего обмывали, одевали в хорошую одежду (женщину — в подвенечное платье, которое она специально хранила) и клали на тахту. В гроб укладывали за день до похорон примерно после трех часов дня, но до захода солнца; хоронили через 3 дня. О дне похорон сообщал специально посланный (мопатижэ), который оповещал по составленному списку ближайших соседей. Последние должны были передать весть о дне похорон остальным соседям. В другие села также посылались вестники.

В день похорон собиралось 20—40 человек, но в случае смерти молодого человека людей приходило больше. В

этот день устраивали основной плач. Женщины, причитая, били себя кулаком в грудь и ладонями по лицу; мужчины во время плача стояли, скрестив руки на груди. Плакать им считалось позорным и плакавшего презрительно называли «кало Кеке» (женщина Кеке). В знак траура близкие женщины надевали все черное; жена или мать умершего снимали чихти и не носили эту деталь головного убора до своей смерти. Поверх лечаки голову покрывали черным платком. После сорокового дня близкие родственники снимали черное и дарили тем, кто носил траур больший срок. Мужчины черное не надевали, но в знак траура отпускали бороду и не стриглись 40 дней.

В гроб полагалось положить одежду умершего. Кроме того, мужчине клали бутылку вина и нож, женщине — нож, иглу и нитки. На похороны близкие родственники и соседи приносили вино, хлеб или муку, вели барана; несли также деньги — 20 коп., 1 руб. Их клали на тарелку, которая с зажженными свечами стояла у изголовья умершего. Собранные деньги близкая родственница затем передавала главе семьи. Процессия шла на кладбище, но женщины в похоронах не участвовали. Если умирал ребенок или старший по возрасту, то они провожали процессию до калитки, если средних лет — до половины пути, обычно до речки или оврага.

После похорон присходили поминки (келехи). Для трапезы резали корову и барана, а также подавали различные соленья, сыр, зелень и вино. По обычаю на поминках полагалось выпить 7—9 стаканов вина. Через 7 дней после похорон женщины шли на кладбище. На могиле на простыне они раскладывали одежду умершего, которую оплакивали. Одежда освящалась священником и затем раздавалась сверстникам умершего. Здесь же на могиле устраивали поминки, для чего приносили скатерть и пищу, в том числе мясо, хлеб и вино.

Все это называлось *табла*. В Кизики в составе табла помимо вина, хлеба и курицы были обязательны ребра и почки барана. На кладбище устраивали также сороковой день, на который собиралось значительно больше людей, чем на седьмой. На сороковой день делали два табла: один, обычный, для поминального угощения, второй — Абрамис табла (табла Абрама). Этот стол дарили тому, кто закрывал глаза умершему. После кладбища все шли домой, где продолжалось поминальное угощение. На сороковой день мужчины сбрасывали бороду, стригли волосы, а женщины снимали черную одежду.

Кроме названных поминок, отмечали также годовщину, которая была многолюдной, и в октябре — осенние поминки (шемодгомис риги). Однако последние делали не по каждому умершему. Если человек умер более чем за 6 месяцев до октября, то осенние поминки не справляли. Иногда оплакивали разложенную одежду умершего. Но этот обычай выполнялся лишь в том случае, если кто-либо из родственников не мог присутствовать на похоронах<sup>19</sup>.

Некоторые отличия в обрядах похоронного цикла в Месхет-Джавахети по сравнению с остальной Грузией вероятнее всего появились здесь под влиянием местного мусульманства. Если умерший был состоятельный человек или молодого возраста, то на него надевали новую одежду и начиналось оплакивание. Родители и самые близкие родственники, как отмечали современники, приходили в остервенение, били себя в грудь, рвали на себе одежду, бросались на пол, рвали волосы, царапали себе лицо и грудь. Все село до похорон не работало и соблюдало траур. Хоронили обычно через сутки после смерти. Покойника клали в гроб и в сопровождении священника шли на кладбище (за исключением женщин). После погребения возвращались в дом и садились за трапезу. В комнате, где

ранее стоял гроб, ставили столбик, который обвязывали куском ткани, коленкора или бязи, употребленной на саван. Этот столбик сохраняли в течение недели. Следующие поминки устраивали на 9-й день, на 40-й и через год. Весь расход семьи на похороны и поминки составлял (смотря по средствам) от 30 до 100 руб. В знак траура мужчины-родственники, как и везде, в течение нескольких месяцев не брили бороду.

Еще большее влияние ислам оказал на похоронные обряды в Аджарии (сроки похорон, способ захоронения, число поминальных дней и т. п.). На похороны здесь обычно собирались 40—50 человек, лишь родственники и соседи. Похороны, совершавшиеся по мусульманскому обряду (в саване, на носилках и т. п.), происходили в тот же или на следующий день. Участие женщин в похоронах ограничивалось домом; на кладбище шли только мужчины. В отличие от других районов Грузии здесь тризну в день похорон не устраивали. Не принято было также приносить в дом умершего деньги. Согласно установлениям мусульманской религии, небольшие поминки с чтением муллой молитвы делали на 52-й день. Устраивали также годовщину, которой для родственников заканчивался траурный пост<sup>20</sup>.

Похоронные обряды в Западной Грузии во многом отличались от восточногрузинских. В Имерети по смерти члена семьи начинались вопли родных и соседей, продолжавшиеся 10—15 минут. Затем начинались причитания женщин, длившиеся до похорон. Для обряда оплакивания близкие родственники садились около гроба босые, однако к концу XIX в. обувь уже не снимали. Хоронили обычно на третий день к вечеру. С утра в день похорон каждый участник должен был принести готовые постные кушанья и вино, а также посуду, необходимую для поминального стола. Такого рода подношения в кон-

це XIX в. стали заменяться деньгами: сосед обязан был дать не менее 50 коп., родственник — не менее 1 руб. Дававших деньги поименно записывали в список. До выноса тела для всех присутствующих устраивали поминальный обед. После трапезы происходило новое оплакивание: родственников и соседей в сопровождении плакальщиц, исполнявших зари, поочередно подводили к умершему для прощания. Поминки делали также на 7-й, 15-й и 40-й день, когда родственники и соседи шли для оплакивания на могилу. На следующий день после похорон в дом покойного приносили продукты и устраивали тризну<sup>21</sup>.

Много общего с имеретинскими похоронами имели похоронные обряды гурийцев. По смерти члена семьи всем дальним родственникам и знакомым посылали *цигни* (дословно «книга») — оповещение с приглашением на оплакивание, с черной полосой или запечатанное черным сургучом (близкие родственники обычно жили в селе и были в курсе происходящего). На оплакивании всегда присутствовало много народа: из села покойного, из других сел, и не только гурийцы, а также имеретины и мегрелы, поскольку имелись связи по бракам и побратимству. В день оплакивания все собравшиеся, одетые в черное, шли в дом покойного выразить соболезнование. Мужчины, подходя к дому, обнажали голову, складывали на груди руки и ударяли правой рукой по лбу. Близкие к семье женщины, в черном, с распущенными волосами, сидели в доме около гроба, в котором лежал умерший, завернутый в грубое полотно домашнего изготовления. Во время оплакивания присутствующие царапали лицо и грудь, бились головой, кричали, драли волосы. Этот обряд продолжался в течение трех (иногда пяти) дней. Каждая группа дальних родственников умершего приезжала на похороны обязательно в сопровождении не-

скольких *мозаре* (плакальщиков) — исполнителей песен-плачей. Число *мозаре* нередко достигало более 20 человек. В назначенный день происходило оплакивание, на которое каждый приглашенный (и не только родственник) приезжал в сопровождении 20—40 человек, в том числе нескольких *мозаре*.

Самое деятельное участие во всей сложной подготовительной работе к оплакиванию и тризне, в изготовлении траурной одежды принимали соседи и односельчане. Вдова или вдовец надевали черное платье, сшитое в виде мешка, верхнюю часть которого обязательно делали из хлопчатки; на плече красными нитками вышивали крест. Близкие родственники-мужчины носили башлыки из черной шерстяной ткани, дальние черной тканью закрывали газыри и ножны кинжала. Последняя форма траура соблюдалась в течение одного дня, но иногда до сорока дней. Кроме того, полагалось закрыть черной тканью стены комнаты, столбы галереи и ворота. Если умерший был хорошим всадником, то во дворе ставили его коня, которого также покрывали черной тканью.

Одновременно готовилось угощение. В случае смерти человека молодого тризну делали без мясных блюд и подавали только рыбу, лобio, грибы и пр. В поминки по старику приготавливали мясо и подавали вино, однако близкие родственники покойного мяса не ели. Поминки у гурийцев (общегруз. — келехи, в Гурии — тирили, дословно «плач») происходили до похорон. По обычаю до похорон в доме покойного нельзя было разводить огонь, и пищу для всех прибывших на оплакивание готовили и приносили соседи и родственники — члены *сахевистао* <sup>22</sup>. Вообще соседи и члены этого объединения оказывали семье умершего помощь не только в подготовке поминок, похорон, но и продуктами. Каждой семье, члену *сахевистао*, полагалось принести гоми,

лобио (или до 1 кг сыра), очищенные орехи, вино (примерно 6 литров). Все приезжавшие на похороны приносили деньги — 40—50 коп. (цасабурави) <sup>23</sup>. Специально выделенный человек пофамильно записывал в список принесенные суммы. Считалось, что те, кто не принес денег, тем самым не выразил сожаления по поводу утраты и не жалел умершего, но делали это лишь в менее состоятельных семьях; богатые принимали деньги только от близких родственников. С обычаем подношения денег и с обычаем массового оплакивания с зари в Гурии в конце XIX в. велась упорная борьба, и к началу XX в. указанный обычай не был столь распространенным в быту гурийцев.

После похорон, в которых участвовали и женщины <sup>24</sup>, часть присутствовавших на церемонии возвращалась в дом покойного. Для близких вновь устраивали поминальное угощение. На третий день (иногда через неделю) было принято делать *сулис агани* — «поминование души», в котором участвовали только родственники умершего. Для угощения резали барана, готовили харчо, курицу, хлеб, гоми, хачапури. С этого дня родственники покойного могли есть мясо, однако муж или жена не имели права этого делать в течение сорока дней. На протяжении года семья умершего выполняла различные ритуалы. Так, в течение сорока дней для покойного полагалось приготавливать пищу (обед и ужин) и ставить на полку. До года каждую субботу на кладбище старались принести освященную поминальную еду. На сороковой день (весь этот срок соседи обязательно соблюдали траур) в доме умершего собирались близкие родственники и соседи. После панихиды все шли на кладбище и несли что-нибудь из одежды покойного (чоху, ахалух, если покойный был мужчиной, каба — если женщина), которую клали на могилу и оплакивали. Затем возвращались домой и устраивали обед,

несколько лучший, чем в день похорон: больше подавали вина. Если умерший был преклонного возраста, то траур на этом заканчивался. Когда родственники по каким-либо причинам не успевали приехать к оплакиванию, то устраивали обряд нишанзе тирили (нишани — «знак», тирили — «плач»). Для этого из осоки и соломы гоми делали чучело, которое одевали в платье и обувь покойного, укладывали на постель и оплакивали. В начале XX в. вместо чучела стали класть фотографии<sup>25</sup>.

Поминки и похороны в Западной Грузии обходились семье покойного дорого — в 100—400 руб. Для трапезы обычно готовили около 200—300 л вина, пшеничный хлеб<sup>26</sup>, тогда как каждая семья, приходившая на похороны, приносила лишь 40-50 коп. Каждая группа приводила с собой более 20 мазар; немало людей приходило на поминки и без приглашения. Все это приводило к тому, что подношения не перекрывали расходов семьи. А. Цуладзе, живо описавший современную ему гурийскую действительность, отмечает не малые изменения в похоронах его времени (80-е годы XIX в.) даже по сравнению с серединой того же века. Так, прежде не считалось обязательным шить черную траурную одежду. Не столь обязательным было и широкое оплакивание с зари. Иной характер прежде имела и помощь семье покойного: на оплакивание несли гоми, вино, лобио. Поминки отмечали скромно (с лобио), тогда как позднее стали подавать мясные блюда. Прежде у семьи покойного даже оставалась треть принесенных продуктов, что изменилось после отмены крепостного права, когда затраты семьи на похороны и поминки значительно возросли. После отмены крепостного права в обычай вошло приносить на похороны вместо продуктов деньги (за исключением соседей и членов патронимии). Изменения произошли и в других сто-

ронах похорон. Так, до 1860-х годов только князь и дворяне приводили на похороны мазаре. Со временем и крестьяне стали приводить плакальщиков и других сопровождающих<sup>27</sup>.

Близкая к гурийским картина похорон наблюдалась в последней четверти XIX в. в Мегрелии. После смерти члена семьи начиналось первое оплакивание: женщины визжали, мужчины выли, сбегались соседи, которые также плакали, кричали, рвали волосы, царапали грудь и лицо. Для устройства похорон требовались длительные приготовления. Прежде всего топором делали гроб, в который в белом саване клали умершего. Если похороны откладывались на довольно длительный срок, то из цельного дерева выдалбливали нечто вроде лодки, в нее клали умершего, а сверху прикрывали такой же долбленной колодой. Затем во дворе из плетня возводили специальную постройку (примерно на 100 человек), в которой позднее устраивали поминальное застолье. Все время до похорон по ночам бодрствовала молодежь, причем в это время можно было смеяться, веселиться, однако чем старше был покойный, тем сдержаннее должны были вести себя присутствующие.

Хоронили не ранее чем через 4—5 дней, так как на оплакивание надо было собрать всех дальних и близких родственников. С этой целью специально посланный человек оповещал всех родственников и друзей. В руках он обязательно нес оружие или что-нибудь из одежды покойного. Посланный начинал плакать еще на подходах к дому. Когда его вводили в дом, то он клал оружие или одежду покойного на пол, обнажался до пояса и снимал обувь; родственники делали то же самое. Затем все оплакивали вещи покойного, принесенные посланным. После оплакивания вестник сообщал о дне главного оплакивания и похорон и шел дальше. В начале XX в. этот обряд уже не выполнял-

ся и посланный обычно приносил письмо, запечатанное черным сургучом.

Тем временем в доме шли различные приготовления. Готовили еду, шили черные платья, которые делали нарочито небрежно, местами не зашивали, не подшивали края и т. п. Женщины надевали на голову черную косынку. Мужчины повязывали голову черным материалом; из него же делали пояс и им же закрывали газыри и ножны кинжала. Родственники на оплакивание приезжали также в черном платье в сопровождении мозаре, с большой свечой, украшенной черной тканью. Если кто-либо не мог участвовать в оплакивании, то впоследствии принимал участие в оплакивании одежды (нишани) умершего (ср. гурийск. нипанзе тирили) или чучела, одетого в платье покойного<sup>28</sup>.

На оплакивание, продолжавшееся в течение 4—8 дней, собиралось до 500 человек. Обряд происходил следующим образом. Вокруг гроба, стоявшего на циновках, располагались близкие женщины и плакальщицы, которые плакали навзрыд и рвали на себе волосы. Два хора исполняли траурные песни (зари). Каждый приглашенный на оплакивание должен был выполнить множество обрядов. Он снимал шапку, бурку, оружие, все вешал на дерево, затем расстегивал на груди одежду (раньше раздевались до пояса) и снимал обувь<sup>29</sup>. Группа в 3—4 человека, когда хор начинал зари, хлопала себя по лбу (прежде били плеткой) и шла в дом. Войдя в комнату, они вставали перед гробом на колени и плакали. Через некоторое время распорядители уводили эту группу и ее место занимала другая группа.

Несколько иной ритуал выполнялся в случае смерти жены. Тогда делали небольшую без окон плетенку, которую ставили в углу двора. В ней находился во время оплакивания муж покойной. От гроба плакальщики шли к нему и выражали ему свое соболезнование.

Иногда на тахте, недалеко от гроба, раскладывали одежду мужа и жены. В этом случае после оплакивания у гроба плакальщики подходили к одежде и оплакивали ее. Это означало, что муж умер вместе с женой. Муж в это время прятался.

После оплакивания приехавших по 20—30 человек приглашали к поминальному столу; мужчины занимали одну сторону стола, женщины — другую. Угощение обычно состояло из мчади, томи, лобии, зелени, рыбы, маслин и вина. Все приезжавшие на похороны соответственно своим возможностям приносили деньги, которые, как и в Гурии, специальный человек пофамильно записывал в список. Прежде было принято приносить продукты: мчади, лобию, вино, грецкие орехи, лук. «А сейчас (последняя четверть XIX в. — Н. В., Г. Д.), — пишет Т. Сахокия, — это приобретает коммерческий характер — больше взять, меньше потратить». В гроб клали пояс с кинжалом, серебряные монеты, табак, бутылку с вином, затем выносили на носилках. За гробом шли мужчины, за ними плачущие женщины. Когда гроб опускали в могилу, звонили колокола. Прежде колоколов было мало, и священник бил палкой по висевшей на дереве доске. «В старину, — отмечает Т. Сахокия, — в могилу клали и лошадь усопшего. Потом стали класть конский хвост. А сейчас (т. е. в конце XIX в. — Н. В., Г. Д.) подводят коня с черным покрытием на седле».

Выполнялись и другие обряды. Так, когда у воспитательницы (дзидза) умирал воспитанник, то она срезала часть косы и бросала в могилу. В могилу клали также кувшины с вином, деньги, водку, табакерку, огниво и трут, грудному ребенку — бутылку с молоком. В течение года близкие поддерживали траур. Они носили черную одежду, не веселились. Мужчины к похоронам брили голову и бороду, а затем уже не брились до конца траура. Это особенно со-

блюдали в течение первых сорока дней. Раньше брили и брови. По традиции близкие родственники в период траура спали на осоке, не раздеваясь, накрывались черным одеялом, не садились за стол, ели самую простую пищу без приправ, не ели мяса.

На сороковой день у состоятельных и дворян делали несколько плетеных построек и длинные столы. В одной такой постройке находилась одежда покойного, в другой стоял оседланный конь, в третьей — охотничьи собаки, в последней — соколы. В этот день повторялся обряд оплакивания, для выполнения которого приехавшие мужчины раздевались до пояса; после оплакивания следовало угощение. Через сорок дней родственники могли есть мясо. Женщины носили траур длительное время: по мужу или брату он продолжался 10—15 лет. Нередко родители, потерявшие сына, по истечении траура кого-нибудь усыновляли. Если они видели человека, похожего на сына, то посылали посредника с просьбой состричь им волосы, которые они носили в знак траура. По получении согласия назначали день и в присутствии родных и близких этот человек трижды срезал с головы отца умершего волосы, говоря при этом: «Я — сын, ты — отец». Обряд усыновления с матерью покойного совершался так: усыновляемый прикасался зубами к соскам груди и при этом трижды говорил: «Ты — мать, я — сын»<sup>30</sup>.

В начале XX в. многие из обрядов похоронного цикла, выполнявшиеся еще в конце XIX в., по разным причинам исчезли. В Гурии, например, исчезли денежные подношения, широкое оплакивание с зари (его стали устраивать лишь по завещанию стариков)<sup>31</sup>. В 1920-е годы изменения произошли в тех элементах похорон, которые были связаны с церковными обрядами и различными религиозными предписаниями. Так, очень быстро население отказалось

от поминальных трапез, которые делались в течение года в дни, установленные христианской религией: на рождество, вознесение и т. п. Нередко сохраняя свою традиционную форму, весь похоронный цикл менялся по духу, по отношению к выполняемым обрядам.

Весь цикл, как и ранее, строился следующим образом: обряд оплакивания и подготовка к тризне (в Западной Грузии — сама тризна, происходившая до похорон)<sup>32</sup>; обряды, связанные с похоронами; поминки, траур и связанные с ним обряды, дальнейшие годовые поминки. Повсеместно происходил массовый (особенно в Западной Грузии) обряд оплакивания, на который приглашали «словом» или письмом, посланным со специальным человеком. Однако само оплакивание выполнялось уже не в таких крайних формах, как это наблюдалось во второй половине XIX в. Удерживался также обряд оплакивания одежды покойного или чучела (в некоторых районах Западной Грузии). Но и в этом обряде наметились некоторые изменения. Так, мтиулы и пшавы стали выполнять его только в случае смерти молодого человека (хевсуры исполняли и по смерти человека преклонного возраста).

Как и ранее, в 1920-е годы повсеместно сохранялась традиция помощи семье умершего. В горах приходявшие на похороны приносили продукты (принести деньги считалось недопустимым) и лишь старики в ряде районов клали на гроб мелкие монеты на приобретение свечей. В равнинно-предгорной Грузии приносили продукты и немного денег. По-прежнему придерживались традиционных сроков похорон: чаще всего на третий день, в некоторых горных районах — еще ранее (в горной Раче, например, на второй день, в Пирикит Хевсурети в день смерти). Соблюдали запрет на похороны в понедельник, среду, пятницу. Кое-где в горах (Хевсурети, Пшави) сохранялся принятый в конце

XIX в. способ захоронения без гроба, в саване, а также некоторые атрибуты, по традиции сопровождавшие покойного (табак, вино, нож, ножницы и др.). В ряде мест Грузии женщины, как и ранее, не участвовали в похоронах на кладбище. По обычаю они в составе похоронной процессии доходили лишь до определенного места (часто до речки, отделявшей село от кладбища). Стабильными были и некоторые обряды, выполнявшиеся в отдельных районах во время похорон: например, участие коня, в горах — традиционные поминальные скачки и т. п.<sup>33</sup>

Судя по описаниям Грузии 1920-х годов, сделанных современниками, в это время в ряде мест в похоронах появляются и новые обряды, тогда как некоторые из традиционных исчезают. Так, в эти годы у сванов выполнялся обряд с конем, который не отмечен ни в одном из многочисленных описаний сванских похорон XIX в.<sup>34</sup> В то же время принятый ранее обряд с быком в 1920-е годы уже не отмечен. Стабильным было и большинство из поминальных угощений, выполнявшихся до и после похорон<sup>35</sup>, на сороковой день, в годовщину. Сохранялись в основном и сроки траура, внешние формы его проявления: для близких родственников — в течение года, для односельчан — два-три дня. В большинстве районов Грузии траур у женщин внешне выражался в черном платье и черном головном платке. Мужчины отпускали бороду и не стригли волос. Женщины по традиции сохраняли траур не менее года, у мужчин он был короче: на сороковой день они брили бороду и стригли волосы. Как и ранее, внешнее выражение траура в разных районах Грузии имело некоторые отличия. В Месхет-Джавахети, например, черный цвет как знак траура не был принят. В Хевсурети полагалось черной или даже красной тканью прикрывать пеструю нагрудную вышивку.

Разнообразные изменения в обрядах

похоронного цикла происходили и в дальнейшем. Так, в Кахети, Картли, Имерети до конца 1950-х годов похороны нередко происходили под музыку, исполняемую на духовых музыкальных инструментах. В 1940-х годах мужчины в знак траура начали носить траурные повязки на рукаве. В конце 1950-х годов во время траура стало принято носить на груди фотографию покойного. В послевоенные годы в районах, где женщины раньше не участвовали в похоронах на кладбище (частично Кахети, южная Картли, Месхет-Джавахети, Аджария), эта традиция изменилась и лишь пожилые женщины следовали давнему обычаю. Изменения коснулись и экономической стороны похорон, поскольку постепенно возрастали суммы денег, приносимых на похороны в помощь семье умершего<sup>36</sup>.

Наиболее ощутимые модификации в обрядах похоронного цикла наблюдались с конца 1950-х — начала 1960-х годов. В этом следует видеть в основном влияние двух факторов: во-первых, всевозрастающего материального благосостояния населения, во-вторых, воздействие причин психологического плана (подражание, престиж и т. п.). Отмеченные моменты — причина значительного увеличения затрат на проведение похорон и возрастания числа присутствующих на похоронах. Это особенно контрастно с недавним прошлым для Восточной Грузии, что единодушно отмечалось нашими информаторами из этих районов. В последние годы число участников здесь исчисляется сотнями человек. Помимо односельчан на похороны приглашаются родственники и друзья со всей Грузии. Поэтому изменились и сроки похорон: от 1—3 до 5—7 дней. Теперь поминальный стол бывает столь же разнообразным, как и свадебный, по числу подаваемых блюд, количеству вина; нередко приглашаются музыканты.

С начала 1960-х годов в большинстве



районов Грузии (за исключением Аджарии) в обычай вошло оказывать семье умершего помощь деньгами, которые приносят все приехавшие на похороны (составляется поименный список с указанием даримой суммы). Близкие родственники, как правило, дают весьма значительные суммы: родные и двоюродные братья, например, 50—100 руб., соседи — не менее 10 руб.<sup>37</sup> Деньги, поступившие от неродственников, письменно фиксируются: специально выделенный человек составляет поименный список с указанием даримой суммы. По обычаю такую же сумму семья умершего должна дать в аналогичной ситуации тому, кто материально участвовал в данном похоронном обряде.

Из приведенных описаний похоронных обрядов конца XIX в. видно, что обычай денежной помощи семье покойного был широко принят в Западной Грузии, но в отличие от сегодняшнего дня собранные суммы не покрывали расходов, сделанных семьей покойного. Уже в начале XX в. в ряде западногрузинских районов этот обычай не выполнялся. В Восточной Грузии (тем более в горах) приходившие на похороны приносили главным образом продукты. Таким образом, для Восточной Грузии и горной зоны традиция помощи деньгами сравнительно новая, тогда как для Западной Грузии — вновь восстановленная. Жизнеспособность этой традиции, как отмечалось, в наши дни во многом связана с современными экономическими условиями — большими материальными возможностями населения, а также с некоторыми психологическими моментами, на которых мы остановимся во второй части работы<sup>38</sup>.

Без сомнения, обычай взаимопомощи, в разнообразных формах доживший до наших дней, — замечательный обычай. Тем более он важен в таких тяжелых обстоятельствах, как смерть близкого человека, когда семье, понесшей тяжелую утрату, необходима не только ма-

териальная, но и, главное, моральная поддержка приходящих на похороны людей. Однако всякий самый прекрасный обычай, принимающий гипертрофированные формы (имеется в виду его материальная сторона), становится бременем и мешает жизни. Именно на это неоднократно обращали внимание общественные и партийные организации Грузии, а также исследователи современных традиций грузинского народа<sup>39</sup>.

В современном похоронном цикле сохраняются такие традиционные моменты, как оплакивание, поминальное застолье, траур. Конечно, в наши дни полностью утрачен религиозно-магический смысл различных обычаев похоронного цикла, да и выполнение отдельных обрядов не всегда считается обязательным. Так, оплакивание уже не проявляется в таких крайних формах, как ранее; женщины стали принимать участие в похоронах на кладбище, что прежде не было общепринятой традицией для всей Грузии<sup>40</sup>. Отход от религиозных догм сказался также в создании совместных кладбищ (например, в грузино-армянских селах Ахалцихского района). В последние годы отмечается появление в похоронном обряде и совсем новых элементов. Так, повсеместным стало проигрывание траурных мелодий, записанных на пластинках или в магнитофонных записях. В некоторых районах (Кахети, часть Картли) в последние годы на похоронах играют музыканты, исполняющие традиционные мелодии на традиционных музыкальных инструментах — доли, зурна, дудуки или же кларнети, дудуки. Музыкантов обычно приглашают из города, чаще всего из Тбилиси<sup>41</sup>.

В наши дни довольно упростилась обрядовая сторона похоронного цикла (последнее менее затронуло горные районы), в котором сейчас большее внимание уделяется таким сторонам, как застолье, приглашение множества людей и т. п. Выполнение всего этого счи-

тается не только необходимым знаком уважения к памяти покойного, но и служит показателем определенного престижа семьи, фамилии, что хорошо известно и самим населением. Именно таким образом оценивают современные похороны люди старшего поколения. Прежде, вспоминают они, пили и ели меньше, придерживались установленного традиционного числа стаканов, которые выпивали в память умершего. «Сейчас готовятся к поминкам,— говорят в народе,— как и к свадьбе, а иногда и богаче». Обычай денежной помощи семье умершего, новый для Восточной Грузии, оценивается населением положительно<sup>42</sup>.

Таким образом, в разных районах Грузии процесс трансформации похоронной обрядности происходил очень неравномерно: в одних остались лишь рудименты давних обрядов, в других они сохраняются в более полном виде, в третьих появляются новые или реставрируются давно исчезнувшие. Например, в Восточной Грузии обряд нишанэ тирили в начале XX в. сохранялся в форме оплакивания одежды умершего. В Гурии в это время вместо одежды стали класть фотографию умершего. Со временем названный обряд изменялся и в других районах Грузии<sup>43</sup>.

Сохранение или появление в современных похоронных обрядах новых или старых элементов, уже не заключающих древнего магического и религиозного смысла, не должно представляться каким-то нарушением норм современной жизни. Испокон веков человек старается сделать зрелищными даже такие жизненные этапы, как похороны. Прежде подобная зрелищность в основном определялась различными магическими представлениями. Современный человек утратил веру в магию, однако стремление к зрелищности осталось. И вот появляются быки, покрытые черным покрывалом, с зажженными свечами

на рогах, легковая машина, покрытая черным, произносятся траурные речи, но с животным в руках (вроде древней жертвы — так убедительнее) и т. п. С другой стороны, часть сохраняющихся в похоронных обрядах традиций связывается с лучшими народными традициями. К таким следует отнести, например, хоровое исполнение зари, взаимопомощь и моральная поддержка семьи умершего и др.

Поминальное застолье в современных похоронах устраивается в Восточной Грузии по традиции после похорон, в Западной Грузии оно делается дважды: до похорон, а также для очень близких — после них. Отмечается также годовщина, но сорок дней теперь нередко не отмечают, или устраивают для очень близких родных. В Adjарии поминальное угощение (овощи, постные блюда, без вина) в день похорон устраивают только для приехавших издалека.

В формах проявления траура в последние десятилетия также произошли некоторые изменения. Конечно, всегда горе близких и без каких-либо запретов налагает определенное отношение, например, к различного рода зрелищам (телевизор, кино), к веселью. И эта сторона траура, поддерживаемая традицией, сохраняется: в течение года близкие покойного избегают зрелищ, веселья. В некоторых районах изменились традиционные формы траура. Повсеместное распространение в Грузии получил черный цвет одежды: у женщин — платье, головной платок, туфли, чулки, нередко перчатки. В Месхети, например, эта черта обряда утвердилась под влиянием имеретин, переселившихся сюда в 1940-е годы. Хевсуры, поселившиеся в 1950-х годах в Шираке и Самгори и жившие в селах совместно с карталинцами, кахетинцами, имеретинами, через 5—6 лет в знак траура стали носить черную одежду, не характерную для них ранее. В последние десяти-

тилетия исчезла такая форма выражения траура, как отпускание волос, довольно редко по обычаю мужчины отпускают бороду.

Появились в последние годы и другие новые внешние знаки траура. В 1960-х годах мужчины и женщины стали носить на груди фотографию умершего. Позднее в некоторых районах фотографию заменили черным бантом, который мужчины прикрепляли на лацкане пиджака, или черной траурной повязкой на рукаве. На фасаде домов, где живут семьи, понесшие утрату, нередко можно видеть фотографию умершего и надпись с указанием фамилии, имени и отчества, а также даты рождения и смерти. Фото и надпись сохраняются не менее года.

Некоторые изменения произошли в сроках траура. По мужу, брату и особенно детям женщины обычно выполняют траур в течение многих лет. Мужчины придерживаются траура до 40 дней или года. Теперь не следуют различным пищевым запретам, характерным для похорон XIX в., или сроки их выполнения стали минимальными. Так, на поминках в Западной Грузии подают сыр, который не был принят в поминальном угощении еще сравнительно недавно (1930—1940-е годы). Мясная пища обычно теперь разрешается на третий день (многолетние посты, связанные с трауром, ушли в прошлое) <sup>44</sup>.

Приведем конкретное описание похорон в Сванети 1970-х годов. Приезжающие перед въездом в село отдают специально выделенным людям деньги (20—50 руб.). На похороны приходят не менее 500 человек; все собираются к двум часам дня, и с этого часа начинается оплакивание специальными плакальщицами. В доме около закрытого гроба находятся женщины, одетые в черное, в черных платках, которые поют плачи. Кроме них здесь же присутствуют родственники-мужчины,

а также старики из данного села. На похороны приглашают еще специальных исполнителей зари. Каждый такой хор состоит из четырех человек, лучшим считается сочетание двух хоров, т. е. восемь участников. Хоры размещаются во дворе против окон комнаты, где стоит гроб. Одна группа присутствующих под мелодию траурной песни несет фотопортрет умершего и прибывает его на стене дома. Во дворе на столах приготовлены лаваш и арака. Односельчане заходят в дом, прощаются и потом выпивают стакан араки в память умершего. По окончании женского плача кто-нибудь из старейших жителей села, держа в руке стакан с аракой, произносит перед фотографией речь, в которой восхваляет покойного.

Похороны происходят на 6—7-й день во второй половине дня. По-прежнему сохраняется традиция похорон на фамильном кладбище. Некоторые ранее принятые обряды выполняются уже не всегда (например, жена покойного должна была трижды прыгнуть в могилу мужа). После похорон все пришедшие на кладбище женщины посещают могилы умерших близких. По возвращении с кладбища устраивают поминальное угощение (пожилые женщины и мужчины сидят отдельно). Необходимую для трапезы пищу и питье родственники готовят в нескольких домах. Принято подавать лобио, зелень, фрукты; мясо, как и ранее, не полагается.

Как и везде, в Сванети соблюдают траур. Женщины одевают все черное и носят его нередко до 3 лет. Мужчины до сорока дней не бреют бороды; все избегают различных зрелищ. В последнее десятилетие ближайшие родственники — мужчины и женщины — носят на груди в течение сорока дней (иногда года) фотографию умершего. Иногда выполняется обряд нишанзе тирили.

Изменился также внешний вид сванских кладбищ. Над могилами нередко

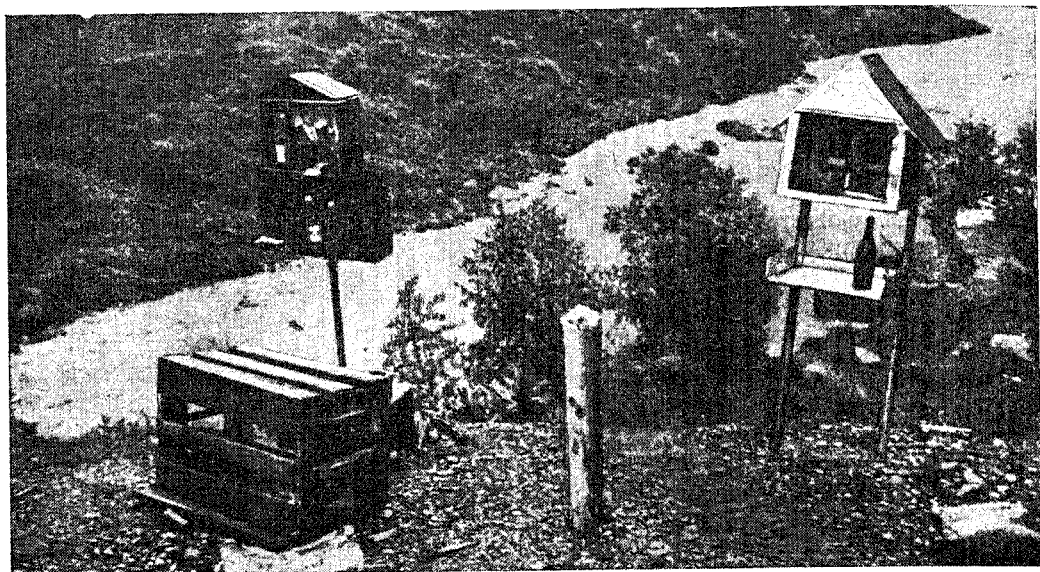


Рис. 3. Традиционный обычай поминовения, принятый в Сванети в местах гибели сванов (фото 1974 г.)

Рис. 4. В трауре (фото 1975 г.)



устроят домик с двумя помещениями, в который проводят электричество, ставят столик (на нем находятся фотография покойного, фрукты, бутылка с аракой, рюмки). В данном случае мы видим часть старой традиции (еда для покойного) и новая — благоустроенные домики, в которых всякий может отдохнуть и вспомнить покойного. Поминки делают в день похорон, а также на второй день, когда подают мясные блюда (до этого нельзя есть мясо и пить молоко). Как видим, и здесь запрет мясной и молочной пищи сократился до минимума. В поминках на сороковой день теперь участвуют только очень близкие родственники, которые приносят поросят. Годовщина, как и ранее, отмечается широко — собирается до тысячи человек. Во дворе натягивают тент, приводят быка, на рогах которого устроят зажженные свечи, кто-либо из старших произносит речи. Ближайшие соседи в этот день приносят араку, мясо, свинину.

Сейчас, как считают сами сваны, имеются большие материальные возможности для устройства подобных

похорон и поминок. На стол теперь ставят множество блюд, тогда как прежде ели главным образом лобио. Похороны стоят дорого, расходы несут семья и близкие покойного. Однако материальная помощь, получаемая от присутствующих на похоронах, позволяет семье умершего в какой-то мере возместить расходы. Иногда такого рода помощь даже превышает затраченное<sup>45</sup>.

Рассмотренные материалы выявляют не только значительное единство обрядов похоронного цикла, но и существенные различия в этой области бытовой культуры грузинского народа. Так, в Восточной Грузии в XIX в. не был известен обряд массового оплакивания с зари, который выполнялся в селах к западу от Сурамского хребта. Даже в селах, находящихся с восточной стороны этого хребта (современный Хашурский район), где живут переселенцы из Имерети, обряд с зари не был распространен. Другое существенное отличие в похоронах восточных и западных грузин заключалось в устройстве первой тризны, которая на востоке Грузии

устраивалась после похорон (и здесь разрешалось есть мясо), а на западе — до похорон, и еда была постной. Имеретинские села восточнее Сурамского хребта в последние десятилетия стали придерживаться восточногрузинского варианта этого обычая. Прослеживаются также отличия и в обрядовой стороне похорон Восточной и Западной Грузии. Однако некоторые из этих различий объясняются не столько своеобразием самого ритуала в отдельных районах республики, сколько неравномерностью процесса отмирания различных элементов похоронного цикла. Например, обряд нишанзе тирили, весьма распространенный до недавнего времени у западных грузин, у восточных (за исключением горцев) уже в начале XX в. выполнялся изредка, лишь при приезде родственника, отсутствовавшего на похоронах. Некоторые отличия имелись и в похоронных обрядах горной Грузии. Так, в ряде районов, например, обязательными были поминальные скачки и стрельба, в Тушети — обряд далаоба и т. п.

## Примечания

### Жилище

<sup>1</sup> См.: *Зиссерман А. Л.* Двадцать пять лет на Кавказе. 1842—1867. Ч. 1. СПб., 1879, с. 60; *Ган К.* Путешествие в страну ишавов, хевсур и ингушей (летом 1897). — *Кавказский вестник*, 1900, № 3, с. 100; *Чигая Г. С.* Тип поселения в Мтиулети. — *МЭГ*, 1953, № 6, с. 203, 212, 213.

<sup>2</sup> Башни в горной Грузии строились на извести (в Сванети) и без нее (в остальных горных районах). В Сванети наружные стены башен белили известью; крыша из аспидного сланца была плоской или двускатной. Число этажей в башне варьировало от четырех до восьми. По архитектуре грузинских башен имеется значительная литература, опубликованная преимущественно на грузинском языке. Из новейших работ на русском языке см.: *Джандиери М. И., Лежава Г. И.* Народная

башенная архитектура. М.: Стройиздат, 1976.

<sup>3</sup> ЦГВИА, ф. ВУА, д. 389. Описание Грузии (1807 г.), л. 96 об., 97.

<sup>4</sup> Свод материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказского края. Т. II. Тифлис, 1887, с. 140.

<sup>5</sup> *Бакрадзе Д.* Сцены из грузинской жизни. — *Современник*, 1851, т. XXV, с. 6.

<sup>6</sup> *Güldenstädt J.-A.* Reisen durch Russland und im Kaukasischen Gebürge. SPb., 1791, Th. II, S. 368; *Макалатия С.* Атенское ущелье (историко-этнографический очерк). Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1958; *Чигая Г. С.* Некоторые итоги полевой работы в Грузии за 1954 г. — *МЭГ*, 1957, № 9.

<sup>7</sup> *Носович Д. П.* Экономический быт государственных крестьян в Озургетском уезде Кутаисской губернии. — *МИЭГКЗК*, Тифлис, 1885, т. I, с. 734; Свод материалов по изучению экономического быта..., т. II, с. 140.

- <sup>8</sup> *Кахиани К. Е.* Крестьянская усадьба в Имерети (по этнографическим материалам). Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1967, с. 5.
- <sup>9</sup> *Носович Д. П.* Экономический быт государственных крестьян в Озургетском уезде, с. 260, 261; *Он же.* Экономический быт государственных крестьян в Лечгумском уезде Кутаисской губернии.— МИЭБГКЗК, 1885, т. I, с. 189; *Робакидзе А. И.* К вопросу о форме поселения в Сванети.— КСИЭ, 1958, XXIX, с. 53.
- <sup>10</sup> АИЭ. Материалы Грузинского отряда, 1973, ПК, л. 42, 54, 56; 1974, ПК, л. 82, 83; *Рухадзе Дж.* Жилые постройки в Кахети.— МЭГ, 1959, № 10, с. 45, 46.
- <sup>11</sup> *Макалалия С.* Атенское ущелье, с. 19, 20; *Чартолани М. И.* Из истории материальной культуры грузинского народа. Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1961 (на груз. яз.).
- <sup>12</sup> *Кахиани К. Е.* Крестьянская усадьба в Имерети, с. 25.
- <sup>13</sup> «В социальном отношении дом горного типа все еще сохранял стойкие следы патриархального уклада, что находило свое выражение в распределении жилой площади, а именно в почетном месте старшего в семье, в порядке расположения членов семьи во время трапезы и сна, а также в некоторых обрядах, выполняемых у центрального очага.» (см.: *Робакидзе А. И., Очиаури Т. А., Рухадзе Дж. А., Топуриш Н. С., Чиковани Т. А.* Современное грузинское жилище.— МЭГ, 1959, № 10, с. 23).
- <sup>14</sup> АИЭ. Материалы Грузинского отряда, 1975, ПК, л. 51, 66, 79, 99; Материалы Закавказского отряда, 1976, ПК, л. 22, 61, 83, 91.
- <sup>15</sup> В тоне хлеб выпекали только из муки, которую готовили из клейких сортов злаков, главным образом пшеницы. Поэтому в районах, где подобные злаки не произрастали (горная часть Грузии, некоторые районы Западной Грузии) очаг тона не был распространен (см.: *Читая Г. С.* Некоторые итоги..., с. 218).
- <sup>16</sup> *Бедукидзе Л. А.* Народная мебель в горных районах Восточной Грузии (по этнографическим материалам). Тбилиси: Мецниереба, 1973, 138—141 (на груз. яз., русск. резюме).
- <sup>17</sup> *Зелинский С. П.* Объяснительный словарь татарских, грузинских и армянских слов, вошедших в «Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края». Тифлис, 1889, с. 110 (далее: Словарь).
- <sup>18</sup> *Джандиери М. И., Лежава Г. И.* Архитектура горных районов Грузии. М., 1940, с. 8, 11.
- <sup>19</sup> Словарь, с. 111, 112; *Тедорадзе Г.* Пять лет в Пшав-Хевсурети (этнографические очерки). Тбилиси, 1930, с. 11 (на груз. яз.).
- <sup>20</sup> *Ланд Ф.* Гудамакарское ущелье.— КК на 1863. Тифлис, 1862, с. 337; *Dubois de Montpéroux F.* Voyage autour du Caucase. Paris, 1830, t. IV, p. 251. *Панек Л. Б.* Жилище мтиулов.— Сб. МАЭ, 1930, т. IX, с. 242.
- <sup>21</sup> *Радде Г.* Путешествие в Мингрельских Альпах и в трех их верхних продольных долинах (Рион, Цхенис-цкали и Ингур).— ЗКОРГО, Тифлис, 1866, кн. VII, вып. 1, с. 71, 73.
- <sup>22</sup> *Guldestadt J.-A.* Reise durch Russland..., Th. II, S. 368; Обзорение Российских владений за Кавказом. Ч. I, СПб., 1836, с. 371, 372; *Зубарев Д.* Поездка в Кахетию, Туметию, Пшавию, Хевсурсию и Джаро-Белоканскую область.— Русский вестник, 1841, т. 6, с. 531, 543; *Гакстгаузен А.* Закавказский край. Ч. I, СПб., 1857, с. 143.
- <sup>23</sup> *Гакстгаузен А.* Закавказский край, ч. I, с. 142; Статистическое описание губерний и областей Российской империи. Т. XVI. Кавказский край. Ч. 5. Кутаисское генерал-губернаторство, СПб., 1853, с. 183; *Guldestadt J.-A.* Reise durch Russland..., Th. II, S. 368; см. также: Материалы к истории кустарного производства и мелкого ремесла в Грузии. Т. 5. Тбилиси: Мецниереба, 1976, табл. III, IV (на груз. яз.).
- <sup>24</sup> Обзорение Российских владений за Кавказом, ч. 1, с. 292, 293; Т. А. Чиковани классифицирует жилище типа дарбази следующим образом: двухэлементный дом, объединявший жилую часть, хлев и навес; простой комплекс, когда под одной крышей объединялись жилая часть, марани, пекарня (сатонэ), навес (карапани), иногда и хлев. Такой дарбази, по мысли Т. А. Чиковани, был характерен для Внутренней и Нижней Картии, Мескет-Джавихети, а также для некоторых других областей Закавказья. Третий тип дарбази представлял сложный комплекс, состоявший из жилой части, марани, пекарни, хлева, саманника и навеса. Такие дарбази были известны в Триалети (Цалка), Мескет-Джавихети, Тао-Кларджети (см.: *Чиковани Т. А.* Классификация и генезис закавказского жилища со ступенчатого-венцеобразным перекрытием.— В кн.: Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX—XX вв. М.: Наука, 1974, с. 36, 37.).
- <sup>25</sup> *Гакстгаузен А.* Закавказский край, ч. I, с. 15, 145; *Радде Г. И.* Путешествие в Мингрельских Альпах..., с. 49; ЦГВИА, колл. 482, д. 193. Краткое описание Имеретии [1832 г.], л. 352.
- <sup>26</sup> *Ган К.* Путешествие в страну пшавов, хевсур..., с. 100; *Тедорадзе Г.* Пять лет в Пшав-Хевсурети, с. 38; *Очиаури Т. А.* Но-

- вые жилые постройки в Хевсурети.— МЭГ, 1955, № 7, с. 31, 32; *Джандиери М. И., Лежава Г. И.* Архитектура горных районов Грузии, с. 15. Изображение тупинского цихе сахли см.: Материалы к истории кустарного производства..., т. 5, табл. X, XI.
- 27 *Пишавела В.* Публицистические и этнографические статьи. Полн. собр. соч. Т. 5. Тбилиси, 1961, с. 11, 390 (на груз. яз.); *Казбеги А.* Полн. собр. соч. Т. 5. Тбилиси, 1950, с. 37 (на груз. яз.); *Тедорадзе Г.* Пять лет в Пшав-Хевсурети, с. 11.
- 28 *Панек Л. Б.* Жилище мтиулов, с. 242, 246.
- 29 *Уварова И.* Кавказ. Рача, Горийский уезд, горы Осетии, Пшавия, Хевсуретия и Сванетия. Путевые заметки. Ч. III, М., 1904, 22; *Шостак М. А.* По Раче и Сванетии.— ИКОРГО, Тифлис, 1903, т. XVI, № 1, с. 31; *Очиаури Т. А.* Жилые постройки нового типа в Онском районе.— МЭГ, 1957, № 9, с. 16; Материалы к истории кустарного производства..., т. 5, табл. LXI—LXII; *Джандиери М. И., Лежава Г. И.* Архитектура горных районов Грузии, с. 55, 56, 60; АИЭ, 1975, ПК, л. 278, 291, 292.
- 30 *Очиаури Т. А.* Жилые постройки..., с. 14, 15; АИЭ, 1975, ПК, л. 322, 325, 326.
- 31 *Тепцов В. Я.* Сванетия.— СМОМПК, 1890, вып. 10, с. 58, 67; *Ткешелашвили И. С.* Сванетия, М., 1905, с. 45, 47; *Кальвейт Э.* Очерки сельского хозяйства Верхней Сванетии. Тифлис, 1911, с. 24, 25; *Чартолани М. И.* Современное жилище в Сванети.— В кн.: К этнографическому изучению Сванети. Тбилиси: Мецниереба, 1970, с. 41 (на груз. яз.).
- 32 *Аргутинский А.* Экономический быт государственных крестьян Сигнахского уезда Тифлиской губернии.— МИЭБГКЗГ, Тифлис, 1886, т. IV, вып. II, с. 191, 205; АИЭ, 1975, ПК, л. 97, 102, 103, 110.
- 33 *Пантюхов И. И.* О пещерных и позднейших жилищах на Кавказе. Тифлис, 1896, с. 84, 87; *Топуриа Н. С.* Новые жилые постройки в Горийском районе.— МЭГ, 1959, № 10, с. 74, 77.
- 34 *Андронников А. Д.* Описание 3-го, Уравельского, полицейского участка Ахалцхского уезда Тифлиской губернии.— ЗКОРГО, Тифлис, 1894, кн. XVI, с. 280, 281.
- 35 АИЭ, 1977, ПК, л. 44, 45, 49, 50, 52.
- 36 *Носович Д. П.* Экономический быт государственных крестьян в Лечугмском уезде..., с. 188; *Бакрадзе Д. З.* Сванетия.— ЗКОРГО, Тифлис, 1864, кн. VI, с. 45; Материалы к истории кустарного производства..., табл. LXIII—LXVI; АИЭ, 1977, дневник № 2, л. 2, 10, 11, 12; *Кахиани К. Е.* Крестьянская усадьба в Имерети, с. 10.
- 37 *Носович Д. П.* Экономический быт государственных крестьян в Озургетском уезде..., с. 260, 261; *Сахокиа Т.* Статьи по этнографии. Тбилиси, 1956, с. 36, 44, 88, 89 (на груз. яз.); *Джорбенадзе С.* Селение Ниготи Кутаисской губернии Озургетского уезда.— СМОМПК, 1897, вып. 22, с. 242.
- 38 *Сахокиа Т.* Статьи по этнографии, с. 132, 134, 135, 143; *Лисовский В. Я.* Чорохский край. Военно-статистический очерк. Тифлис, 1887, с. 80, 81.
- 39 *Чиковани Т. А.* Джаргвали — горное жилище в свете грузино-кавказского материала.— КЭС, Тбилиси: Мецниереба, 1964, т. 1, с. 7, 8, 11 (на груз. яз.).
- 40 *Сахокиа Т.* Статьи по этнографии, с. 264, 268, 269; *Пантюхов И. И.* Население Кутаисской губернии. СПб., 1892, с. 36.
- 41 *Камаариули А. Я.* Хевсурия, Тифлис, 1929, с. 62; *Тедорадзе Г.* Пять лет в Пшав-Хевсурети, с. 37, 38; *Макалатия С.* Хевсурети. Тбилиси, 1940, с. 138, 139, 199.
- 42 *Очиаури Т. А.* Новые жилые постройки в Хевсурети, с. 33—36; АИЭ, 1975, ПК, л. 321, 322, 325.
- 43 АИЭ, 1975, ПК, л. 340, 342, 343; 1976, ПК, л. 24, 26.
- 44 *Очиаури Т. А.* Жилые постройки..., с. 16—18; АИЭ, 1975, ПК, л. 291—293, 297; 1976, ПК, л. 26, 28.
- 45 АИЭ, 1975, ПК, л. 288—290.
- 46 *Будовниц И.* Страна башен (Вольная Сванетия). Л., 1930, с. 31, 81; *Чартолани М. И.* Жилище нового типа в Сванети, с. 41—42; АИЭ, 1974, ПК, л. 5, 31, 32, 37, 39.
- 47 *Wasmuth F.* Forschungen über die Hausformen in Georgien. Hamburg, 1928, S. 62—64.
- 48 АИЭ, 1975, ПК, л. 294, 302, 303, 305; 1976, ПК, л. 25, 28, 33; 1977, дневник № 1, л. 5, 7—10, 12.
- 49 АИЭ, 1975, ПК, л. 288—290, 297, 299.
- 50 АИЭ, 1975, ПК, л. 266, 268, 271—273.
- 51 *Топуриа Н.* Новые жилые постройки в Мегрелии.— В кн.: Вопросы этнографии Кавказа. Тбилиси, 1968, с. 141 (на груз. яз.).
- 52 *Очиаури Т. А.* Новые жилые постройки в Хевсурети, с. 41, 47; *Топуриа Н.* Новые жилые постройки в Горийском районе.— МЭГ, 1959, № 10, с. 77.
- 53 АИЭ, 1974, ПК, л. 5, 14, 76, 77; 1975, ПК, л. 28, 30, 277, 278, 292; 1976, ПК, л. 25, 27, 30.
- 54 АИЭ, 1974, ПК, л. 29, 52, 55, 61; 1975, 270, 284, 285, 290, 308; 313—315, 336—338; 1976, ПК, л. 31, 33, 35.

#### Одежда

- <sup>1</sup> В жилище — это, например, наличие двух половин — мужской и женской, мебели для главы семьи и т. п.

- <sup>2</sup> Конечно, одежда населения крайнего севера и юга будет значительно отличаться. Но в данном случае мы имеем в виду один регион, внутри которого природно-климатические условия не столь контрастны.
- <sup>3</sup> В специальных исследованиях, посвященных грузинской одежде, большое внимание уделяется покрою ее отдельных элементов. В предлагаемом обзоре этот вопрос не рассматривается. Отсылаем к соответствующим разделам указанных работ (см. например: *Безарашвили Ц. И.* Женская одежда в горных районах Восточной Грузии (по этнографическим материалам). Тбилиси: Мецниереба, 1974 (на груз. яз.); *Она же.* Тушинский женский костюм талавари.— В кн.: *Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX—XX вв.* М.: Наука, 1974; *Гватгуа Н. А.* История костюма. Грузинский женский костюм XIX—начала XX в. Тбилиси: Мецниереба, 1967 (на груз. яз.).
- <sup>4</sup> См.: *Читай Г. С.* Этнографические параллели. 1. Грузинская обувь с носком.— *Собр. общ. АН ГССР*, Тбилиси, 1940, т. 1, № 4 (на груз. яз.).
- <sup>5</sup> АКАК, т. II, 1868, с. 75, 85, 407, 448, 540; АКАК, т. III, 1869, с. 40; Обзорение Российских владений за Кавказом, ч. I, с. 373.
- <sup>6</sup> *Френкель А.* Очерки Чурук-су и Батума. Тифлис, 1879, с. 24, 44; *Ткевелашивили И. С.* Сванетия, с. 41, 48; *Кальвейт Э.* Очерки..., с. 46; *СМОМПК*, 1891, вып. 11, с. 258; *Радде Г.* Хевсурия и хевсуры. Тифлис, 1881, с. 132; *Эристов Р. Д.* О Тушино-Пшаво-Хевсурском округе.— *ЗКОРГО*, 1855, кн. 3, с. 118; *Яшвили М. Д.* Из истории материальной культуры Грузии (XVII—XIX вв.). Тбилиси: Мецниереба, 1976, с. 55—57, 99 (на груз. яз.).
- <sup>7</sup> АКАК, т. II, с. 85; т. III, с. 40, 47; *Бородин К. А.* Крепостное состояние в Мингрелии.— *ЗКОРГО*, Тифлис, 1866, кн. 7, с. 44.
- <sup>8</sup> ЦГВИА, колл. 414, д. 301, л. 102; *Зиссерман А. Л.* Двадцать пять лет на Кавказе, ч. 1, с. 256; *Радде Г.* Хевсурия и хевсуры, с. 130.
- <sup>9</sup> См.: *Радде Г.* Хевсурия и хевсуры, с. 131, 132; *Зиссерман А. Л.* Двадцать пять лет на Кавказе, ч. 1, с. 255, 256; см. также: *Безарашвили Ц. И.* Женская одежда в горных районах Восточной Грузии.
- <sup>10</sup> *Радде Г.* Хевсурия и хевсуры, с. 110, 118, 131; *Эристов Р. Д.* О Тушино-Пшаво-Хевсурском округе, с. 119; см. также: *Безарашвили Ц. И.* Женская одежда в горных районах Восточной Грузии.
- <sup>11</sup> *Эристов Р. Д.* О Тушино-Пшаво-Хевсурском округе, с. 118; *Радде Г.* Хевсурия и хевсуры, с. 116; ЦГВИА, колл. 414, д. 301, ч. 1, л. 105 об.
- <sup>12</sup> *Зиссерман А. Л.* Двадцать пять лет на Кавказе, ч. 1, с. 228; Обзорение Российских владений за Кавказом, ч. II, с. 221; см. также: *Безарашвили Ц. И.* Женская одежда в горных районах Восточной Грузии.
- <sup>13</sup> *Бартоломей И. А.* Поездка в Вольную Сванетию в 1853 г.— *ЗКОРГО*, Тифлис, 1853, кн. III, с. 207, 210; *Дубровин Н. Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе, т. 1, кн. II, с. 284, 285; ЦГВИА, колл. 414, д. 301, ч. 1, л. 102 об., 103.
- <sup>14</sup> *Радде Г.* Путешествие в Мингрельских Альпах..., с. 110; *Бакрадзе Д.* Сванетия.— *ЗКОРГО*, Тифлис, 1864, кн. IV, с. 45; Статистическое описание губерний и областей Российской империи, т. XVI, ч. 5, с. 199.
- <sup>15</sup> *Стоянов А. И.* Путешествие по Сванетии, с. 259; Статистическое описание губерний и областей Российской империи, т. XVI, ч. 5, с. 40.
- <sup>16</sup> *Бакрадзе Д.* Сцены из грузинской жизни, с. 17, 18, 177, 178; *Евсукый О.* Статистическое описание Закавказского края. СПб., 1835, с. 48, 49; *Зиссерман А. Л.* Двадцать пять лет на Кавказе, ч. 1, с. 11; Обзорение Российских владений за Кавказом, ч. I, с. 238, 239, 294, 373.
- <sup>17</sup> *Бакрадзе Д.* Сцены из грузинской жизни, с. 20; *Евсукый О.* Статистическое описание..., с. 49, 50; Обзорение Российских владений за Кавказом, ч. I, с. 207, 294, 374; *Зиссерман А. Л.* Двадцать пять лет на Кавказе, ч. 1, с. 11.
- <sup>18</sup> В данном описании сохранена терминология документов 1803 г. Кафтаном в старых русских источниках обычно называли чоху.
- <sup>19</sup> АКАК, т. III, с. 759.
- <sup>20</sup> *Цагарели А.* Сношения России с Кавказом в XVI—XVIII столетиях. СПб., 1891, т. 1, с. 74, 72, 194.
- <sup>21</sup> *Dubois de Montpéroux F.* Voyage autour du Caucase, t. V, p. 389; *Евсукый О.* Статистическое описание..., с. 49; Статистическое описание губерний и областей Российской империи, т. XVI, ч. 5, с. 181.
- <sup>22</sup> *Бакрадзе Д.* Сцены из грузинской жизни, с. 17; *Гакстгаузен А.* Закавказский край, ч. II, с. 15.
- <sup>23</sup> *Хизанашивили Н.* Стат. по этнографии.— *МЭГ*, 1940, № 2, с. 3.
- <sup>24</sup> *Макалатия С.* Этнография картвельских племен, ч. III, с. 5. АИЭ, № 77.
- <sup>25</sup> *Уварова Л.* Кавказ. Рача, Горийский уезд..., ч. III, с. 3; *Майсурадзе Л.* Гебское сельское общество Кутаисской губернии Рачинского уезда.— *СМОМПК*, 1897, вып. 22, с. 214; *Шостаков М. А.* По Раче и Сванетии, с. 31. Женский костюм Горной Рачи



- (с. Геби) на основании полевых материалов реконструирован Н. П. Браилашвили (см.: *Браилашвили Н. П. Женский костюм Горной Рачи*.— МЭГ, Тбилиси, 1959, № 10).
- <sup>26</sup> *Бахтадзе И. Л.* Экономический быт государственных крестьян Рачинского уезда Кутаисской губернии.— МИЭБГКЗК, Тифлис, 1886, т. II, вып. 1, с. 93, 113, 147.
  - <sup>27</sup> *Маргуани Д.* Сванеты. Некоторые черты быта.— СМОМПК, 1890, вып. 10, с. 75; *Ткешелашвили И. С.* Сванетия, с. 38; *Стоянов А. И.* Путешествие по Сванетии, с. 277, 303.
  - <sup>28</sup> *Ареутинский А.* Экономический быт государственных крестьян Сигнахского уезда..., с. 193.
  - <sup>29</sup> *Хизанашвили Н.* Статьи по этнографии, с. 3.
  - <sup>30</sup> Дрозбе, 1884, № 231 (на груз. яз.).
  - <sup>31</sup> *Бочоришвили Л. И.* Кахетинская женская одежда.— *Анналы*. Тбилиси, 1947, т. 1 (на груз. яз.).
  - <sup>32</sup> *Геатуа Н. А.* История костюма..., с. 39, 90—92.
  - <sup>33</sup> Там же, с. 23, 31, 33, 103—105.
  - <sup>34</sup> Крестьянская реформа в Грузии проводилась в течение 1864—1871 гг.
  - <sup>35</sup> *Пантюхов И. И.* Население Кутаисской губернии. СПб., 1892, с. 37.
  - <sup>36</sup> *Март Н. Я.* Из гурийских наблюдений и впечатлений. СПб., 1905, с. 24.
  - <sup>37</sup> *Ковалевский В.* Страна снегов и башен. Л., 1930, с. 82.
  - <sup>38</sup> Адрианопольский мирный договор, завершивший русско-турецкую войну 1828—1829 гг.
  - <sup>39</sup> *Андронников А. Д.* Описание 3-го, Уравельского, полицейского участка..., с. 90, 91; *Иверия*, 1894, № 22 (на груз. яз.); *Макалатия С.* Месхет-Джавахети, с. 90, 91; *Халанов А. С.* Месхи.— 90, 1891, № 3-4, с. 5; АИЭ, 1975, ПК, л. 309, 310.
  - <sup>40</sup> *Сазокиа Т.* Статьи по этнографии, с. 11, 113, 135, 192; *Лисовский В. Я.* Чорохский край..., с. 55; *Уварова П.* Кавказ. Абхазия, Аджария, Шавшети, Посховский участок. Путевые заметки. М., 1891, ч. II, с. 203; см. также: *Самсония И. Н.* Аджарский женский костюм. Тбилиси: Мецниереба, 1974 (на груз. яз.).
  - <sup>41</sup> Часть гурийцев, принявших ислам в первой четверти XIX в.
  - <sup>42</sup> См.: *Френкель А.* Очерки Чурук-су..., с. 19—21.
  - <sup>43</sup> *Сазокиа Т.* Статьи по этнографии, с. 35, 66; *Сидоров В.* По России. Ч. 2. Кавказ. Путевые заметки и впечатления. СПб., 1897, с. 583, 584; *Март Н. Я.* Из гурийских наблюдений и впечатлений, с. 24.
  - <sup>44</sup> *Сидоров В.* По России. Ч. 2. Кавказ, с. 585; *Капанадзе Я.* Село Сачилаво Кутаисской губернии Сенакского уезда.— СМОМПК,
- 1900, вып. 27, с. 111, 112; *Макалатия С.* Этнография картвельских племен, ч. III, с. 87.
- <sup>45</sup> *Камараули А. Я.* Хевсурия, с. 48, 50; *Тедорадзе Г.* Пять лет в Пшав-Хевсурети, с. 105, 107; *Макалатия С.* Тшети. Тбилиси, 1933, с. 5, 57 (на груз. яз.).
  - <sup>46</sup> *Макалатия С.* Хевсурети, с. 110, 129.
  - <sup>47</sup> *Очаури Т. А.* Современная женская одежда хевсур.— МЭГ, Тбилиси, 1953, № 6, с. 45, 50.
  - <sup>48</sup> *Тедорадзе Г.* Пять лет в Пшав-Хевсурети, с. 27.
  - <sup>49</sup> *Макалатия С.* Этнография картвельских племен, ч. III, с. 146, 147; АИЭ, 1976, ПК, л. 26, 28.
  - <sup>50</sup> *Макалатия С.* Этнография картвельских племен, ч. III, с. 6—8, 113; АИЭ, 1975, ПК, л. 87, 116.
  - <sup>51</sup> *Макалатия С.* Этнография картвельских племен, ч. III, с. 311; АИЭ, 1975, ПК, л. 340, 342; 1976, ПК, л. 26, 28.
  - <sup>52</sup> АИЭ, 1975, ПК, л. 275, 278, 279, 284, 289.
  - <sup>53</sup> АИЭ, 1974, ПК, л. 22, 27, 29.
  - <sup>54</sup> АИЭ, 1975, ПК, л. 29, 301—304.
  - <sup>55</sup> АИЭ, 1975, ПК, л. 277, 282, 336, 337; *Макалатия С.* Месхет-Джавахети, с. 89, 90.
  - <sup>56</sup> АИЭ, 1974, ПК, л. 29, 30; 1975, ПК, л. 307, 309, 310, 313, 315, 344; 1977, дневник № 2, л. 10, 19, 21, 26.
  - <sup>57</sup> АИЭ, 1977, дневник № 2, л. 28—31.
  - <sup>58</sup> АИЭ, 1974, ПК, л. 47, 48; дневник № 3, л. 25, 26, 29, 30.
  - <sup>59</sup> АИЭ, 1974, ПК, л. 47, 49; АИЭ, 1977, дневник № 3, л. 25, 28, 30.
  - <sup>60</sup> Грузинки, как отмечает само население, еще в 1920—1930-х годах предпочитали в повседневной одежде белый или пестрый тавшали (головной платок) и платья светлых тонов (см.: АИЭ, 1974, ПК, л. 37, 38; 1975, ПК, л. 24, 303, 338; 1977, дневник № 2, л. 11, 12).

## ПИЩА

- <sup>1</sup> См.: *Токарев С. А.* Разграничительные и объединительные функции культуры.— В кн.: IX МКАЭН (Чикаго, сентябрь 1973 г.). Докл. сов. делегации. М.: Наука, 1973.
- <sup>2</sup> В Грузии, например, древнейший способ выпечки хлеба в тонз, приготовление томи и т. п.
- <sup>3</sup> Некоторые из пищевых запретов отражают религиозные установки (например, в исламе — не есть свинину и не пить вино, в иудаизме — не есть свинину и т. п.). Известны также пищевые запреты, связанные с определенными жизненными ситуациями, например во время поминок и траура не есть мяса (в Западной Грузии).

- Встречаются пищевые запреты, которые действовали постоянно и не были связаны с нормами официальных религий. Так, абхазы в XVII в. в отличие от мегрелов не ели рыбы и раков. У грузин — хевсур, гудамарцев, пшавов, мохевцев, мтиулов, горных рачинцев — в XIX в. существовал запрет на свинину; хевсуры не употребляли также мясо зайца, домашней птицы, не ели форель и лососину, яиц. Мтиулы не ели мясо зайца. Употребление в пищу мяса медведя запрещалось в Нижней Сванети (см.: Ланд Ф. Гудамарское ущелье, с. 337; Зиссерман А. Л. Двадцать пять лет на Кавказе, ч. 1, с. 214; Восхождение на Казбек в 1844 г. доктора Коленати. — Отечественные записки, 1845. т. 41, № 78, с. 115; Радде Г. Хевсурия и хевсуры, с. 89; Хатапов А. С. О пшавях. — Сб. материалов по этнографии, изд. при Дашковском этнограф. музее, 1888, вып. III, с. 87; Ламберти Арканджело. Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией. — СМОМПК, Тифлис, 1913, вып. 43, с. 189; Тедорадзе Г. Пять лет в Пшав-Хевсурети, с. 67; Ковалевский Б. Страна снегов и башен, с. 121; АИЭ, 1975, ПК, л. 22, 29, 44, 45, 292).
- 4 Сазокиа Т. Путешествия. Тбилиси, 1950, с. 27 (на груз. яз.). В 1840-х годах по решению местной администрации Гурия по необходимости выставляла определенное число вооруженных (ополчение), каждая тысяча которых составляла дружину (ЦГВИА, д. 19256, ч. 1, 24 об., 25).
- 5 Проблема хозяйственного развития Грузии — одна из наиболее разработанных в современной грузинской этнографии. На грузинском языке опубликованы, например, следующие работы: Кацадзе А. Н. К истории овцеводства в Грузии. — МЭГ, 1951, № 6; Бочоршвили Л. И. Виноградарство в Кахети. — МЭГ, 1956, № 8; Гегешидзе М. К. Система орошения в Верхней Сванети. — МЭГ, 1960, № 9; Джабадзе Г. В. Горное земледелие в Грузии. — Вестник Музея Грузии, 1970, т. 26-В. Из работ на русском языке укажем на фундаментальное исследование В. М. Шамиладзе «Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства Грузии. Историко-этнографическое исследование» (Тбилиси: Мецниереба, 1979).
- 6 ЦГВИА, колл. 414, д. 301, ч. 1, л. 101 об., 103 об., 106 об.
- 7 АИЭ, 1975, ПК, л. 27, 42, 46, 49. Жители Геби рассказывали нам, что в начале XX в. одна местная семья, побывавшая в России, привезла оттуда картофель, который некоторые односельчане получили для посадки. Из следующего урожая картофель для посадки получили другие жители.
- 8 См.: Обзорение Российских владений за Кавказом, ч. II, с. 111, 134; Бахтадзе И. Л. Экономический быт государственных крестьян Рачинского уезда, с. 49, 55, 114; Никифоров Н. К. Экономический быт государственных крестьян Душетского уезда Тифлиской губернии. — МИЭБГКЗК, Тифлис, 1887, т. V, вып. II, с. 70.
- 9 Тепцов В. Я. Сванетия. — СМОМПК, 1880, вып. 10, с. 26; Ткешелашвили И. С. Сванетия, с. 13; Стоянов А. И. Путешествие по Сванетии, с. 297; Ковалевский Б. Страна снегов и башен, с. 59.
- 10 Тепцов В. Я. Сванетия, с. 27; ЦГВИА, колл. 482, д. 193. Краткое военно-статистическое описание Кахети [1833 г.], л. 289, 298.
- 11 АКАК, т. II, с. 74, 75, 407; т. III, с. 310; Бахрадзе Д. Спены из грузинской жизни, с. 11; Аргутинский-Долгоруков А. М. Борчалинский уезд в экономическом и коммерческом отношениях. Тифлис. 1897, с. 103; Мачабели М. В. Экономический быт государственных крестьян Тиопетского уезда Тифлиской губернии. — МИЭБГКЗК, Тифлис, 1887, т. V, вып. II, с. 237, 438; Андроников А. Д. Описание 3-го, Уравельского, полицейского участка..., с. 266.
- 12 Статистическое описание губерний и областей Российской империи, т. XVI, ч. 5, с. 84, 94; АИЭ, 1975, ПК, л. 10, 11, 49, 51.
- 13 За исключением горных местностей, где была принята водка.
- 14 Статистическое описание губерний и областей Российской империи, т. XVI, ч. 5, с. 90, 95, 104; Бахтадзе И. Л. Экономический быт государственных крестьян Шорпапского уезда Кутаисской губернии. — МИЭБГКЗК, Тифлис, 1887, т. V, с. 204, 209; АКАК, т. II, с. 408, 448; ЦГВИА, колл. 482, д. 193. Краткое описание Имеретии [1832 г.], л. 351 об.
- 15 АКАК, т. II, с. 408, 409, 493; Френкель А. Очерки Чурук-су..., с. 39; АИЭ, 1974, ПК, л. 2, 12; ЦГВИА, колл. 482, д. 193. Краткое описание Мингрелии и Гурии [1833 г.], л. 369 об., 379 об., 380, 389.
- 16 Обзорение Российских владений за Кавказом, ч. I, с. 262, 265.
- 17 АКАК, т. II, с. 493; т. V, с. 338, 334.
- 18 В этом районе Грузии сады прежде имели только состоятельные жители, большинство же занималось сбором лесных фруктов (АИЭ, 1975, ПК, л. 51).
- 19 В Геби, например, избытки картофеля, огурцов, капусты в последние годы продают в Кутаиси (АИЭ, 1975, ПК, л. 27).
- 20 Главной культурой стал картофель, из зерновых — овес, который на приусадебных участках сеют в небольшом количестве.

- стве для корма скоту и приготовления домашней водки. Лен перестали сеять в 1940-х годах (АИЭ, 1974, ПК, л. 13, 134).
- <sup>21</sup> АИЭ, 1974, ПК, л. 32, 34, 35, 65; 1975, ПК, л. 10—12, 29, 51.
- <sup>22</sup> Традиционные грузинские блюда: *Молоко и молочные продукты* — сыр, масло (топленое и сливочное), творог, мацони. Блюда из молочных продуктов: творог, поджаренный с маслом; молочный суп; яичница.
- Мясо и мясные блюда.* Мясо отварное, жареное, в том числе на шампуре (шашлык — груз. *мцади*), бастурма, кавурма, суп из баранины (бозбаш). Птица и курица отварные, жареные, сациви (из индейки или курицы с ореховым соусом), суп с курицей, заправленный специями и кислыми сливами (чихиртма) и др.
- Хлеб:* на закваске — лаваш и в виде небольших буханок — пури, пресный мчади (всегда из кукурузной муки) и шоти. Гоми — круто сваренная каша без соли и масла, готовилась из кукурузной или просяной муки, а также из гоми (чумиза).
- Растительная пища:* лобио, зеленый лобио, бадриджаны, картофель, капуста, разнообразная зелень (кинза, тархун, регани, пицмати и др.).
- Напитки:* виноградное вино (гвино), водка (араки), из фруктов, ягод тута, хлебных злаков, пиво (луди) из ячменя или пшеницы, чай из диких трав, напиток из меда (ранги), густой сок, сваренный из виноградного сока, груши или туты (бекмез), кофе (кава), чай (чаи).
- Большой перечень традиционных грузинских блюд, в том числе и многих утраченных, см.: *Джигика Н. П.* Культура питания грузинских горцев (по этнографическим материалам). Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1977.
- <sup>23</sup> *Сазокиа Т.* Путешествия, с. 272; *Красильников Ф. С.* Кавказ и его обитатели. М., 1919, с. 88; *Моисеев И.* Уголок Лечхума. — СМОМПК, 1900, вып. 27, с. 149; *Капанадзе Я.* Село Сачилаво Кутаисской губернии..., с. 13; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 389, л. 96 об., 97.
- <sup>24</sup> *Пантюхов И. И.* О пещерных и позднейших жилищах на Кавказе, с. 116.
- <sup>25</sup> Там же, с. 116, 117.
- <sup>26</sup> *Вилельс Е.* Грузинские очерки и типы. — Кавказ, 1849, № 16, 17; *Н. Н.* Путешествие от Одессы до Тифлиса в 1847 г. — Кавказ, 1849, № 15.
- <sup>27</sup> *Мачабели М. В.* Экономический быт государственных крестьян Тионетского уезда..., с. 461.
- <sup>28</sup> См.: *Радде Г.* Хевсурия и хевсуры, с. 224; *Мачабели М. В.* Экономический быт государственных крестьян Тионетского уезда..., с. 329; *Ган К.* Путешествие в страну пшавов, хевсур..., с. 114; *Тедорадзе Г.* Пять лет в Пшав-Хевсурети, с. 53, 57; *Камакаули А. Я.* Хевсурия, с. 67, 155; АИЭ, 1975, ПК, л. 46, 49, 50.
- <sup>29</sup> *Мачабели М. В.* Экономический быт государственных крестьян Тионетского уезда..., с. 461; *Пшавела В.* Публицистические и этнографические статьи, с. 23; *Эристов Р. Д.* О Тушино-Пшаво-Хевсурском округе, с. 122; *Тедорадзе Г.* Пять лет в Пшав-Хевсурети, с. 11, 29, 30, 155; АИЭ, 1975, ПК, л. 332, 335.
- <sup>30</sup> *Хазанов А. С.* Мохевцы. — Сб. материалов по этнографии, изд. при Дашковском этнограф. музее, 1888, вып. III, с. 75, 76; *Никифоров Н. К.* Экономический быт государственных крестьян Душетского уезда..., с. 70, 71; *Казбеги А.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 38; АИЭ, 1975, ПК, л. 332—334, 337.
- <sup>31</sup> АИЭ, 1975, ПК, л. 12, 13, 36, 42, 291—293.
- <sup>32</sup> Там же, л. 22, 23, 44, 340.
- <sup>33</sup> Количество потребляемого мяса в течение года в Сванети на одного человека составляло до 150 фунтов.
- <sup>34</sup> *Дубровин Н. Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. I, кн. II. Закавказье. СПб., 1871, с. 202; *Носович Д. П.* Экономический быт государственных крестьян в Лечгумском уезде..., с. 182; АИЭ, 1974, ПК, л. 3, 20; 1977, дневник № 2, л. 10, 11, 15, 17; *Ковалевский В.* Страна снегов и башен, с. 59—61.
- <sup>35</sup> *Стойнов А. И.* Путешествие по Сванетии, с. 258, 303.
- <sup>36</sup> *Бакрадзе Д.* Спены из грузинской жизни, с. 11, 25; *Обозрение Российских владений за Кавказом*, ч. I, с. 373; *Зиссерман А. Л.* Двадцать пять лет за Кавказом, ч. 1, с. 226, 27; *Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествий академика И.-А. Гильденштедта.* СПб., 1809, с. 195; *Зедгинидзе Е.* Село Кварели. — СМОМПК, 1893, вып. 17, с. 88.
- <sup>37</sup> Полевой материал Л. Т. Соловьевой 1979 г.; АИЭ, 1976, л. 95, 100.
- <sup>38</sup> *Макалатия С.* Месхет-Джавахети, с. 76—78; АИЭ, 1975, ПК, л. 1, 19, 287, 299, 300.
- <sup>39</sup> В середине прошлого века имеретинцы потребляли в год на одного человека 50—70 фунтов мяса (см.: *Статистическое описание губерний и областей Российской империи*, т. XVI, ч. 5, с. 37).
- <sup>40</sup> Там же, с. 36, 95, 181; АИЭ, 1977, дневник № 2, л. 16, 18; *Baumthauer F.* Forschungen über die Hausformen..., S. 78.
- <sup>41</sup> *Носович Д. П.* Экономический быт государственных крестьян в Лечгумском уезде..., с. 191—193; АИЭ, 1974, ПК, л. 70, 84; 1975, ПК, л. 51, 55.

- <sup>42</sup> Сахокиа Т. Путешествия, с. 209; Френкель А. Очерки Чурук-су..., с. 23, 99; АИЭ, 1974, ПК, л. 58, 70, 77, 315, 347; 1975, ПК, л. 35.
- <sup>43</sup> Сахокиа Т. Путешествия, с. 115, 209.
- <sup>44</sup> Пшеничная мука употреблялась здесь только в праздники, так как была дорогостоящим продуктом (см.: Носович Д. П. Экономический быт государственных крестьян в Озургетском уезде..., с. 266).
- <sup>45</sup> Цуладзе А. Этнографическая Гурия. Тбилиси, 1971, с. 163, 164, 176 (на груз. яз.); Носович Д. П. Экономический быт государственных крестьян в Озургетском уезде..., с. 263, 266.
- <sup>46</sup> ЦГВИА, колл. 482, д. 193, л. 378 об.; Сахокиа Т. Статьи по этнографии, с. 105; Бородин К. А. Крепостное состояние в Мингрелии, с. 8.
- <sup>47</sup> См.: Джикиа Н. П. Культура питания грузинских горцев, с. 11, 12.
- <sup>48</sup> Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе, т. I, кн. II, с. 191.
- <sup>49</sup> Стоянов А. И. Путешествие по Сванетии, с. 334; Гурко-Кряжин В. В. В Нагорной Тупети. III.—Заря Востока, 1929, № 226.
- <sup>50</sup> АИЭ, 1974, ПК, л. 20, 77, 347; 1975, ПК, л. 24, 38, 291, 293, 324.
- <sup>51</sup> Их делают в октябре после сбора винограда. Чурчхелу и сейчас готовят для угощения гостей и на праздники. Гозинаки, как и прежде, делают только на Новый год.
- <sup>52</sup> АИЭ, 1974, ПК, л. 3, 47, 77; 1975, ПК, л. 22, 35, 40, 293.
- <sup>53</sup> АИЭ, 1974, ПК, л. 3, 20, 47, 58, 70, 77; 1975, ПК, л. 11, 22, 40, 281, 293, 294.
- <sup>54</sup> АИЭ, 1974, ПК, л. 22, 54, 77; 1975, ПК, л. 5, 10, 25, 31, 40, 81, 99, 104.
- тии.—Вестник Европы, 1886, кн. 8—9, с. 86, 106; Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе. Т. II. М., 1890, с. 105; Он же. Пшавы.—Юридический вестник, 1888, № 2, с. 213.
- <sup>5</sup> Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе, т. II, с. 106.
- <sup>6</sup> Казбеги А. Полн. собр. соч. Т. 5. Тбилиси, 1950 (на груз. яз.); Словарь, с. 90; Итонишвили В. Д. Семейный быт мохевцев, с. 25—32.
- <sup>7</sup> Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе, т. II, с. 5, 57; Никифоров Н. К. Экономический быт государственных крестьян Душетского уезда..., с. 24, 25; Чарголани М. Из истории материальной культуры грузинского народа, с. 215; АИЭ, 1975, ПК, л. 216, 292, 293.
- <sup>8</sup> Аргутинский А. М. Экономический быт государственных крестьян Телавского уезда Тифлисской губернии.—МИЭБГКЗК, Тифлис, 1887, т. V. вып. I, с. 35, 36.
- <sup>9</sup> Носович Д. П. Экономический быт государственных крестьян в Лечгумском уезде, с. 169, 170; Джавахишвили Г. Н. Быт и культура шахтеров Ткибули. Тбилиси; Мецниереба, 1980, с. 80, 81.
- <sup>10</sup> См.: Харадзе Р. Грузинская семейная община, т. 1, с. 43—78; Итонишвили В. Д. Пережитки семейной общины у грузин-горцев Ксанского ущелья.—КЭС, Тбилиси: Мецниереба, 1972, № 4, с. 110—114.
- <sup>11</sup> Исселиани И. О. Экономический быт государственных крестьян юго-западной части Кутаисского уезда.—МИЭБГКЗК, Тифлис, 1887, т. VII, с. 221; Свод материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказского края, 1887, т. II, с. 138.
- <sup>12</sup> Свод материалов..., т. II, с. 11; Джавахишвили Г. Н. Быт и культура шахтеров Ткибули, с. 71, 72.
- <sup>13</sup> См.: Харадзе Р. Грузинская семейная община, т. 2, с. 71—73.
- <sup>14</sup> Там же, с. 35.
- <sup>15</sup> Казбеги А. Полн. собр. соч., т. 5, с. 38; Харадзе Р. Грузинская семейная община, т. 2, с. 36, 37.
- <sup>16</sup> ЦГВИА, колл. 414, д. 301, ч. 1, л. 103, 106; Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе, т. II, с. 7; Майсурадзе Л. Гебское сельское общество Кутаисской губернии Рачинского уезда.—СМОМПК, 1897, вып. 22, с. 211; Тедорадзе Г. Пять лет в Пшав-Хевсурети, с. 53, 55; Чарголани М. Из истории материальной культуры грузинского народа, с. 215; Итонишвили В. Д. Пережитки семейной общины..., с. 124, 125.
- <sup>17</sup> Аргутинский А. Экономический быт государственных крестьян Сигнахского уезда..., с. 216; Харадзе Р. Грузинская семейная

### Некоторые вопросы семейных отношений

- <sup>1</sup> Проблема большой семьи посвящена монография: Харадзе Р. Грузинская семейная община. Тбилиси: Заря Востока, 1960—1961. 1—2.
- <sup>2</sup> Например, в Хевии статистическое обследование второй половины XVIII в. зафиксировало большие семьи (комли), объединявшие семьи 5—6 братьев (тави, досл. «голова»). Со временем комли разделялись на отдельные тави, каждая из которых вновь разрасталась в большую семью (см.: Итонишвили В. Д. Семейный быт мохевцев. Тбилиси: Сабхота Сакартвело, 1970, с. 16—20 — на груз. яз.).
- <sup>3</sup> Харадзе Р. Грузинская семейная община, т. 2, с. 9, 10.
- <sup>4</sup> Ковалевский М., Иванюков И. В Сване-

- община, т. 2, с. 34; *Чкония И.* Новый быт в колхозе им. Куйбышева сел. Шилда Кварельского района.— МЭГ, 1955, № 7, с. 26 (на русском языке).
- <sup>18</sup> *Сазокиа Т.* Статьи по этнографии, с. 101, 136, 189; Иверия, 1894, № 219 (на груз. яз.); *Марков Ф. Г.* Экономический быт северо-восточной части Кутаисской губернии.— МИЭБГКЗК, Тифлис, 1885, т. I, с. 254.
  - <sup>19</sup> *Габуури Б.* Хевсурские материалы.— Ежегодник грузинского лингв. об-ва за 1923—1924, № 1—2, Тифлис, б/г (на груз. яз.); *Чкония П. В.* Новый быт..., с. 26.
  - <sup>20</sup> *Камараули А. Я.* Хевсурия, с. 90, 91.
  - <sup>21</sup> *Нижарадзе Б.* Историко-этнографические статьи. I. Тбилиси, 1962, с. 111 (на груз. яз.); *Казбеги А.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 39; *Ковалевский М. М.* Закон и обычай на Кавказе, т. II, с. 51, 52.
  - <sup>22</sup> *Ковалевский М. М.* Закон и обычай на Кавказе, т. II, с. 51, 103; *Никитин А.* Брак в Хевсурети.— Кавказ, 1894, № 311.
  - <sup>23</sup> *Хизанашвили Н.* Статьи по этнографии, с. 45.
  - <sup>24</sup> *Хатапов А. С.* Пшавы, с. 93; *Нижарадзе Б.* Историко-этнографические статьи, с. 111, 112; АИЭ, 1975, ПК, л. 238, 239.
  - <sup>25</sup> Коди и гирванка — меры сыгучих тел.
  - <sup>26</sup> *Ковалевский М. М.* Закон и обычай на Кавказе, т. II, с. 91; *Нижарадзе Б.* Историко-этнографические статьи, с. 111, 112; *Казбеги А.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 39; *Сагарадзе М.* Обычай и верования в Имерети.— СМОМПК, 1899, вып. 26, с. 12; *Пулладзе А.* Этнографическая Гурия, с. 229; *Добровольский Д.* Поездка в Сванетию.— Зап. Кавказского об-ва сельского хозяйства, год. 14-й, Тифлис, 1868, с. 207; *Хоситашвили С. И.* Свадебные обряды в Месхет-Джавахети. Материалы к этнографическому изучению Месхет-Джавахети. Тбилиси: Мецниереба, 1972, с. 192 (на груз. яз.).
  - <sup>27</sup> *Ковалевский М. М.* Закон и обычай на Кавказе, т. II, с. 115; *Харадзе Р.* Грузинская семейная община, т. 2, с. 25—27, 48.
  - <sup>28</sup> В законах царя Вахтанга VI указывается, что «при разделе крестьян старшему из них отдается за старшинство дом или один сад или из винных кувшинов самые большие, а остальное делится поровну» (см.: Сборник законов грузинского царя Вахтанга VI. Под ред. Д. З. Бакрадзе. Тифлис, 1887, с. 124, § 156).
  - <sup>29</sup> См.: *Харадзе Р.* Грузинская семейная община, т. 2, с. 48; *Ковалевский М. М.* Закон и обычай на Кавказе, т. II, с. 14, 15, 113, 115; *Ковалевский М., Иванов И.* В Сванети, с. 594; *Казбеги А.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 40; Словарь, с. 100, 101.
  - <sup>30</sup> Обычай усыновления зятя (зедасидзе) зафиксирован в древнегрузинском обычном праве VIII—IX вв., а также известен в документах XVIII—XIX вв. Принятый в семью по письменному усыновлению зять становился наследником имущества (см.: Сборник законов грузинского царя Вахтанга VI, с. 126, § 158). Зять сохранял свою фамилию или принимал дополнительно и фамилию жены (см.: *Надарешвили Г. Н.* Древнегрузинское семейное право. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1974, с. 140, 127). Об этом обычае в конце XIX — начале XX в. см.: *Ковалевский М. М.* Закон и обычай на Кавказе, т. II, с. 115; *Мачабели С. В.* Экономический быт государственных крестьян Горийского уезда Тифлисской губернии — МИЭБГКЗК, Тифлис, 1887, т. VI, с. 171; *Чкония И. В.* Новый быт..., с. 7, 8; *Каландаришвили Л. Н.* Некоторые вопросы быта и культуры колхозников Квентришского ущелья. Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1974, с. 24.
  - <sup>31</sup> *Казбеги А.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 40; *Ковалевский М. М.* Закон и обычай на Кавказе, т. II, с. 91; *Носович Д. П.* Экономический быт государственных крестьян в Лечгумском уезде..., с. 169; *Иосселиани И. О.* Экономический быт государственных крестьян юго-западной части Кутаисского уезда, с. 219; *Аргутинский А. М.* Экономический быт государственных крестьян Телавского уезда..., с. 36; *Мачабели С. В.* Экономический быт государственных крестьян Тифлисского уезда Тифлисской губернии.— МИЭБГКЗК, Тифлис, 1887, т. V, вып. I, с. 204—206.
  - <sup>32</sup> *Нижарадзе Б.* Историко-этнографические статьи, с. 112; *Ковалевский М. М.* Закон и обычай на Кавказе, т. II, с. 50; *Носович Д. П.* Экономический быт государственных крестьян в Озергетском уезде, с. 739, 740.
  - <sup>33</sup> Институт приданого на материалах Восточной Грузии (Кахети, Карти, Пшав-Хевсурети) подробно рассмотрен в книге Н. К. Мачабели «Из истории семейных отношений грузинского народа: институт приданого в Восточной Грузии» (Тбилиси: Мецниереба, 1976, на груз. яз.).
  - <sup>34</sup> *Ткешелов М.* Исследование по грузинскому обычному праву. Вып. 1. Семейственное право. М., 1892, с. 34. По законам царя Вахтанга VI предбрачный залог (нипани) вместе с приданым всегда находился в исключительном распоряжении жены (см.: Сборник законов грузинского царя Вахтанга VI, с. 67, § 223).
  - <sup>35</sup> См.: *Малинин Л. В.* О свадебных платежах и приданом у кавказских горцев.— ЭО, 1890, № 3, с. 43; В Грузии институт приданого еще в IX в. был известен в

- весьма развитой форме (см.: *Надареишвили Г. Древнегрузинское семейное право*, с. 35). Наряду с приданым в древнегрузинском семейном праве упоминается саватно, в составе которого знатные семьи давали недвижимое имущество.
- <sup>36</sup> См.: *Мачабели Н. К.* Из истории семейных отношений..., с. 151.
- <sup>37</sup> См.: *Надареишвили Г.* Древнегрузинское семейное право, с. 41.
- <sup>38</sup> В горных районах деньги редко давались в приданое. В Пшави, например, часто давали ячмень (см.: *Мачабели Н. К.* Из истории семейных отношений..., с. 159).
- <sup>39</sup> Так, грамотная женщина учила девочек грамоте, и когда ее ученицы выходили замуж, от жениха каждой из них она получала так называемые учительские деньги (саостато) в размере не менее 3 руб. (см.: *Абазадзе Н. Л.* Семейная община у грузин. — *ЭО*, 1889, № 3, с. 20).
- <sup>40</sup> *Ковалевский М. М.* Закон и обычай на Кавказе, т. II, с. 86; *Харадзе Р.* Грузинская семейная община, т. 2, с. 51—54; *Макалатия С.* Этнография картвельских племен, ч. III, с. 159; *Итонишвили В. Д.* Из истории семейных отношений грузин-горцев. Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1960, с. 232, 233.
- <sup>41</sup> *Казбеги А.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 38; *Ковалевский М. М.* Закон и обычай на Кавказе, т. II, с. 103; *Макалатия С.* Этнография картвельских племен, ч. III, с. 13.
- <sup>42</sup> *Нижарадзе Б.* Историко-этнографические статьи, с. 40, 45, 84; *Стоянов А. И.* Путешествие по Сванетии, с. 434; *Маргиани Д.* Сванеты, с. 76.
- <sup>43</sup> *Иверия*, 1886, № 196 (на груз. яз.); 1894, № 22; *Андронников А. Д.* Описание 3-го, Уравельского, полицейского участка..., с. 28; *Френкель А.* Очерки Чурук-су..., с. 21.
- <sup>44</sup> Н. К. Мачабели оценивает белга как самостоятельный платеж, не имевший ничего общего с выкупом (см.: *Мачабели Н. К.* Из истории семейных отношений..., с. 137).
- <sup>45</sup> *Хизанашвили Н.* Статьи по этнографии, с. 41, 42; *Бакрадзе Д.* Сцены из грузинской жизни, с. 13; *Теплов В. Я.* Из быта и верований мингрельцев. — *СМОМПК*, 1894, вып. 13, с. 8; *АИЭ*, 1975, ПК, л. 232, 236, 237; 1976, ПК, л. 5, 95; 1977, дневник № 2, л. 12, 26, 27.
- <sup>46</sup> В Хевсурети, например, жених в 1920-е годы должен был отдать в семью невесты барана, а невесте — одежду. В Горной Раче жених отдавал трех баранов, до 200 м тканей различной фактуры и расцветки. Все это составляло свадебные расходы (сакорцило), которые отдавались женихом при обручении или в день свадьбы и шли на устройство свадьбы и приданого.
- Кроме указанного, жених дарил невесте кольцо, серьги, постельные принадлежности. В приданое входили также 100 руб., которые жених приносил во время сговора. На эти деньги девушка покупала необходимые ей вещи. Гости во время рачинской свадьбы подносили невесте одежду, обувь (деньги прежде не было принято подносить). У сванов жених давал в семью невесты скот. На сумму, полученную от продажи этого скота, девушка делала приданое. Кроме того, жених дарил ей два серебряных кольца, а родственники со стороны жениха должны были подарить невесте все необходимое для хозяйства (часть — во время свадьбы, часть — до нее). После перехода невесты в дом жениха родственники со стороны невесты дарили ей нарядную одежду. Дарить деньги не было принято и на свадьбах 1920-х годов. В равнинно-предгорной Грузии жених обычно делал невесте небольшие подарки: платье, платки, обувь, посуду, а также передавал кольцо. Родители девушки давали ей в приданое помимо различных вещей также скот. Подарки жениха, приданое, полученное от родителей, а также свадебный залог и подарки свадебных гостей — все это составляло приданое невесты. В Абхазии на сумму башлуга (примерно 150 руб.) семья девушки приготавлила ей приданое. Кроме того, жених должен был подарить невесте золотые монеты для головного убора. В приданое входили также подарки гостей на свадьбе (см. *АИЭ*, 1974, ПК, л. 10, 25, 41; 1975, ПК, л. 22, 34, 41, 75, 103, 214, 226; 1977, дневник № 2, л. 9, 10, 17, 22).
- <sup>47</sup> *АИЭ*, 1975, ПК, л. 7, 11, 24, 39, 106; 1977, дневник № 1, л. 5, 9, 47; дневник № 2, л. 2, 8, 10, 19, 25.
- <sup>48</sup> См.: *Ковалевский М. М.* Закон и обычай на Кавказе т. II, с. 52.
- <sup>49</sup> *Андронников А. Д.* Описание 3-го, Уравельского, полицейского участка..., с. 225.
- <sup>50</sup> См.: *Зубарев Д.* Поездка в Кахетию, Тушеттию, Пшавию..., с. 530.
- <sup>51</sup> См.: *Эристов Р. Д.* О Тушино-Пшаво-Хевсурском округе, с. 111, 114; *Зубарев Д.* Поездка в Кахетию, Тушеттию, Пшавию..., с. 530; *Дискаров И.* Записки о Тушеттии. — *Кавказ*, 1849, № 8; *Хизанашвили Н.* Статьи по этнографии, с. 32; *Макалатия С.* Этнография картвельских племен, ч. III, с. 120, 213; *Панек Л. Б.* Жилище мтиулов, с. 251; *АИЭ*, 1976, ПК, л. 95, 99, 100.
- <sup>52</sup> *Нижарадзе Б.* Историко-этнографические статьи, с. 110; *Хизанашвили Н.* Статьи по этнографии, с. 29; *Андронников А. Д.* Описание 3-го, Уравельского, полицейского участка..., с. 283; *Макалатия С.* Этнография

- картвельских племен, ч. III, с. 23, 97; *Будовниц И.* Страна башен, с. 89; АИЭ, 1974, ПК, л. 124; 1975, ПК, л. 25, 76.
- Тот же обычай — рожать в особом помещении — зафиксирован у мегрелов Самуракано. Для этого в усадьбе мужа строили специальную пацху, в которой роженица с ребенком находились и после родов в течение недели; затем они переходили в свой дом. Муж на время родов уходил из дома (см.: АИЭ, 1977, дневник № 2, л. 10, 12).
- <sup>53</sup> См.: *Тедорадзе Г.* Пять лет в Пшав-Хевсурети, с. 140, 141; *Капараули А. Я.* Хевсурия, с. 91, 92; *Панек Л. Б.* Жилище мтиулов, с. 251, 252; *Макалатия С.* Этнография картвельских племен, ч. III, с. 172, 213; АИЭ, 1975, ПК, л. 181, 210, 241; 1976, ПК, л. 95, 99, 100.
- <sup>54</sup> На основе северокавказского материала Я. С. Смирновой предложена следующая классификация обычая избегания: свадебное скрывание, избегание между родителями и детьми, между женой и родственниками мужа, между мужем и родственниками жены (см.: *Смирнова Я. С.* Избегание и процесс его отрицания у народов Северного Кавказа. — В кн.: *Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе.* М.: Наука, 1978, с. 119).
- <sup>55</sup> В круг лиц, избегаемых невесткой, у некоторых кавказских народов (например, удин, хыналыгцев) включались также двоюродные братья мужа, его крестный и даже старшие по возрасту соседи семьи мужа (см. АИЭ, 1975, ПК, л. 211, 224; 1976, ПК, л. 17, 33, 151).
- <sup>56</sup> *Макалатия С.* Этнография картвельских племен, ч. III, с. 212; *Сергеева Г. А.* Об обычаях избегания у народов Грузии. — В кн.: *Полевые исследования Института этнографии.* 1974. М.: Наука, 1975, с. 143.
- <sup>57</sup> *Зиссерман А. Л.* Двадцать пять лет на Кавказе, ч. 1, с. 212; *Радде Г.* Хевсурия и хевсуры, с. 82; *Хизанашвили Н.* Статьи по этнографии, с. 41; *Пшавела В.* Публицистические и этнографические статьи, с. 11; *Казбеги А.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 33, 38; *Мачабели М. В.* Экономический быт государственных крестьян Тифлиского уезда..., с. 330; *Капараули А. Я.* Хевсурия, с. 90; *Макалатия С.* Этнография картвельских племен, ч. III, с. 123, 167; *Сергеева Г. А.* Об обычаях избегания..., с. 142, 143; АИЭ, 1975, ПК, л. 180, 185, 210, 211, 213.
- <sup>58</sup> *Казбеги А.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 39; *Макалатия С.* Этнография картвельских племен, ч. III, с. 22; *Сергеева Г. А.* Об обычаях избегания..., с. 143; АИЭ, 1972, ПК, л. 167; *Никигин А.* Брак в Хевсурети. — Кавказ, 1894, № 311.
- <sup>59</sup> АИЭ, 1975, ПК, л. 216, 238; 1974, ПК, л. 8, 16, 24, 127; 1976, ПК, л. 95.
- <sup>60</sup> См.: *Богомолов Н.* Свадебный церемониал у грузин. — Маяк, 1844, т. XV, с. 28; *Бакрадзе Д.* Сцены из грузинской жизни, с. 23; *Дубровин Н. Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе, т. I, кн. II, с. 141; *Андронников А. Д.* Описание 3-го, Уравельского, полицейского участка..., с. 289, 291; *Иверий,* 1886, № 196; 1894, № 22; *Желиховская В.* Кавказ и Закавказье. СПб., 1885, с. 49; АИЭ, 1972, ПК, л. 167.
- <sup>61</sup> АИЭ, 1975, ПК, л. 194, 196, 215.
- <sup>62</sup> АИЭ, 1973, ПК, л. 133; 1974, ПК, л. 68, 69; 1975, ПК, л. 215, 218; 1976, ПК, л. 8, 9; 1977, дневник № 2, л. 6, 10, 36, 38 об. Однако в некоторых районах Картли (например, в ее южной части — села Реха, Гомарети, Вардисубани) в начале XX в. некоторые формы обычая избегания сохранялись. Со свекром невестка нередко не разговаривала до его смерти, со старшим братом мужа — 2—3 недели. Со свекровью и остальными братьями невестка обычно начинала говорить почти сразу после свадьбы. Всю жизнь супруги обращались друг к другу «кадо, кало» (АИЭ, 1976, ПК, л. 8, 85, 90).
- <sup>63</sup> *Андронников А. Д.* Описание 3-го, Уравельского, полицейского участка..., с. 49; *Макалатия С.* Месхет-Джавахети, с. 97; *Хоситашивили С. И.* Свадебные обряды в Месхет-Джавахети, с. 189; АИЭ, 1975, ПК, л. 176, 186, 191, 194.
- <sup>64</sup> См.: *Данилина К.* Изучение труда и быта аджарок. — СЭ, 1932, № 5—6, с. 68; АИЭ, 1974, ПК, л. 35, 48, 60, 68; 1975, ПК, л. 224—226, 234, 235.
- <sup>65</sup> АИЭ, 1974, ПК, л. 9, 97; 1977, дневник № 2, л. 48, 49, 57, 59, 60, 63, 67; дневник № 3, л. 19, 20; *Макалатия С.* Этнография картвельских племен, ч. I, с. 69.
- <sup>66</sup> См.: *Ткешелашвили М.* Исследования по грузинскому обычному праву, с. 7; *Мачабели Н. К.* Брачный институт в Картли. Тбилиси: Мецниереба, 1978, с. 138 (на груз. яз.).
- <sup>67</sup> *Бакрадзе Д.* Сцены из грузинской жизни, с. 31; *Стоянов А. И.* Путешествие по Сванетии, с. 433; *Джатаридзе Г.* Народные праздники, обычаи и поверья. — СМОМПК, 1896, вып. 21, с. 129; *Тедорадзе Г.* Пять лет в Пшав-Хевсурети, с. 123; 151; *Чкония И. В.* Брачный институт в Мтиулети. Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1955, с. 50 (на груз. яз.); *Макалатия С.* Этнография картвельских племен, ч. III, с. 152; АИЭ, 1975, ПК, л. 56, 57.
- <sup>68</sup> Сборник законов грузинского царя Вахтанга VI, с. 342, § 399.
- <sup>69</sup> *Ламберги А.* Описание Колхиды, с. 93; *Цагарели А.* Сношения России с Кавказом

- в XVI—XVIII столетиях, т. 1, с. 193; *Радде Г.* Хевсурия и хевсуры, с. 79; *Камаараули А. Я.* Хевсурия, с. 90; *Макалатия С.* Этнография картвельских племен, ч. III, с. 152; *Никитин А.* Брак в Хевсурети.
- <sup>70</sup> *Нижарадзе Б.* Историко-этнографические статьи, с. 77, 78; *Стоянов А. И.* Путешествие по Сванетии, с. 433.
- <sup>71</sup> См.: *Макалатия С.* Месхет-Джавахети, с. 92; *Габуури В.* Хевсурские материалы, с. 134; АИЭ, 1975, ПК, л. 19, 21, 35.
- <sup>72</sup> См.: *Ковалевский М. М.* Закон и обычай на Кавказе, т. II, с. 6, 72, 106; *Хизанашивили Н.* Статьи по этнографии, с. 35; *Макалатия С.* Этнография картвельских племен, ч. III, с. 114; ч. I. Этнография Мегрелии, с. 60; *Камаараули А. Я.* Хевсурия, с. 88; *Чкония И. В.* Брачный институт в Мтиулетии, с. 182; *Он же.* Новый быт..., с. 23; *Хоситашвили С. И.* Свадебные обряды в Месхет-Джавахети, с. 171; АИЭ, 1975, ПК, л. 60, 85, 87; 1976, ПК, л. 99, 100.
- <sup>73</sup> См.: *Зиссерман А. Л.* Двадцать пять лет на Кавказе, ч. 1, с. 212; *Радде Г.* Хевсурия и хевсуры, с. 81.
- <sup>74</sup> Действительно, в 1870-е годы в Сванети наблюдалась значительная разница в численности мужчин и женщин. По тогдашним подсчетам, на 100 мужчин приходилось 75 женщин (см.: *Пантюхов И. И.* Кутаисская губерния, с. 25).
- <sup>75</sup> *Ковалевский М., Иванюков И.* В Сванетии, с. 595; *Нижарадзе Б.* Историко-этнографические статьи, с. 49—51; *Хизанашивили Н.* Этнографические статьи, с. 35; *Тедорадзе Г.* Пять лет в Пшав-Хевсурети, с. 125; *Камаараули А. Я.* Хевсурия, с. 88; *Макалатия С.* Месхет-Джавахети, с. 92; *Табукашвили Т.* Дзимитское общество Кутаисской губернии Озургетского уезда.—СМОМПК, 1900, вып. 27, с. 156; *Будовниц И.* В стране башен, с. 88; *Чкония И. В.* Новый быт..., с. 22.

### Обряды свадебного цикла

- <sup>1</sup> В Аджарии во время обручения происходило официальное оформление брака по шариату (наках).
- <sup>2</sup> Об обычае тайного посещения женихом невесты в досвадебный период см.: *Итонишвили В. Д.* Из истории семейных отношений грузинских горцев. Тбилиси: Мецнипереба, 1960, с. 186 (на груз. яз.); *Бекая М. А.* Старый и новый семейный быт в Грузии (по этнографическим материалам Аджарии). Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1966, с. 16.
- <sup>3</sup> По народным поверьям, большой предохранительной силой обладали металлические предметы (кинжал, пашка, сабля и т. п.).

поэтому в свадебном ритуале они неоднократно использовались, как и многие другие предметы (например, медные котлы). Некоторые обряды выполнялись с целью обеспечения благополучия новой семьи. Для этого молодых угощали сладостями, посыпали мукой, рисом, гоми; новобрачные разбивали тарелку и т. п. Столь же важны были обряды, направленные на обеспечение многочисленного потомства (главным образом мужского). Для этого во время свадьбы невесте на колени сажали мальчика. Другие важные по своему социальному смыслу обряды были связаны с переходом женщины (невесты) из одной родовой группы в другую (обряды с очажной цепью, трехкратное обведение молодых вокруг очага и т. п.). Наконец, обеспечение новой семьи всем необходимым было также одной из важнейших забот общины, что нашло отражение в различных подношениях (продукты, вещи, деньги). «Обычай материальной поддержки вновь возникающей семье,—пишет Г. Ф. Чурсин,—явившийся в свое время естественным созданием определенных условий общественно-экономического быта, в дальнейшем смысле утрачивает свой реальный жизненный смысл и превращается в один из третьестепенных свадебных обрядов—в одаривание молодых мелкими монетами или предметами, имеющими ничтожную ценность» (см.: *Чурсин Г. Ф.* Очерки по этнологии Кавказа, с. 32).

- <sup>4</sup> *Зиссерман А. Л.* Двадцать пять лет на Кавказе, ч. II, с. 241, 242; *Цискаров И.* Записки о Тушетии. Кавказ, 1849, № 8.
- <sup>5</sup> *Эристов Р. Д.* О Тушино-Пшаво-Хевсурском округе, с. 109—113; *Зиссерман А. Л.* Двадцать пять лет на Кавказе, ч. II, с. 220.
- <sup>6</sup> См.: *Эристов Р. Д.* Свадьба у грузин.—Сборник газеты «Кавказ». Первое полугодие 1847 г. Тифлис, 1847, с. 65—70; *Богомолов.* Свадебный церемониал у грузин, с. 10; *Зиссерман А. Л.* Двадцать пять лет на Кавказе, ч. I, с. 45—47.
- <sup>7</sup> *Зуев В.* Выписка из путешественных записок Василия Зуева об азиатских областях, к Черному морю прилежащих.—Собр. соч., выбранных из месяцесловов на разные годы. СПб., 1790, т. VI, с. 235, 236.
- <sup>8</sup> *Макалатия С.* Этнография картвельских племен, ч. III, с. 207—209; *Он же.* Тушети, с. 158.
- <sup>9</sup> *Б. Габуури* описывает своеобразную форму обручения, известную в прошлом в Хевсурети. Такой обычай назывался «силой святилища». Хевсуры иногда приглашали к себе в дом служителей святилища («знами святилища») и устраивали угощение. Если в это время какому-нибудь слу-



- жителю святилища правилась незамужняя женщина и он хотел обручить ее со своим близким, то он брал полтинник или рубль и бросал его в специальный ларец святилища, при этом говоря: «Эту женщину я обручаю с сыном (или братом), пусть поможет ему святилище в этом». Такие случаи были редки, но женщина, обрученная таким образом, не могла отказаться. Чаще всего так обручали инвалидов или слабоумного. Со временем отношение к подобным бракам изменилось, и в начале XX в. хевсурки обычно отказывались от этих браков: «Пусть лучше меня убьет святилище, — говорили они, — чем я пойду замуж за плохого» (*Габури Б.* Хевсурские материалы, с. 133).
- <sup>40</sup> *Хизанашивили Н.* Статья по этнографии, с. 33—35, 40—42; *Ковалевский М. М.* Закон и обычай на Кавказе, т. II, с. 105, 106; *Макалатия С.* Хевсурети, с. 144, 145.
  - <sup>41</sup> *Ковалевский М. М.* Пшавы. — Юридический вестник, 1888, т. XXVII, с. 214—216; *Он же.* Закон и обычай на Кавказе, т. II, с. 88, 89; *Хизанашивили Н.* Статьи по этнографии, с. 33—35, 40—42; *Макалатия С.* Из старого народного быта пшавов. — СЭ, 1938, № 1.
  - <sup>42</sup> Туман — старинная персидская монета достоинством примерно в 3 руб. серебром.
  - <sup>43</sup> См.: *Казбеги А.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 38, 39.
  - <sup>44</sup> *Макалатия С.* Этнография картвельских племен, ч. III, с. 114—121; *Чюния И. В.* Брачный институт в Мтиулети. Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1950, с. 15—21.
  - <sup>45</sup> См.: *Ковалевский М. М.* Закон и обычай на Кавказе, т. II, с. 47; *Стоянов А. И.* Путешествие по Сванетии, с. 434; *Нижарадзе Б.* Историко-этнографические статьи, с. 83.
  - <sup>46</sup> Девушка после обручения носила красный багдади.
  - <sup>47</sup> В Кизики на свадьбу приглашали рачинцев, игравших на *гудастеури* (тип волюнки), а также ашугов.
  - <sup>48</sup> На второй день свадьбы в более состоятельных семьях парчовое платье невесты меняли на розовое, на третий — на голубое.
  - <sup>49</sup> См.: *Нанобашвили Б.* Полевые дневники 1976 и 1977 гг. Хранятся в архиве сектора этнографии Грузии Ин-та истории, археологии и этнографии АН ГССР.
  - <sup>50</sup> Иверия, 1888, № 199. Крестьянская свадьба в Нижней Картли (на груз. яз.).
  - <sup>51</sup> Там же.
  - <sup>52</sup> Рехце в Борчало. — Иверия, 1903, № 147 (на груз. яз.).
  - <sup>53</sup> См.: Ахалцхская свадьба грузин. — Иверия, 1894, № 22; 1886, № 196 (на груз. яз.).
  - <sup>54</sup> *Сазокиа Т.* Статьи по этнографии, с. 189; см. также: *Бека М. А.* Старый и новый семейный быт в Грузии, с. 12, 13.
  - <sup>55</sup> *Сагарадзе М.* Обычаи и верования в Имерети, с. 15.
  - <sup>56</sup> *Табукашвили Т.* Дзимитское общество, с. 157, 158; *Цуладзе А.* Этнографическая Гурия, с. 120; *Кереселидзе Д.* Ланчхутское сельское общество Кутаисской губернии Озургетского уезда. — СМОМПК, 1897, вып. 22.
  - <sup>57</sup> См.: *Тенцов Я.* Из быта и верований мингрельцев. — СМОМПК, 1894, вып. 18, с. 8, 9; *Макалатия С.* Этнография мегрелов, ч. I, с. 63—67; Краткие сведения о некоторых местностях Сенакского уезда Кутаисской губернии. — СМОМПК, 1890, вып. 10, с. 109.
  - <sup>58</sup> Ср., например, описание свадебного ритуала 1920-х годов в Пшави (см.: *Макалатия С.* Из старого народного быта пшавов).
  - <sup>59</sup> В свадебных обрядах разных районов Грузии имелись некоторые отличия. Так, в Раче свекровь, когда невеста входила в дом, подавала ей в миске горящие угли, которые та бросала в комнату. В Аджарии в некоторых селах выполнялся следующий обряд: невеста, войдя в дом жениха, касалась рукой бухари или прилепляла к его стенке кусочек теста. В Эрцо-Тшанети на пороге дома жениха молодых встречала девушка, у которой были живы родители. В руках она держала тарелки с хлебом и медом. В некоторых селах Аджарии на пороге дома жениха вместо тарелки ставили медную кастрюлю, на которую невеста наступала ногой.
  - <sup>60</sup> АИЭ, 1976, ПК, л. 93; 1977, дневник № 2, л. 4 об., 5, 10 об., 29.
  - <sup>61</sup> Такого рода изменения в это время еще не коснулись горной Аджарии, где невеста находилась с женщинами в отдельной комнате. Лицо ее было закрыто платком.
  - <sup>62</sup> Мтиулы, например, невесту нередко обводили вокруг стола (вместо очага кера), в Сванети ее поворачивали на месте или также вели вокруг стола. В Аджарии молодую поворачивали вокруг себя, причем это делали около бухари (АИЭ, 1977, дневник № 2, л. 50, 51 об., 61).
  - <sup>63</sup> АИЭ, 1977, дневник № 1, л. 2, 27, 49 об.; дневник № 2, л. 10, 35, 60, 65, 82, 85 об.
  - <sup>64</sup> АИЭ, 1977, дневник № 2, л. 10, 11, 28, 50, 61 об., 81; дневник № 3, л. 68, 69; 1976, ПК, л. 94, 96.
  - <sup>65</sup> АИЭ, 1977, дневник № 1, л. 27; дневник № 2, л. 25, 26, 51, 52, 63; дневник № 3; л. 19, 27, 93, 98.
  - <sup>66</sup> АИЭ, 1977, дневник № 2, л. 77, 78, 81, об.
  - <sup>67</sup> АИЭ, 1976, ПК, л. 93, 96, 97; 1977, дневник № 2, л. 11, 19, 20, 29, 37, 61 об., 65, 71.

## Обряды похоронного цикла

- <sup>1</sup> Анализ культа мертвых на материалах Тушетги, Хевсурети и Пшави сделан в работе Д. Г. Георгадзе (см.: *Георгадзе Д. Г.* Культ мертвых в горной Восточной Грузии. Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1977).
- <sup>2</sup> См. там же, с. 17, 18.
- <sup>3</sup> Обычай оплакивания далай отмечен только в быту тушин. Это своеобразный хороший плач, в котором принимали участие пять всадников, в том числе *модалае*, восседавший на коне покойного — «конь души» (см. там же, с. 14).
- <sup>4</sup> См.: *Зиссерман А. Л.* Двадцать пять лет на Кавказе, ч. II, с. 243—245; ЦГВИА, колл. 414, д. 301, л. 100 об.
- <sup>5</sup> Литра — мера сыпучих тел в 8—12 фунтов.
- <sup>6</sup> *Радде Г.* Хевсурия и хевсуры, с. 84, 86, 87; *Зиссерман А. Л.* Двадцать пять лет на Кавказе, ч. II, с. 222, 223; *Эристов Р. Д.* О Тушино-Пшаво-Хевсурском округе, с. 115—177; *Хизанашвили Н.* Статьи по этнографии Грузии, с. 80—85.
- <sup>7</sup> *Цагарели А.* Грамоты и другие исторические документы..., т. 1, с. 191.
- <sup>8</sup> *Зуев В.* Выписка из путешественных записок..., с. 237.
- <sup>9</sup> *Макалатия С.* Этнография картвельских племен, ч. III, с. 215, 218.
- <sup>10</sup> Одежда считалась временным жилищем души покойного. Одежду раскладывали таким образом, чтобы издали она напоминала фигуру покойного. В некоторых районах Грузии делали чучело, которое одевали в одежду умершего.
- <sup>11</sup> *Пшавела В.* Публицистические и этнографические статьи, с. 13; *Хазанов А. С.* О пшавках, с. 90; *Ковалевский М. М.* Пшавы, с. 205.
- <sup>12</sup> Здесь имеется в виду оплакивание усопшего специальными плакальщицами, которых приглашали на похороны и поминки. В роли плакальщиц «обычно выступали женщины, свободно владеющие речью и не лишенные поэтического дара... Во время оплакивания они сочиняли стихи, посвященные жизни и деятельности покойного; попутно вспоминали и ранее умерших» (см.: *Георгадзе Д. Г.* Культ мертвых..., с. 14).
- <sup>13</sup> *Казбеги А.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 39.
- <sup>14</sup> Папи — священнослужитель в Сванети.
- <sup>15</sup> Иногда сваны устраивали поминки при жизни. Посредине комнаты на высоком сиденье усаживался отмечавший свои поминки. Перед ним ставили столик с его любимыми кушаньями. В остальном эти поминки не отличались от обычных (см.: *Будовниц И.* Страна башен, с. 61, 62; АИЭ, 1977, дневник № 2, л. 80).
- <sup>16</sup> Сваны в случае убийства члена своей фамилии отпускали бороду и не брили ее до тех пор, пока «не брали кровь» с фамилии убийцы. Иногда это продолжалось несколько лет (АИЭ, 1977, дневник № 2, л. 79).
- <sup>17</sup> *Нижарадзе Б.* Обряд похорон усопших в Сванети. — В кн.: Этнографические статьи о Сванети. Тбилиси: Мецниереба, 1973, с. 67—73 (на груз. яз.); *Дадуани Л.* Обычай Сванети. — Там же, с. 12, 13; *Маргиани Д.* Сванети, с. 78, 81; Отчет о путешествии по Абхазии и Сванетии о архимандрита Амвросия. — Отчет Общества восстановления православного христианства на Кавказе за 1890 г. Тифлис, 1891, с. 108, 109, 127; *Догушин А. А.* Через Сванетию к Эльбурсу. — СМОМПК, 1900, вып. 28, с. 190; *Баградзе Д.* Сванетия, с. 54; *Стоянов А. И.* Путешествие по Сванетии, с. 432, 438.
- <sup>18</sup> *Ковалевский Б.* Страна снегов и башен, с. 70, 117, 118.
- <sup>19</sup> *Чурсин Г. Ф.* Народные верования и обычаи в Кахети. — ЗКОРГО, кн. XXV, вып. 2.
- <sup>20</sup> См.: *Андронников А. Д.* Описание 3-го, Уравельского, полицейского участка..., с. 284, 285; *Макалатия С.* Месхет-Джава-хети, с. 100; АИЭ, 1974, ПК, л. 35, 69, 176; 1975, ПК, л. 225—227.
- <sup>21</sup> *Сагарадзе М.* Обычаи и верования в Имелети, с. 18, 19; Словарь, с. 96.
- <sup>22</sup> Хевистао — родственно-соседское объединение.
- <sup>23</sup> Означало помощь (деньгами, продуктами), оказываемую семье покойного всеми пришедшими на похороны. В конце XIX в. родственники приносили главным образом деньги: от 1 до 10 руб. (см. СМОМПК, вып. 22, с. 36).
- <sup>24</sup> Если женщина теряла первого сына, то по обычаю не могла идти на кладбище и сопровождала похоронную процессию только до реки.
- <sup>25</sup> См.: *Дуладзе А.* Этнографическая Гурия, с. 131—153, 164—167; Цнобис пурцели, 1897, № 252 (на груз. яз.); *Чурсин Г. Ф.* Очерки по этнологии Кавказа, с. 13.
- <sup>26</sup> Пшеница в Гурии была привозной и стояла дорого.
- <sup>27</sup> *Дуладзе А.* Этнографическая Гурия, с. 165; Цнобис пурцели, 1899, № 873; *Мамаладзе Т.* Народные обычаи и верования гурийцев. — СМОМПК, 1893, вып. 17, с. 74—80.
- <sup>28</sup> Бывали редкие случаи, когда старик, не имевший наследников и никого в доме, устраивал свое оплакивание и поминки при жизни. Когда он умирал, его не оплакивали и сразу хоронили.
- <sup>29</sup> «Обувь для многих народов — приобретенное... сравнительно недавнее, — пишет Г. Ф. Чурсин. — Понятно, что богам и ду-

- хам предков это новшество не по вкусу, и кто захотел бы порадовать их любезной их сердцу стариной, тот должен снять с себя обувь и предстать пред ними с босыми ногами» (*Чурсин Г. Ф.* Очерки по этнологии Кавказа, с. 15, 16).
- <sup>29</sup> См.: *Сахокиа Т.* Культ мертвого в Мегрелии.— МЭГ, 1940, № 3 (на груз. яз.). Работа Т. Сахокиа написана в 1914 г., но отражает в основном материалы конца XIX в. См. также: *Макалагия С.* Этнография картвельских племен, ч. I, с. 80, 81, 90.
- <sup>31</sup> Сахокиа отмечает, что последнее оплакивание с зари было сделано по завещанию старика в 1922 г.
- <sup>32</sup> АИЭ, 1975, ПК, л. 2, 10, 210, 252; 1974, ПК, л. 96, 97. За исключением Рачи, где поминки (на них разрешалось есть мясо) устраивали после похорон.
- <sup>33</sup> АИЭ, 1975, ПК, л. 219, 223, 228, 250, 252; 1976, ПК, л. 98, 100.
- <sup>34</sup> В день похорон оседлывали коня, покрывали его черной попоной и подводили к покойному. При выносе гроба лучший наездник вскакивал на этого коня и мчался вскачь. Он должен был заездить коня, чтобы к приходу похоронной процессии на кладбище конь свалился бы замертво (см.: *Шанишев З.* По Свапети. Очерки. Тифлис, б. г., с. 115).
- <sup>35</sup> В Восточной Грузии (до Сурамского хребта) поминки устраивали после похорон, причем в трапезе были приняты мясные блюда. Однако самые близкие покойного не ели мяса в течение года. В Западной Грузии по традиции поминки делали перед похоронами и еда была постной. В Аджарии поминальное угощение полагалось после похорон и только для приехавших издалека.
- <sup>36</sup> *Макалагия С.* Месхет-Джавахети, с. 37; АИЭ, 1974, ПК, л. 35, 54, 69; 1975, ПК, л. 175, 225.
- <sup>37</sup> Это характерно для быта не только грузин, но также армян, осетин, азербайджанцев, греков, русских, удин, живущих в Грузии.
- <sup>38</sup> АИЭ, 1974, ПК, л. 2, 60, 223; 1975, ПК, л. 176, 181, 213—215, 224, 230, 234, 237, 254, 264; 1976, ПК, л. 88, 93, 270; 1977, дневник № 1, л. 25, 27; дневник № 2, л. 8, 29, 45, 74, 99, 104; дневник № 3, л. 101, 102.
- <sup>39</sup> См. Постановление ЦК Пленума Коммунистической партии Грузии от 24 ноября 1975 г. «Об усилении мероприятий по борьбе против вредных традиций и обычаев».— *Заря Востока*, 1975, 25 ноября; *Гугутишвили М.* Новые советские традиции в Грузии.— Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1972, с. 20—22.
- <sup>40</sup> Следует отметить, что аналогичный обычай до недавнего времени был известен в быту армян, в том числе и живущих в Грузии (АИЭ, 1975, ПК, л. 181, 190).
- <sup>41</sup> АИЭ, 1974, ПК, л. 2, 30; 1975, ПК, л. 54, 69, 176, 225, 237; 1976, ПК, л. 88; 1977, дневник № 3, л. 8, 9, 103, 105.
- <sup>42</sup> АИЭ, 1975, ПК, л. 181; 1976, ПК, л. 4.
- <sup>43</sup> В некоторых районах вместо одежды теперь кладут фотографию или даже диплом об окончании вуза (АИЭ, 1974, ПК, л. 97; 1977, дневник № 2, л. 107).
- <sup>44</sup> АИЭ, 1974, ПК, л. 54, 60, 69; 1975, ПК, л. 54, 210, 213, 214, 225, 253; 1977, дневник № 2, л. 8, 20, 28, 73, 101—104, 108.
- <sup>45</sup> АИЭ, 1974, ПК, л. 2, 9, 30, 133; 1977, дневник № 2, л. 79, 80, 83, 85.



## ЧАСТЬ ВТОРАЯ

### Закономерности развития бытовой культуры грузин в XIX—XX вв.



Закончена первая часть работы, в которой были рассмотрены некоторые стороны бытовой культуры грузинского народа. Приведенный фактический материал дает теперь возможность обосновать те проблемы, которые априори ставились во введении к настоящей книге.

#### Бытовая культура — синтез традиционных, новых и смешанных форм

В начале XIX в. — хронологический рубеж нашего исследования — в бытовой культуре грузин явственно прослеживались не только ее традиционные формы, но также новые и смешанные, пребывающие всегда в органическом единстве.

Рассмотренные материалы показали, что подобный синтез — явление, характерное для каждой сферы бытовой культуры, для каждого ее компонента. Всякий новый этап истории воспринимает традиции далекого прошлого, сохраняет или трансформирует их, а также создает новые традиции, соответствующие иным историческим условиям. Хотя указанная особенность бытовой культуры — сосуществование одновременно возникших форм — повторяется из века в век, соотношение в ней традиционного и нового в разные исторические эпохи весьма неодинаково. В грузинской

бытовой культуре первой половины XIX в., например, такое соотношение было в пользу традиций. Но уже во второй половине века бурные социально-экономические изменения привели к тому, что соотношение стало меняться в пользу нового.

Таким образом, соотношение в культуре различных форм не стабильно. Оно находится в постоянном движении, в котором, как правило, не сразу происходит отмирание старой традиции и замена ее новой. Это длительный процесс, интенсивность которого зависит от различных факторов, и протекать он может в различных вариантах: от автономного существования традиционного и нового до их тесного взаимодействия в едином комплексе.

Это мы попытались подтвердить материалами, приведенными в первой части книги. Из них явствовало, что жилище, например, в первой половине XIX в. было представлено в Грузии главным образом своими традиционными формами (дарбази, мицурис сахли, джаргвали, пацха, дом-крепость), каждая из которых была распространена в определенных историко-этнографических зонах Грузии. Однако уже в это время в результате начавшегося интенсивного процесса модернизации традиционного жилища в последнем наряду с традиционными стали появляться новые элементы, а в селах Кахети в первой четверти XIX в. фиксируется со-

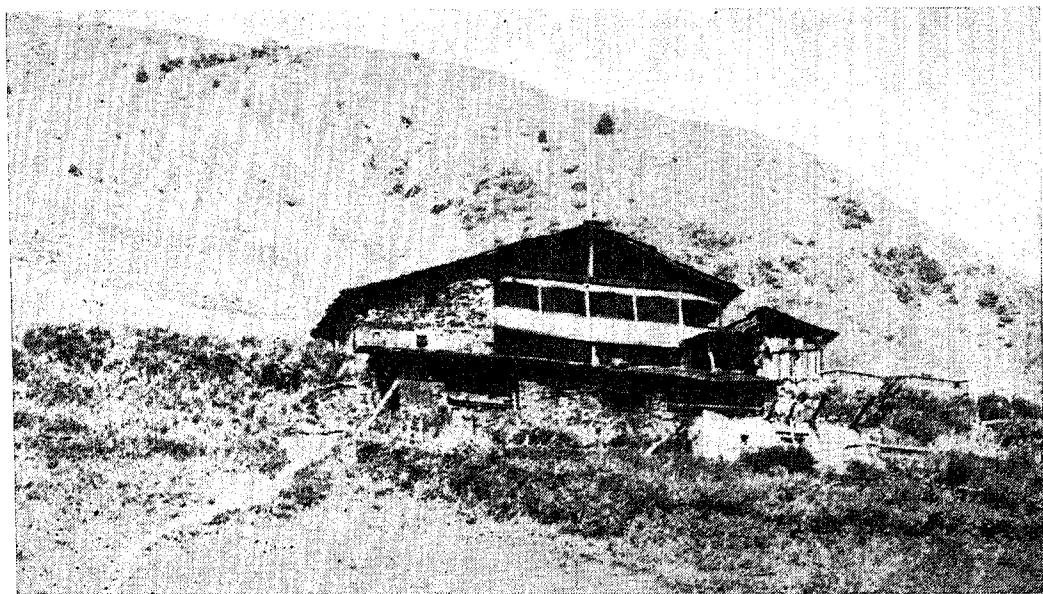
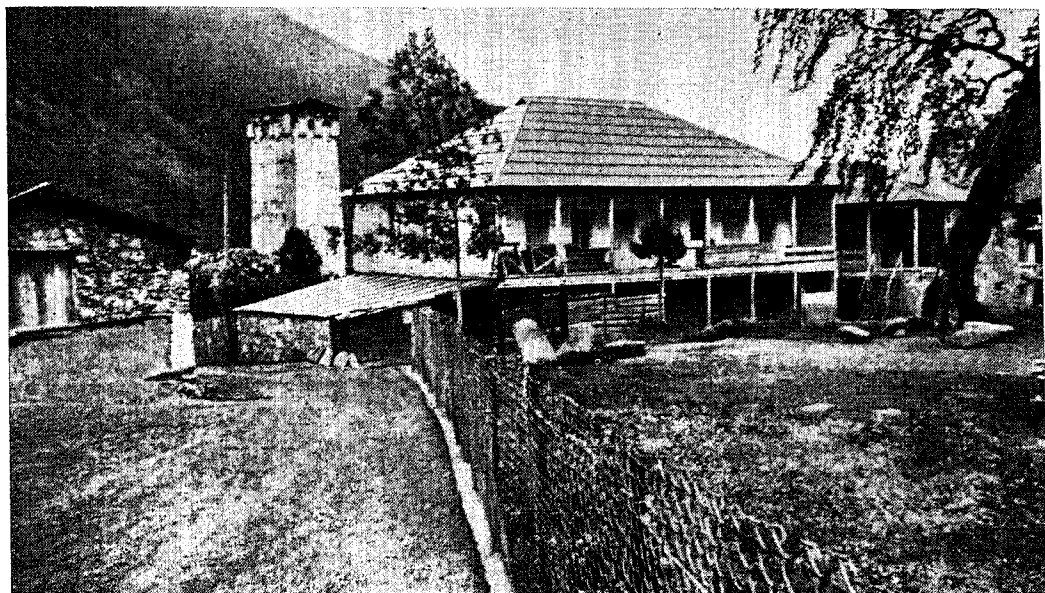


Рис. 1. Перестроенный традиционный тушинский дом (сел. Джварбосели; фото 1960-х годов)

Рис. 2. Новый дом на фоне традиционной башни в Сванети (сел. Мазери; фото 1974 г.)



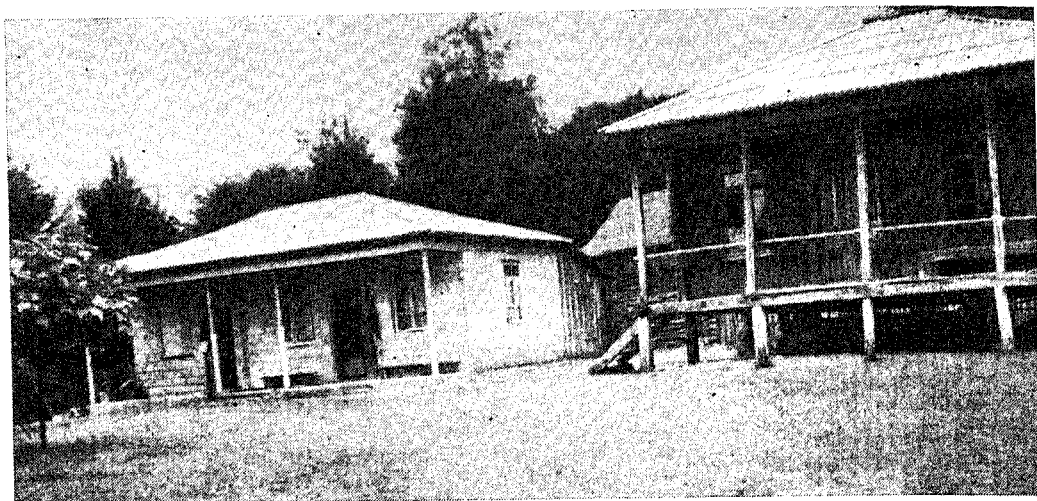


Рис. 3. Усадьба в Мегрелии

справа — дом начала XX в. (шиферная крыша и большие окна — поздние переделки); слева — дом постройки 1960-х годов (фото 1974 г.)

вершенно новый тип дома, который стал известен впоследствии под названием «кахетинского». В пореформенное время он очень быстро распространился по всей территории Восточной и частично Западной Грузии и к концу XIX в. — началу XX в. воспринимался местным населением уже как традиционный. В других частях Грузии также происходило быстрое проникновение в быт новых форм жилища, существовавших поначалу вместе с традиционными: в Сванети это был палатиани сахли, в Западной Грузии — дощатый ода и др.

В более близкие к нам времена — 1920-е и даже в 1930—1940-е годы — в грузинском жилище, как и ранее, сосуществовали традиционные, новые и смешанные формы. Еще не исчезли, а реально бытовали традиционные дома-крепости, представленные, правда, единично, функционировали дарбази, мипулис сахли, пацхи и др. Подобное было характерно для всех районов

Грузии. Возьмем для примера Месхет-Джавахети. В эти годы здесь были распространены четыре типа жилища: два древнетрадиционных (дарбази и дом с плоской земляной крышей), переходный тип дома (панджриани сахли, т. е. дом с окнами) и дом нового типа, отличавшийся своими усовершенствованиями от первых трех<sup>1</sup>. Однако стремление к замене традиционного жилища новым все более усиливалось. Этот процесс, наиболее интенсивно происходивший в 1920—1930-е годы, привел к тому, что уже к 1950-м годам старое жилище почти полностью исчезло (имеется в виду жилище, используемое по своему прямому назначению, поскольку старое жилище с иными функциями или в заброшенном виде сохраняется и в наши дни).

Процесс распространения новых форм жилища, соответствующего современным требованиям, продолжается и в настоящее время. Однако неверным было бы думать, что изменения, происшедшие в грузинском жилище за последние два века, означают полное пресечение древних домостроительных традиций. В грузинском доме сегодняшнего дня нашли свое место многие ра-

циональные черты традиционного жилища: материал строительства, некоторые элементы планировки, общий вид усадьбы и т. п.

Тот же сложный синтез традиционных, новых и смешанных форм прослеживается и в одежде. Историческое развитие грузинского мужского и женского костюма, как видно из наших материалов, протекало по-разному. В мужской одежде в конце XIX—начале XX в. более стабильны традиционные формы. Помимо них органической частью мужского костюма грузин стали элементы, привнесенные с Северного Кавказа, из Персии, Турции (черкеска, разрезные рукава в чохе, остроконечный головной убор из меха и др.). В 1920—1930-е годы мужской грузинский костюм стал активно вытесняться одеждой общеевропейского (городского) типа. Прежде всего это коснулось праздничной (свадебной) одежды, которую в те годы нередко составляли френч или гимнастерка, брюки галифе и сапоги военного образца. Появилась «кавказская» рубашка, которую надевали с узким кожаным или шелковым поясом. Постепенно и в повседневной жизни вместо ахалуха стали надевать гимнастерку, «кавказскую» рубашку, а традиционные штаны из домотканины заменились брюками галифе. Указанные элементы костюма сочетались с традиционными головным убором и обувью. Подобный костюм хотя и возник в селе под влиянием города, однако, конечно, не был одеждой городского (европейского) типа и представлял собой своеобразную смешанную форму, сочетавшую традиционные и новые элементы костюма. С годами усиление в среде сельского населения Грузии процессов урбанизации привело к широкому распространению мужской одежды общеевропейского типа: пиджак, брюки навыпуск, ботинки и т. п. Однако нельзя сказать, что грузинская мужская одежда сегодняшнего дня абсолют-

но лишена какой-либо традиционности. Последняя иногда проявляется в отдельных элементах современного костюма: например, сельские жители старшего поколения до сих пор носят брюки, заправленные в вязаные носки, а вместо ботинок надевают калоши, что очень напоминает старые грузинские цуга с носками; традиционные головные уборы (сванури, имерули, тушури и др.) придают некоторый колорит городскому костюму мужчин и т. п.

В женской традиционной одежде в отличие от мужской во второй половине XIX в. уже не только фиксируются элементы общеевропейского костюма (обувь, чулки, платья, шляпы), но и происходит постепенная трансформация всего традиционного костюма грузинки. Более устойчиво он сохранялся лишь в горной Грузии. Однако и в наши дни грузинская женская одежда, в целом общеевропейская (городская), сохраняет некоторое своеобразие. Это проявляется в отдельных деталях костюма, в выборе цветовой гаммы, в предпочтении пожилыми женщинами больших головных платков темного цвета и т. п. Этническое своеобразие проявляется и в традиционном отношении к женской одежде. Вы не увидите в грузинском селе платьев с глубоким вырезом, без рукавов (обязателен хотя бы небольшой рукав), брюк, которые могут носить только девочки, платьев очень ярких расцветок. Вне своего двора женщине не считается возможным ходить без чулок и т. п.

Синтез традиционного и нового прослеживается даже в наиболее консервативной области материальной культуры — в пище. Но если в жилище и одежде новое почти полностью вытесняет отдельные традиционные элементы, то в пище этого не происходит: здесь обе формы длительное время сосуществуют. В первой половине XIX в. питание грузин составляли традиционные блюда, известные еще в



Рис. 4. Пожилые грузины в современной традиционной одежде. (сел. Ахалсепели Тианетского р-на; фото 1975 г.)



Рис. 5. Пожилая аджарка в современном традиционном костюме (сел. Горджоми в горной Аджарии; фото 1975 г.)

средневековье: различные виды печеного хлеба, томи, шашлык и др.<sup>2</sup> Кроме традиционных блюд, имелись заимствования из турецкой кухни (например, кофе в Аджарии) и европейской (макароны, чай). Тенденция появления нового в питании грузин усилилась с начала XX в. и особенно в 1930–1940-е годы, когда стали широко использоваться покупные продукты, а на столах стали появляться новые блюда и напитки.

Синтез в бытовой культуре трех форм (традиционной, новой и смешанной) характерен не только для материальной, но и для духовной сферы. Проиллюстрируем это положение примерами из области семейного быта.

Традиционный выкуп за невесту в районах Грузии, где он еще сохранялся как действующий обычай (Хеви, Сва-

нети, Аджария и др.) во второй половине XIX — начале XX в., рисуется источниками в сильно измененном виде, что отражает процесс проникновения нового в весьма консервативную сферу бытовой культуры. Приводившиеся материалы позволяют выявить в Грузии в XIX — первой четверти XX в. следующие формы выкупа, которые можно обозначить этим термином с большей или меньшей долей условности. 1) Выкуп, который семья жениха давала отцу девушки, причем выкуп полностью оставался в семье невесты (такова была форма выкупа в Хеви). 2) Выкуп в виде скота, денег, иногда участка земли, часть которого или даже весь он составляли приданое и сатавно, а часть оставалась в доме родителей девушки. Такая форма выкупа была известна в Пшави,



Сванети, Месхет-Джавахети, Аджарии. 3) Выкуп, принявший форму подарков вещами, деньгами, подносимых женихом невесте и которые также включались в ее приданое. Эта форма встречалась на территории большей части Грузии, в том числе в некоторых горных районах, например в Тушетии.

Таким образом, в приведенном примере налицо то же сочетание исторически менявшихся форм культуры — традиционной (первая форма выкупа), новой (третья форма) и смешанной (вторая форма). Со временем их соотношение менялось. В первой трети XX в. традиционный выкуп уже не фиксируется ни в одном районе Грузии. Примерно в эти же годы исчезает и вторая форма выкупа. Фактически в свадебном ритуале сохранилась третья, поздняя и наиболее трансформированная форма «выкупа» в виде подарков.

Число примеров из области семейного быта, подтверждающих тезис о синтезе культуры, можно значительно увеличить. Приведем еще один пример, связанный с обычаем избегания. В некоторых районах Грузии к началу XX в. этот обычай полностью исчез. В районах, где он еще сохранялся, формы избегания уже существовали в значительно измененном виде. Так, во взаимоотношениях со свекровью невестка выполняла обычай лишь в течение 3—4 дней, что представляло своего рода компромисс, соединявший необходимость выполнения традиции и элементы новых по своему характеру взаимоотношений в семье. Со свекром и старшим деверем обычай избегания действовал в более традиционной форме. Но даже в тех районах, где сохранялись вышеописанные паллиативные формы избегания, некоторые его виды, такие, как избегание зятем тещи, невесткой — старших соседей и т. п., — совсем исчезли.

В заключение еще раз подчеркнем, что бытовая культура грузинского народа, предстающая как сложный синтез



Рис. 6. Пастух на летних пастбищах около сел. Горджоми в горной Аджарии

Одежда с традиционными элементами: обувь, накидка из козьей шкуры (фото 1960-х годов)

традиционных, новых и смешанных форм, не является исключением. То же самое происходит в бытовой культуре других этносов, в том числе кавказских, что подтверждается материалами многих исследований, посвященных культуроведческим проблемам<sup>3</sup>.

## Традиции. Их функции и особенности

Итак, в бытовой культуре соединяются традиционные, новые и смешанные формы. Каждая из них имеет свою специфику, которую мы и попытаемся охарактеризовать. Прежде о традициях.

Традиции рождаются в ходе исторического процесса в пределах какой-либо конкретной общности людей: этниче-

ской (этнос, этнографическая группа), социальной (класс, профессиональная группа), региональной (Закавказье, Кавказ) и др. Традиции не существуют лишь в сознании породившей их общности, а проявляются в конкретных формах материальной и духовной культуры: в обычаях, обрядах, в материализованном виде — в орудиях труда, жилище, одежде, пище и т. п. Но не всякое культурное явление, возникшее в недрах какой-либо конкретной общности, превращается в традицию. Большое значение в данном случае приобретает фактор времени: лишь через какой-то период новое становится традицией. При этом последняя уже предстает не как единичное, а как массовое явление. «Традиционное — это, с одной стороны, нечто давнее, старое, хорошо известное и привычное, а с другой — достаточно широко распространенное и популярное»<sup>4</sup>.

Возникнув в определенной исторической обстановке, традиции сами становятся сильнейшим регулятором исторического развития народа, выполняя множество социальных функций<sup>5</sup>. Прежде всего это функция передачи социального опыта прошлых поколений последующим. Именно благодаря такой функции осуществляется линия непрерывного развития культуры. Таким образом, с помощью традиций осуществляется связь времен — современной эпохи и исторического далека. Именно традиции во всех многообразных проявлениях связывают нас с историческим прошлым. Поэтому так важно сохранить полученное нами культурное наследие и использовать из него наиболее ценное и рациональное. Воспринимая традиции «посредством повторения заданных образцов целостных комплексов деятельности», мы воспринимаем социальный опыт прежних поколений<sup>6</sup>. Неосознанно соблюдая какой-либо обычай или выполняя обряд, мы столь же неосознанно впитываем и

социальный опыт наших предков. Однако нередко процесс восприятия традиций происходит и осознанно. А это означает необходимость правильной оценки социального опыта прошлого, создание новых традиций, при помощи которых можно будет передать социальный опыт сегодняшнего дня последующим поколениям, нашим грядущим потомкам.

Обладая большой стабильностью, традиции выполняют и другую важную функцию: социальной солидарности, объединения данной конкретной общности — народа, этнографической группы, класса, профессиональной группы и т. п. Функция объединения характерна для любого культурного явления, как и культуры в целом. Однако традиции выполняют еще одну функцию — разъединительную, отражающую существующее в психологии народа противопоставление своих традиций чужим. Данная функция по своей сущности противоположна функции объединения. Этот феномен Б. Ф. Поршнев выразил в формуле «мы» — «они»<sup>7</sup>. В данной дихотомии смещение акцентов происходит в сторону этнического противопоставления. Однако подобная «этнознаковая» особенность культуры проявляется лишь «в контактах между этносами», а не является внутренним свойством культуры. Поэтому любой материальный элемент обладает этнической спецификой в контактной зоне, но теряет ее в однонациональной среде<sup>8</sup>.

По всей вероятности, любой элемент культуры в сходной ситуации может обладать этой спецификой. Однако представляется вероятным, что объединительные и разъединительные функции культуры могут действовать и на совершенно иных уровнях. Жилище, с одной стороны, выполняет функцию единения семьи, с другой — оно как бы отделяет эту семью от других семей. Даже в самом жилище его отдельные части вы-

полняют функцию противопоставления и разделения. Таковы мужская и женская половины дома, помещение для гостей и для семьи, спределенное место для главы семьи и т. п. То же самое в одежде<sup>9</sup>. Своеобразный костюм гурийских торговцев являлся символом их профессиональной группы и противопоставлял остальному населению в той же Гурии. Разносчики-торговцы в Тбилиси (кинто) носили костюм, который сразу выделял их из остальной массы местного населения. Функции объединения и разъединения выполняет и пища. Напомним хотя бы о пищевых запретах, которые объединяли определенную общность, выполнявшую тот или иной запрет, и противопоставляли ее другой общности, не выполнявшей такого же запрета. «Без сомнения, — пишет Э. Дюркгейм, рассуждая отвлеченно, можно отлично доказать, что нет никакого основания обществу запрещать употребление... такой-то самой по себе безобидной пищи. Но раз отвращение к этой пище стало интегрирующей частью общего сознания, то оно не может исчезнуть, не ослабив общественной связи»<sup>10</sup>.

Те же функции объединения и разделения выполняют и обряды семейного и общественного быта. Например, обычай кровной мести, в прошлом распространенный в Грузии, как и на всем Кавказе. Необходимость выполнения данного обычая объединяла всех членов фамилии, мстившей за своего убитого сородича, но эта же необходимость противопоставляла эту фамилию фамилии убийцы. Обычай взаимопомощи, широко принятый в быту грузин, объединял членов фамилии и сообщинников в различных жизненных ситуациях: от совместной пахоты до строительства дома, свадебной и похоронной церемоний. Но этот же обычай выполнял и функцию отделения данного коллектива от другого!

В наши дни многие предметы матери-

альной культуры уже не выполняют рассмотренные функции. Современная одежда общемирового образца уже не обладает функциями сплочения какого-то коллектива и тем более его противопоставления другому коллективу, поскольку ею утеряна важная особенность быть этническим знаком. Однако стремление, часто неосознанное, к восстановлению этой особенности сохраняется в психологии каждого человека, носителя данной этнической традиции. Это нередко выражается в таких формах, как появление какой-то традиционной детали — головного убора, украшений и т. п. — в полностью европеизированном современном костюме.

Но это не меняет факта, что в современном обществе центр этнической специфики все больше перемещается из материальной сферы в духовную. Именно здесь традиции, как и ранее, имеют возможность выполнять функции социального регулятора и социального контроля, именно здесь они несут наибольшую этнообъединительную и этнодифференцирующую нагрузку. Выполнение этих функций традицией основано на чувстве и вере ее последователей<sup>11</sup>, ведь зачастую главным мотивом в пользу осуществления какой-либо традиции бывает ссылка на авторитет предков, нарушение заветов которых в виде обычаев преследуется общественным мнением (раньше подобное было и уголовно наказуемо, что нашло отражение в нормах обычного права, а также в государственных законах). Ярким примером выполнения традицией функции социального контроля является обычай изгнания преступника из его фамилии, широко применявшийся в быту кавказских народов в недавнем прошлом<sup>12</sup>.

Как было сказано, традиции формируются в рамках какой-либо исторической общности людей: этноса, этнографической группы и др., и, становясь достоянием культуры этой общности, осознаются ею исконно своими, прису-

щими только данной общности. Это справедливо в том отношении, что традиция, вписываясь в определенную этнокультурную среду, начинает играть в ней соответствующую роль, обслуживая потребности представителей данной этнической общности. Ее функционирование в этом случае протекает в том специфическом обрамлении, которое неизбежно накладывается под влиянием окружающей этнокультурной среды. Именно в этих условиях происходит оценка традиции как уникальной, «эндемичной» и т. п.

Однако, если отрешиться от специфики, которая действительно присутствует в любой национальной традиции, то станет ясно что преобладающее большинство традиционных явлений культуры не есть принадлежность какой-либо одной общности, а является общим достоянием народов, нередко значительно разобщенных территориально и не связанных этнолингвистическим родством. Подобное единство традиций и объясняет значительную общность культур разных этносов. «В силу взаимодействия культур, — подчеркивает Ю. В. Бромлей, — а также определенной культурной конвергентности в развитии народов преобладающая часть этнических особенностей в сфере культуры имеет, так сказать, относительный характер. Они выступают как общее свойство нескольких этнических единиц, отличающееся одновременно всех их от некоторых других единиц того же типа»<sup>13</sup>. Наши материалы характеризуют некоторые традиции бытовой культуры грузин. Но эти традиции не локальны, и мы найдем их в культуре других народов той же Грузии, остального Кавказа и далеко за его пределами.

Такое культурное единство проявляется в историко-культурных общностях разного уровня: этнос, этнографическая группа, подрегион (Закавказье), регион (Кавказ), несколько регионов (например, Закавказье с Передней Азией)

и т. п. Каждая из названных общностей обладает некоторыми общими признаками, которые и дают право говорить о культурном единстве ее населения. Однако имеются и отличия, прежде всего связанные с языком и этническим самосознанием<sup>14</sup>. Границы такого культурного единства в большинстве переходят этнические границы, накладываясь таким образом на соседние культурные общности. Подобное перекрещивание более всего заметно в контактных зонах. Например, в Сванети как части Грузии, с одной стороны, прослеживается большое единство с грузинской культурой, с другой — имеются существенные отличия (например, архитектурный стиль башен). Некоторые детали сванской культуры связывают ее с северокавказской. Таковы, в частности, элементы традиционной женской одежды (корсет, нагрудник с серебряными застёжками; ср. у кабардинцев, абазин, осетин, а также у абхазов), музыкальный инструмент типа арфы (ср. аналогичный музыкальный инструмент у адыгейцев, осетин, а также у абхазов), некоторые элементы в народных верованиях и т. п. Таким образом, в отдельных проявлениях сванской культуры можно говорить о сванско-северокавказской и сванско-абхазской культурных общностях.

В той же Западной Грузии прослеживается еще одна культурная общность. Территориально она охватывает Имерети, Гурию, Мегрелию. Здесь выработались свои особенности в традиционном домостроительстве (деревянные дома, плетеное жилище), в питании (например, гоми, неизвестное населению других районов Грузии). Нигде в Грузии, кроме названных районов, не встречался мужской головной убор папанаки. Но в ряде культурных явлений границы этой общности расширяются и выходят за пределы Грузии. Аналогичные деревянные и плетеные жилища были традиционными для соседней Абхазии и всего Северо-Западного Кав-

каза. Указанная особенность в питании западных грузин (гоми) характерна для абхазов и народов Северо-Западного Кавказа, до сегодняшнего дня сохранивших традиционные мамалыгу и абысту.

Знакомство с аналогичными материалами по другим народам Кавказа подтверждает большую распространенность многих явлений культуры, известных нам в Грузии. Формы жилища, отмеченные в ее горных районах, бытовали и в других историко-этнографических областях: дом-крепость и башни — в горах Осетии, Ингушетии, Чечни, Дагестана, жилище со ступенчато-венцеобразным перекрытием было одной из традиционных форм также в Армении, западном Азербайджане, Передней Азии и т. п.<sup>15</sup> Не меньшее единство прослеживается в традиционном, главным образом в мужском, костюме народов Кавказа (в женской одежде заметна большая локальность, хотя северокавказская женская одежда весьма однотипна). Во многом одина пища кавказских народов. Большое единство прослеживается в семейно-брачных нормах, в свадебных, родильных и похоронных обрядах и т. п.<sup>16</sup>

Многие из рассматриваемых нами явлений и форм культуры известны также за пределами Кавказа — в странах Передней Азии, с культурой которых кавказская культура особенно близка, в Средней Азии, в Индии, Афганистане, на Балканах и других регионах мира. Культурная общность настолько широка, что, вероятно, всегда можно говорить о мировой общности культуры (во всяком случае, в некоторых ее проявлениях). Но, как мы видели, этническая психология сужает эту общность и осознает бытующие в данном этносе традиции как особенность только своей культуры.

Традиции, возникая в конкретной исторической ситуации, тесно связаны с ней и изменяются под ее влиянием. В новых исторических условиях, как мы

видели, традиции нередко не исчезают и сохраняются как реально действующие социальные явления. Этнографические материалы первой части работы показали, что всякая традиция не извечна и то, что считалось традиционным для грузинского народа, например, во второй половине XIX в., еще в начале того же века представляло собой новое явление. Таким образом, мы имеем здесь пример постоянного диалектического движения: перехода вновь возникающих явлений в традицию. Оказавшись в новых условиях, традиция обладает и некоторой самостоятельностью, так как она уже не связана с этими условиями в полной мере. Последнее не означает, однако, что в новых условиях традиция абсолютно стабильна: она меняется и приобретает черты новой исторической эпохи.

Каждая историческая эпоха получает в наследство определенные традиции. Все они, как и вновь возникающие, составляют культурное наследие народа. Однако их роль в развитии этноса на разных этапах истории бывает весьма неодинаковой. В связи с этим обычно принято различать положительные, отрицательные и относительно нейтральные традиции<sup>17</sup>. Относительно нейтральными можно считать, например, цвет одежды, интерьер жилища, утварь. Вряд ли имеет решающее значение, из деревянной, медной или фарфоровой посуды будет есть человек. В этих традициях на первый план выступает привычка к выработанной какой-либо форме культуры: предпочтение стеклянной, а не деревянной посуды, предпочтительное восприятие определенной цветовой гаммы, например темных, а не ярких тонов. Столь же нейтральна традиция выбора тканей для шитья одежды. Из шерстяных, шелковых, хлопчатых или синтетических материалов будет шит костюм, не имеет значения для традиционных установок данного этноса. Но если из этих тканей будет

спит костюм совершенно иного образца по сравнению с традиционным, такое будет восприниматься как нарушение определенных норм этноса.

Культурным богатством являются традиции, которые, оценивая как положительные, мы должны всемерно сохранять и укреплять. В грузинском быту к ним следует отнести такие явления, как взаимопомощь, гостеприимство, уважение старших, традиции музыкального и прикладного искусства и т. п. Но, как отмечалось, среди традиций существуют также отрицательные, причем в таком качестве они оцениваются не только с позиций сегодняшнего дня, но и более раннего времени. В грузинском быту к ним следует отнести, например, некоторые традиции, связанные с похоронами, которые во многом мешают нормальной современной жизни.

## **Новые и смешанные формы.**

### **Их возникновение и динамика**

Традиционные явления, как отмечалось, не единственные компоненты бытовой культуры. Рядом с традицией всегда живет инновация. Если традиция оценивается как квинтэссенция опыта прошлых поколений, то новое представляет собой «квинтэссенцию опыта сегодняшнего дня»<sup>18</sup>. Как и традиции, новое характеризуется особыми чертами. Оно в отличие от традиций не является органической частью культуры этноса, но становясь массовым явлением, пройдя стадию психологической адаптации, превращается в новую традицию. Как пример нового, быстро ставшего традицией, можно привести некоторые моменты современного похоронного цикла в Восточной Грузии, в частности, их многолюдье; в Восточной Грузии в отличие от Западной подобные обычаи в прошлом не были традиционны. Новое в ближайшем или от-

даленном будущем — это традиция. Однако случается, что появившаяся инновация так и не становится традиционным явлением. Например, привычка пить чай появилась в Грузии в первой половине XIX в. Его подавали гостям в состоятельных домах в виде редкостного и экзотического напитка, так как чай тогда был привозным и очень дорогим продуктом. В настоящее время Грузия сама является поставщиком чая на внутренний и международный рынки, однако чай так и не стал повседневным напитком у грузин.

Традиция и инновация нередко не существуют в культуре в «чистом» виде. Взаимодействуя друг с другом, они образуют смешанные формы, содержащие элементы как нового, так и традиционного. Такого рода формы чаще всего возникают в культуре в период наиболее острой борьбы нового со старым и отражают определенный этап развития культуры. Смешанные, или паллиативные (компромиссные) формы обычно воспринимаются народом уже как традиционные. Смешанные формы могут быть в виде простого соединения инновации и традиции (заметнее всего это происходит в материальной культуре) или представлять органический сплав нового и традиционного, творчески переработанный народом в духе его традиционной культуры.

Инновации появляются в бытовой культуре различными путями. Один из таких путей — процессы внутреннего развития бытовой культуры, которые прежде всего определяются социально-экономическими условиями. Последние в Грузии в первой половине XIX в. характеризовались застойными формами экономики, отсталой сельскохозяйственной техникой, наличием крепостной системы в большинстве районов страны. Все это мало способствовало интенсивному внутреннему развитию грузинской бытовой культуры, которая на протяжении веков во многом сохраняла

свой традиционный облик. Однако рассмотренные материалы показали появление в ней и в первой половине XIX в. новых, более современных форм, как, например, «кахетинский» тип дома, камини в тех районах Грузии, где они не были известны ранее, более удобные способы освещения жилища и т. п. Ниже мы рассмотрим процессы внутреннего саморазвития грузинской бытовой культуры во второй половине XIX в., происходившие под влиянием новых социально-экономических условий. А пока укажем на другой путь возникновения новых форм культуры.

История Грузии представляет процесс многовекового общения со странами древнего и нового мира: Грецией, Римом, Византией, Персией, Турцией, государствами Западной Европы, Россией и др. Интенсивность и характер подобного культурного взаимодействия определялись конкретными историческими условиями. Эти контакты не проходили бесследно для Грузии и различным образом откладывались в ее культуре. Такого рода заимствования имели место еще в далеком прошлом. Напомним контакты, особенно западной части Грузии, с древней Грецией. Влияние последней сказалось в некоторых формах местной посуды, в производстве амфор античного типа, в распространении вертикального ткацкого станка с пирамидальными грузилами, который впоследствии проник и во внутренние районы Грузии. Тесные взаимоотношения с эллинским миром оказали несомненное воздействие и на градостроительство древней Западной Грузии, где широко распространилась характерная для греческой архитектуры кладка из рустованных квадров, а также некоторые орнаментальные мотивы. Контакты с древней Грецией нашли отражение в духовной культуре местного населения. Здесь следует напомнить о распространении греческих религиозных представлений о загробном мире, о влиянии гре-

ческих обрядов на местный погребальный обряд и т. п.<sup>19</sup>

В средневековые политические, хозяйственные и культурные связи Грузии устанавливает, в частности, с Персией и Турцией, что проявилось в одежде, пище, в распространении персидского и турецкого языков<sup>20</sup>. XVIII и XIX века в истории Грузии отмечены тесными контактами с Россией, что, как мы видели, не только оказало влияние на традиционную бытовую культуру грузин, но и в значительной мере привело к появлению здесь форм культуры общеевропейского типа. Этот процесс наиболее интенсивно протекал со второй половины XIX в., главным образом в пореформенное время, когда картина социально-экономического развития Грузии представляла разительный контраст с первой половиной века. Это был период капитализации всего Кавказа, процесс, который способствовал не только оживлению экономической жизни, но и изменению всех традиционных форм быта. Указывая на этот факт, В. И. Ленин писал: «В пореформенную эпоху... шло вытеснение туземных вековых «кустарных» промыслов, падающих под конкуренцией привозных московских фабрикатов. Падало старинное производство оружия под конкуренцией привозных тульских и бельгийских изделий, падала кустарная выделка железа под конкуренцией привозного русского продукта, а равно и кустарная обработка меди, золота и серебра, глины, сала и соды, кож и т. д.; все эти продукты производились дешевле на русских фабриках, посылавших на Кавказ свои изделия. Падала обработка рогов в бокалы вследствие упадка феодального строя в Грузии и ее исторических пиров, падал шапочный промысел вследствие замены азиатского костюма европейским... Русский капитализм втягивал таким образом Кавказ в мировое товарное обращение...»<sup>21</sup>

Именно во второй половине XIX —

начале XX в. в Грузии значительно усиливаются процессы модернизации, европеизации и урбанизации, во многом изменившие традиционный облик грузинской бытовой культуры. Воздействие каждого из них было весьма неодинаковым. Процесс «внутренней» модернизации, т. е. появление в бытовой культуре новых форм, соответствовавших требованиям современности, усилился во второй половине, но более всего к концу XIX в. Несколько ранее начинается активизация другого процесса — европеизации, который в ряде моментов можно оценивать как процесс «внешней» модернизации.

Наконец, с 1870—1880-х годов следует говорить о начале процесса урбанизации сельской культуры. В Грузии он имел свою специфику. Феодалный грузинский город по своим культурно-бытовым особенностям не отличался от села и не оказывал в этом плане существенного влияния на его культуру. В городе начала XIX в. были те же дома, одежда, пища, те же обычаи и обряды, что и в селе. Конечно, город имел и свои особенности. Так, население города было этнически менее однородным. Это создавало, с одной стороны, меньшую устойчивость традиционных форм бытовой культуры городского населения, с другой — большую активность в процессах восприятия нового. В городе сосредоточивалась политическая власть, именно он осуществлял функции политического управления страной. Однако для грузинских крестьян ближайшей политической властью был феодал, в первой половине XIX в. живший в селе; только во второй половине века социальная верхушка грузинского общества стала поселяться в городах. Поэтому до середины XIX в. связи города и села преимущественно не выходили за рамки хозяйственно-торговых и влияние города на сельский быт было незначительным.

Для этого периода основным стал

процесс европеизации местной культуры городского (менее сельского) населения. Развитию этого процесса в XIX в. способствовали некоторые факторы: во-первых, усиление разнообразных контактов, в том числе внешней торговли, с Россией и западноевропейскими странами, что создавало, в частности, возможности для проникновения в местную культуру предметов европейского образца и даже новых норм быта; во-вторых, непосредственные контакты с населением — главным образом в городах — носителями иных, не традиционных форм быта. Именно в городах было сосредоточено русское население (чиновники, военные, интеллигенция), жили выходцы из стран Западной Европы, бытовая культура которых в корне отличалась от грузинской.

Основным источником проникновения в грузинскую бытовую культуру предметов европейского и вообще нетрадиционного быта, как отмечалось, была внешняя торговля<sup>22</sup>. Например, из России в первой четверти XIX в. везли сукна, серебряные, медные и железные изделия, чай, сахар, бумажные материалы (главным образом, нанки и ситцы), краски, фаянсовую и стеклянную посуду, галантерейные мелочи и др. Из Франции привозили ситцы, из Германии — саксонскую посуду, из Италии — платки. В 1850-х годах весьма значительной была каботажная торговля Грузии с русскими портами Азовского и Черного морей. Среди разнообразных товаров, привозившихся оттуда, источники называют посуду, хлопчатобумажные изделия, шерсть, сахар, вермишель, свечи. Русские товары поступали в устье Цхенис-цкали, где находились постоянные лавки и базары. Отсюда они развозились по всей Западной Грузии, в том числе поступали в Кутаиси. Западноевропейские и русские товары доставлялись и в Редут-кале, куда приходили русские, греческие, английские и другие суда. Из Редут-кале товары



переправлялись в Кутаиси и далее по Военно-Имеретинской дороге в другие области Грузии и остального Закавказья. Среди товаров были сахар, кофе, пряности, шерсть, шелк, хлопчатобумажные изделия, напитки, краски, табак, металлы, соленая рыба, серебряная, стеклянная и фаянсовая посуда, кожаные товары и др. Объем привозившихся товаров был довольно значителен. Например, только за 1850 г. из Редут-кале в Грузию было отправлено около 67 тыс. пудов поступивших туда товаров, всего на 700 тыс. руб. серебром<sup>23</sup>.

Отдельные факты европеизации грузинской бытовой культуры известны уже в конце XVIII в. «Со времени вступления нашего корпуса в Грузию, — пишет Языков о Грузии конца XVIII в., — царь Ираклий сделал европейские столы и стулья и выписал все приборы к столу и фарфоровую посуду». Указанные предметы использовались, когда при дворе устраивали обед в честь официальных лиц негрузинского происхождения, что, как отмечает далее Языков, «несколько походило на образ европейский. Многие князья ныне уже ложками едят». Многие знатные женщины в те годы носили европейские шляпы, обвитые тафтой и сеткой или украшенные галунами; имелись также зонтики. «Шляпы и зонтики, — отмечает Языков, — недавно завелись, из России вывезены»<sup>24</sup>.

Сведения такого же рода содержат книги приданого XVIII — первой половины XIX в. Так, в составе приданого племянницы эристава Ксанского Реваза (источник помечен XVIII в.) наряду со множеством различных вещей традиционного характера упомянуты несколько пар чулок (в источнике *чулки*), 5 юбок (в источнике *цупка*), салфетки (в источнике *салетки*), полотняные или холщовые передники (в источнике *передники*), русская зеленая шаль. В списках приданого 1816—1826 гг. названы испанское зеркало, западноевропейские

часы, русские салфетки. С начала XIX в. в составе приданого нередко *чаис параги* и *кавис параги*, т. е. чайная и кофейная посуда. Конечно, все названные предметы в XVIII — первой трети XIX в. были характерны для быта лишь высших слоев грузинского общества. Если мы посмотрим списки имущества крестьянских семей того времени, то не найдем в них ни одной вещи западноевропейского или русского происхождения (может быть, за исключением тканей, в основном ситцев). Таковы, например, списки имущества семей кахетинских сел, составленные в 1803 г. и включавшие только традиционные предметы<sup>25</sup>.

В основном в XIX в. в Грузию везли текстильные материалы, посуду, галантерейные мелочи, в том числе шляпы, чулки, салфетки и пр. Имелись также нетрадиционные продукты питания: чай, кофе, макароны, вермишель, сахар. Во второй половине XIX в. проникновение предметов европейского образца в быт населения Грузии происходило и другими путями. В это время во многих селах начинают работать мастера из местных жителей, выполнявшие заказы по изготовлению не только традиционной, но и европейской обуви и одежды. В селах появляются швейные машинки, на которых местные женщины шили на заказ «платья на европейский лад»<sup>26</sup>.

Процесс европеизации грузинской культуры в течение XIX в. развивался по нарастающей. Наиболее значительные масштабы он приобрел после отмены крепостного права, т. е. с конца 1860-х — начала 1870-х годов, когда в сфере его действия оказалось не только городское, но и сельское население (за исключением горных районов).

Процесс европеизации первоначально затронул высшие слои грузинского общества и прежде всего в крупных городах Тбилиси и Кутаиси. О Тбилиси 1830-х годов современники писали, что «высший класс их (грузин. — Н. В.,



Рис. 7. Гурийки (фото конца XIX в.)

Рис. 8. Грузинские женщины в Сигнахи в Кахети (фото начала XX в.)

Г. Д.) принимает европейский образ жизни..., между тем как в провинции они сохраняют суровость и простоту». В 1840-х годах в Тбилиси большинство женщин еще ходили в покрывалах чадры и традиционных костюмах, но имелись грузинки, как отмечали очевидцы, и другого типа, уже обрусевшие (имеется в виду их европейский костюм), в салопах; грузинский головной убор сохранился и в таком костюме. Резко различался внешний вид старого и нового Тбилиси. В последнем «тавсакави и лечаки, составляющие головной убор грузинок, довольно редки, на чадры же положительное изгнание; чухи и остроконечные бараньи шапки тоже очень редки». В новой части города в 1840—1860-х годах помимо русских жило также высшее грузинское и армянское дворянство, которое «усвоило костюм и образ жизни европейский». Совсем иным в этом отношении был старый Тбилиси, где по-прежнему господство-



вали традиционные формы бытовой культуры, в том числе и традиционная одежда: разноцветные тавсакрави, белые лечаки, белые коленкоровые покрывала, чохи, барашковые шапки наподобие персидских<sup>27</sup>.

Европеизация, как уже видно из приведенных примеров, первоначально затронула сферу материальной культуры — ткани, посуду, мебель, — причем среди социальных верхов. Исключение составляли дешевые ткани, приобретавшиеся самыми различными слоями населения Грузии. Постепенно процесс проникновения в грузинский быт европейских предметов охватывал новые области материальной культуры, например женский костюм. Наряду с традиционным головным убором знатные женщины носили шляпы с тафтой, были приняты зонтики. А. Зиссерман, проезжавший районы Душети и Анапури, писал: «Все чаще попадаются верховые женщины, сидя по-мужски, под большими зонтиками». В 1840—1850-е годы в Тбилиси грузинские женщины носили салопы, все большее распространение получали европейские чулки и обувь<sup>28</sup>.

Несколько позднее, чем в одежде, процесс европеизации начался в жилище и в пище. И это понятно. Несмотря на известную долю консерватизма, все-таки именно одежда — более подвижная и изменяющаяся под влиянием моды форма культуры. Наконец, одежду легче сменить, т. е. шить новый костюм или купить, чем, например, построить новый дом. Что касается питания, то его консерватизм обусловлен во многом чисто физиологическими и психологическими особенностями восприятия пищи, а также многими ритуальными представлениями, связанными с питанием. Поэтому пища сохраняет свою традиционность, однако, несмотря на это, она многое и заимствует. В 1830—1840-х годах такими новшествами в грузинской пище были, например, уже упоминавшиеся

макароны, вермишель, чай, кофе, сахар. Описывая один из обедов у князя Чолокашвили, А. Зиссерман упоминает принятые тогда традиционные блюда: бозбаш, чихиртму — блюда, в которые крошили хлеб и ели их большей частью руками. «Ложки, вилки и ножи, имевшиеся у князя на столе, оставались без употребления». Вечером подавали чай, «главное достоинство коего, — отмечает Зиссерман, — побольше сахара... Для излюбленных гостей непременно заказывались макароны, европейское нововведение и нечто вроде редкости»<sup>29</sup>.

Редкими в первой половине XIX в. были изменения в традиционном жилище грузин. «Только с сороковых годов, — отмечает Зиссерман, — начали многие уже строить себе новые дома полугерманской архитектуры. У князя Чолокаева несколько комнат, полугермански убранных..., в углах шкапы с посудой (европейской. — Н. В., Г. Д.), между коей серебряные азарпешы..., кулы, большие кувшины»<sup>30</sup>. Однако в этом же доме были тахты, ковры и другие принятые в грузинском традиционном быту предметы. В рассказе Зиссермана речь идет о новом «кахетинском» типе дома, который уже был известен в 1830-х годах и постепенно вытеснял традиционное жилище. Однако новое жилище строила только социальная верхушка общества, к которой и принадлежал упомянутый Чолокаев (Чолокашвили), князь, высокое чиновное лицо в грузинской администрации 1840-х годов, начальник Тионетского округа Тифлисской губернии. Его поместье, о котором пишет Зиссерман, живший там довольно длительное время и служивший в Тионетском округе, находилось в Матани. Единичные дома «кахетинского» типа упоминаются источниками и в других селах Кахети: Кварели, Шильда, Энисели.

В некоторой мере процесс европеизации затронул и духовную культуру грузин. По воспоминаниям Ольшевского «в 1832 году не более четырех или пяти

первоклассных грузинских фамилий одели своих дочерей в модное французское платье и дали им оттенок европейского воспитания. За переменной обуви следовало изучение французской кадрили и русского языка...»<sup>31</sup>

В пореформенный период укрепление грузинского города как экономического, политического и культурного центра усилило его влияние на быт грузинского села; можно сказать, что с этого времени все более активизируется процесс урбанизации сельской культуры (вместе с ее европеизацией).

Такого рода процессы во второй половине XIX в. изменили быт населения Тбилиси. Зиссерман, вновь приехавший в Тбилиси в 1870-е годы, писал: «Не нужно забывать, что Тифлис 1842 и 1878 годов — это Азия и Европа; теперь приходится искать восточных особенностей, а тогда они просто бросались в глаза»<sup>32</sup>. Однако сказанное относилось лишь к городам и частично к селам предгорно-равнинной Грузии и совершенно не коснулось ее горных районов. Это хорошо подметил Г. Радде, в 1860-х годах писавший: «Там, у Казбека, на почтовой станции... и английский портер и даже шампанское; зеленый карточный стол с четырьмя стеариновыми свечами составляет... обычную принадлежность станции.... Здесь же, в хевсурской башне даже сальная свеча еще не получила права гражданства и только смолистая лучина, нащипанная в сосновых лесах на северном склоне хребта, мерцает в вечерний час перед джугими горами, когда гостеприимный хозяин подносит им в грубой деревянной кружке темное и крепкое самодельное пиво»<sup>33</sup>. Но и в горах в это время в традиционной культуре происходили определенные изменения. Например, вместо домотканых материалов все большее применение находили покупные ткани; в одежде появились пуговицы.

Процесс европеизации немалое влияние оказывал и на другие стороны жизни

населения: семейный быт, положение женщины, духовную культуру. В 1880-х годах современники отмечали, в частности, подобные изменения в равнинной Картли, где не только менялся традиционный женский костюм и «европейское заняло ведущее положение», но изменениям внешнего характера сопутствовали и другие изменения, например в свадебной церемонии<sup>34</sup>.

Подобные изменения, хотя и не массового характера, имели место и в Имерети, где были известны, например, случаи похорон по-новому (без выполнения обычая массового оплакивания с зари). То же самое отмечалось и в Гурии. В частности, в одной из корреспонденций 1870-х годов описывались похороны жены князя Ясе Гуриели, которые оценивались современниками как первые похороны на европейский манер без выполнения традиции оплакивания<sup>35</sup>.

В последней четверти XIX в. рассматриваемые нами процессы охватили все стороны традиционной культуры населения многих районов Грузии. В Шираке переселенцы-пшавы приобретали европейские плуги, машины для уборки урожая, строили паровые мельницы. Значительные изменения происходили и в способах освещения сельских домов. Все большее распространение получали свечи, но еще более — жестяные фотогеновые лампы без стекол (коптилки), заправлявшиеся керосином и сменившие традиционный чраки на льняном масле и лучину. В обиход входили также висячие керосиновые лампы. В сельских домах, например, Кахети в жилых и гостевых комнатах стали делать окна ставнями. В быту все большее применение находила европейская посуда: чайная, стаканы для вина, сахарницы, тарелки, блюда, рюмки — и даже такие предметы, как самовар. Менее распространены были столовые приборы (чаще использовались ложки), а также европейская мебель, из которой изредка упоминаются шкафы, кровати, стулья<sup>36</sup>.

К концу XIX в. в ряде районов Грузии наметились весьма значительные изменения в традиционном грузинском жилище. «Мцхетские, как и другие, сакли (т. е. сакли — дом. — *Н. В., Г. Д.*), — писал И. И. Пантюхов, — в последние годы быстро прогрессируют. Самый важный уже давно начавшийся прогресс в устройстве их заключается в том, что отверстие в середине сводообразной крыши теперь не служит выводным отверстием для дыма разлагаемого среди сакли костра, а есть только окно для света и воздуха, и в него вставляется рама со стеклами. Для разведения огня служат широкие, обыкновенно красиво обделанные древнего устройства с прямою трубою каминны, а для обогрева зимою в последние десятилетия вошли в употребление небольшие железные печи. Другой важный прогресс в устройстве сакли — в увеличении световых отверстий. Прежде для освещения служило только дымовое отверстие в крыше и дверь; в настоящее же время в мцхетских саклях по сторонам двери одно и два окна, а иногда и небольшое окошечко сверху какой-нибудь стены или над дверью. К переменам, происшедшим в мцхетских саклях в последнее время, следует отнести и пристройки общеевропейского характера возле некоторых саклей, служащие даже помещением для небогатых дачников»<sup>37</sup>.

Приведенный пример указывает, во-первых, на появление домов нового типа (пристройки общеевропейского характера), сочетавшихся с традиционными дарбази и мицурис сакли; во-вторых, на целый ряд усовершенствований в традиционном жилище: стекло в эрдо, окна, железные печи для отопления помещения зимой. Конечно, данная характеристика не может считаться универсальной для всей тогдашней Грузии. Описание И. И. Пантюхова относится к той части Картли, которая находится в непосредственной близости к Тбилиси. Влияние большого города сказывалось и

в интерьере местного жилища. В мцхетских домах нередко были европейского типа столы, стулья, табуретки, комоды, круглые зеркала, самовары, чайники, фарфоровая посуда. Помещение освещалось керосиновой лампой; в разных местах комнат к стенам были прикреплены дешевые репродукции картин.

Все названные вещи сочетались с традиционными предметами: тахтами, циновками, коврами, войлоками, ярких цветов мутаками, глиняной, металлической и деревянной посудой, детской деревянной люлькой, всегда окрашенной, на дужках.

Большое влияние Тбилиси отмечалось в быту жителей с. Дигоми (около 3 км от города). Здесь в домах имелись картины, «весьма порядочные, очевидно выбираемые покупателями. Зеркала на срединных столбах или столиках не миниатюрные, как в других деревнях, а довольно большие и ценные, несравненно лучшие, чем в других местностях; керосиновые лампы, самовары и чайная посуда. Нередко хорошие столики, стулья, комоды. У детей городские игрушки»<sup>38</sup>.

Но наиболее существенные изменения наблюдались во второй половине XIX в. в женской одежде. В Кизики в 1880-х годах не были редкостью перчатки и зонтики. Постепенно вытеснялся традиционный головной убор, и чихта копи становился головным убором более старших по возрасту женщин, тогда как права гражданства получали европейские шляпы, платки и даже куски выкрашенной в красный цвет марли, например, у гურიек. Традиционный костюм грузинки не только претерпевал существенные изменения, но и полностью вытеснялся европейским платьем. Например, в селах, находившихся на границе Мегрелии и Имерети, по описанию современников, женщины носили платья, по покрою не отличавшиеся от европейских. Разница была только в голов-

ном уборе: местные женщины вместо шляп надевали шелковый или ситцевый платок. Иначе дело обстояло с мужской одеждой. Т. Сахокиа писал, например, о гурийских торговцах, что из 1000 человек один одет в европейский костюм, остальные все носят традиционную одежду. Однако и здесь уже имелись элементы европейского костюма. Это пальто, плед, нередко надевавшиеся поверх традиционного костюма. В крупных селах стали появляться сапожники, изготовлявшие на заказ европейскую обувь<sup>39</sup>.

В первой трети XX в. рассматриваемые процессы еще более активизировались и в 1930-х годах привели к замене или значительной трансформации грузинской материальной культуры. Так, в большинстве районов Грузии коренные изменения претерпел женский костюм, в некоторых деталях — мужской, существенно модернизировалось традиционное жилище и т. п.

В последние десятилетия процессы урбанизации и модернизации сельской культуры Грузии проявляются многообразно. Это многообразие видно в проникновении во все сферы быта технических усовершенствований — от швейных машинок, радио, электричества, кино, телефона до холодильника, газа, телевизора, вентилятора, стиральных машин, легковых машин, в появлении различных новых достижений химической промышленности в виде синтетических материалов, в значительной степени заменивших хлопок, шерсть, шелк, посуду из полиэтилена, синтетических ковров и т. п. Дальнейшей и весьма существенной модернизации подверглось и грузинское жилище, что отражается в его внутреннем устройстве: в увеличении объема жилой площади, в некоторых конструктивных деталях, в выделении из дома хозяйственных помещений и т. п.

Очень разнообразно влияние указанных процессов на семейный быт. Как

мы видели, в XIX в. процесс европеизации (урбанизации) довольно слабо затронул семейную сферу грузинской бытовой культуры, исключая лишь самые верхи общества и быт жителей сел вблизи крупных городов. Совсем иное наблюдается в XX в. и особенно в последние десятилетия. Социалистические преобразования, усилившаяся связь грузинского села с городом привели к коренным переменам в семейном быту сельского населения. В городах сельская молодежь получает высшее и среднее специальное образование. Нередко часть сельской семьи — это жители городов, что также способствует укреплению контактов села с городом.

На семейный быт несомненное влияние оказывают также процессы модернизации. Их влияние проявляется двояко. Появление в быту семьи различных технических новинок улучшает ее быт, облегчает домашний труд женщины, что благотворно сказывается на многих сторонах семейной жизни. Усовершенствование жилища — это также часть процесса модернизации. Развитие средств коммуникации способствует расширению кругозора семьи, ее интересы уже не замыкаются в узких рамках своего дома или села. Однако воздействие указанных технических новинок на быт семьи не однозначно и зависит от многих факторов. Так, большое значение имеют социально-профессиональная принадлежность семьи, ее местожительство (город, районный центр, село в равнинной или горной местности), наличие и интенсивность разнообразных связей с городом.

Особо хочется остановиться на влиянии возрастных различий на восприятие той информации, которую несут современные средства коммуникации. Например, знакомясь в кино или по телевидению с каким-нибудь зарубежным фильмом, грузинский зритель видит иной тип повседневного бытового поведения. Вполне понятно, что старшее поколение,

более традиционное в своих жизненных установках, в основном отрицательно будет воспринимать данные образцы культуры. И это естественно, так как слишком полярны «сталкивающиеся» культурные модели: традиционная и «новая». Более того, как правило, подобная информация вызывает даже отрицательное отношение к этой иной культуре, что вполне может послужить толчком к стремлению укрепить привычные устои быта. Это особенно заметно в селах горных районов, сохраняющих в быту некоторую долю консервативности. В то же время молодое поколение, даже в тех же горных селах, в силу более широкого общения, большей информированности, иного характера воспитания, уже потерявшего в какой-то мере свою традиционность, во многом иначе и не всегда негативно воспринимает все нетрадиционное.

Влияние процессов модернизации и европеизации сказалось и в таких областях бытовой культуры, как народное

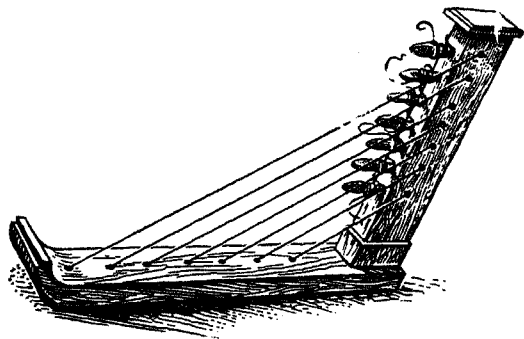


Рис. 9. Сванская арфа чанги (фото 1880-х годов)

Рис. 10. Современный ковер, изготовленный в сел. Архилоскало (Кизики; фото 1975 г.)



творчество, в частности музыкальное. Мы не останавливались на этой стороне бытовой культуры в первой части работы, однако происходящие здесь процессы ярко отражают судьбу традиций, поэтому некоторые материалы считаем необходимым привести во второй части книги.

Из музыкальных инструментов во второй половине XIX в. в Грузии широко были распространены <sup>40</sup> доли (барабан), зурна, дудуки (тип гобоя), флейта, даира (бубен), гудаствири (тип волынки) <sup>41</sup>, струнные — чонгури, тари (тип гитары), пандури, смычковые — ччанури и чунири (у сванов). Сваны исполняли свои песни также под аккомпанемент шестиструнной арфы (чанги). В предгорно-равнинной Грузии на праздниках часто играли на гудаствири. Это был выструганный рог буйвола, имевший ряд мелких отверстий и соединенный с надутым мехом. В большие народные праздники составлялись оркестры из барабана, зурны, бамбуковой флейты. Весьма распространенными в это время были даира и чонгури. В конце XIX в. все большую популярность завоевывала маленькая гармошка (бузика), как и везде на Кавказе, ставшая женским музыкальным инструментом. Кроме гармошки, в быт грузин вошла также гитара. Т. Сахокиа отмечал, что в Гурии к 1880-м годам гитара вытеснила чонгури, на котором играли лишь старшие. Популярность гитары была настолько велика, что невесте считалось неприличным не уметь играть на ней. В эти же годы в Гурии почти исчез другой традиционный музыкальный инструмент — даира <sup>42</sup>.

Аналогичные процессы происходили и в других частях Грузии — в Кахети, Картли, Эрцо-Тианети. Здесь к 1920-м годам сохранились лишь некоторые традиционные музыкальные инструменты (дудуки, зурна, гудаствири, доли), весьма популярной стала гармошка, на которой играли только женщины. В го-

рах вытеснение традиционных музыкальных инструментов новыми началось несколько позднее. В Тушети, например, в 1920-е годы наряду с чонгури большой популярностью стала пользоваться гармошка. В Раче в эти годы сохранялись чонгури, даира, гудаствири, но, как и в Тушети, самым популярным музыкальным инструментом становилась гармошка. В Сванети в это время еще играли на пандури, чунири, доли. Из новых инструментов большое распространение получила гитара и особенно маленькая гармошка, на которой играли женщины. С конца 1930-х годов начали появляться аккордеон и мандолина. В 1930—1950-е годы в большинстве районов Грузии сохранялись некоторые традиционные музыкальные инструменты — даира, доли, зурна. В Ахалцхском районе, например, в 1930-е годы еще имелись зурначи. Из новых музыкальных инструментов все большее распространение получали гармошка, аккордеон и гитара.

В настоящее время из традиционных музыкальных инструментов в местном быту принят барабан. Так, на свадьбах нередко играют оркестры, которые состоят из барабана, маленькой гармошки, гитары и аккордеона. Бывает оркестр и меньшего состава: гармошка, барабан и кларнет (он появился в грузинских селах в 1960-х годах) или гармошка, барабан и гитара. В последние годы наблюдается оживление интереса к традиционной музыке, причем не только среди профессионалов и участников художественной самодеятельности. На старинных музыкальных инструментах начинает учиться играть сельская молодежь.

Однако еще более активен другой процесс — модернизации музыки. Так, в Грузии в последние годы все большей популярностью пользуются современные мелодии, магнитофонные записи которых исполняются во время свадебных торжеств. Кроме того, на свадь-



бы часто из городов приглашают эстрадные оркестры и ансамбли, исполняющие современные музыкальные произведения в грузинском народном стиле<sup>43</sup>.

Не менее интересна судьба традиционных танцев. Сейчас в Грузии распространены картули, лекури, багдадури, шалахо, в Аджарии — также хоруми, гурийский танец гандаган и др. Европейские танцы в селах на свадьбах и праздниках танцевать не принято, хотя молодежь знает эти танцы и в большинстве умеет их танцевать. Обычно европейские танцы молодые люди узнают во время пребывания в городах, главным образом во время учебы, во время службы в армии и т. п. Когда грузинская сельская молодежь попадает в иные условия (например, в город) и находится не в обстановке традиционного праздника, причем рядом нет старших родственников и односельчан, то она столь же хорошо исполняет европейские танцы, как и свои традиционные. Можно сказать, что в отличие от музыки и даже песен, которые к настоящему времени во многом претерпевают процесс европеизации и модернизации (исполнение народных песен вокально-инструментальными ансамблями, создание современных песен с использованием традиционных мелодий), танец в Грузии сохраняется в основном традиционного типа<sup>44</sup>.

Разная мера стабильности традиционных музыки, песен и танцев, как и предпочтительность этих форм, подтверждается также некоторыми данными социологического обследования 1973 г., проведенного в Грузии сектором конкретно-социологических исследований Института этнографии АН СССР. Так, традиционный танец предпочитают различные возрастные группы грузин следующим образом: лица в возрасте свыше 50 лет — 86%, до 50 лет — 78%, до 30 лет — 60%. Грузин-

скую музыку предпочитают соответственно 78, 62 и 40%. Однако такое снижение показателей нельзя рассматривать как отказ от традиционных установок и форм культуры, поскольку, например, и в выборе джазовой музыки также предпочитается грузинская<sup>45</sup>.

Как мы видели, этапы трансформации традиционной культуры были очень различны по своему характеру и интенсивности. Первоначальное появление в быту предметов европейского образца еще не означало вытеснения традиционных форм грузинской бытовой культуры. Более того, некоторые из заимствованных предметов не использовались местным населением по назначению и скорее выполняли функцию социального престижа (посуда, столовые приборы, европейский «высокий стол» и т. п.). Со временем характер такого рода процессов изменился. Во-первых, традиционные элементы, а затем и целые комплексы материальной культуры заменялись европейскими: материал, из которого шили одежду, пуговицы вместо традиционного способа застёжки, чулки, обувь, со временем весь костюм; во-вторых, в быту постепенно появлялись совсем новые предметы, не имеющие аналогий в традиционной грузинской бытовой культуре (столовые приборы, часы, зонты, салфетки, некоторые продукты питания — сахар, чай, макароны, вермишель); в-третьих, в результате взаимодействия традиционной и новой культуры создавались смешанные формы в виде своеобразного «механического» соединения (например, мужской костюм городского типа с головным убором сванури) или органического сплава новых и традиционных элементов. Примером последнего может служить одежда хевсурок в 1930—1950-х годах. Наконец, происходила трансформация некоторых элементов традиционной бытовой культуры под влиянием модернизации, что мы видели, например, в жилище.

## Бытовая культура. Условия и факторы развития

Бытовая культура этноса тесно связана с его историей, экономическими, социальными и политическими условиями жизни, окружающей природной средой, которые воздействуют на культуру по-разному, замедляя или убыстряя ход ее развития. Нет необходимости говорить, что *социально-экономические условия* являются определяющими в ряду названных факторов. Но при этом связь между уровнем социально-экономического развития и бытовой культурой этноса, а следовательно, и кругом ее традиционных явлений, не всегда бывает пряма и очевидна. Возникновение традиций связано с определенными социально-экономическими условиями, однако со временем последние меняются; традиции же, которые по своей природе весьма консервативны, длительное время сохраняются и в новых социально-экономических условиях как вполне жизнеспособные явления. Такая долгая жизнь традиций, переживающих нередко несколько формаций, в значительной мере объясняется наличием в новых формациях некоторых экономических и социальных форм, характерных для предшествующих стадий развития общества. Во многом эти формы и являются питательной средой для старых традиций. Однако в длительной стабильности последних существенную роль играет также психологический фактор: привычки, инерция, мода, подражание и т. п., на которых мы остановимся далее.

Таким образом, этапы развития культурных традиций и социально-экономических условий не совпадают. Каждая новая формация получает в наследство от предшествующей традиции, которые в свою очередь могут являться атрибутами более ранних сту-

пеней социально-экономического развития; нередко корни некоторых традиций следует искать в первобытном или раннеклассовом обществе. Но, оставаясь в своем развитии от социально-экономических условий, традиции не остаются абсолютно неизменными. Новая историческая эпоха несомненно оказывает на них влияние, трансформирует их в соответствии с изменившимися условиями, насыщая новыми, не свойственными им ранее чертами.

Сказанное свидетельствует, с одной стороны, о теснейшей связи традиций с социально-экономическими условиями, с другой — об их относительной свободе, поскольку традиции в измененном виде продолжают функционировать и в новых условиях. Однако традиции не бессмертны. Наступает момент, когда формы бытовой культуры, которые обслуживались данной традицией, теряют свою актуальность и уходят из жизни. Это сопровождается конфликтом нового и традиционного, которое воспринимается уже как архаизм, нередко нелепый и смешной.

Специфика социально-экономических условий конкретной исторической эпохи самым различным образом влияет на процессы развития и трансформации культуры. Некоторая замедленность социально-экономического развития Грузии к началу XIX в. (особенно ее горных районов) способствовала значительной стабилизации традиционных форм. Однако развитие капиталистических отношений, расширение местного рынка и торгово-экономических связей с другими областями Кавказа, городами Причерноморья, стягивание Кавказа в общероссийский рынок активным образом влияли на бытовую культуру местного населения. «Русский капитализм,—писал В. И. Ленин,—втягивал таким образом Кавказ в мировое товарное обращение, нивелировал его местные особенности — остаток старинной патриархальной замкну-

тости,—создавал себе рынок для своих фабрик»<sup>46</sup>.

Некоторые результаты этих влияний процесса капитализации в жилище, одежде, пище, семейном быту мы уже охарактеризовали в связи с процессами европеизации, модернизации и урбанизации. Примером воздействия капитализации на традиционное хозяйство могут служить ахалцхские промыслы, известные в XIX в. по всему Кавказу: вышивка по сукну и бархату, изготовление ажурных изделий из золота и серебра. Этими промыслами в Ахалцхе в середине XIX в. занимались сотни семей, и реализация их продукции приносила населению большой доход. С распространением европейского костюма, вытеснявшего традиционные элементы одежды, спрос на вышивку по бархату и ажурное серебро значительно сократился. Большую роль в сокращении традиционного производства ажурных металлических изделий сыграло то обстоятельство, что московские фабриканты, подражая типу и рисунку ахалцхских изделий, стали производить подобные вещи в значительном количестве. Фабричное производство обходилось гораздо дешевле, что значительно снизило рыночную цену изделий. Благодаря этому новые изделия, хотя и выполненные не на таком высоком художественном уровне, как ахалцхские, быстро нашли широкий сбыт среди ахалцхцев и населения других районов Грузии. В связи с этим многие местные ремесленники были вынуждены начать заниматься иными ремеслами или переселиться в другие города<sup>47</sup>.

Однако многие традиционные промыслы сохранились в Грузии еще в первой четверти XX в. Некоторые из них, например изготовленные на заказ традиционная обувь, медная, деревянная и керамическая посуда, dranka, деревянные сундуки наполняли рынки Грузии. В ряде районов на продажу

изготавливалась традиционная одежда. Причины сохранения названных промыслов — широкое их использование в местном быту<sup>48</sup>.

Мы видим, что капитализация оказала существенное влияние на бытовую культуру грузинского народа. Под ее воздействием многие элементы традиционного быта за сравнительно небольшие сроки претерпели значительные изменения. Однако этот процесс интенсивной трансформации бытовой культуры в полной мере коснулся не всех ее сторон. Интересным примером может служить открытый очаг — кера. Археологическими материалами эта универсальная для всего человечества форма бытовой культуры фиксируется в Грузии более 2 тысяч лет тому назад<sup>49</sup>; она сохраняется в эпоху средневековья и доживает вплоть до XX в. (изредка такой очаг встречался в высокогорных районах Грузии и в 1930-е годы). Таким образом, кера, возникший на заре человечества, пережил в той же Грузии разные социально-экономические формации: первобытно-общинную, феодальную, капиталистическую и даже начало социализма. Отмеченная стабильность этой формы культуры обусловлена большой ролью очага в системе идеологических представлений грузинского народа. Видимо, распад последних наряду с изменениями социально-экономических условий и привел к тому, что с конца XIX в. открытый очаг стал исчезать из грузинского быта, постепенно заменяясь другими формами — каминном, а впоследствии — железной печью и газовой плитой.

Другой пример. Универсальные для всего человечества формы освещения жилища лучиной или светильником (груз. *чраки*) сохранялись на Кавказе, в том числе в Грузии, тысячелетиями. Менялось лишь топливо, но это произошло уже во второй половине XIX в., когда в сельских районах вместо льняного и конопляного масла, а также сала

стали использовать нефть и реже керосин<sup>50</sup>. К середине прошлого века в Грузии более доступны стали сальные и стеариновые свечи. Позднее появились лампы-ночники и керосиновые лампы. В 1920—1930-е годы начались массовые работы по электрификации республики. Таким образом, путь от светильника и лучины до электрической лампы занял немногим более полувека, как и путь от кера и бухари до газовой плиты. Таковы темпы изменений традиции в условиях коренных социально-экономических преобразований.

Особенно большие изменения произошли за годы Советской власти. Грандиозные перемены затронули, естественно, все сферы бытовой культуры грузинского народа. Из многочисленных примеров, которые можно было бы здесь привести, ограничимся лишь одним, касающимся консервативнейшей области быта — семейных отношений. Обычай избегания, принятый к началу XX в. во многих районах Грузии, в новых социально-экономических условиях активно трансформировался. Так, в семьях, возникших в 1920-е годы (Кахети, Кизики, Эрцо-Тианети, Месхет-Джавахети и др.), невестка еще выполняла по отношению к свекру различные, сравнительно небольшие сроки избегания. В семьях, создававшихся в 1930-годах, этого обычая не придерживались. Исчезли также разнообразные формы избегания супругов (муж и жена стали называть друг друга по имени), свадебное скрывание и т. п.

В горной Аджарии в семьях, возникших в 1940—1950-е годы, невестка сразу начинала говорить со свекром и мужа называла по имени. Если в с. Дидачара в семьях, создававшихся в 1930-х годах, невестки выдерживали обычай избегания со свекром в течение трех лет, то невестки, приходившие в эти же семьи в конце 1940-х годов, сразу начинали разговаривать со свекром. Более стойко в эти годы обычай избегания со-

хранялся в Горджоми — высокогорном селении Аджарии, хотя и здесь нельзя говорить об этом обычае как о массовом явлении. Анализ данных 1960—1970-х годов говорит о коренных изменениях в обычае избегания. На большей части территории Грузии этот обычай не сохранился ни в одной из вышеназванных форм.

Почти во всех областях бытовой культуры населения предреволюционной Грузии ярко проявлялись имущественные и социальные различия. Состоятельные люди жили в больших, богато убранных дарбази, бедняки же ютились в пацхах и мицурис сахли. Одежда знатных и богатых изготовлялась из дорогих материалов, ее украшали золотое шитье, драгоценные застёжки и пуговицы, тогда как крестьянское население шило свою одежду главным образом из домотканины, в большинстве без украшений. Крестьянки даже зимой в некоторых областях нередко ходили босиком, в то время как состоятельные женщины надевали на ноги вышитые коши. Мужчины крестьянского сословия носили самодельные каламани. Состоятельные, а тем более знатные, надевали так называемые персидские башмаки и цуга. Крестьяне не носили некоторых элементов одежды, которые были принадлежностью туалета только представителей высших слоев. Например, верхняя одежда катиби была только у состоятельных и знатных женщин, более высокий чихта носили женщины из княжеских фамилий и т. д. В одежде разных социальных слоев имелись и цветовые различия. Князья и дворяне в Имерети, например, носили папанаки из сукна красного цвета, а лица простого сословия — из черного.

Интенсивное развитие хозяйства в Грузии в пореформенный период, его капитализация, расширение земельной запашки и рынка сбыта привели к высокой товарности некоторых отраслей сельского хозяйства. В Грузии таковы-

ми стали овцеводство, виноградарство и виноделие. С изменением характера этих отраслей связывается появление в среде грузинского крестьянства значительного слоя состоятельных хозяев (шуакаци), предприимчивых, умевших создать немалый капитал, наладивших широкие торговые связи за пределами Грузии, иногда даже за границей. Именно шуакаци стали строить дома нового типа (так называемый кахетинский) с разделением на комнаты, в том числе гостевые, обставленные европейской мебелью. У бедняков (болокаци), обычно не имевших возможностей к перестройке дома, покупке новой мебели, одежды, посуды, сохранялась прежняя традиционность в материальном быту.

Социальные и имущественные различия заметны и в других сторонах бытовой культуры — в размерах выкупа, в составе приданого, в свадебных подарках жениха. Например, у мохевцев выкуп, дававшийся за невесту из фамилии Гудашаури, включал лишнего быка, подававшегося за превосходство рода. Различался состав приданого у девушек из высших и средних социальных слоев. У первых в составе приданого, например, в начале XIX в. были лакей, слуга, нередко сыновья азнауров; давались иконы, книги, золотой крест, серебряные часы, золотые кольца, пуговицы из драгоценных камней, серебряные азарпешчи, катиби, дорогие платья, пояса (сарткели), серебряные пояса (камари), зубуни, шелковые ткани, рубашки, карталинские и имеретинские лечаки, чадры и многое другое. Приданое девушек из средних и тем более низших социальных слоев грузинского общества было значительно скромнее и не включало многого из перечисленного, и прежде всего слуг, лакеев и др.<sup>51</sup>

В то же время обрядовая сторона культуры в отличие от ее материальной сферы в разных социальных группах в своей основе была одинаковой. Такие свадебные ритуалы, как посыпание мо-

лодых и угощение их сладостями, одаривание невесты за первый танец и многие другие обряды, в равной мере выполнялись как в семье, принадлежавшей к высшим социальным кругам, так и в семье крестьянина-бедняка.

Отмеченные социальные и имущественные различия традиционной культуры грузин характерны главным образом для равнинно-предгорной Грузии и некоторых горных районов (Княжеская Сванети, Хевс). В таких горных районах, как Хевсурети, Вольная Сванети, Пшави, где социальная дифференциация проявлялась не столь отчетливо, культура, естественно, не имела ярко выраженных социальных различий.

Воздействие социально-экономических условий на отдельные сферы бытовой культуры, на ее различные формы и явления, как показали приведенные материалы, весьма неодинаково. Это предопределило довольно быструю трансформацию одних традиций, замену их новыми, в одних случаях, и весьма длительную их стабильность — в других. Такое совмещение противоположных по характеру процессов наблюдалось даже в пределах одной области культуры. Столь же неодинаковыми были темпы развития разных сфер культуры — материальной и духовной. Область духовная как менее связанная с производительными силами в целом является более консервативной частью бытовой культуры, чем материальная. Однако нередко отдельные материальные формы сохранялись неизменными на протяжении веков. И наоборот, развитие в тех же социально-экономических условиях и в тех же временных рамках некоторых духовных форм культуры происходило быстрее.

Как пример, рассмотрим обряды похоронного цикла. Чтобы представить характер происходивших в них изменений, сравним указанные обряды двух исторических эпох: конца XIX в. и середины XVII в., описанные Аркандже-

ло Ламберти, длительное время жившим в Мегрелии.

По описанию Ламберти, в доме умершего собиралось множество народа, родные и близкие устраивали плач, царапали себе лицо, рвали волосы, причем оплакивание полагалось совершать босыми и обнаженными до пояса. В таком же виде — босыми и обнаженными — родственники шли за гробом на кладбище. В похоронной процессии участвовал конь, которого затем дарили священнику, служившему заупокойную службу. Во время похорон священник совершал следующий обряд: из рога наливал на покойника немного масла и на голову ему ставил небольшой сосуд с вином. После похорон устраивали поминальный ужин, причем все приходившие приносили с собой постную пищу. Поминки отмечали также через 40 дней и год. Кроме основного оплакивания, происходило оплакивание умершего владетельным князем, после которого устраивали угощение и одаривание всех присутствующих (прежде всего владетеля и его сопровождающих). Выполнение такого обычая считалось большой честью для фамилии умершего, но требовало от нее огромных расходов.

Траур выражался в различных формах. В день похорон родные и друзья умершего брили голову, бороду, брови и затем в продолжение года не брили волос и бороды. Первое время в качестве траурной одежды носили длинный шерстяной мешок, на голове — колпак из козьей шкуры, а на ногах — обувь также из козьей шкуры мехом наружу. Через некоторое время надевали платье цвета ржавчины, затем с черными и белыми полосами. Но самым глубоким трауром считался черный цвет. Жилищем на время траура для самых близких служил саманник без окон, только с одной дверью, в котором спали на голой земле. Лишь через некоторое время подстилали солому, позднее — мешок или одеяло, но все, подчеркивает Лам-

берти, имело цвет ржавчины. Во время траура (а он бывал очень длительным и продолжался иногда до трех лет) держали пост, причем некоторое время родные умершего не ели ничего, кроме вареных трав. Затем начинали есть рыбу, потом яйца, затем сыр и в последнюю очередь мясо<sup>52</sup>.

Оставаясь стабильными в ряде основных моментов (оплакивание, траур, многолюдные поминки), похоронный цикл в той же Мегрелии с середины XVII в. к концу XIX в. существенно изменился. Суммарно такого рода изменения можно свести к следующему: 1) Изменились внешние формы оплакивания (почти исчез обычай спимать при оплакивании обувь, обнажаться до пояса). 2) Материалы даже более ранние, чем конец XIX в., уже не фиксируют траурного бритья головы и бровей. Обычай отпускания волос и бороды в течение года сохранялся. 3) Траурной одеждой в конце XIX в. у женщин служило обычное платье и платок черного цвета, тогда как многообразная траурная одежда в виде шерстяного мешка, колпака из козьей шкуры и такой же обуви, описанная Ламберти, исчезла. Видимо, как отголосок давнего обычая и в знак большого траура изредка близкие надевали овчинную шкуру. 4) Жилищем на время траура в конце XIX в. оставался основной дом семьи, а не саманник, о котором пишет Ламберти. Эпизодически сохранялся обычай, по которому на время оплакивания вдовец находился в небольшой темной плетенке. 5) Жесткий пост на время всего траура, соблюдавшийся мегрелами в XVII в., в конце XIX в. значительно смягчился.

Кроме указанных отличий, в похоронах конца XIX в. фиксируется и появление совсем новых моментов, о которых Ламберти не пишет. Таков, например, обряд нишани — чучела в одежде покойного (или только одежды), которое находилось в доме умершего в те-

чение года и которое в годовщину оплакивали. По свидетельству Ламберти, одежда покойного, его конь и другие вещи оплакивались лишь в день похорон и затем оставались до оплакивания владельцем. Видимо, сравнительно новым моментом стало также устройство поминок до похорон, а не после них, как это описано Ламберти. Вместе с тем сохранилась традиция участия в похоронах множества народа, принесение пришедшими продуктов, а позднее денег и т. п. Обрядовая сторона похоронного цикла изменилась в советское время, когда исчезли некоторые архаические обряды (участие коня) и, конечно, различные моменты, связанные с христианским ритуалом.

Процессы трансформации бытовой культуры в среде разных этнографических групп грузин также протекали неравномерно. Особенно явственно это видно при сопоставлении быта гор и равнины. У горцев Грузии намного дольше сохранялись традиционные элементы как в материальной, так и в духовной сфере. Причины подобного явления обусловлены неравномерностью социально-экономического развития разных этнографических групп грузин. Сравним, например, Картли и Хевсурети в пореформенное время. Первая находилась на стадии развитого феодализма с начатками капитализма, вторая представляла собой союз патриархальных общин с незначительно выраженной социальной дифференциацией. Если в Картли в конце XIX в. имелось значительное городское население и создавался рабочий класс, то в Хевсурети не было ни городского, ни промышленного населения. Отмеченные моменты несомненно убыстряли в Картли и замедляли в Хевсурети процессы преобразования бытовой культуры. Социально-экономический строй горцев-тушин был во многом идентичен хевсурскому. Однако стоило части тушин во второй половине XIX в. переселиться

на Алванское поле и установить тесные контакты с равнинными районами Грузии и Азербайджана, как это привело к быстрому развитию у них товарного овцеводства и традиционный тушинский быт стал у них рушиться.

Самое прямое влияние на все сферы бытовой культуры оказывают также *политические и религиозные условия*. Бытовая культура грузин Месхет-Джавахети, например, в силу сложившейся здесь исторической ситуации в течение длительного времени развивалась в иных политических и религиозных условиях, чем в остальной Грузии. Политика исламизации и отуречивания, проводившаяся здесь систематически, со временем привела к утрате частью месхов родного языка, христианской религии и превращению их в турецкоязычных мусульман-суннитов. Все это сильно изменило традиционную бытовую культуру: месхи многое заимствовали из турецкой культуры в одежде, в пище; ислам оказал значительное влияние на их семейный быт<sup>53</sup>.

Рассмотренными условиями не исчерпывается весь комплекс факторов, влияющих на развитие бытовой культуры. Так, большое значение имеют демографические характеристики (численность и плотность населения, его миграционная подвижность и т. п.), однако изучение их не входит в задачу данной этнографической работы.

В развитии бытовой культуры следует учитывать также воздействие *этнической среды*, т. е. этнически иных культур. В этнически однородной среде (в Грузии это большинство районов, население которых составляют грузины) возможности непосредственного воздействия на коренной этнос иноэтнических культур практически отсутствуют. Однако такая ситуация не означает полной изоляции культуры данного этноса от внешних влияний, которые возникают в результате его контактов с городом (влияние послед-

него особенно велико в XX в.) и с соседними народами<sup>54</sup>.

В этнически однородной среде, образуемой разными этнографическими группами одного этноса, взаимодействуют локальные варианты культуры. Заметнее всего подобные процессы протекают в среде переселенцев, дальнейшее историческое развитие которых происходит в контакте с другой этнографической группой того же этноса. В Грузии подобные факты известны, например, в среде горцев, переселившихся в предгорно-равнинные районы. Так, хевсуры, обосновавшиеся в Шираке и Самгори, начали контактировать с жившими в этих местах карталинцами и кахетинцами. Под влиянием быта последних у мигрантов-хевсур менялись традиционные хозяйство, материальная культура, некоторые стороны семейного быта. Аналогичные примеры мы видим в среде аджарцев, переселившихся из горных районов (Хулойского, Шуахевского) в прибрежную зону, среди сванов, живущих в районах Западной Грузии (Имерети, Гурии, Мегрелии) и др. Бытовая культура этих переселенцев в значительной мере перестраивалась не только под влиянием новой для них природной среды, но и этнического окружения<sup>55</sup>.

Культура переселенцев, живущих в окружении иного этноса, подвергается значительным воздействиям последнего. В такого рода процессах немалое значение имеет фактор времени, т. е. длительность пребывания мигрантов на новой территории, а также характер расселения мигрантов. При дисперсном расселении групп мигрантов воздействия культуры коренного этноса настолько велико, что нередко заканчивается полной этнической ассимиляцией переселенцев. Компактное поселение мигрантов способствует некоторой стабилизации их традиционной бытовой культуры. Например, на быт ингилойцев, живущих в окружении азербай-

джанского этноса, значительное влияние оказала азербайджанская бытовая культура. В частности, ингилойцы утратили традиционный музыкальный фольклор, который к настоящему времени заменился азербайджанским музыкальным фольклором. В обычаях свадебного цикла (особенно у ингилойцев — в прошлом мусульман) появились элементы, характерные для азербайджанских свадебных обычаев. Еще большее влияние сказалось в материальной культуре ингилойцев, главным образом в одежде и пище<sup>56</sup>.

Группы осетин, переселившиеся еще в средневековье на южные склоны Кавказского хребта и постепенно спускавшиеся в равнинные районы Грузии, со временем утратили не только традиционную культуру, но также язык и этническое самосознание. То же произошло с частью армян, предки которых обосновались в районе Тбилиси и в некоторых местностях Кахети и Имерети. В Цагвери (Гурия) в средние века поселились небольшие группы русских. Они огрузинились, утратив не только традиции, но также язык, фамилии (Петров — Петриашвили, Трофимов — Трофимашвили)<sup>57</sup>. На пути к этому, как отмечал Т. Сахокиа, была и группа эцерских русских, бывших солдат, в числе 15 семей поселенных в конце 1860-х начале 1870-х годов в 1,5 км от Озургети. Т. Сахокиа подчеркивает большое влияние гурийского быта на этих переселенцев. Русские эцеры занимались земледелием, пахали и сеяли, как гурийцы, гоми и кукурузу, их сельскохозяйственные орудия были гурийского типа, дома — на манер гурийских: дощатые, с крышей, покрытой кавари или осокой. Новое поколение уже одевалось в гурийский костюм. У большинства поселенцев жены были гурийки; все переселенцы знали грузинский язык. Русские жили также и в других селах Гурии. Некоторые из них забыли родной язык, носили гурийский костюм<sup>58</sup>.



Иначе складывается судьба мигрантов, живущих более компактными и крупными по численности массивами. В Грузии таким примером могут служить армянские переселенцы 1828—1830 и 1877—1878 гг., обосновавшиеся в селах современных Ахалцхского, Ахалкалакского и Тетри-Цкаройского районов. Эти переселенцы до настоящего времени полностью сохранили свой этнический облик, в том числе и традиционную культуру<sup>59</sup>.

Развиваясь под действием целого комплекса условий и факторов, бытовая культура подвергается также сильному влиянию природной, точнее *географической среды*, вовлеченной в процесс материального производства<sup>60</sup>. Воздействие географической среды на человека многообразно. Она влияет на его здоровье, работоспособность, продолжительность жизни и др. Помимо этого есть другая линия взаимодействия географической среды и человека, а именно в процессе трудовой деятельности и ее влияния на различные стороны бытовой культуры. Этнос осваивает и преобразует географическую среду в соответствии со своими нуждами и потребностями. Чем выше поднимается этнос по ступеням социально-экономического развития, тем сфера его взаимодействия с географической средой расширяется, тем более интенсивно происходит целенаправленная деятельность человека по преобразованию природы.

В природном отношении Грузия, как и Кавказ в целом — страна с ярко выраженной вертикальной зональностью. Это предопределяет наличие здесь нескольких природных зон (горной, предгорной, равнинной), различающихся по своим экологическим условиям<sup>61</sup>. Названные зоны создавали неравноценные возможности для жизнеобеспечения человека, его хозяйствования и культуры. Из-за долгой зимы, нередко с обильными снегопадами, горы были отрезаны от остального мира и даже от ближайших

нижних районов более 8 месяцев в году; в остальное время отсутствие дорог делало пути туда тоже нелегкими. Благодаря таким условиям, такой естественной изоляции формы жизни здесь, вся система традиций консервировалась, замыкалась в естественных границах одного ущелья. Это в свою очередь вырабатывало и замкнутость сознания, не выходявшего обычно за пределы своей общины или одного ущелья.

Большинство горных районов Грузии, как и Северного Кавказа, имело недостаточные природные ресурсы, необходимые для живущего населения, что прежде всего проявлялось в недостатке пахотных земель и пастбищ. Это было причиной освоения горцами пастбищ в Восточной Грузии и на Северном Кавказе, а также непрерывных переселений в предгорные районы. Предгорная и равнинная зоны в отличие от горной всегда создавали для хозяйственной деятельности человека и развития культуры значительно более благоприятные условия.

Вертикальная зональность предопределяла специфику хозяйствования. В горах население занималось большим или меньшим по объему скотоводством и горным земледелием; в предгорье скотоводство сочеталось с горным и равнинным земледелием; на равнине преобладало равнинное земледелие, а также виноградарство и садоводство. Немалое значение здесь имело также скотоводство, хотя оно в местном хозяйстве и составляло небольшой удельный вес.

Географической средой определяется не только направленность хозяйства, но и особенности поселения, жилища, одежды, утвари, пищи и т. п. Последняя наиболее тесно связана с экологическими условиями, поскольку является формой потребления продуктов, предоставляемых географической средой. Именно ею определяется состав продуктов в пище, характер блюд, периодичность приема пищи, во многом зависящая от

специфики традиционных хозяйственных работ. В структуре пищи, как известно, находит наибольшее свое отражение «характер освоения коллективом ресурсов среды обитания, т. е. экологические принципы данного типа хозяйства и его адаптированность в условиях окружающего ландшафта»<sup>62</sup>.

Как отмечалось, в Грузии в разных соотношениях сочетались две хозяйственные отрасли: земледелие и скотоводство. Каждая из них доставляла человеку определенные продукты питания: полеводство — зерновые, виноградарство и садоводство — фрукты и виноград, огородничество — овощи, скотоводство — мясные и молочные продукты. Кроме того, охота, рыболовство, собирание лесных фруктов, трав, ягод, пчеловодство, которые базировались на непосредственном использовании природных ресурсов, значительно дополняли указанный состав продуктов. Так, по всей Грузии весьма широко было распространено собирание дикорастущих трав, в обилии употреблявшихся грузинами в пищу. Только у хевсур и тушин зафиксировано 154 вида различных диких трав, использовавшихся ими в питании.

Неодинаковое соотношение названных отраслей хозяйства во многом определяло преобладание в пище населения отдельных районов Грузии каких-либо продуктов: растительных, молочных, мясных. В прямой связи с природными, а также хозяйственными зонами находится и состав каждой пищевой категории. Например, пища из злаков. В горах ее готовили главным образом из ячменя, в предгорной и равнинной зонах — из пшеницы, а на западе — из проса, гоми и кукурузы. Характер огородничества определял в питании набор овощей. В горах это были главным образом чеснок и лук, в равнинно-предгорных районах ассортимент овощей был шире; кроме того, здесь на огородах выращивали множество сортов зелени.

Изменения, происшедшие в современ-

ном хозяйстве грузин, не могли не оказать существенного влияния на характер питания этого народа. Государственная доставка пшеничной муки во все районы, в том числе и в горные, где пшеница прежде не культивировалась, способствовала появлению в питании населения пшеничного хлеба. Этот же факт послужил причиной сокращения посевов ячменя и овса. Распространение посадок цитрусовых, развитие огородничества также внесло существенные изменения в питание населения. Рыболовство, еще в середине XIX в. игравшее большую роль в некоторых частях Грузии (например, по Куре, в низовьях Риони), утратило былое значение, что привело к сокращению в пищевом рационе местных жителей рыбных продуктов.

Географической средой во многом определялись и другие стороны материальной культуры, в частности строительные материалы. В высокогорной зоне дом, крышу, очаг делали преимущественно из шиферных плит (природного черного сланца, в изобилии встречающегося в этих районах). В лесистых горах основным, а иногда и единственным материалом строительства было дерево, почему и все дома здесь были деревянными; крышу также покрывали деревянной дранкой. В равнинных и малолесистых районах в строительстве широко применяли плетень.

В нагорных плато при строительстве дома нередко использовали рельеф местности. Бывало, что в склонах холма прорывали значительное углубление, устраивая там часть жилища. Во многом от экологических условий зависела и форма жилища, определялся характер планировки, назначение хозяйственных помещений и т. п. Касаясь связи форм грузинского жилища с географической средой, архитектор Л. З. Сумбадзе пишет: «Сухому, континентальному климату восточных и отчасти южных областей страны отвечали сооружения из ка-

менных или сырцовых стен, врытые частично в предгорный склон и перекрытые плоской земляной кровлей. Мягкому, влажному субтропическому климату Западной Грузии, богатой лесами, наиболее соответствовали легкие деревянные дома с плетеными, бревенчатыми или дощатыми стенами, со скатной кровлей из соломы, теса или черепицы. Суровому климату высокогорных областей и суровым нравам горцев... более отвечали двух-трехэтажные дома-крепости и башни с минимальным периметром стен и специальным оборонительным этажом»<sup>63</sup>.

Значительную связь обнаруживает жилище с выработанным под влиянием географической среды направлением хозяйства. Это можно проследить, в частности, в дарбази — одной из древнейших форм жилища, исторически засвидетельствованного в Закавказье и других регионах мира<sup>64</sup>. Например, в Нижней и Внутренней Картли, где ведущей отраслью хозяйства было плужное земледелие, до 80% площади всего дарбази занимало помещение для хранения земледельческих продуктов и соответствующей посуды. Хлев находился вне комплекса и занимал мало места. В хозяйстве переходной зоны Грузии (некоторые селения Месхет-Джавахети, среднее течение Ксани, Алгети и Храми), сочетавшем примерно в равных пропорциях земледелие и скотоводство, хозяйственные помещения занимали 40% всей площади дома, из них примерно половина была отведена для содержания скота и хранения продуктов животноводства, остальные — для хранения продуктов земледелия. Остальное пространство дарбази занимало жилье. В районах, где главным хозяйственным занятием населения было отгонно-яллагное скотоводство (например, Цалка), особое внимание уделялось строительству хлева (иногда двух). В цалкском дарбази устраивали также большой саманник (50—60 кв. м), где хра-

нили зимний корм для скота; имелся марани для хранения мясных и молочных продуктов. В целом площадь всех помещений, связанных со скотоводством, в такого рода дарбази составляла более 150 кв. м<sup>65</sup>.

Столь же заметна зависимость от географической среды в формах поселений. Рельеф местности и острое малоземелье выработали в горах компактный, ступенчатый тип поселения; на равнине, где никогда не существовало земельного голода, а также в условиях иного рельефа сложился другой тип поселения — рассредоточенный, растянутый в горизонтальном плане.

Связь с географической средой, а также с хозяйственными условиями прослеживается и в одежде. Это прежде всего материалы, из которых изготовляли костюм, головные уборы, обувь. Скотоводство давало шерсть и кожу, охота — шкуры, из конопли делали холст, из льна — льняное полотно, из хлопка — хлопчатобумажные ткани. Шелководство давало шелк-сырец, из полученной шелковой нитки вырабатывали шелковую ткань. В горах население в основном изготовляло одежду из шерсти и кожи; во влажном субтропическом климате прибрежной Грузии одежду, особенно рабочую, нередко делали из льняного полотна, которое обладало полезными свойствами теплопроводности и быстрой испаряемости влаги<sup>66</sup>.

Экологические и хозяйственные условия создавали также профессиональные отличия в народной одежде: в прибрежных районах Западной Грузии, среди гурийцев, аджарцев и лазов был распространен мужской костюм чакура с короткой чохой, который был хорошо приспособлен к условиям развитого здесь мореходства. Свообразным был специальный костюм пастуха, включавший войлочную куртку с капюшоном (гвабанаки). Трудности передвижения в горах (особенно по снегу и льду) выз-

вали появление своеобразной обуви с плетеной подошвой. В Раче и Сванети был распространен охотничий костюм, приспособленный к охоте в высокогорных условиях: короткая чоха, теплые штаны, специального покроя, не стеснявшие движения охотника, обувь из сыромятной кожи (каламани или бандули) с плетеной подошвой<sup>67</sup>.

Изменение компонентов культуры в зависимости от географической среды хорошо прослеживается на примере быта переселенцев. Оказавшись в новых экологических условиях, они вынуждены адаптироваться, изменять свое традиционное хозяйство, формы поселений и жилища, характер пищи. Рачинцы, например, в горах занимались преимущественно скотоводством; большую роль в их быту играло отходничество. Однако с переселением на равнину части рачинцев ведущими отраслями хозяйства у них стали полеводство, садоводство и виноградарство; отходничество совсем исчезло из рачинского быта. Хозяйство аджарцев в горных районах включало скотоводство, полеводство и пчеловодство. С переселением в прибрежные районы Западной Грузии у них изменился хозяйственный профиль: главным стало цитрусоводство, чаеводство и разведение технических культур, т. е. отрасли, характерные именно для этой природно-хозяйственной зоны. Имеретинцы, поселившиеся в 1940-х годах в Ахалцихском районе, оказались в совершенно иных условиях по сравнению с их прежним местожительством. Если раньше у них было развито неополное земледелие и виноградарство, то с переселением в новые места необходимо было освоить приемы поливного земледелия, характерные для Ахалцихского района, а невозможность из-за климатических условий заниматься виноградарством заставила их переключиться на садоводство и огородничество. Значительные изменения прослеживаются и в жилище переселенцев.

Имеретинцы, имевшие традиции деревянного жилого строительства, в условиях Ахалцихского безлесного нагорья начали строить двухэтажные дома из камня. Мтиулы, имевшие в горах одно — двухэтажные каменные жилища с плоской земляной крышей, переселившись в Ширак (полустепной район), вынуждены были строить плетеные, обмазанные глиной дома или жилища типа мицурис сахли<sup>68</sup>.

Географическая среда влияет не только на хозяйство и материальную культуру, но во многом формирует некоторые стороны духовной культуры этноса. Наиболее ярко, пожалуй, это проявляется в религиозных представлениях и верованиях, особенно древних языческих, которые при научном рассмотрении оказываются зеркальным отражением земного бытия людей, в том числе хозяйственного. Так, грузинский языческий пантеон помимо таких божеств, как Гмерти (дословно «бог»), Мзекали (богиня солнца) и др., включал множество второстепенных, локальных божеств, занимавших те ступени «небесной» иерархической лестницы, которые соответствовали значению олицетворяемых ими отраслей хозяйства в реальной жизни людей. Таково, например, божество Агуна (Ангурса) — покровитель виноградарства; божество Босели в Раче, Лечхуми, Сванети считалось покровителем домашнего скота и земледелия. В его честь устраивали праздник Бослоба, насыщенный ритуально-магическими приемами, призванными обеспечить размножение скота, получение хорошего урожая и т. п.<sup>69</sup>

В различных обычаях и обрядах, связанных с характером трудовой деятельности народа, также сказывалось влияние географической среды. До недавнего времени в Грузии во время масленицы и великого поста отмечался древний аграрный праздник — берикаоба-кееноба. Многообразные обряды этого красочного и веселого праздника, имевшего

карнавальный характер, символизировали хозяйственные интересы грузинского крестьянина: получить богатый урожай, уберечь его от засухи, получить большой приплод скота и т. п. По всей Сванети широко отмечался аграрный праздник Лилашуне, приходившийся на субботу второй недели великого поста. С этого дня начинали готовиться к пахоте и посеву (неделя Лилашуне). Длительное время сохранялись древнейшие обряды, связанные с виноградарством. Так, в некоторых грузинских селах Турции до недавнего времени отмечали праздник сбора винограда, во время которого обнаженные юноши обвешивали себя виноградными кистями и устраивали хороводы<sup>70</sup>.

Географическая среда отражалась и в такой сфере духовной жизни народа, как прикладное искусство и фольклор, в том числе музыкальный. Напомним трудовые песни (надури), танцы, имитировавшие разнообразные трудовые процессы. Таковы песни гутнури (от *гута* — «плуг»), связанные с пахотой и севом и характерные для Восточной Грузии, где проводилась коллективная вспашка земли. Древнейшими следует считать и песни надури, исполнявшиеся при обычае трудовой взаимопомощи. Имелись также специальные песни, которые пели жнецы во время жатвы (Восточная и Южная Грузия). Все процессы, связанные с виноградарством (обработка мотыгой, сбор винограда, обработка виноградной лозы, промывка кувшинов для хранения вина, отжим винограда), также сопровождался исполнением соответствующих песен<sup>71</sup>.

Прослеживается связь географической среды и с демографическим поведением населения. Яркий пример в этом отношении представляет Хевсурети. По сравнению с большинством районов Грузии здесь была самая низкая рождаемость. У хевсур считалось недопустимым иметь более трех детей, и появление в семье большого числа детей осуждалось обще-

ством. Основной причиной такой демографической ориентированности хевсур была практическая невозможность прокормить многочисленное семейство из-за весьма неблагоприятных природных условий: острого малоземелья, общей нехватки пищевых ресурсов и т. д.

Значительное влияние географической среды, а также теснейшим образом связанных с ней хозяйственных условий сказывалось в особенностях организации хозяйственного быта семейной общины. Примером может служить большая семья в Картли, в которой разделение труда между ее членами отражало характер хозяйственных и природных условий этой части Грузии. Главой такой семьи был руководитель земледельческих работ, плутарь (гутнис деда). Один из старших братьев возглавлял и распределял работы по другой важной отрасли хозяйства — по виноградарству и виноделию. В земледелии Картли большое значение имело орошение, поэтому на период сезонных работ из состава большой семьи выделялось специальное лицо, которое регулировало оросительные работы. Некоторые члены семьи занимались скотоводством. Организация труда в тушинской большой семье, в отличие от картлийской семейной общины, соответствовала главному направлению хозяйства тушин — высокопродуктивному скотоводству. Здесь все работы распределялись между мужчинами и женщинами, тогда как в Картли труд женщин ограничивался преимущественно домашними работами. Необходимость участия тушинских женщин в работах вне дома объяснялась системой их хозяйствования: жители части тушинских сел содержали скот при пашнях, находившихся на значительном расстоянии от дома. Это создавало необходимость соответствующего разделения труда между женщинами: часть женщин оставалась дома, а часть вместе с мужчинами уходила со скотом, летом поднималась на высокогорные

альпийские пастбища, зимой — спускалась на зимние пастбища в Алвани. Присутствие женщин было необходимо, так как они на месте занимались обработкой продукции животноводства, столь необходимой в дореволюционном хозяйстве тушин<sup>72</sup>.

Связи географической среды с развитием бытовой культуры не всегда очевидны. Часто они имеют опосредствованный характер, и их влияние прослеживается как бы через промежуточные звенья. Нам уже приходилось говорить о том, что по сравнению с равнинной социально-экономическое развитие горных районов протекало более замедленными темпами. Основной причиной этого были природно-географические условия, обусловившие естественную изоляцию горных местностей и препятствовавшие вовлечению их в общую линию социально-экономического развития этноса. Социально-экономическая отсталость в свою очередь порождала застойные формы быта, консервацию в горах тех традиций, которые на равнине уже давно были преданы забвению. В качестве примера можно привести обычай избегания в Аджарии. Если в нижней части этой историко-этнографической области (Ачквистави, Кобулети, Бобоквати, Чхати и др.) обычай избегания не был известен уже в начале XX в., в средней он исчез в основном в 1920-е годы, то в горной Аджарии, и прежде всего в Горджомском ущелье, хотя и в ослабленной форме этот обычай фиксировался еще в недавнее время.

Рассматривая процессы развития бытовой культуры, следует учитывать влияние на них *социальной (общественной) психологии*. Социальная психология отражает общественное бытие каждой исторической эпохи в виде потребностей, вкусов, привычек, взглядов, интересов, моды, предрассудков «различных социальных групп, начиная от малого коллектива — семьи и кончая крупнейшими социально-историческими

общностями — классами, нациями, народами, человечеством»<sup>73</sup>. Нередко именно психология этноса «работает» на сохранение и даже восстановление традиций, часть которых в наши дни лишена социально-экономических корней. Поэтому инерция, привычка, подражание, вкусы, мода являются теми силами, которые в современном мире способствуют консервации традиций далекой старины, ведь именно в человеческом сознании длительное время остаются отголоски «вековой привязанности к ... старому, сослужившему некогда великую службу»<sup>74</sup>.

Действительно, лишь разнообразными психологическими причинами можно объяснить живучесть в современном быту грузин некоторых праздников, восходящих к глубокой древности, таких, как Гиоргоба, Алавердоба и др. В свое время праздник Алавердоба был одним из самых ярких народных праздников в Грузии. Он ежегодно отмечался 14 сентября в небольшом кахетинском местечке Алаверди. Проводившийся осенью, когда в основном заканчивался сбор винограда, Алавердоба завершал тяжелую трудовую страду крестьянина. К этому дню со всех уголков Кавказа съезжалось множество народа. В празднике участвовали не только грузины (из Кахети, Картли, Тшети, Пшави, Хевсурети), но также армяне, азербайджанцы, дагестанцы, осетины, вайнахи. Во время праздника, длившегося несколько дней, происходили различные игры, джигитовка, исполнялись песни и танцы. Все это буйное веселье завершалось широким застольем<sup>75</sup>. И сейчас по традиции грузинское население отмечает Алавердобу. Утерев отчасти некоторые зрелищно-игровые черты, этот праздник все-таки сохранил главное — традиционные формы праздничного общения, почему и остался до сих пор притягательным для местного грузинского населения. J

То же стремление следовать традиционным формам национальной культуры прослеживается почти во всех сферах современной бытовой культуры грузинского народа. Этнос сохраняет свои традиции в семейном быту, в жилище, одежде, пище. И хотя, как говорилось выше, старые традиции, дожившие до наших дней, представлены уже сильно трансформированными фрагментами, весьма отдаленно напоминающими свою исходную форму, тем не менее наиболее яркие, значительные элементы традиционных форм и обрядовых действий сохраняются и сегодня. Они не всегда соблюдаются в повседневном быту, в особых же жизненных ситуациях — похороны, свадьба, праздники — прочно заняли свое место.

Конечно, старые воззрения, которые в свое время «обосновывали» те или иные традиции или обряды, уже давно перестали быть общественно значимыми и полностью выветрились из сознания народа. Например, замена очага кера железной печью и газовой плитой означала не только смену определенных форм материальной культуры, но и коренные перемены в общественной психологии: ни железная печь, ни газовая плита уже не несли тех важных функций — магических и социальных — которые были присущи кера. Однако, несмотря на такого рода перемены, в глубинах психологии каждого человека и всего этноса неосознанно сохраняется стремление следовать старым, привычным правилам ритуального поведения. И вот вокруг печи или газовой плиты (иногда даже стола) проигрываются отдельные части древних, уже полузабытых обрядов. Так, например, невеста рукой дотрагивается до газовой плиты или ее трижды обводят вокруг стола (иногда поворачивают на месте). В некоторых селах, сравнительно недавно, имитируя открытый очаг, в комнате ставили металлический треножник, под которым клали бревно и вокруг этого

сооружения трижды обводили молодых.

То же самое можно сказать и в отношении других элементов современного ритуала грузинской свадьбы: посыпание и угощение молодых сладостями, разбивание на пороге тарелки, сажание на колени невесты мальчика и т. п. Великий магический смысл, заключавшийся в этих обрядах для человека прошлых веков, в основном утрачен, но сами действия дожили до наших дней и входят ярким и красочным ритуалом в веселое торжество бракосочетания. Точно так же, как и традиционное пожелание молодым рождения сыновей. Хотя сейчас рождение девочки в Грузии встречается столь же радостно, как и рождение мальчика, но все же древний обряд благопожелания мужского потомства сохраняется. Сохраняется также и другой свадебный обряд: одаривание молодых. В прошлом это была помощь рода вновь возникшей семье. В какой-то мере древнее назначение обряда сохраняется и в наши дни. Однако в большинстве такие обряды в наше время рассматриваются как шутка, своеобразная игра, да и выполняются далеко не всегда. Если мы вспомним, например, каким важнейшим социальным актом представлялись ранее свадебные обряды с очагом, очажной цепью, то воочию убедимся в тех гигантских изменениях, которые претерпели данные традиции и связанные с ними воззрения.

Следует упомянуть, что в последние годы наблюдается возрождение некоторых элементов старинного свадебного ритуала, в свое время уже исчезнувших из быта. Таковы различные обряды с очажной цепью, с венцами (гвиргвини), скрещиванием кинжалов, иногда заменяющихся ножами, не принятые в свадьбах 1940—1960-х годов, но вновь появившиеся, хотя и не повсеместно, в свадьбах 1970-х годов. Подобные примеры встречаются и в современных похоронах. Так, в начале 1970-х годов у метрелов стало принятым вести во вре-

мя похорон быка, покрытого черным материалом, на рогах которого прикрепляли зажженные свечи.

Вообще современные грузинские похоронные обряды во многом сохранили свою традиционность. Это проявляется в их многолюдии, формах выражения траура и ряде других моментов. Причина подобного явления все та же — неосознанное стремление народа следовать привычной, издавна принятой манере поведения, наиболее сильно проявляющееся в особых, экстраординарных случаях. Однако древняя традиция нередко облекается в наши дни в современные формы: используются магнитофонные записи вместо традиционных плачей, легковая машина под черным покрытием вместо традиционного коня в черной попоне (Мегрелия) и т. п.

Все же следует подчеркнуть, что сила инерции консервирует не только положительные стороны традиции, но и некоторые ее отрицательные моменты. Уже не раз отмечалось, что доставшиеся в наследство от прежних времен такие моменты похоронного ритуала, как, например, пышные поминки с большими материальными затратами, являются вредным пережитком старины. Однако в ряде районов Грузии традиция устраивать грандиозные поминки сохраняется. В консервации этого элемента похоронного ритуала немалую роль играет такой фактор, как престижность, желание во что бы то ни стало сделать поминки как можно более многолюдными, выставить как можно больше угощения. Сам народ с некоторой долей юмора оценивает это как подражание: «Смотрим друг на друга, поэтому так и делаем». В то же время нередко понимая ненужность отдельных моментов в тех же похоронах, мало кто решается переступить установившийся психологический барьер и быть осужденным обществом — родственниками, соседями, односельчанами — в случае невыполнения принятой традиции.

Мы уже говорили о привычке народа к традиционной пище. Изменение привычного рациона приводило нередко к болезням и даже смерти. Психологическая приверженность к какому-то определенному виду продуктов сохраняется и поныне. Например, в современном быту части западных грузин наряду с традиционным гоми сейчас принят и печеный хлеб, однако первый вид хлеба остается самым предпочтительным. По убеждению мегрелов, «стол без гоми — это не стол». Такова сила привычки, действующая в самых различных сферах бытовой культуры.

В бытовой культуре часто наблюдаются случаи переноса комплекса воззрений, связанных с традиционным предметом, на инновационный. Это происходит в том случае, если последний играет роль, аналогичную или схожую с традиционным элементом. В старом грузинском доме, например, разделение пространства вокруг очага кера отражало древнее половозрастное разделение семьи. В соответствии с принятыми нормами мужчины располагались по отношению к входу с правой стороны очага, женщины — с левой. С появлением железной печи заменившей кера, традиции такого раздельного сидения сохранились, и мужчины продолжали садиться справа от печи, а женщины — слева<sup>76</sup>.

Очень большую роль в развитии бытовой культуры играет феномен престижности. Нередко какой-либо предмет покупается или изготавливается лишь в силу того, что обладание им считается почетным, престижным, показателем зажиточности и социального успеха, тогда как реально в быту данный предмет еще не находит применения<sup>77</sup>. Обычно марку престижности приобретают какие-нибудь новинки, только начинающие проникать в повседневный быт, или какие-нибудь дорогостоящие вещи, купить которые могли лишь люди, принадлежавшие к имущим классам. Престижными могут быть также предметы ино-



этнической бытовой культуры, иностранные диковинки, владение которыми уже в силу этого является престижным.

Дальнейшая судьба престижных предметов в структуре бытовой культуры может сложиться двояко. Либо данный предмет становится с течением времени массовым, общедоступным, теряя при этом марку престижности, либо последнее с ним происходит по каким-либо другим причинам, и тогда данный предмет практически исчезает из той сферы бытовой культуры, в которой он когда-то играл роль престижного знака. Например, такие продукты, как чай, макароны, вермишель, уже в 40-х годах XIX в. были известны в высших социальных кругах грузинского общества. Воспринимаясь как своего рода редкость, они выполняли главным образом функцию социального престижа и на стол подавались только в присутствии гостей. Впоследствии все названные продукты потеряли марку престижности, но чай в то же время не стал повседневным напитком грузин. То же можно сказать и в отношении макарон и вермишели, со временем занявших прочные позиции лишь в системе общественного питания. Другой пример. В Кахети камины, как отмечалось, устраивали в домах еще в 1830-е годы, однако в повседневном быту семья использовала только очаг кера. Это же наблюдалось и в 1880-х годах, когда при наличии камина делали открытый очаг, для чего на деревянном полу устраивали земляной настил. Или еще пример. В Имерети, Гурии и Мегрелии в конце XIX в. в крестьянской усадьбе обычно имелось два дома: один — давней постройки традиционного типа, без окон, с двумя дверьми и открытым очагом, другой, новый тип дома — с камином, окнами и т. п. Однако вся жизнь семьи проходила в старом доме, тогда как новый предназначался главным образом для гостей. Таким образом, новая форма культуры психоло-

гически еще не была осмыслена и сохранялась давняя привычка к традиционному предмету, выполнявшему потребительскую функцию. Новый же предмет (камин, жилище) осуществлял только функцию социального престижа.

Подобные примеры можно найти в бытовой культуре населения всех областей Грузии. В Сванети, например, в 1920-е годы поминки, свадьбу и традиционные праздники предпочитали отмечать не в новом доме, а в нижнем этаже старого дома (мачуб); здесь же выпекали поминальные хлебцы. В той же Сванети (в Местиа) государственными организациями один из традиционных домов (фамилии Джапаридзе) был разделен на комнаты, что в этих местах было сделано впервые. Однако комнаты не заменили старого дома; в них устраивали приехавшего гостя, в них хранили постель, одежду, спал кто-нибудь из членов семьи. Однако жизнь семьи протекала в старом доме, точнее, в сохранившемся первом этаже<sup>78</sup>. В Имерети в первой половине XIX в. в быт постепенно проникнул европейский «высокий» стол, который считался престижным элементом имеретинского жилища. Самые уважаемые почетные гости по старшинству садились именно за этот стол. Остальные гости располагались традиционно на коврах. Бытописатели середины прошлого века отмечали, что старшее поколение грузин свято придерживается издавна принятых традиций, однако не противится различным новшествам, проникавшим постепенно в быт. Так, молодежь нередко надевала уже европейское платье, служившее в то время «в некоторой степени вывеской образования». При этом отмечалась особая восприимчивость ко всему новому местных женщин<sup>79</sup>.

Многообразные выражения социальной психологии не только способствуют сохранению или восстановлению традиций, но в них проявляется также отношение народа к новому, определяется

выбор иной, не традиционной формы культуры. Большую роль в выборе нового играют такие явления социальной психологии, как престиж и мода. В то же время выбор новой формы культуры во многом определяется ее близостью или даже адекватностью традиционным формам. Внешне привычное для народа явление делает его психологически более доступным. Именно этим можно объяснить быстрое проникновение в сельский быт 1920—1930-х годов френча, гимнастерки, галифе, сапог, вытеснивших традиционный мужской костюм, а не европейского пиджака, брюк и ботинок. И сейчас старшее поколение мужчин — жителей села — нередко предпочитает именно эти детали военного костюма, которые у них сочетаются не с ботинками, а с калошами, шерстяными носками и традиционным головным убором. Более быстрые по сравнению с мужским костюмом изменения традиционного костюма грузинки, вероятно, в значительной мере объясняются близостью его внешнего вида к европейскому женскому костюму, тогда как мужской чоха-ахалухи по внешнему виду резко противоположен европейской мужской одежде. В процессе проникновения нового в традиционную одежду большое значение имеет мера допустимости, которой обладает инновация. Так, грузинка в наши дни наденет платье городского покроя, но в нем не допустим большой вырез, отсутствие рукавов. Недопустимыми с точки зрения принятых в сельском быту норм считаются также брюки как элемент одежды девушек и женщин (это не относится к девочкам). Поэтому из новых форм и явлений культуры этносом обычно берутся те, которые прежде всего совместимы с нормами местной этики, художественности и т. п.

Общественная психология как всякое историческое явление изменяется в ходе исторического процесса. «В психике человека есть более древние и более

молодые пласты..., но не просто наложенные друг на друга, а находящиеся в сложном взаимодействии»<sup>80</sup>. Со временем меняются взгляды, мода, представления, оценка различных предметов и явлений с точки зрения их престижности, в какой-то степени меняются представления о красивом, плохом и хорошем, оценка достойного и т. п. Подобные изменения можно проследить и в бытовой культуре грузин. Например, необходимую часть приданого в недалеком прошлом во многих районах Грузии (особенно в горах) составляла медная посуда. Последняя в горах служила эквивалентом в торговом обмене, ее количеством, наряду с крупным рогатым скотом, определялась состоятельность семьи. Более того, медная посуда была как бы мерилom социального престижа семьи. У сванов в прошлом веке важной частью приданого считался навоз, очень дорого ценившийся в горах.

Конечно, подобные ценностные ориентации были характерны не для всех районов Грузии и не для всех социальных слоев общества. В высших сословиях они были иными и отражались, в частности, и в приданом, в состав которого помимо множества бытовых предметов входили иконы в драгоценных окладах, золотые кресты, слуги. Современное приданое дает нам представление о ценностных установках в наши дни. Родители покупают дочери дорогую одежду, нарядное белье, сервизы, хрусталь, холодильник, мебельные гарнитуры.

Другой пример. В середине прошлого века европейские чулки и обувь в Тифлисе прежде всего стали носить женщины легкого поведения, так сказать, изгой общества и, конечно, указанные элементы костюма считались недопустимыми с точки зрения местной морали. Только со временем европейские чулки и обувь проникли в средние, а затем и в высшие слои общества, став вполне обычным элементом женской одежды. Сказанное можно дополнить примерами из

других областей бытовой культуры. У хевсур, например, в середине XIX в. было широко распространено курение трубки. А. Зиссерман писал, что курят даже 10-летние мальчики, а также женщины. Это же отмечал К. Ган, побывавший в Хевсурети в 1897 г. Но уже в 1920-е годы Г. Тедорадзе указывал, что «курение считается позором и молодые к этому не приучаются»<sup>81</sup>. В настоящее время эта сравнительно недавняя традиция в значительной мере сохраняется.

Исторически менялись в народе представления о тех достоинствах, которыми должна обладать девушка-невеста. Среди них на первое место ставилось физическое здоровье, очень ценилось ее умение готовить. В Аджарии невеста в день свадьбы после прихода в дом жениха должна была испечь мчади. В некоторых районах, где были развиты различные промыслы (например, изготовление керамики), девушка должна была уметь изготавливать глиняную посуду. В Гурии в конце XIX в. девушка обязательно должна была уметь играть на гитаре и т. п. В наши дни представления о некоторых из перечисленных достоинств девушки-невесты ушли в прошлое. Конечно, по-прежнему важными представляются физическое здоровье, умение готовить. Но возникли и совершенно новые представления. Престижным, например, для девушки считается получение высшего образования, и невеста с дипломом пользуется особым уважением.

Социальная психология во многом определяет и установку этноса на межнациональные браки. Сохраняющееся еще у части населения негативное к ним отношение не есть результат каких-то этноцентристских взглядов, а является следствием той психологической ситуации, которая неизбежно возникает в семье, когда в нее входит человек иной национальности. В этом случае часто обнаруживается несовпадение взглядов, привычек, представлений и т. д., связан-

ное с тем, что супруги являются носителями разных этнических традиций. Более того, даже среди разных этнографических групп одного этноса может наблюдаться отрицательное отношение к бракам вне данной группы. В Грузии, например, это особенно четко прослеживается в среде горцев. У пшавов, мовцев, хевсур до недавнего времени были весьма редки браки с женщинами других этнографических групп грузин. Подобные психологические установки долгое время сохранялись даже среди горцев — переселенцев на равнину. В. В. Бардавелидзе, изучавшая в 1924—1926 гг. в Горийском уезде мтиульские села переселенцев, отмечала значительную замкнутость их быта, что проявлялось, в частности, в вопросах заключения браков. Так, мтиулы брали невест в основном из Мтиулет и туда же выдавали замуж<sup>82</sup>.

Современные интеграционные процессы, сближающие образ жизни всех советских народов, размывают указанные психологические предубеждения к межнациональным бракам. Межнациональные браки, как показывает практика, несмотря на некоторые различия в этнической психологии, при определенных условиях вполне удачны, что и приходилось нам нередко наблюдать в Грузии.

Необходимо отметить, что многообразные проявления социальной психологии неодинаково действуют в разных социальных и половозрастных группах этноса. Например, действие такого психологического момента, как предрассудок в большинстве ограничивается старшими возрастными группами. Социально-профессиональные группы населения с высшим или средним специальным образованием, занимающие командные должности на производстве, более свободны от предрассудков. По-разному проявляется действие инерции, привычек, моды в половозрастных группах. Моде, конечно, подвержены сравнительно молодые возрастные группы.

Конечно, все сказанное в отношении причин сохранения некоторых традиций в современном быту Грузии не означает, что главной причиной следует считать именно социальную психологию. Мы уже отмечали первенствующее значение в развитии традиций социально-экономических условий. Однако существование традиций в новых, социалистических условиях во многом определяется и причинами психологического характера, которые мы попытались рассмотреть.

## Традиции и этнос

Традиции проходят многовековой путь развития. Зародившись под влиянием определенных социально-экономических условий, они впоследствии приобретают долю устойчивости и инерции, что позволяет им иногда надолго переживать породившую их эпоху. Зачастую традиции продолжают функционировать уже в совершенно иных исторических условиях, весьма отличных от тех, которые в свое время были причиной их появления на свет. Однако каждая эпоха накладывает на традиции свой отпечаток, привносит в них что-то новое, а в конечном счете трансформирует их в соответствии с изменившейся исторической ситуацией.

Как отмечалось, помимо социально-экономических условий на развитие традиций большое влияние оказывают политические и религиозные моменты, контакты и взаимодействие данной бытовой культуры с иноэтнической средой, психологический фактор и др. Сумма действий каждого из указанных условий и факторов и составляет объективный процесс развития и трансформации традиций. В то же время известно немало примеров, когда производились попытки вмешаться в этот процесс с целью искоренения той или иной традиции. Как правило, попытки такого рода предпринимались государственной властью, пы-

тавшейся покончить с теми традиционными формами бытовой культуры, которые шли вразрез с задачами и интересами ее политики. Так, в период христианизации Грузии государственная власть вела борьбу с идолопоклонством. «И затем (после крещения.— Н. В., Г. Д.) царь Мириан сокрушил всех идолов»,— пишет Вахушти. Продолжать борьбу с язычеством царь Мириан завещал своему сыну Бакару. «И где найдешь страсти эти звериные, жги их огнем и посыпай пеплом... и то же завещай детям своим». На заре христианства в Грузии началась борьба и с некоторыми формами музыкального фольклора. Носителями языческих традиций, например, считались народные музыканты и певцы *менестве* (играющий на нестве) и *мествице* (играющий на волынке). В дальнейшем царем Давидом Строителем были запрещены как «противные богу» «игры дьявольские, песни и увеселения», т. е. народные песни и «игрища», связанные с различными дохристианскими традициями. В XIX в. церковь неоднократно пыталась запретить в Мегрелии обряд гоутану как несовместимый с установлениями и нормами христианской религии<sup>83</sup>.

Борьба с некоторыми традициями велась в Грузии и в других областях бытовой культуры. Обычай люлечного обручения был официально запрещен государством еще при Давиде Строителе, хотя он сохранялся в некоторых районах Грузии и в начале XX в. По свидетельству Вахушти, похоронные обряды грузин были во многом изменены царем Георгием XI (XVII в). «Поэтому,— отмечает далее Вахушти,— осталось только ношение траура, неедание мяса (говорится об Имерети.— Н. В., Г. Д.) и плач с бичеванием». Распоряжением царя Ираклия были запрещены некоторые старинные игры, известные в быту грузин: придворная травля зверей, происходившая на следующий день

Нового года, конные состязания, проводившиеся в Тбилиси в первый день пасхи, чоган-бурти — игра в мяч, устраивавшаяся в тот же день<sup>84</sup>.

После вхождения Грузии в состав Российской империи новая администрация также пыталась вести борьбу с неудобными ей народными традициями. Так, большое недовольствие царских властей вызывали обычаи гостеприимства и куначества, широко распространенные как в Грузии, так и на остальном Кавказе. Согласно этим обычаям, любой человек, попросивший приюта в чьем-либо доме, даже и вовсе ему незнакомом, непременно получал его, а вместе с ним пищу и полную личную безопасность. Поэтому многие русские солдаты, бежавшие от тягот армейской муштры, находили надежное убежище в кавказских горах, где местное население тщательно скрывало их и ни за что не соглашалось на требования властей выдать беглецов. Этим же обычаем широко пользовались кровники, вынужденные скрываться от официальных властей, а также другие, неудобные царской администрации лица. Это вынудило генерала А. П. Ермолова, главнокомандующего на Кавказе, 26 января 1820 г. издать приказ о том, что обычай куначества в случае укрывательства беглецов не будет принят в оправдание и не спасет скрываемых от наказания по российским законам<sup>85</sup>.

Значительная борьба велась государственной властью и с другим обычаем — кровной мстью. Древние обычноеправовые нормы возводили мсть за убийство родича в священную обязанность человека, невыполнение которой резко осуждалось общественным мнением. По законам Российской империи кровник считался убийцей и как таковой подлежал государственному суду. Кровомщение, разыгрывавшееся между двумя фамилиями, могло длиться годами, а иногда и десятилетиями. В таких условиях административным органам долгое время не

удавалось покончить с беспорядочными убийствами, возникавшими на почве кровомщения, хотя они и прилагали к этому значительные усилия. Эта борьба стала более эффективной, когда к ней подключилась передовая общественность Грузии и само население, уже понимавшее всю пагубность последствий этого вредного обычая, приводившего зачастую к уничтожению целых фамилий, связанных взаимной враждой. С. Макалатия описывает один из эпизодов такой борьбы с обычаем кровной мести, имевший место в 1920-х годах в Архотском обществе (Хевсурети), жители которого вынесли постановление об отмене многих адатов по кровомщению<sup>86</sup>.

В XIX — начале XX в. борьба с различного рода вредными традициями (разорительными поминками, не менее разорительными подношениями на похоронах, выкупом, большими свадебными подарками и т. п.) усилилась. Однако в различных районах Грузии результаты ее имели неодинаковый успех. В горах, где в большей мере сохранялись обычаи коллективизма и общинного контроля, борьба нередко была более эффективной. В равнинно-предгорных районах она протекала довольно слабо. Здесь чаще всего контроль за исполнением различного рода постановлений возлагался на государственных служащих, людей, далеких от нужд местного населения, что и не давало нужных результатов<sup>87</sup>.

Имелись отдельные удачные примеры борьбы самого населения с некоторыми отрицательными традициями местного быта. Так, в 1889 г. два сванских общества — Мулахское и Ленджерское — по собственной инициативе составили приговоры, в которые были внесены некоторые изменения в издавна принятые сванские обычаи. Важным пунктом постановлений были изменения, касавшиеся обычаев, связанных с рождением ребенка. По сванским обычноеправовым нормам женщина за 2—3 недели до ро-

дов в любое время года должна была уйти из дома в лес или в другое место и находиться там одна и некоторое время после родов. В связи с этим обычаем мулахицы и ленджерцы постановили в своих приговорах: «Женщин, разрешающихся от беременности, содержать чисто и аккуратно». «В настоящее время, — подчеркивалось в комментариях к приговорам, — хотя этот гнусный обычай и вытесняется, но в некоторых домах он еще имеет место». Некоторые изменения вносились также в свадебные обычаи. Так, невесту в дом жениха должны были приводить не ночью, как это полагалось по сванским обычаям, а днем. Отменялось также люлечное обручение. «Обручение девиц, — указывалось в постановлениях, — совершать только тогда, когда они сделаются совершеннолетними, а не при малолетстве». Другой пункт постановлений отменял длительный пост, который соблюдался женщинами после смерти родственника в течение нескольких лет<sup>88</sup>.

В кругах грузинской передовой общественности критика различного рода отрицательных традиций особенно усилилась с 1870-х годов, после отмены крепостного права. В периодической печати того времени появилось множество публикаций и корреспонденций на эту тему. В 1880-х годах публицист М. Гургенидзе в статье «Одна из причин нашей бедности» в журнале «Имеди» опубликовал интересные факты, согласно которым население Грузии ежегодно тратило на обряды и обычаи, связанные с крещением, 1,2 млн. руб., на свадьбы и посредников — до 1,5 млн. руб., на народные праздники и хатоба (т. е. религиозные праздники) — 150 тыс. руб., на ритуалы по умершим — 4,5 млн. руб. Итого на выполнение некоторых традиций — 7 млн. 350 тыс. руб. «Все это, — отмечает автор корреспонденции, — тратится впустую»<sup>89</sup>.

В последней четверти XIX в. в Грузии развернулась борьба за сокращение

расходов на поминки (келехи). В этой борьбе широкое участие приняла грузинская общественность, а также жители западногрузинских сел, которые на своих сходах выносили соответствующие постановления. Грузинская периодическая печать того времени широко освещала это стихийное движение крестьянских масс. Газеты «Циобис пурцели», «Иверия» и др. полны корреспонденций о решениях сельских сходов об упразднении поминок и обычая массового оплакивания. Так, сообщалось, например, что в некоторых селах Гурии были вынесены постановления об упразднении поминок и помощи натурой и деньгами; нарушавшие это постановление штрафовались на 50 руб. Сообщалось также, что в ряде гурийских сел составлялись общественные приговоры, по которым каждый под угрозой штрафа в 100 руб. должен был ограничиться приглашением на похороны только ближайших родственников. Газеты писали о случаях отказа от обычая массового оплакивания, о попытках старшины гурийского села Абаши упразднить поминки и массовое оплакивание с зари. Если родные все же хотели устроить оплакивание в доме, то могли пригласить плакальщиц к себе, но в небольшом количестве и безвозмездно<sup>90</sup>. Приводились данные, что в Гурии общества Базилети и Хидистави условились после оплакивания не делать поминального угощения. Плакальщики могли приходить и давать деньги (цасабурави)<sup>91</sup> семье покойного.

Некоторые сельские постановления касались также свадебных обычаев. Так, в с. Патардзеули (Гаре Кахети) постановили упразднить свадебные денежные подношения (шабаши), но зато установить шесацевари, т. е. помощь во время похорон. Борьба велась также против обычая выкупа невесты. У мохевцев, например, его стоимость была значительно снижена. Если до 1880-х годов урвади составлял 400 руб., то позднее по решению сельских обществ он был снижен

до 50 руб.<sup>92</sup> Подобных примеров можно привести множество.

Однако борьба с отрицательными традициями приобрела стойкий и целенаправленный характер лишь после победы Советской власти. В 1922 г. В. И. Ленин подчеркивал, что «вопрос об устройстве быта громадного большинства населения... для нас вопрос коренной»<sup>93</sup>. Вслед за декретами о мире и земле появились законы, в которых по-новому решались вопросы быта. Законодательным путем ликвидировались выкуп, похищение женщин, ношение чадры, т. е. обычаи, квалифицировавшиеся как пережитки родового быта. Однако это было только юридическое решение проблемы и до ее практического превращения в жизнь пролегла целая историческая эпоха — эпоха борьбы нового общества со старым бытом, с традициями, отжившими и не совместимыми с современной жизнью.

В русле культурной революции в Грузии решались и специфические местные задачи, например, в Аджарии, где бытовая культура испытала большое влияние ислама. Так, с 1920 г. здесь началась активная борьба с обычаем ношения женщинами чадры. При этом использовались самые различные методы: от государственных постановлений до воспитательной работы среди женщин, привлечения их в школы, создания женских клубов и т. п. В Тбилиси и Батуми возникли клубы мусульманок, работавшие до 1935 г. В 1920-е годы в Грузии, в том числе и в Батуми, были созданы женские отделы. Последние, как и образованные в 1925 г. в селах «институты» женщин-организаторов, проводили работу не только по борьбе с чадрой, но и в целом по изменению быта женщин, по вовлечению их в общественное производство. Некоторая излишняя поспешность в таком сложном вопросе, как переустройство традиционного быта, психологическая неподготовленность населения к решению подоб-

ных задач не всегда приводили к положительным результатам. В той же Аджарии, например, 9 июля 1928 г. третий пленум уездного комитета партии Хулойского уезда принял решение о снятии местными женщинами чадры. На митинге, состоявшемся 20 июля, аджарка Хозреванидзе, а за ней 150 женщин, жительниц этого уезда, сняли чадру. Однако по возвращении домой все, кроме семи женщин, надели ее снова<sup>94</sup>. В данном случае значение имело не столько желание следовать традициям, сколько боязнь общественного мнения в лице старшего поколения, мужчин своей фамилии, носителей традиционного начала, отличающихся в быту значительным консерватизмом.

Советской властью была проведена большая работа по изживанию из быта пагубного обычая мебосле дедакаци, о котором в наши дни мы можем судить только по литературе прошлого, но который сохранялся еще в первые годы Советской власти в некоторых горных районах. Еще в 1880-х годах передовая общественность Грузии в периодической печати выступала против обычая мебосле дедакаци, однако только в 1920—1930-х годах борьба с этим обычаем вылилась в определенные практические мероприятия, в нее включились врачи, приехавшие работать в горные села, повысился культурный уровень населения, в том числе санитарного просвещения. Так, в Хевсурети, где длительное время обычай мебосле дедакаци сохранялся в наиболее крайних формах, немалую роль в его изживании сыграло строительство в 1925 г. в Барисахо больницы, школы и интерната, автомобильной дороги, связавшей Хевсурети с остальной Грузией. Такого рода факты существенным образом влияли на сознание народа, его представления, что в конечном счете и привело к положительным результатам в борьбе с отрицательными явлениями прошлого.

В современном быту грузин мы уже

не найдем ни обычая мебосле дедакаци, ни чадры, ни многого другого, что тормовило бы нормальное развитие народа. Однако нельзя сказать, что все из старой традиционной культуры, вошедшее в сегодняшний день, достойно занять место в жизни современного общества. К таковым следует отнести, например, знакомые нам келехи, сохраняющие в Западной Грузии масштабы и характер старых традиционных поминок. Значительно возросли, как отмечалось, раскоды и число присутствующих на похоронах и в Восточной Грузии. Причин существования таких явлений в быту несколько. В Западной Грузии сказывается инерция традиции, подкрепляемая большой ролью престижа и, конечно, значительными экономическими возможностями населения. Эти причины способствовали развитию указанной традиции и в Восточной Грузии. Грузинская общественность, советские и партийные организации обращают самое пристальное внимание на такого рода явления и ведут большую разъяснительную и воспитательную работу среди населения. Однако сломать психологический барьер в виде существующих привычек, преодолеть инерцию традиционных установок — трудная и не сразу осуществимая задача.

Эффективная линия наших «взаимоотношений» с наследием прошлого — это всемерное сохранение и укрепление существующих полезных традиций, а иногда и их восстановление, если они почему-либо исчезли. Действительно, мы должны всемерно использовать все то положительное, рациональное (например, в хозяйстве, жилищном строительстве, в питании, одежде, семейном быту), которое веками накоплено народным опытом, использовать прекрасные традиции народного искусства. Пренебрегать рациональным и лучшим, содержащимся в этих традициях, нельзя. Например, в Западной Грузии строили и предпочитают строить в наши дни до-

щатый дом. Такой дом хорошо вентилируется и задерживает проникновение влаги, что очень существенно во влажном климате этой части Грузии. В новых каменных и тем более в шлакобетонных домах сохраняется большая сырость. Опыт традиционного строительства показал, что дранка в качестве покрытия крыши в некоторых районах Грузии (Сванети, Рача) в силу их природно-климатических условий более рациональна, чем шифер. Дранка гораздо лучше выдерживает большой снег и хорошо сохраняется в течение 20—25 лет, тогда как шифер быстро ломается. Однако в новых домах в большинстве вынуждены ставить шифер как наиболее доступный строительный материал, который можно купить. Изготовление дранки в настоящее время не практикуется.

Значительны успехи в восстановлении и развитии народного прикладного искусства грузин. У тушин, например, в 1920-е годы отмечалось прекращение изготовления паласов и войлоков. В эти годы для украшения комнат предпочитали использовать покупные ковры и паласы<sup>95</sup>. В последние десятилетия мероприятия, нацеленные на восстановление традиционного производства цветных войлоков, привели к положительным результатам. Большие успехи видны в развитии другого древнего вида народно-прикладного искусства — чеканки по металлу. В настоящее время — это своеобразная область профессионального художественного искусства.

Помимо государственных мероприятий по восстановлению прогрессивных традиций, часть последних, как отмечалось, восстанавливается стихийно, неосознанно самим народом, что мы и видели, к примеру, в свадебных и похоронных обрядах последних лет.

Кроме отмеченных линий — борьбы с отрицательными традициями и сохранением и восстановлением положительных традиций — в настоящее время прила-



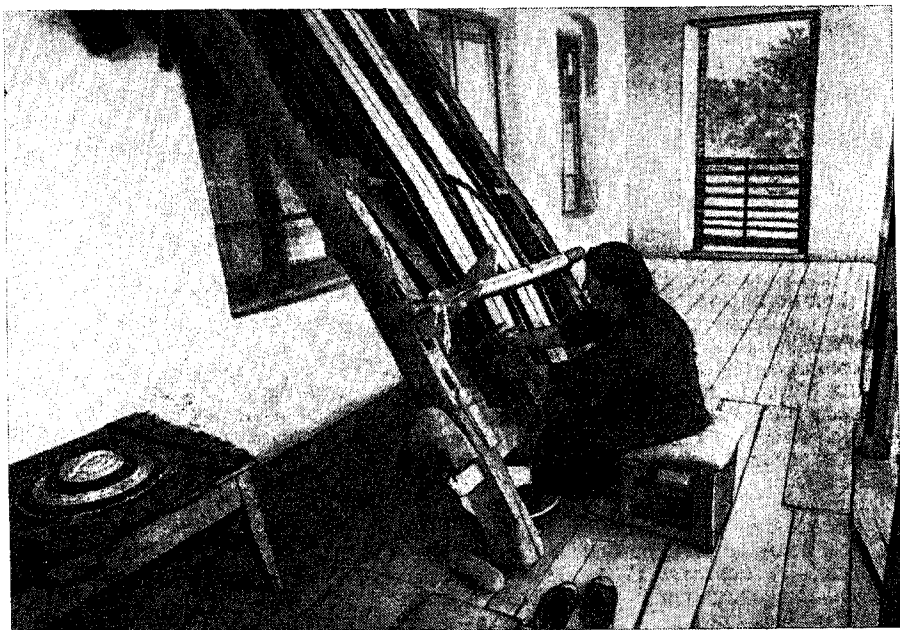


Рис. 11. Тупинка за изготовлением паласа (сел. Квемо Алвани Ахметского р-на; фото 1950-х годов)

гаются усилия к созданию совсем новых обычаев и обрядов, таких, как торжества в честь известных деятелей прошлого: Шота Руставели (Шотаоба), Важа Пшавела (Важаоба), Ильи Чавчавадзе (Илиаоба), начавшие проводиться в последние десятилетия, даты в память погибших в Великую Отечественную войну и др.<sup>96</sup> Оценивая такого рода новые традиции, следует отметить их иной по сравнению со старыми народными праздниками довольно официальный характер. Например, праздник, посвященный деятелю культуры прошлого, обычно включает митинг, выступления писателей и поэтов, приехавших из разных республик Советского Союза, а также артистов и коллективов художественной самодеятельности.

Но, как известно, праздник, выражаясь в определенной системе обрядов и действий, становится настоящим народным весельем только тогда, когда сам народ принимает в нем непосредственное участие, когда нет деления на почетных гостей и зрителей. Поэтому ис-

тинным праздником будет лишь такое мероприятие, в котором творцом и непосредственным участником будет сам народ. Таковыми являются праздники, которые издавна отмечаются в традиционные даты, с неизменно повторяющимися традиционными формами веселья. Многие из них связаны с хозяйственной деятельностью народа. Таковы у грузин ртвели — праздник, отмечающийся в честь окончания сбора винограда. Праздник Мцхетоба отмечался 14 октября по окончании всех сельскохозяйственных работ. И теперь у древних стен бывшей столицы Грузии — Мцхета в этот день по традиции собирается народ, много молодежи, проходит веселое гулянье, завязываются знакомства<sup>97</sup>. Вообще в старых грузинских праздниках, всегда отмечавшихся на природе, внешняя форма выражения — веселье, игры, танцы, застолье, общение людей — была главной и подавляла их ре-

лигиозную истовость. Все сказанное не означает, однако, что нам не следует устраивать новые праздники типа Или-

аоба, Важаоба и др. Но проводить их надо с большим учетом национальных традиций народного празднества.

### Примечания

- <sup>1</sup> Очиаури Т. А. Новые постройки в Адиге-ни.— МЭГ, 1963, № 12—13, с. 140.
- <sup>2</sup> См.: Волкова Н. Г. Статейные списки русских посольств..., с. 286, 287.
- <sup>3</sup> См., например: Тер-Саркисянц А. Е. Современная семья у армян. М.: Наука, 1972; Смирнова Я. С. Детский и свадебный циклы обычаев и обрядов у народов Северного Кавказа.— КЭС. М.: Наука, 1976; Она же. Избегание и процесс его отмирания у народов Северного Кавказа.— В кн.: Этноческие и культурно-бытовые процессы на Кавказе. М.: Наука, 1978; Кобычев В. П. Новые и традиционные черты в современном жилище народов Северного Кавказа.— Там же; Сергеева Г. А. Основные комплексы традиционной одежды аварцев и их трансформация в советское время.— Там же; Арутюнов С. А. Статика и динамика неевропейской бытовой культуры.— В кн.: Основные проблемы африканистики. М.: Наука, 1973, с. 37—51.
- <sup>4</sup> Кобычев В. П. Новые и традиционные черты..., с. 165.
- <sup>5</sup> Левкович В. П. Обычай и обряды..., с. 116, 117; Токарев С. А. Разграничительные и объединительные функции культуры.— В кн.: IX МКАЭН (Чикаго, сентябрь, 1973 г.). М.: Наука, 1973; Бромлей Ю. В. Этнос и этнография, с. 70, 71.
- <sup>6</sup> Левкович В. П. Обычай и обряды..., с. 115.
- <sup>7</sup> Поршнев Б. Ф. Противопоставление как компонент этнического самосознания.— В кн.: IX МКАЭН (Чикаго, сентябрь, 1973 г.). М.: Наука, 1973.
- <sup>8</sup> Чеснов Я. В. Социально-экономические уклады и этнические традиции в агроэтнографии.— СЭ, 1972, № 4, с. 71.
- <sup>9</sup> Французский этнолог А. Леруа-Гуран в истории одежды видит два противоположных процесса, отражающих две функции этого элемента бытовой культуры: этнической дезинтеграции, которая более интенсивна в новейшее время, и этнической интеграции. Первый означает вытеснение локальных и региональных особенностей, второй является определенным знаком отличия народа или какой-либо этнографической группы этноса (см.: Lerois-Gourhan A. Le geste et la parole. Paris, 1964, v. 2).
- <sup>10</sup> См.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Одесса, 1900, с. 85.
- <sup>11</sup> Левкович В. П. Обычай и обряды..., с. 22, 116; Дюркгейм Э. О разделении общественного труда, с. 154, 222.
- <sup>12</sup> См.: Алчабадзе Ю. Д. «Остракизм» на Кавказе.— СЭ, 1979, № 5.
- <sup>13</sup> Бромлей Ю. В. Этнос и этнография, с. 65.
- <sup>14</sup> Правда, встречается своего рода региональное самоназвание «мы — кавказцы», характерное обычно для выходцев с Кавказа, живущих вне его пределов.
- <sup>15</sup> См.: Кобычев В. П. Жилище народов Восточного Закавказья.— СЭ, 1957, № 3; Кобычев В. П., Робакидзе А. И. Основы типологии и картографирования жилища народов Кавказа.— СЭ, 1967, № 2.
- <sup>16</sup> См., например: Студенецкая Е. Н. Одежда.— В кн.: Культура и быт народов Северного Кавказа (1917—1967 гг.). М.: Наука, 1968; Смирнова Я. С. Семья и семейный быт.— Там же; Сергеева Г. А. Основные комплексы традиционной одежды аварцев...
- <sup>17</sup> Бромлей Ю. В. Этнос и этнография, с. 69.
- <sup>18</sup> Баллер Э. А. Преемственность в развитии культуры, с. 69.
- <sup>19</sup> Инадзе М. П. Причерноморские города древней Колхиды. Тбилиси: Мецниереба, 1968, с. 117, 180.
- <sup>20</sup> См.: Волкова Н. Г. Статейные списки русских посольств..., с. 279—281. Так, в Кахети царь и азнауры носили куртки, спятые «на кызылбашский манер» (т. е. по-персидски), азямы («по-кызылбашски»). В особых случаях надевали чалму. В Имерети наряду с традиционной одеждой надевали турецкие кафтаны, а также кызылбашские куртки. Обувь была местного образца и по персидской моде. Персидское влияние прослеживалось и в музыкальной грузинской культуре. «Любовь к такого рода музыке (тар, чанури, чонгури.— Н. В., Г. Д.),— писал Д. Аракишвили,— я объяснил себе влиянием персов при грузинских царях-магометанах в XVI—XVII вв., когда грузинский царский двор, окруженный необыкновенной роскошью, не только старался подражать персидским обычаям, но в угоду шаху, насаждал персидские нравы силой оружия. Вероятно, тогда и перешли эти инструменты в Грузию и сделались всеобщепотребительными» (Аракишвили Д. И. О грузинских музыкальных инструментах.— Труды музыкально-этнограф. комиссии Об-ва любителей

- естествознания, антропологии и этнографии при Московском ун-те, 1910, т. II, с. 146).
- <sup>21</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 594.
  - <sup>22</sup> Мы не говорим здесь о вывозе товаров из Грузии (самшит, ореховое дерево, мед, невыделанные меха, кукуруза, шелк-сырец и др.), поскольку нас интересуют поступления в Грузию нетрадиционных товаров, а не торговли как таковая.
  - <sup>23</sup> Обзорение Российских владений за Кавказом. СПб., 1836, ч. I, с. 31, 264; *Яшвили М. Д.* Из истории материальной культуры Грузии..., с. 56, 57, 89—92; Статистическое описание губерний и областей Российской империи. Т. XVI, ч. 5, с. 108—113, 117.
  - <sup>24</sup> *Цагарели А.* Грамоты и другие исторические документы..., т. I. СПб., 1891, с. 190.
  - <sup>25</sup> *Мачабели Н. К.* Из истории семейных отношений грузинского народа. Приложение: документы, с. 229, 236; *Яшвили М. Д.* Из истории материальной культуры Грузии..., с. 81; АКАК, т. III, с. 753.
  - <sup>26</sup> СМОМПК, Тифлис, 1891, вып. 11, с. 250; 1900, вып. 27, с. 112.
  - <sup>27</sup> Обзорение Российских владений за Кавказом, ч. I, с. 129; *Зиссерман А. Л.* Двадцать пять лет на Кавказе, ч. 1, с. 12; Записки М. Я. Ольшевского. Кавказ с 1841 по 1866 г.— Русская старина, 1894, т. 82, с. 87.
  - <sup>28</sup> *Зиссерман А. Л.* Двадцать пять лет на Кавказе, ч. 1, с. 9; *Гакстгаузен А.* Закавказский край, ч. I, с. 77.
  - <sup>29</sup> *Зиссерман А. Л.* Двадцать пять лет на Кавказе, ч. 1, с. 26—28.
  - <sup>30</sup> Обзорение Российских владений за Кавказом, ч. I, с. 26; *Зиссерман А. Л.* Двадцать пять лет на Кавказе, ч. 1, с. 25.
  - <sup>31</sup> Воспоминания о Кавказе и Грузии.— Русский вестник, 1869, т. 79, № 1—2, с. 435, 436.
  - <sup>32</sup> *Зиссерман А. Л.* Двадцать пять лет на Кавказе, ч. 1, с. 10.
  - <sup>33</sup> *Радде Г.* Хевсурия и хевсуры, с. 7.
  - <sup>34</sup> Дрозба, 1884, № 231 (на груз. яз.).
  - <sup>35</sup> Дрозба, 1871, № 38; *Чиковани В. М.* Борьба против вредных традиций по материалам грузинской периодики второй половины XIX в. Тбилиси: Мецниереба, 1979 (на груз. яз.).
  - <sup>36</sup> *Пшавела В.* Публицистические и этнографические статьи, с. 390; *Аргутинский А. А.* Экономический быт государственных крестьян Сигнахского уезда, с. 191, 334, 340, 344; *Андронников А. Д.* Описание 3-го, Уравельского, полицейского участка..., с. 281.
  - <sup>37</sup> *Пантюзов И. И.* О пещерных и позднейших жилищах на Кавказе. Тифлис, 1896, с. 84, 85.
  - <sup>38</sup> Там же, с. 84.
  - <sup>39</sup> *Дуладзе А.* Этнографическая Гурия, с. 165; *Сагокиа Т.* Путешествия, с. 22, 60; *Аргутинский А. А.* Экономический быт государственных крестьян Сигнахского уезда, с. 193; *Капанадзе Я.* Село Сачилаво Кутаисской губернии..., с. 113.
  - <sup>40</sup> Некоторые традиционные музыкальные инструменты в конце XIX — начале XX в. уже исчезли из быта грузин, например многостольная флейта (ларчеми) у мерелов и соинари у гурийцев, *сантури* (цинцила) — род цитры, на которой играли деревянным молоточком (см.: *Стещенко-Курфтин В. К.* Древнейшие музыкальные основы грузинской народной музыки. Тбилиси, 1936).
  - <sup>41</sup> Чаще всего на гудаствири играли странствующие музыканты из рачинцев, хотя бывали и карталинцы.
  - <sup>42</sup> *Бакрадзе Д.* Спены из грузинской жизни, с. 168; *Радде Г.* Путешествие в Мингрельских Альпах, с. 125; *Сагокиа Т.* Путешествия, с. 35, 36, 64. «Как чонгури, так в особенности тари и чинаури,— пишет Д. И. Аракишвили,— можно встретить в Грузии в любом доме дворянина или князя. Игра на них и пение под их аккомпанемент до сих пор пользуется здесь большой любовью и считается национальным» (*Аракишвили Д. И.* О грузинских музыкальных инструментах, с. 142).
  - <sup>43</sup> АИЭ, 1974, ПК, л. 11, 12, 23, 28, 34, 36, 37; 1975, ПК, л. 4, 7, 26, 29, 31, 45, 49, 66; 1976, ПК, л. 10, 13, 38, 49.
  - <sup>44</sup> АИЭ, 1974, ПК, л. 9, 23, 31, 37; 1975, ПК, л. 16, 25, 96, 98, 105, 228.
  - <sup>45</sup> См.: *Аргутинян Ю. В.* Исследование процессов социально-культурного развития и сближения наций в СССР. «Стенограмма пленарного заседания 2 апреля 1973 г. Отчетно-экспедиционной сессии 1973 г.».
  - <sup>46</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 595.
  - <sup>47</sup> СМОМПК, вып. 11, с. 211.
  - <sup>48</sup> Там же.
  - <sup>49</sup> Например, в западноевропейских городах открытый очаг еще сохранялся в XII—XIII вв. В Грузии такого рода очаги были найдены, в частности, в Картли на территории Мцхета, где был раскопан комплекс поселений первых веков н. э.
  - <sup>50</sup> Керосин вошел в быт народов Закавказья с развитием бакинской нефтяной промышленности, главным образом в последней четверти XIX — начале XX в., однако был дорог и доступен не каждой крестьянской семье.
  - <sup>51</sup> См.: *Мачабели Н. К.* Из истории семейных отношений грузинского народа. Приложение: документы, с. 195, 196.
  - <sup>52</sup> *Ламберти Арканджело.* Описание Колхиды,— СМОМПК, 1913, вып. 43, с. 69—72.

- <sup>53</sup> *Вешапели Г.* Турецкая Грузия, Лазистан, Трапезунд и Чорохский край. М., 1916.
- <sup>54</sup> Близкое соседство народов, контактная зона, как правило, способствуют развитию многообразных связей и двуязычия, но не оказывают решающего воздействия на традиционную культуру контактирующих народов. Примером может служить Сванети, соседствующая с Балкарией и имевшая с ней исторически длительные и разнообразные связи. Однако культура сванов, как и культура балкарцев, сохранила свой традиционный облик, если не считать нескольких заимствований в материальной культуре и некоторого влияния ислама на быт социальной верхушки в Княжеской Сванети. О влиянии этнической среды на бытовую культуру см.: *Волкова Н. Г.* Этнические процессы в Грузинской ССР.— В кн.: Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе, с. 15—30.
- <sup>55</sup> АИЭ, 1974, ПК, л. 12, 15, 75, 110; 1975, ПК, л. 20, 38, 44, 118, 255, 278.
- <sup>56</sup> *Волкова Н. Г.* Ингило.— В кн.: Полевые исследования Ин-та этнографии. 1977. М.: Наука, 1979.
- <sup>57</sup> *Сазокиа Т.* Путешествия, с. 54.
- <sup>58</sup> Т. Сазокиа в своей книге рассказывает об одном русском — Никитине, которого вызвали в суд в Озургети в качестве свидетеля. «Смотрят — стоит гурнец, русского языка не знает» (*Сазокиа Т.* Путешествия, с. 54, 55).
- <sup>59</sup> *Волкова Н. Г.* Этнические процессы в Грузинской ССР, с. 15, 16, 28.
- <sup>60</sup> *Лямин В. С.* География и общество. М.: Мысль, 1978, с. 225.
- <sup>61</sup> Проблема взаимодействия общества и окружающей среды — сложная и малоисследованная в советской этнографической литературе. В предлагаемом небольшом разделе авторы не ставят задачей анализ всей этно-экологической системы Грузии. Однако приводимые материалы в известной мере помогут определить некоторые связи традиционной культуры грузин с окружающей географической средой.
- <sup>62</sup> *Крупник И. И.* Питание и экология ненцев Большеземельской тундры в 20-е годы XX в.— В кн.: Некоторые проблемы этногенеза и этнической истории народов мира. М.: Наука, 1976, с. 65.
- <sup>63</sup> *Сумбадзе Л. З.* Дарбази — древнейший тип грузинского жилища и его место в истории архитектуры.— В кн.: VII МКАЭН [Москва, 1964 г.]. Тбилиси: Мецниереба, 1964, с. 1.
- <sup>64</sup> За пределами Кавказа жилище типа дарбази известно в Передней Азии, на Памире, в Гималаях и в других местах.
- <sup>65</sup> См.: *Чиковани Т. А.* Классификация и ге-  
незис закавказского жилища, с. 38, 42.
- <sup>66</sup> АИЭ, 1977, ПК, л. 120, 121.
- <sup>67</sup> АИЭ, 1974, ПК, л. 87, 88; 1977, ПК, л. 98.
- <sup>68</sup> АИЭ, 1974, ПК, л. 126, 128; 1975, ПК, л. 6, 7, 13, 16, 19—21.
- <sup>69</sup> Гмерти считался богом луны. Кроме того, по грузинским поверьям с ним связывались некоторые явления природы (например, град), различные болезни и т. п. Мзекали считалась богиней солнца, а также полей (см.: *Бардавелидзе В. В.* Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство, с. 16—19, 66—68, 192, 194, 247).
- <sup>70</sup> *Рухадзе Дж.* Грузинский народный праздник. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1966 (на груз. яз.).
- <sup>71</sup> Грузинское народное поэтическое творчество. Тбилиси: Мерани, 1972, с. 115, 117, 121, 126, 129.
- <sup>72</sup> *Харадзе Р.* Грузинская семейная община, ч. 2, с. 35, 113.
- <sup>73</sup> См.: Проблемы общественной психологии. М.: Мысль, 1965, с. 3; см. также: Методологические проблемы социальной психологии. М.: Наука, 1975; об этнических аспектах психологии см.: *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография, с. 78—113.
- <sup>74</sup> *Чурсин Г. Ф.* Очерки по этнологии Кавказа, с. 2.
- <sup>75</sup> Описание праздника Алавердоба см., например: О народных праздниках и праздничных обычаях христианского населения за Кавказом и преимущественно в Тифлисе.— КК на 1850 г. Тифлис, 1849, с. 577; *Зиссерман А.* Двадцать пять лет на Кавказе, ч. 1, с. 23, 24.
- <sup>76</sup> *Бедукидзе Л. А.* Народная мебель в горных районах Восточной Грузии, с. 145.
- <sup>77</sup> Как известно, каждый предмет выполняет различные функции, из которых одна связана с его потреблением в быту, другая — с престижной значимостью.
- <sup>78</sup> *Чартолани М.* Современное жилище в Сванети, с. 36.
- <sup>79</sup> *Окольный Н.* Воспоминания о Кутаиси.— Русский вестник, 1857, т. 8, с. 489, 491.
- <sup>80</sup> *Поршнев Б. Ф.* Социальная психология и история. М.: Наука, 1966, с. 183.
- <sup>81</sup> *Зиссерман А. Л.* Двадцать пять лет на Кавказе, ч. 1, с. 210; *Ган К.* Путешествие в страну пшавов, хевсур..., с. 110; *Тедорадзе Г.* Пять лет в Пшав-Хевсурети, с. 56.
- <sup>82</sup> *Бардавелидзе-Ломиа В.* Ритуал, связанный с рождением ребенка, в горной Картли.— Вестник Музея Грузии, 1928, т. 4, с. 237 (на груз. яз.).
- <sup>83</sup> *Вахушти.* География Грузии. Введение, перевод и примечание М. Т. Джанашивили.— ЗКОРГО, Тифлис, 1904, кн. XXIV, с. 12; *Дубровин Н. Ф.* История войны и

- владычества русских на Кавказе, т. I, кн. II, с. 17; Грузинское народное поэтическое творчество, с. 23, 31, 39.
- <sup>84</sup> Вахушти. География Грузии, с. 10, 11; Древние грузинские игры.— Тифлиссские ведомости, 1830, № 27.
- <sup>85</sup> АКАК, 1875, т. VI, ч. 2, с. 63.
- <sup>86</sup> Макалатия С. И. Хевсурети, с. 77, 78.
- <sup>87</sup> См.: Чиковани В. М. Борьба против вредных традиций, с. 19.
- <sup>88</sup> Отчет о путешествии по Абхазии и Сванетии о. архимандрита Амвросия, с. 108—110.
- <sup>89</sup> Чиковани В. М. Борьба против вредных традиций, с. 19, 20.
- <sup>90</sup> Иверия, 1885, № 205 (на груз. яз.); Цнобис пурцели, 1897, № 252 (на груз. яз.). В Мегрелии, например, вся семья, в том числе и маленькие дети, шла на поминки и несколько дней жила в доме покойного. Многие приводили с собой от 30 до 100 плакальчиков. Содержание такого количества людей стоило дорого и способствовало обнищанию семьи покойного (Цнобис пурцели, 1897, № 216; № 872—874).
- <sup>91</sup> Цасабурави (цабурва — денежная помощь семье умершего, которую оказывали все приходившие на похороны. Прежде, как отмечают корреспонденты, в Гурии и Мегрелии, например, на оплакивание несли вино, томи, лобно. «Тогда поминки справляли с лобно, а сейчас,— отмечает далее тот же корреспондент,— и мясо подносят, особо если оплакивают стариков. Раньше семья не тратилась, наоборот, у нее оставалась третья часть принесенных продуктов. Сейчас цабурва — это деньги. Прежде приводили с собой по 120 человек только князья и дворяне, остальные приходили без сопровождающих. Сейчас, после отмены крепостного права, и крестьяне берут с собой плакальчиков (мозаре) и других сопровождающих». Одно такое посещение — выполнение обычая оплакивания — обходилось крестьянину, которого сопровождало около 30 человек, в 35 руб. Такая же традиция с приглашением мозаре была известна и в Имерети, где на похоронах нередко собиралось до тысячи человек (Цнобис пурцели, 1899, № 872—874; Чиковани В. М. Борьба против вредных традиций, с. 40, 41).
- <sup>92</sup> Цнобис пурцели, 1899, № 74; Иверия, 1900, № 94; Казбеги А. Полн. собр. соч., т. 5, с. 38; Чиковани В. М. Борьба против вредных традиций, с. 40, 41, 56.
- <sup>93</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 248.
- <sup>94</sup> Гоциридзе М. Женщины Аджарии — строители новой жизни. Батуми, 1971, с. 22, 26, 44, 48, 69.
- <sup>95</sup> Гурко-Кряжин В. В Нагорной Тушети.— Заря Востока, 1929, № 226, с. 208.
- <sup>96</sup> В ряде сел, например, отмечается День не вернувшихся с войны. В Душетском, Казбегском и Тианетском районах празднуют День чабана. В 1967 г. в Кварельском районе в с. Греми стали проводить новый праздник Гремкалакоба в память о древнем городе Греми, разрушенном персами в XVII в. (Гугутишвили М. Г. Новые советские традиции в Грузии, с. 10, 17, 18).
- <sup>97</sup> Праздники, обряды, традиции. М.: Молодая гвардия, 1980, с. 99, 100.



## ЗАКЛЮЧЕНИЕ



### Тенденции развития грузинской бытовой культуры

Наше исследование выявило несколько направлений в развитии бытовой культуры грузинского народа.

Первое из них проявляется в виде процессов урбанизации и модернизации, которые нивелируют традиционную культуру в направлении общемировой культурной модели. Подобная нивелировка культуры более всего ощутима в ее материальной сфере, где этот процесс, начавшись примерно в середине XIX в., к настоящему времени в известной мере завершился. Однако не остаются в стороне и сферы семейного быта и духовной культуры.

С изменением культурной модели происходят другие важные изменения, связанные с социальными функциями культуры. Как отмечалось, материальные предметы, как и культура в целом, выполняют две противоположные функции: объединения какого-то коллектива (этноса, этнографической группы и др.) и разъединения, противопоставления одного коллектива другому. Эти функции выполнялись материальной культурой на протяжении тысячелетий. Но оказалось достаточным всего лишь несколько десятилетий, чтобы с заменой прежней культурной модели функция разделения (противопоставления) предельно ослабла. Однако указанный факт не относится в равной мере ко всем компонентам материальной культуры. Так, почти единая во всем мире одежда уже не выполняет присущую ей в прошлом функцию противопоставления. Более устойчиво такая функция сохраняется в жилище, что проявляется в приемах

строительства, деталях интерьера и т. п. В современном грузинском доме, например, до сих пор сохраняется своеобразие, которое не дает возможности спутать его с современным жилищем других народов даже в пределах Кавказа. Наиболее стабильна функция противопоставления в пище, консерватизм которой мы отмечали. В этой области материальной культуры обе функции — объединения и противопоставления — сохраняются в значительной мере.

И все же происходящие процессы нивелировки культуры необратимы. Мы уже не вернемся к дарбазу, хотя и сегодня восхищаемся этим образцом народного зодчества; современная молодежь в основной своей массе не будет играть на чонгури или зурне, и вряд ли кто, кроме участников художественной самодеятельности, наденет чоху и ахалух, как бы ни был красив этот костюм. Однако несмотря на урбанизацию и модернизацию, приводящие в наши дни к единообразию материальной культуры, в глубинах сознания человека (этноса) живет стремление к этническому обособлению, к сохранению противопоставления «мы — они». Отсюда желание сохранить из уходящего что-нибудь привычное, традиционное, которое служило бы своеобразным этническим знаком.

Стремление следовать традициям своей семьи, своей «микросистемы» и тем самым сохранить этническое своеобразие особенно наблюдается в нематериальных сферах культуры — в семейном и общественном быту, в этических и моральных установках, которые всегда

имеют яркую этническую окраску. Отсюда, например, в современной грузинской бытовой культуре сохранение веками апробированных народных традиций. Сюда следует отнести и успешные попытки возрождения отдельных традиций, например музыкального фольклора, народно-прикладного искусства, осуществляемые общественными и творческими организациями, отмеченную нами приверженность народа к своим традициям, проявляемую в различных формах.

Таким образом, мы видим, что в бытовой культуре в настоящее время действуют две, казалось бы, взаимно исключаящие линии развития: с одной стороны — размывание традиций, с другой — их усиление и восстановление.

Итак, традиции — «своего рода кирпичи, из которых мы строим здание будущей коммунистической культуры; и каждый кирпич из вековой груды мы должны внимательно оглядеть, выбрать годное, откинуть негодное»<sup>1</sup>. Дело в том, что в любой из сохраняющихся традиций можно вычленил напластования прежних эпох, а также чуждое. Поэтому так важен аксиологический подход к наследию прошлого.

Нужно сохранять прекрасный обычай гостеприимства, оказавший столь созвучным условиям широкого общения народов нашей страны, традиционное уважение к старшим, всегда являвшееся одним из основных принципов грузинского этикета, а также к женщине — матери, труженице, полноправному члену нашего социалистического общества. О советской женщине проявляется особенная забота со стороны партии и государства. Ее положение в семье и общественном производстве постоянно интересуется наша печать. Как совершенно справедливо писал А. Вишневский, «мы по праву гордимся высокой занятостью женщин в общественном производстве, но если мы хотим сделать следующий шаг к подлинному равенству мужчины и женщины, нужны неустанные поиски

более совершенных, чем сейчас, способов сочетания участия женщины в производстве с выполнением ею семейных обязанностей»<sup>2</sup>.

Осуществляя эту большую социальную программу, мы должны учитывать и реально использовать все то лучшее, что характеризовало традиционное положение женщины, в том числе грузинской. В то же время мы хотим более открыто высказаться против некоторых, еще сохранившихся обычаев, не соответствующих отношениям людей в современном социалистическом обществе. Мы не можем согласиться с трактовкой любой народной традиции как прекрасного обычая прошлого, имеющего право на существование в наши дни.

С другой стороны, отмеченная нами одна из тенденций развития современной бытовой культуры — исчезновение некоторых положительных народных традиций. Например, народно-прикладное искусство. Нередко в сельских домах Грузии вместо традиционных войлоков или ковров ручной работы со своеобразной орнаментикой мы видим ковры фабричного производства, к сожалению, часто невысокого художественного уровня. О таких изменениях приходится только сожалеть. Поэтому одной из важных задач развития современной бытовой культуры грузинского народа является сохранение и освоение культурного наследия прошлого, творческое использование его рациональных традиций. Последнее, однако, происходит не всегда в нужном направлении. Это, в частности, наблюдается в строительстве новых жилых домов в горных районах Грузии. «Основным недостатком нового строительства, — отмечают специалисты-архитекторы, — является недостаточное освоение материалов народного зодчества, которыми так богата горная Грузия. В некоторых случаях наблюдается поверхностное, формальное повторение древних мотивов, в других — механическое перенесение городской архитекту-

ры в деревню, не считаясь со специфическими условиями горных районов»<sup>3</sup>.

В жизни грузинского народа прочное место заняли общесоветские формы бытовой культуры. К ним следует отнести общесоветские праздники (7 ноября, 1 Мая, 9 мая), новые нормы семейных взаимоотношений, сложившиеся в грузинских семьях за годы Советской власти. Сюда же следует отнести попытки создания новых традиций, в том числе праздников, хотя, конечно, у каждого народа они имеют свою специфику, отражающую своеобразие исторических судеб данного этноса. Например, День животновода в Грузии будет отличаться от Дня животновода на Украине или в Казахстане. Народ старается привнести что-то свое в подобные праздники. Более богаты национальными чертами такие праздники, как, например, Гремка-лакоба, связанные с конкретными фактами грузинской истории.

Наконец, в грузинской бытовой культуре находят отражение общерегиональные, т. е. общекавказские черты. Как известно, корни кавказского единства уходят в глубочайшую древность. Общие черты в бытовой культуре кавказских народов появляются и в последние десятилетия. В частности, это следует отметить в обрядах свадебного и похоронного циклов, во многом близких и даже единых для всего Кавказа.

Оценивая результаты происходящих в грузинской бытовой культуре процессов, следует подчеркнуть, что некоторые из них противоположны друг другу. Так, размыванию традиционной культуры в результате процессов урбанизации и модернизации противостоят тенденции сохранения и восстановления

традиционной культуры и в конечном счете — укрепления самого этноса.

Может показаться, что намеченные линии развития культуры в настоящее время и, видимо, в ближайшем будущем исключают существование в ней традиций. Однако это не так. Жизнь этноса с его самосознанием, родным языком всегда означает и стремление этноса к самоутверждению, что в значительной мере происходит путем развития своей культуры, своих традиций. Последние, конечно, в наши дни по формам проявления будут отличаться от традиций наших отцов. Но и сейчас сохраняются, возникают и живут традиции. Они в представлениях народа, в его нравственных нормах, в этикете застолья, в особенностях цветовой гаммы современного костюма, в своеобразии современных мелодий, в звуках которых угадываются древние народные напевы. Именно эти традиции и создают в нашем современном мире своеобразие народных культур. Наша культура — это бесценный дар. Мы должны сберечь его, свято хранить и, обогащая, передать грядущим поколениям, как это делали наши предки. «Исторические судьбы Грузии были нелегкими», — сказал Л. И. Брежнев в своей речи на торжественном заседании, посвященном 60-летию Грузинской ССР и Коммунистической партии Грузии. — Столетиями подвергалась она нашествиям чужеземных завоевателей, опустошавших страну. Но поколения ваших предков оказались тверды, как скалы Кавказа. Они отстаивали свою независимость, создали и сохранили самобытную, во многих отношениях уникальную национальную культуру»<sup>4</sup>.

### Примечания

<sup>1</sup> Токарев С. А. Народные обычаи календарного цикла в странах Зарубежной Европы (опыт структурно-исторического анализа). — СЭ, 1973, № 6, с. 15.

<sup>2</sup> Вишневский А. Творчество отношений. — Правда, 1984, 13 июля.

<sup>3</sup> Джандиери М. Н., Лезава Г. И. Архитектура горных районов Грузии, с. 100.

<sup>4</sup> Речь товарища Л. И. Брежнева на торжественном заседании в Тбилиси, посвященном 60-летию Грузинской ССР и Коммунистической партии Грузии. — Известия, 1981, 23 мая.



# ПРИЛОЖЕНИЯ



## Список источников иллюстраций

### ВВЕДЕНИЕ

Рис. 1. Грузины: из Тушети; Кахети (фото 1970-х годов Г. Н. Джавахишвили); Хеви (фото 1970-х годов Л. А. Сафразяна) . . . . .

### ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

#### Жилище

Рис. 1. Сел. Омало в горной Тушети (фото 1880-х годов. *Merzbacher G. Aus Hochregionen des Kaukasus. Bd. II, Leipzig, 1901, S. 750*) . . . . .

Рис. 2. Селение в горной Тушети (фото 1960-х годов Г. Н. Джавахишвили) . . . . .

Рис. 3. Башни в горной Тушети (фото 1960-х годов Г. Н. Джавахишвили); башни и новый дом в Сванети (фото 1970-х годов Л. А. Сафразяна) . . . . .

Рис. 4. Улица в горном селении в Сванети (1974 г., фото А. Д. Корноухова) . . . . .

Рис. 5. Селение в Пиракет Хевсурети (1973 г., фото Г. А. Сергеевой) . . . . .

Рис. 6. Улица в сел. Сабуэ в Кахети (1979 г., фото Г. Н. Джавахишвили) . . . . .

Рис. 7. Новая улица в сел. Акура в Кахети (1979 г., фото Г. Н. Джавахишвили) . . . . .

Рис. 8. Башни в жилом и хозяйственном комплексе в сел. Дартло в Тушети (1973 г., рис. А. Д. Корноухова) . . . . .

Рис. 9. Чардахнани сахли в Тушети (фото 1960-х годов Г. Н. Джавахишвили) . . . . .

Рис. 10. Дуроиани сахли в сел. Геби в горной Раче (1975 г., фото А. Д. Корноухова) . . . . .

Рис. 11. Традиционная мебель (1973—1974 гг., рис. А. Д. Корноухова). Экспонаты Музея под открытым небом в Тбилиси и Музея в районном центре Мestia в Сванети . . . . .

Рис. 12. Жилище конца XIX в. в Рача-Лечхуми (1977 г., рис. А. Д. Корноухова).

Экспонаты Музея под открытым небом в Тбилиси . . . . .

Рис. 13. Дарбази: внешний вид и интерьер (*Сумбадзе Л. Грузинские дарбази. Тбилиси: Заря Востока, 1960, табл. 5, 6*) . . . . .

Рис. 14. Жилище конца XIX в. в Гурии (1977 г., рис. А. Д. Корноухова). Экспонаты Музея под открытым небом в Тбилиси . . . . .

Рис. 15. Традиционный интерьер в аджарском доме в сел. Дидачара в горной Аджарии (1974 г., рис. А. Д. Корноухова) . . . . .

Рис. 16. Традиционные дома в горной Аджарии (сел. Горджоми; 1975 г., фото А. Д. Корноухова) . . . . .

Рис. 17. Хозяйственная постройка в Мегрелии (фото 1880-х годов. *Merzbacher G. Aus Hochregionen des Kaukasus, Bd. II, S. 670*) . . . . .

Рис. 18. Жилище начала XX в. в Кахети (1979 г., фото Г. Н. Джавахишвили) . . . . .

Рис. 19. Дом 1920-х годов в горной Тушети (фото 1960-х годов Г. Н. Джавахишвили) . . . . .

Рис. 20. Дом и башня в Сванети (сел. Кало; фото 1970-х годов Л. А. Сафразяна); жилище первой четверти XX в. в Сванети (сел. Мазери, 1974 г., фото А. Д. Корноухова) . . . . .

Рис. 21. Жилище 1920-х годов в Кахети (сел. Цодникскари; 1979 г., фото Г. Н. Джавахишвили) . . . . .

Рис. 22. Жилище 1920-х годов в Кахети (сел. Сабуэ; 1979 г., фото Г. Н. Джавахишвили) . . . . .

Рис. 23. Жилище 1920-х годов в Картли (сел. Кавтисхеви; 1979 г., фото Г. Н. Джавахишвили) . . . . .

Рис. 24. Новый дом в Кахети в сел. Чумлаки (1979 г., фото Г. Н. Джавахишвили) . . . . .

Рис. 25. Жилище 1930-х годов в Кизики

(сел. Архилоскало; 1975 г., фото А. Д. Корноухова) . . . . .

Рис. 26. Жилище 1930-х годов в Сванети (1974 г., фото А. Д. Корноухова) . . . . .

Рис. 27. Традиционное и новое жилище (1973—1974 гг., рис. А. Д. Корноухова) . . . . .

Рис. 28. Новые дома в сел. Геби в горной Раче (1975 г., фото А. Д. Корноухова) . . . . .

Рис. 29. Новые дома в сел. Мазери в Сванети (1974 г., фото А. Д. Корноухова) . . . . .

Рис. 30. Новый дом в сел. Карсубани Кахети (1979 г., фото Г. Н. Джавахишвили) . . . . .

Рис. 31. Новый дом в сел. Леллани в Кахети (1979 г., фото Г. Н. Джавахишвили) . . . . .

Рис. 32. Новый дом в сел. Вайо в горной Аджарии (1974 г., фото А. Д. Корноухова) . . . . .

Рис. 33. Дом постройки 1970-х годов в Мегрелии (1974 г., фото А. Д. Корноухова) . . . . .

Рис. 34. Новые дома в Картли (1980-е годы, фото Л. А. Сафразяна) . . . . .

## Одежда

Рис. 1. Тушины (фото 1880-х годов. *Merzbacher G. Aus Hochregionen des Kaukasus*, Bd. II, S. 756) . . . . .

Рис. 2. Сванские женщины (фото 1880-х годов. Там же, с. 665) . . . . .

Рис. 3. Хевсур (фото 1880-х годов. Там же, с. 752) . . . . .

Рис. 4. Пшав (рис. 1950-х годов. *Горшельт Т. Кавказские походные рисунки*. Вып. 3. СПб., 1895, с. 23) . . . . .

Рис. 5. Сваны (рис. 1860-х годов. Атлас карт и рисунков. Приложение к VII книге ЗКОРГО, Тифлис, 1866) . . . . .

Рис. 6. Мегрел, имеретин, гуриец (рис. начала XIX в. В кн.: Народы, живущие между Каспийским и Черным морями. СПб., 1822. Музей книги Гос. библиотеки им. В. И. Ленина) . . . . .

Рис. 7. Традиционная обувь (1973—1974 гг., рис. А. Д. Корноухова) . . . . .

Рис. 8. Мохевский традиционный женский костюм конца XIX — начала XX в. (1973 г., рис. А. Д. Корноухова). Экспонаты Музея в районном центре Казбеги Казбежского района . . . . .

45

45

46

48

48

49

49

51

51

53

57

57

59

59

61

61

63

63

Рис. 9. Грузин в куладже (фото конца XIX в. *Ростомов И. П. Картвельское племя*. Тифлис, 1896, с. 17) . . . . .

Рис. 10. Гуриец (фото конца XIX в. Гос. Музей Грузии, фотоотдел, альбом № 48, с. 49) . . . . .

Рис. 11. Имеретины (фото конца XIX в. Гос. Музей Грузии, фотоотдел, альбом № 61, с. 57) . . . . .

Рис. 12. Мегрел (фото конца XIX в. *Ростомов И. П. Картвельское племя* с. 48) . . . . .

Рис. 13. Аджарцы (фото конца XIX в. Гос. Музей Грузии, фотоотдел, альбом № 54, с. 111) . . . . .

Рис. 14. Пожилая тушинка (1973 г., фото Г. Н. Джавахишвили) . . . . .

Рис. 15. Женский костюм 1930-х годов в Аджарии (1974 г., рис. А. Д. Корноухова). Аджарский Гос. музей в Батуми . . . . .

70

70

71

71

73

74

79

## Пища

Рис. 1. Кахетинцы на сборе винограда (фото конца XIX в. *Ростомов И. П. Картвельское племя*, с. 21) . . . . .

Рис. 2. Очаги (1974 и 1977 гг., рис. А. Д. Корноухова) . . . . .

Рис. 3. Выпечка хлеба в тонэ в Кахети (1979 г., фото Г. Н. Джавахишвили) . . . . .

Рис. 4. Пурне (1974 г., фото А. Д. Корноухова) . . . . .

Рис. 5. Традиционный камин в современном аджарском доме (1975 г., рис. А. Д. Корноухова) . . . . .

83

89

94

94

95

## Некоторые вопросы семейных отношений

Рис. 1. Святилище (хати) в Хевсурети (фото 1880-х годов. *Merzbacher G. Aus Hochregionen des Kaukasus*, Bd. II, S. 755) . . . . .

Рис. 2. Кинто (фото конца XIX в. *Ростомов И. П. Картвельское племя*, с. 17) . . . . .

Рис. 1. Сваны на поминальном угощении (фото конца XIX в. Гос. Музей Грузии, фотоотдел, альбом № 48, с. 1) . . . . .

Рис. 2. Сванский надгробный крест (фото 1880-х годов. *Merzbacher G. Aus Hochregionen des Kaukasus*, Bd. II, S. 660) . . . . .

123

138

146

146

Рис. 3. Традиционный обычай поминовения, принятый в Сванети в местах гибели сванов (1974 г., фото А. Д. Корноухова) . . . . . 158

Рис. 4. В трауре (1975 г., фото А. Д. Корноухова) . . . . . 158

## ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Рис. 1. Перестроенный традиционный тупинский дом в сел. Джварбосели (1960-е годы, фото Г. Н. Джавахишвили) . . . . . 175

Рис. 2. Новый дом на фоне традиционной башни в Сванети в сел. Мазери (1974 г., фото А. Д. Корноухова) . . . . . 175

Рис. 3. Усадьба в Мегрелии (1974 г., фото А. Д. Корноухова) . . . . . 176

Рис. 4. Пожилые грузины в современной традиционной одежде в сел. Ахалсопели Тианетского района (1975 г., фото А. Д. Корноухова) . . . . . 178

Рис. 5. Пожилая аджарка в современном традиционном костюме в сел. Горджоми в горной Аджарии (1975 г., фото А. Д. Корноухова) . . . . . 178

Рис. 6. Пастух на летних пастбищах около сел. Горджоми (1960-е годы, фото В. М. Шамиладзе) . . . . . 179

Рис. 7. Гурийки (фото конца XIX в. *Ростомов И. П.* Картвельское племя, с. 45) . . . . . 188

Рис. 8. Грузинские женщины в Сигнахи в Кахети (фото начала XX в. Гос. Музей Грузии, фотоотдел, альбом № 62, с. 83) . . . . . 188

Рис. 9. Сванская арфа чанги (фото 1880-х годов. *Merzbacher G.* Aus Hochregionen des Kaukasus, Bd. II, S. 671) . . . . . 193

Рис. 10. Современный ковер в сел. Архилоскало в Кизики (1975 г., фото А. Д. Корноухова) . . . . . 193

Рис. 11. Тупинка за изготовлением паласа в сел. Квемо Алвани Ахметского района (1950-е годы, фото Г. Н. Джавахишвили) . . . . . 219

## Вклейка

Рис. 1. Рачинки в традиционной одежде (*Браилашвили Н. П.* Женский костюм горной Рачи.— МЭГ, 1959, № 10. Фотовоспроизведение Г. Н. Джавахишвили)

Рис. 2. Грузинки в традиционной одежде: карталинка и сванка (рис. М. Тильке начала XX в. Подлинники хранятся в отделе этнографии Гос. Музея Грузии. Фотовоспроизведение Л. А. Сафразяна)

## Глоссарий<sup>1</sup>

Абази (abazi) — старинная серебряная монета в Персии и на Кавказе  
 Агапи (ayari) — поминки  
 Аджилаки (ažilaki) — небольшое возвышение, устраиваемое в доме жениха на время свадьбы. На аджилаки сидели новобрачные во время свадебной церемонии (Месхет-Джавахети)  
 Азарпеша (azarpeša) — серебряная чаша для вина  
 Азнаури (aznauri) — дворянин  
 Ахалухи (axaluxi) — верхняя мужская и женская одежда  
 Ахори (axori) — хлев, конюшня  
 Багдади (baydadi) — женский шелковый головной платок  
 Бандули (banduli) — обувь в форме лаптей, сделанная из сыромятной кожи и имевшая плетеную подошву  
 Бацх (bacx) — большие поминки в Сванети  
 Башлуги (bašluyi) — выкуп за невесту (Аджария)  
 Баште (bašt'e) — конюшня в тушинском традиционном доме  
 Бе, беи, белга (be, bei, belga) — предсвадебный залог, денежный задаток, даваемый родителями жениха семье невесты  
 Бегели (beyeli) — амбар  
 Бедис квери (bedis kveri) — ритуальный хлеб («хлеб счастья»)  
 Бидзас джавари (bižas žvari) — ритуальный хлеб в свадебной церемонии («крест дяди»)  
 Бонаули (bokauli) — сельский староста  
 Босели (boseli) — хлев, конюшня  
 Бохчис митана (boxčis mišana) — обряд подношения невесте полного комплекта свадебной одежды (Аджария)  
 Бузика (buzika) — гармошка  
 Бухари (buxari) — пристенный камин  
 Габахи] (yabaxi) — ритуальные состязания в стрельбе, проводившиеся после похорон у горцев Восточной Грузии

Гадалоцва (gadalocva) — обряд одаривания новобрачных  
 Гаукрели дземеби (gauqreli zmebi) — неразделенные братья — одно из названий большой семьи  
 Гвабанаки (gvabanaki) — верхняя одежда па-стуха  
 Гвал (gval) — стойло в сванском доме  
 Гвиргвини (gvirgvini) — свадебный венец; ступенчато-венцеобразное перекрытие в дар-бази  
 Глехи (glexi) — крестьянин  
 Гозинаки (gozinaqi) — новогодняя сладость  
 Гомели (yomeli) — печь для поджаривания ячменя, выпечки хлеба, приготовления пи-щи. Такая печь была распространена у гор-цев Восточной Грузии  
 Гоми (yomi) — род проса, разводившегося исключительно в Западной Грузии и Аб-хазии; круто сваренная каша из проса гоми или кукурузной муки, в Западной Грузии нередко заменявшая хлеб  
 Гомури (gomuri) — хлев  
 Гомурис сахли (gomuris saxli) — полуподзем-ное жилище с отделением для скота  
 Гутану (goutanu) — обряд, совершавшийся накануне рождества (Мегрелия и Южная Абхазия)  
 Гуданури (gudanari) — тулуп  
 Гудаствири (gudasťviri) — музыкальный ин-струмент типа волынки  
 Гуджастiani каба (gužastiani kaba) — полу-традиционное женское платье в Кахети  
 Гулиспири (gulispiri) — нагрудная вставка в традиционном женском костюме  
 Даблатани (dablaťani) — юбка  
 Даира (daira) — бубен  
 Далаоба (dalaoba) — обряд оплакивания в ту-шинских похоронах  
 Дарбази, дарбаз (darbazi, darbaz) — жилище со ступенчато-венцеобразным перекрытием; верхний жилой этаж в сванском и рачинском доме  
 Датешили каба (datešili kaba) — платье ев-ропейского типа в Аджарии  
 Дедабози (dedabozi) — центральный опор-ный столб в традиционном грузинском жи-

<sup>1</sup> В глоссарий включены наиболее употребительные термины, а также термины, встречающиеся в тексте без объяснения.

- лише. В Хевсурети — дзиреули бодзи (zireuli bozi)
- Дедопали (dedopali) — парипа; невеста
- Деканози (dekanosi) — священнослужитель у горцев Восточной Грузии
- Депани (derani) — балкон для сушки зерна; небольшое помещение в грузинском доме для хранения сельскохозяйственных орудий; в некоторых районах в депани в летнее время готовили молочные продукты, которые здесь же хранили
- Дерепани (derepani) — коридор, сени; помещение для легкого содержания скота (в Хевсурети)
- Джаргвали (zargvali) — срубное жилище в Мегрелии и Абхазии
- Джврис пури (jvris puri) — ритуальный хлеб в свадебной церемонии (досл. «хлеб креста»)
- Джеиз (jeiz) — приданое в Месхет-Джавахети и Абхазии
- Джуба (убиани чоха) (žuba, ubiani čoha) — верхнее женское платье из шерсти у тушин
- Дзигва, дзиква (zigva, žikva) — верхние штаны в традиционном мужском костюме в Абхазии, Мегрелии и Гурии
- Диасакхлиси (diasaxlisi) — старшая женщина в большой семье; хозяйка дома
- Диди оджахи (didi ožaxi) — одно из названий большой семьи. См. также гаукрели дземби, саэрто сахли, эртсахли, дземби
- Долбанди (dolbandi) — верхняя женская одежда типа катиби (см.)
- Доли (doli) — барабан
- Дуроани сахли (duroiani saxli) — дом-крепость в Горной Раче
- Дуроеби (duroebi) — верхний этаж-крыша в жилище дуруани сахли
- Зари (zari) — песни-плачи, исполняемые в похоронных обрядах
- Зубуни (zubuni) — мужская верхняя одежда аджарцев; верхняя женская одежда в Месхети наподобие катиби (см.)
- Зубун параги (zubun paragi) — длинное распашное платье аджарок
- Зурна (zurna) — музыкальный духовой инструмент
- Каба, картули каба (досл. «грузинское платье») (kaḅa, kartuli kaḅa) — верхняя традиционная одежда
- Кабалахи (qabalaxi) — башлык
- Кавари (qavari) — дранка
- Када (kada) — сладкий пирог
- Кало (qalo) — гумно, ток
- Калтиани каба (kaltiani kaḅa) — верхнее женское платье, аналогичное картули каба (см.)
- Каламани (kalamani) — обувь из сыромятной кожи в форме лаптей
- Калоани сахли (qaloiani saxli) — жилище в Хевсурети
- Камари (qamari) — пояс, кушак
- Каптара (kaptara) — женская верхняя одежда типа чохи (см.) с откидными рукавами (Горная Рача)
- Карапани (qarapani) — коридор
- Карапаниани сахли (qarapaniani saxli) — разновидность дарбази
- Кари (qari) — двор, усадьба
- Карсе, карсели (qarse, qarseli) — у тушин — пристройка к жилищу чардахани сахли (см.); в Горной Раче — пристройка к дуруани сахли (см.)
- Карта (karta) — огороженное место для скота
- Картули чвинтиани пехсацмели (kartuli čvintiani pexsacmeli) — сапожки на каблуке с сильно загнутым носком
- Катиби (katibi) — женская верхняя одежда на подкладке с разрезными рукавами
- Кеври (kevri) — глиняный кувшин больших размеров для брожения и хранения виноградного вина (Восточная Грузия)
- Квелиани (qveliani) — сванский пирог с сыром (аналогичное хачапури)
- Квиткири (kvitqiri) — жилище каменной кладки на извести
- Келехи (kelexi) — поминки
- Кера, керпа (qera, qeria) — открытый очаг; каменная плита, устроенная в земляном полу, на которой разводили огонь
- Керани (qerani) — место для разведения огня в жилище, сделанное в земляном полу в виде четырехугольной ямки, выстланной каменными плитами. В керани огонь горел круглый год днем и ночью
- Кеси (qesi) — глиняная или каменная форма для выпечки мчади (см.), хлеба, хачапури
- Кидобани (kidobani) — большой деревянный ящик (иногда с резьбой) для хранения продуктов и посуды или одежды
- Кинто (qinṭo) — торговец-разносчик в Тбилиси
- Коди (qodi) — мера сыпучих тел. В разных районах Грузии она колебалась в пределах 2 пуда 10 фунтов — 4 пуда 20 фунтов
- Комлеки (komleki) — рубашка (Абхазия)
- Комли (qomli) — семья, хозяйство в Хевии
- Кор (kor) — в Сванети — комплекс жилых и хозяйственных помещений
- Копи (qori) — валик — деталь женского головного убора
- Корчили (korčili) — свадьба
- Коши (koši) — женская обувь на каблуке с загнутым носком; обувь на деревянной подошве без задника
- Кртамис пули (krtamis puri) — деньги, отдававшиеся семьей невесты семье жениха за приносимые ими продукты для свадебного угощения

Куди (kudi) — шапка  
Кула (qula) — сосуд для вина  
Куладжа (kulaža) — парадная верхняя мужская одежда высшего сословия  
Кучура (qıçura) — деталь тушинского женского головного убора, сделанная из ткани и шерсти в виде круга. Кучура носили только замужние женщины

Лаваш (lavaši) — хлеб в виде тонкой лепешки овальной формы  
Ларчеми (larçemi) — шестиструнная флейта — древнегрузинский музыкальный инструмент  
Лекури (lequri) — народный танец  
Лечаки (leçaki) — деталь женского головного убора, сделанная из вуали или тюля  
Литра (liṭra) — мера сыпучих тел в пределах 8—12 фунтов; кувшинчик для воды  
Лобю (lobio) — фасоль; блюдо из фасоли  
Лохана (loxana) — сорт капусты  
Лргим (lrgim) — традиционная длинная скамья со спинкой  
Луди (ludi) — пиво, приготавливавшееся преимущественно горцами Восточной Грузии

Макари (maqari) — свадебный дружка  
Макрули (maqruli) — свадебная песня, исполнявшаяся дружками  
Мамакаци (mamaqaci) — старший в большой семье (досл. «мужчина») — свекр  
Мамантили (mamantili) — свекр  
Мандили (mandili) — женский головной платок больших размеров  
Марани (marani) — помещение с давящей и кувшинами с вином — кверри (см.); кладовая для хранения продуктов  
Махви, кора махви (maxvši, kora maxvši) — старейшина в сванской семье  
Мачанкали, мацкули, машвали, марджакели (maçanqali, maşvali, macikuli, marǰakeḷi) — сват, посредник  
Мачанглоба (maçanqloba) — сватовство  
Мачуб (maşub) — нижний этаж в сванском доме  
Мдаде (mdade) — посаженная мать  
Мебосле дедакаци (mebosle dedakaci) — обычай изоляции женщины на время родов в специально выстроенном помещении (горные районы Восточной Грузии)  
Меджваре, мегодре (meǰvare, megodre) — шафер в свадебной церемонии  
Мепе, непе (mere, pere) — царь, жених  
Мести (meṣti) — обувь из тонкой кожи  
Мзитеви, мзитви (mzitevi, mzitvi) — приданое  
Мицурис сахли (miçuris saxli) — жилище с плоской земляной крышей, нередко полуподземное  
Мкепар (mqerari) — свадебный вестник

Мозаре (mozare) — плакальщики, исполнители на похоронах песней-плачей зари (см.)  
Мсахури (msaxuri) — слуга  
Мурквამ (murqam) — баня в Сванети  
Мутака (mutaka) — длинная подушка цилиндрической формы  
Мухлсапара (muxlsapara) — передник в женском костюме в Тушети  
Мцвади (mçvadi) — пашлык  
Мчади (mçadi) — пресный хлеб из кукурузной или просяной муки

Набади (nabadi) — бурка  
Набдис куди (nabdis kudi) — мужская войлочная шапка  
Наках (nakax) — в дореволюционной Аджарии — официальное оформление брака по шариату  
Натлиа (natlia) — крестный  
Начулаш (naçulaş) — выкуп за невесту у сванов  
Нипхави (nipxavi) — нательное белье  
Нишани (nişani) — залог. Давался женихом невесте в знак обручения  
Нишанзе тирили (nişanze ṭirili) — обряд оплакивания одежды покойного  
Нишноба (nişnoba) — обручение  
Налиа (nalia) — кукурузник

Ода сахли (oda saxli) — в Западной Грузии — деревянный дом с комнатами  
Одури сахли (oduri saxli) — разновидность дарбази  
Остати (oṣtaṭi) — женщина, обучавшая девушку кройке, шитью, иногда грамоте  
Отахи (otaxi) — комната

Палатнани сахли (palaṭiani saxli) — жилище в Западной Грузии  
Панджриани сахли (pañǰriani saxli) — жилище с застекленными окнами  
Пандури (panduri) — трехструнный щипковый музыкальный инструмент  
Папанаки (rapanaqi) — мужской головной убор в Западной Грузии  
Папах (paraḫi) — мужской головной убор из меха  
Папи, бапи (papi, bapi) — священнослужитель в Сванети  
Пацха (pacxa) — жилище из плетня в Мегрелии  
Пачичи — мн. ч. пачичеби (paçiçi, paçiçe-bi) — вязаные ноговицы (род чулок)  
Перанги (perangi) — нательная рубаша  
Пехис ахсна (pexis axsna) — обряд, связанный с первым появлением жениха в семье невесты  
Печа (peça) — тонкий платок, прикрывавший лицо аджарки

Пештамали (peštamali) — передник в традиционном женском костюме в Месхет-Джавхети и Аджарии  
 Пириссанахави (pirissanaxavi) — обряд лицезрения невесты  
 Пистани (pištani) — верхняя одежда в женском аджарском костюме  
 Пипрули (pičruli) — дощатый, обычно одноэтажный дом  
 Плости (plošt'i) — женская обувь из сафьяна типа тапочек  
 Порка (porķa) — женское платье европейского типа со сборками (Аджария)  
 Пури (puri) — пшеница; хлеб  
 Пурне (purne) — печь для выпечки хлеба и сушки фруктов

Ранги (rang'i) — напиток из меда в Сванети  
 Рджиули (rǰuli) — совет старейшины в Хевсуре-ти  
 Риги (rigi) — поминальное застолье в Восточной Грузии

Сабаркули (sabarķuli) — длинные вязаные штаны в традиционном костюме тушинки  
 Сабдзели (sabǰeli) — саманник  
 Сабечури (sabečuri) — женская верхняя одежда наподобие душегрейки  
 Сагоре (sayore) — свинарник  
 Сагуле (sagule) — у мохевов — длинное распашное платье на подкладке; в Горной Раче — женский и мужской ахалух; у пшавов — короткий нагрудник с рукавами; в мужском пшавском костюме — одежда наподобие жилета  
 Садгини (sadgini) — конные скачки, устраивавшиеся во время похорон в Тушети  
 Саджалабо (saǰalabo) — кухня в аджарском традиционном доме  
 Саджалабо сахли (saǰalabo saxli) — дощатый дом с двускатной крышей (в Имерети); жилое помещение в дуоиани сахли (горная Рача)  
 Саджохо (saǰoxo) — дополнительная доля в наследстве, которую давали членам большой семьи, исполнявшим обязанности пастуха  
 Садзмо сацило (saǰmo sačilo) — братская доля в общесемейном имуществе  
 Садзрохе (saǰroxe) — коровник  
 Саднацо (sadiaco) — женская половина в традиционном горском доме  
 Сазандари (sazandari) — музыкант, играющий на сазе — инструменте наподобие лютни  
 Сазанхуло дасахури (sazarxulo dasaxuri) — летняя женская накидка  
 Сакацо (saķaco) — мужская половина в традиционном горском доме  
 Сакурцхил (saķurcxil) — кресло для старшего  
 Сакучнао (saķučnao) — кладовая

Саламури (salamuri) — свирель  
 Самархи (samarx'i) — доля, выделявшаяся родителям при разделе семьи и предназначавшаяся на покрытие расходов по погребению  
 Самврело, самревло, сачехи, кохи (samvrel'o, samrevlo, sačexi, koxi) — в восточной горной Грузии — специально построенное помещение для рожениц, находившееся чаще всего вне села  
 Самзареуло сахли, самзади, самзади отахи, самзади сахли (samzareulo saxli, samzadi, samzadi otaxi, samzadi saxli) — кухня  
 Самкопи (samčopi) — жилое помещение в горском доме (Восточная Грузия)  
 Сантури, цинцили (santuri, ciŋcili) — музыкальный инструмент наподобие цимбал  
 Саостато (saost'alo) — деньги, отдававшиеся остати (см.) стороной жениха за обучение девушки-невесты  
 Саркмели (sarkmeli) — небольшие световые отверстия наподобие бойниц, имевшиеся в стенах дома-крепости  
 Сарткели (sar'qeli) — тканый или матерчатый пояс в традиционном женском костюме  
 Сасиминде (sasiminde) — кукурузник (см. также налиа) — помещение в виде четырехугольной плетенки на столбах с крышей из дранки или досок  
 Сатавно (sataвно) — личный капитал женщины, составлявший часть ее приданого  
 Саталавре (saťalavre) — сундук для хранения одежды  
 Сатонэ (satone) — помещение с печью тонэ (см.)  
 Сатаура (sataura) — головной убор хевсурки в виде кокошника  
 Саупросо (sauproso) — надбавка за старшинство к братской доле при разделе общесемейного имущества  
 Сахли (saxli) — дом  
 Сахлис санахави (saxlis sanaxavi) — обряд осмотра женихом дома невесты в традиционной свадебной церемонии  
 Сацхвре (sacxvre) — помещение для овец в хевсурском доме  
 Саэрто сахли (saerto saxli) — большая семья (см. также гаукрели дзеби, диди оджахи, эртсахли дзеби)  
 Сванури куди (svanuri kudi) — мужская шапка из войлока (Сванети)  
 Сене (sene) — помещение для хранения молока и молочных продуктов, а также для их переработки  
 Соплоба (soploba) — общинный сход  
 Сулис агапи (sulis ayapi) — обряд поминовения души  
 Султакрепа (sultaķrepa) — досл. «сбор душ». Один из поминальных дней в традиционном похоронном цикле  
 Супра (supra) — скатерть; маленький столик

Табаки, табаги (ṭabaki, ṭabagi) — маленький столик (см. также табла, хонча)  
 Табла (ṭabla) — маленький столик; поминальная пища и скатерть, приносимые на могилу на 7-й и 40-й дни после похорон  
 Тавис риги (tavis rigi) — поминальное угощение  
 Тавсакрави (tavsakravi) — деталь традиционного женского головного убора — узкая полоска ткани, прикреплявшаяся к чихта (см.)  
 Тавсахурави (tavsaxuravi) — женский головной шелковый платок  
 Тавчита, чикила (tavčita, čikila) — женский головной платок  
 Тавшали (tavšali) — женский головной платок больших размеров  
 Талавари (ṭalavari) — старинный женский костюм  
 Тамада (tamada) — распорядитель застолья  
 Тари (tari) — музыкальный инструмент типа гитары  
 Тати, мн. ч. — татеби (tati, tatebi) — вязаные носки на кожаной или меховой подошве  
 Тахти (ṭaxti) — тахта  
 Темп (temi) — сельское общество  
 Тирили (tirili) — оплакивание, поминки  
 Ткави (ṭqavi) — досл. «кожа»; тулуп  
 Ткав каба (ṭqav kaba) — досл. «кожаное платье»; верхняя одежда из овчины у горских женщин  
 Тапори (tapori) — смесь из глины с навозом, употреблявшаяся для обмазки стен дома  
 Тонис пури (tonis puri) — пшеничный хлеб, выпеченный в тонэ (см.)  
 Тонэ, торнэ (tone, torne) — очаг в земле для выпечки хлеба  
 Убани (ubani) — квартал в селении  
 Уканатвали (uḡanatvali) — часть жилого помещения за очагом в пшавском традиционном доме  
 Умдзрахоба (umzraxoba) — обычай избегания  
 Урвади (urvadi) — выкуп за невесту у мхевцев  
 Хабарда (xabarda) — верхнее платье европейского типа  
 Хабизгини (xabizgini) — пирог с сыром у мхевцев  
 Хавици (xaviči) — блюдо, сделанное из муки, горячего топленого масла и соли  
 Харджи (xarġi) — поминальное застолье у горцев Восточной Грузии  
 Хати (xati) — святилище  
 Хатоба (xatoba) — храмовый праздник  
 Хвири (xviri) — большая корзина, наполненная соломой, в которой спали 2—3 человека.  
 Хевисбери (xavisberi) — священнослужитель у горцев Восточной Грузии

Хелмандили (xelmandili) — шелковый платок  
 Хонча (xonča) — маленький столик, поднос (см. также табаки, табаги, супра)  
 Хоруми (xogumi) — мужской воинственный танец в Аджарии  
 Хоша зурал (xoša zural) — старшая женщина в сванской семье  
 Хула (xula) — помещение для хранения зерна (см. также бегели)  
 Цасабурави (časaburavi) — помощь деньгами и продуктами, которую родные и соседи оказывали семье покойного  
 Цинатвали (cinatvali) — часть помещения, находившаяся перед очагом, в традиционном пшавском доме  
 Цинда, мн. ч. — циндеби (cinda, cindebi) — вязаные шерстяные носки  
 Цинсарари (cinsarari) — передник в традиционном женском костюме (горная Рача)  
 Цихе (cixe) — крепость  
 Цихе сахли (cixe saxli) — дом-крепость  
 Цлис риги (clis rigi) — годовые поминки  
 Цор (cor) — плата за кровь у сванов  
 Премлоба дге (cremloba dge) — «слезный день» в похоронном цикле в Хевсурети  
 Цуга (cuqa) — мужская мягкая обувь из сафьяна  
 Чакура (čakura) — верхняя мужская одежда  
 Чанги (čangi) — музыкальный инструмент типа арфы  
 Чапрасти (čaprašti) — нагрудник из серебряных или медных бляшек в традиционном женском костюме ряда районов Грузии  
 Чардахани сахли (čarдахiani saxli) — жилище типа дома-крепости в Тушети  
 Чадри (čadri) — женское покрывало  
 Чарчаби (čarčabi) — чадра в дореволюционной Аджарии  
 Черкеска — сукодная верхняя мужская одежда с газырями  
 Черхо (čerxo) — летнее помещение для семьи в тушинском жилище чардахани сахли (см.); помещение для мужчин в хевсурском доме  
 Чанури (čianuri) — двухструнный смычковый инструмент  
 Чирахдани (čiraxdani) — деревянное сооружение в виде креста, на которое вешали сладости, фрукты, устраивали горящие свечи. Такое сооружение подносили новобрачным во время свадебной церемонии  
 Чити, мн. ч. читеби (čiti, čitebi) — шерстяная вязаная обувь на войлочной подошве (см. также тати, татеби)  
 Чихта (čixta) — деталь традиционного женского головного убора — картонный ободок, обшитый тканью



Чоган-бурти (čogan-burti) — конно-спортивная игра  
 Чонгури (čonguri) — четырехструнный щипковый музыкальный инструмент  
 Чоха (čoha) — верхняя мужская и женская одежда  
 Чрахы (črahi) — глиняный светильник  
 Чунири (čuniri) — трехструнный смычковый музыкальный инструмент  
 Чури (čuri) — глиняный кувшин значительных размеров для брожения и хранения виноградного вина в Западной Грузии (см. также квебри)  
 Чурчела (čurčela) — сладость, приготовляемая из горького виноградного сока, муки и грецких орехов  
 Чуси (čusi) — обувь из кожи или ткани, иногда вышитая серебряными или золотыми нитками

Шабашы (šabaši) — денежные подношения во время свадьбы  
 Шалахо (šalaxo) — народный танец  
 Шарвали (šarvali) — традиционные мужские штаны  
 Шендиши (šeiđiši) — длинные, нередко шелковые штаны в традиционном женском костюме

## Список сокращений

АИЭ — Архив Института этнографии АН СССР (Москва)  
 АКАК — Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (Тифлис)  
 ЗКОРГО — Записки Кавказского отдела Русского Географического общества (Тифлис)  
 ИКОРГО — Известия Кавказского отдела Русского Географического общества (Тифлис)  
 ИЯЦИК — Институт языка, истории и материальной культуры им. Н. Я. Марра (Тбилиси)  
 КК — Кавказский календарь (Тифлис)  
 КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии (Москва)  
 КЭС — Кавказский этнографический сборник (Москва)  
 КЭС — Кавказский этнографический сборник (Тбилиси)

Шемодгомис риги (šemodgomis rigi) — осенние поминки  
 Шесацевари (šesacevari) — различные приношения во время свадьбы или похорон  
 Шина (šina) — помещение для женщин в горском доме (Восточная Грузия)  
 Шоти (šoti) — пресная длинная лепешка овальной формы  
 Шуатвали (šuatvali) — средняя часть помещения в традиционном пшавском доме, находившаяся между двумя опорными столбами

Эджиби (ežibi) — распорядитель на свадьбе  
 Эзо (ezo) — двор; помещение для хранения дров и утвари в традиционном хевсурском доме  
 Эларджи (elarđži) — блюдо из сыра и кукурузной муки  
 Элеги (elegi) — летний зубуни (см.)  
 Эрдо (erdo) — светодымовое отверстие в крыше традиционного жилища  
 Эрдоиани сахли (erdoianisaxli) — жилище в полтора этажа, имевшее в крыше эрдо (см.)  
 Эртсахли дземеби (ertsaxli izmebi) — неразделенная большая семья (досл. «братья одного дома»). См. также гаукрели дземеби, диди оджахы, саэрто сахли

МАЭ — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого АН СССР (Ленинград)  
 МИЭБГКЗК — Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края (Тифлис)  
 МКАЭН — Международный Конгресс антропологических и этнографических наук  
 МЭГ — Материалы по этнографии Грузии. Тбилиси: Мецниереба (на груз. яз.)  
 НК — Полевые карточки Н. Г. Волковой  
 СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (Тифлис); с вып. 45 — Махачкала  
 СЭ — Советская этнография (Москва)  
 ЦГВИА — Центральный государственный Военно-исторический архив СССР (Москва)  
 ЭО — Этнографическое обозрение (Москва)

# Указатель этнических и географических названий

- Абазинцы 182  
Абхазия 7, 10, 182  
Абхазы 7, 182, 183  
Аджарис-цкали, р. 40.  
Аджария 7, 10, 11, 40, 52, 56, 71, 72, 82, 83, 85, 91—93, 96, 100, 104, 105, 110—112, 116, 117, 131, 134, 135, 137, 138, 149, 168, 170, 171, 173, 178, 179, 195, 198, 208, 213, 217.  
См. также Грузия  
Аджарцы 55, 78, 91, 92, 96, 100, 116, 202, 205, 206, 217.  
См. также Грузины  
Адыгейцы 182  
Азербайджан 8, 84, 183, 201, 202, 208  
Азия Передняя 182, 183, 222  
Азия Средняя 183  
Азовское море 186  
Алаверди, н. п. 208  
Алазани, р. 8  
Алвани (Земо и Квемо), н. п. 23  
Алванское поле 201, 208  
Алгети, р. 205  
Анаури, н. п. 189  
Арабский халифат 9  
Ардот, об-во 14  
Армения 46, 50, 183  
Армяне 8, 86, 203, 208  
Архилоскало, н. п. 29  
Архотское об-во 215  
Афганистан 183  
Ахалкалакский р-н 50, 203  
Ахалкалакский у. 28, 83  
Ахалцихе, г. 197  
Ахалцихский папалык 69  
Ахалцихский р-н 50, 85, 194, 203, 206  
Ахметский р-н 20  
Ачквистави, н. п. 208
- Балканы 183  
Балкария 81, 222  
Бальский хр. 32  
Барисахо, н. п. 217  
Батуми, г. 6, 84, 217  
Бахмаро, н. п. 100
- Бацбийцы 8  
Бечо, об-во 32, 69, 82, 89, 105  
Бобоквати, н. п. 208  
Борчало 10, 83  
Борчалинский у. 38, 82, 129
- Вайнахи 8, 208. См. также Ингуши, Кистины, Чеченцы  
Вакири, н. п. 21  
Вале, н. п. 77  
Вардисубани, н. п. 169  
Велиспихе, н. п. 16  
Византия 9, 185  
Восток Ближний 10
- Гавази, н. п. 16, 35  
Гаре Кахети 16, 27, 110, 127, 216. См. также Грузия  
Геби, н. п. 14, 31, 42, 43, 66, 76, 88, 164  
Георгиевская крепость 10  
Гергети, н. п. 21  
Германия 186  
Гималаи 222  
Главный Кавказский хребет 9, 222  
Глола, н. п. 14, 43, 88  
Гомарети, н. п. 169  
Горджоми, н. п. 111, 198  
Горийский у. 28, 38, 213  
Греки 8  
Греми, г. 223  
Греция Древняя 185  
Грузины 7—10, 13, 56, 61, 62, 65, 67, 68, 77, 85, 86, 93, 95, 96, 104, 108, 119, 129, 134, 139, 140, 143, 164, 174, 177, 178, 181, 188, 195, 197, 201, 204, 205, 208, 210, 211, 214, 216—218, 221, 222, 224, 226.  
См. также Аджарцы, Гудамарцы, Гурийцы, Имеретины, Карталины, Кахетинцы, Лазы, Лечхумцы, Мегрелы, Месхи, Мохевцы, Мтиулы, Пшавы, Рачинцы, Сваны, Тушины, Хевсурцы  
Грузия 3—11, 13, 14, 16, 18,
- 20—22, 27, 32, 41, 50, 51, 54—56, 60, 62, 67, 69, 72, 76, 77, 79, 81, 82, 84, 85, 89, 90, 93, 95—100, 103—107, 110—117, 125, 129, 131, 134—137, 139, 140, 142—144, 147—149, 153, 168, 171, 176—179, 181—189, 194—199, 201—204, 206, 208—215, 217, 219—224, 225, 226. См. также Аджария, Гаре Кахети, Гудамарцы, Гурия, Имерети, Картли, Кахети, Кизики, Лечхуми, Мегрелия, Месхет-Джавахети, Мтигулети, Пшави, Рача, Сванети, Тушет, Хев, Хевсурети, Цалка, Эрцо-Тианети  
Грузия Восточная 8—10, 18, 41, 52, 55, 86, 93, 96, 140, 159, 167, 173, 176, 184, 203, 207, 218  
Грузия Западная 6, 8, 9, 16, 18, 21, 29, 41, 43, 44, 46, 52, 55, 64, 68, 72, 83—87, 91—98, 130, 140, 149, 151, 153, 157, 159, 160, 163, 174—176, 182, 186, 202, 205, 206, 218  
Гудамарцы 21, 24, 81, 82, 88, 108. См. также Грузия  
Гудамарцы 107, 110, 164  
См. также Грузины  
Гудани, н. п. 14  
Гурийцы 55, 64, 72, 84, 92, 100, 149, 150, 202, 205, 221, 222. См. также Грузины  
Гурия 7, 10, 16, 18, 29, 39, 40, 54, 64, 68, 72, 80, 82, 84, 85, 91, 92, 99, 100, 103, 104, 111, 116, 117, 132, 150, 152, 153, 164, 181, 182, 194, 202, 211, 213, 216, 223. См. также Грузия
- Дагестан 183  
Дагестанцы 84, 208  
Джаро-Белокавказские об-ва 10  
Дидачара, н. п. 111, 198  
Дилижан, г. 46

Душети, г. 56, 189  
Душетский р-н 8, 223

Евреи 8  
Европа Западная 84, 185

Закавказье 9, 84, 160, 180, 182,  
187, 205, 221

Илисулский султанат 10  
Имерети 7, 16, 29, 32, 38, 47,  
55, 56, 82, 83—86, 91, 98—  
100, 103, 104, 111, 116, 117,  
131, 132, 149, 159, 160, 182,  
198, 202, 211, 214, 220, 223.

См. также Грузия  
Имеретинское ц-во 10  
Имеретины 64, 72, 206. См.  
также Грузины  
Имеретская возвышенность  
8

Ингилойцы 202  
Ингури, р. 8, 26, 84, 145  
Ингушетия 183

Ингуши 142  
Индия 183  
Иорд, р. 8  
Италия 186

Кабардинцы 182  
Кавказ 6—8, 10, 13, 79, 86,  
180—183, 196, 197, 203, 208,  
215, 222, 224

Кавказ Северный 10, 84, 84,  
177, 203

Кавтисхеви, н. п. 62

Казахстан 226

Казбегский р-н 223

Карталинцы 46, 56, 67, 72,  
83, 207. См. также Грузи-  
ны

Картли 7, 8, 16, 20—22, 27,  
28, 35, 44, 46, 47, 50, 55, 62,  
82, 83, 90, 91, 93, 98, 99, 103,  
104, 106, 111, 116—118, 127,  
129, 136, 140, 142, 160, 167,  
169, 194, 201, 205, 207, 209,  
221. См. также Грузия

Картлийское ц-во 9, 10

Кахети 7, 10, 16, 18, 20, 22,  
27, 32, 35, 44, 55, 62, 64, 67,  
76, 77, 81—83, 86, 87, 90, 93,  
98—100, 103—105, 111, 113,  
115—117, 136, 140, 142, 147,  
167, 174, 189, 194, 198, 202,  
208, 211, 220. См. также  
Грузия

Кахетинское ц-во 10

Кахетинцы 56, 72, 76. См.  
также Грузины

Кварели, н. п. 27, 189

Кварельский р-н 20, 223

Кеди (Земо и Квемо), н. п.  
29

Кизикп 21, 98—100, 106, 111,  
125, 136, 171, 198. См. так-  
же Грузия

Кинтришское ущелье 112

Кпстины 8. См. также Вай-  
нахи

Китохы (Дзвели и Ахали),  
н. п. 21

Кобулет, н. п. 72, 208

Кобулетцы 71. См. также Ад-  
жарцы

Колхида 9

Колхидская низменность 8

Ксапи, р. 205

Ксанское ущелье 99

Кударское ущелье 110

Кура, р. 8, 82, 204

Кутаиси, г. 6, 56, 164, 186,  
187

Кутаисская губ. 16, 68, 83

Лазика (Эгриси), ц-во 9

Лазы 205. См. также Грузины

Лахамула, н. п. 145

Леджерское об-во 215, 216

Ленингорский р-н 8

Ленинград, г. 138

Лентехи, н. п. 27

Лечхуми 7, 18, 26, 39, 54, 81,  
84, 93, 98, 99, 111, 206. См.

также Грузия

Лечхумский у. 83

Лечхумцы 91, 103. См. также  
Грузины

Лпахви, р. 82, 83

Мазери, н. п. 69, 89

Матани, н. п. 90, 189

Мегрелия 10, 16, 40, 41, 47,  
54—56, 64, 72, 81—85, 91,  
92, 99, 100, 104, 106, 111—

113, 116, 117, 143, 151, 182,  
200, 210, 211, 214, 223. См.

также Грузия

Мегрелы 7, 29, 65, 72, 85, 92,  
112, 115, 133, 138, 164, 169,  
200, 209, 221. См. также

Грузины

Моджуди, р. 82

Местпа, н. п. 44, 211

Месхет-Джавахети 7, 10, 11,  
16, 38, 41, 47, 69, 77, 83, 90—

93, 102, 104, 105, 110, 111,  
114—117, 129, 135, 136, 138,  
139, 148, 160, 176, 198, 201,

205. См. также Грузия

Месхи 201. См. также Гру-  
зины

Москва, г. 10, 138

Мохевцы 29, 61, 65, 75, 81,  
88, 97, 99, 100, 102, 103, 105,  
107, 110, 121, 143, 144, 164,  
199, 213, 216. См. также  
Грузины

Мтиулети 7, 21, 31, 42, 81, 82,  
88, 93, 97, 108, 113, 134, 136.

См. также Грузия

Мтиулы 24, 61, 75, 99, 107,  
110, 115, 123, 153, 164, 171,

206, 213. См. также Грузи-  
ны

Мужальское об-во 60

Мулахское об-во 67, 82, 215,  
216

Муркмели, н. п. 44

Муцо, н. п. 14

Мцхета, г. 9, 219, 221

Накра, р. 32

Нухинская провинция 84

Озургети, н. п. 72, 202, 222

Озургетский у. 16

Окриба, местность 98

Осетины 8, 110, 182, 202, 208

Осетия 93, 183

Памир 222

Патардзеули, н. п. 216

Персия 9—11, 84, 177, 185,  
220, 223

Пшави 7, 14, 30, 42, 67, 74,  
81, 82, 87, 97, 99, 101, 104,

107, 108, 113, 134, 139, 143,  
153, 167, 168, 171, 172, 178,

199, 209. См. также Грузия

Пшавы 60, 75, 81, 87, 97, 99,  
103, 105, 107, 110, 113,

115, 121, 136, 143, 153, 164,  
213. См. также Грузины

Рача 7, 18, 26, 31, 32, 42, 43,  
50, 54, 65, 66, 75, 81, 82, 85,

88, 93, 97—99, 101, 104, 107,  
108, 110, 113, 136, 153, 171,

194, 206, 218. См. также  
Грузия

Рачинский у. 83

Рачинцы 61, 65, 66, 88, 98,  
164, 206. См. также Гру-  
зины

Редут-кале, н. п. 186, 187

Реха, н. п. 129, 169

Рим 185

Рюни, р. 8, 204

Россия 10, 11, 84, 185—187,  
215

Русские 8, 202, 215

Сабуэ, н. п. 35  
Сагареджо, н. п. 27  
Самгори, местность 21, 96, 202  
Самурзакано 85, 112. См. также Абхазия  
Самцхе-Саатабаго см. Месхет-Джавахети  
Сванети 7, 18, 21, 26, 27, 32, 43, 44, 50, 60, 61, 66, 69, 76, 81, 82, 85, 88, 89, 93, 97—99, 101, 102, 104—108, 110, 113—115, 117, 134, 136, 144, 157, 159, 164, 171, 176, 178, 179, 182, 194, 206, 207, 211, 213, 222. См. также Грузия  
Сваны 24, 56, 60, 67, 76, 81, 82, 88, 89, 93, 97, 101—105, 115, 116, 124, 144, 145, 147, 172, 202, 212, 222. См. также Грузины  
Сенаки, н. п. 68  
Сигнахский у. 16  
Сурамский хр. 18, 38, 46, 47, 77, 93, 159, 173  
Сухуми, г. 138  
Тбилиси, г. 6, 68, 82—84, 138, 181, 187—189, 202, 212, 215, 217  
Телави, г. 83  
Телавский р-н 18  
Телавский у. 16, 27, 98  
Терская обл. 81  
Тетри-Цкаройский р-н 203  
Тианетский р-н 223  
Тионетский окр. (у.) 81, 189  
Тифлисская губ. 81, 84, 189  
Тифлисский у. 28, 98, 103

Ткибули, г. 98  
Турция 10, 11, 84, 177, 185, 207  
Тушети 7, 22, 29, 41, 73, 81, 82, 87, 93, 97, 98, 101, 107, 108, 115, 134, 159, 172, 179, 194, 209. См. также Грузия  
Тушины 58, 65, 87, 97, 99, 105, 107, 109, 117, 119, 140, 143, 172, 201, 204, 207, 208, 218. См. также Грузины

Удины 8, 169  
Уканамхари см. Кахети  
Украина 226  
Уплисцихе, г. 9  
Урбниси, г. 9  
Ушгули, н. п. 32, 44, 60, 82, 144

Франция 186

Хахабо, н. п. 14  
Хашурский р-н 38, 91, 159  
Хеви 7, 42, 82, 93, 97, 98, 104, 134, 166, 178, 199. См. также Грузия  
Хевсурети 7, 22, 29, 41, 42, 50, 67, 74, 81, 82, 87, 97, 99, 101, 106—108, 110, 113, 114, 134, 142, 153, 167, 168, 170, 172, 199, 201, 207, 209, 213, 215, 217. См. также Грузия  
Хевсуры 56, 58—60, 65, 73, 87, 100—102, 105, 107, 109, 117, 120, 135, 136, 140, 141, 153, 164, 171, 202, 204, 207, 213. См. также Грузины

Хидыстави, н. п. 216  
Хоби, р. 84  
Храмы, р. 205  
Хулойский р-н 202  
Хулойский у. 217  
Хулойское ущелье 40  
Хыналыгы 169

Цагвери, н. п. 202  
Цагери, н. п. 69  
Цалка (Григалети) 10, 41, 47, 82, 116, 129, 135, 160, 205. См. также Грузия  
Цалкское нагорье 28  
Цхенис-цкали, р. 28, 145, 186

Черное море 186  
Черноморское побережье 9, 196  
Чеченцы 142  
Чечня 183  
Чиора, н. п. 14, 42, 43, 66, 76, 88

Чолури, н. п. 89  
Чорохи, р. 9, 40  
Чхати, н. п. 208

Шатили, н. п. 14  
Шильда, н. п. 27, 35, 189  
Ширак, местность 21, 29, 44, 96, 202, 206  
Шорапанский у. 83  
Шуахевский р-н 202

Энпсели, н. п. 27, 189  
Эрпо-Тианети 28, 29, 47, 77, 83, 85, 107, 111, 136, 171, 194, 198. См. также Грузия

Южно-Грузинское нагорье 8

# ОГЛАВЛЕНИЕ



Введение . . . . .	3
Примечания . . . . .	11



## ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Этнографическая Грузия: жилище, одежда, пища, семейный быт в прошлом и настоящем . . . . .	13
Жилище . . . . .	13
Одежда . . . . .	54
Пища . . . . .	80
Некоторые вопросы семейных отношений . . . . .	96
Обряды свадебного цикла . . . . .	116
Обряды похоронного цикла . . . . .	139
Примечания . . . . .	159



## ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Закономерности развития бытовой культуры грузин в XIX—XX вв. . . . .	174
Бытовая культура — синтез традиционных, новых и смешанных форм . . . . .	174
Традиции. Их функции и особенности . . . . .	179
Новые и смешанные формы. Их возникновение и динамика . . . . .	184
Бытовая культура. Условия и факторы развития . . . . .	196
Традиции и этнос . . . . .	214
Примечания . . . . .	220



## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тенденции развития грузинской бытовой культуры . . . . .	224
Примечания . . . . .	226



## ПРИЛОЖЕНИЯ

Список источников иллюстраций . . . . .	227
Глоссарий . . . . .	230
Список сокращений . . . . .	235
Указатель этнических и географических названий . . . . .	236

Наталия Георгиевна Волкова,  
Гиви Николаевич Джавахишвили

Бытовая культура  
ГРУЗИИ

XIX—XX веков:  
традиции и инновации



Утверждено к печати  
Институтом этнографии  
им. Н. Н. Миклухо-Маклая  
Академии наук СССР

Редактор издательства  
С. Н. Васильченко

Художник  
Э. А. Дорохова

Художественный редактор  
Н. А. Фильчагина

Технический редактор  
Э. Л. Кунина

Корректоры  
Б. И. Рывин, Л. Д. Собко

ИБ № 22193

Сдано в набор 11.11.81  
Подписано к печати 9.02.82  
Т-03932. Формат 70×90<sup>1</sup>/<sub>16</sub>  
Бумага для глубокой печати  
Гарнитура обыкновенная

Печать высокая  
Усл. печ. л. 17,7. Усл. кр. отт. 18,59  
Уч.-изд. л. 20,9. Тираж 7 800 экз. Тип. зак. 1106  
Цена 1 р. 60 к.

Издательство «Наука»  
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90  
2-я типография издательства «Наука»  
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10